

ЮРИСТЪ- ПРАВОВЕДЪ

2/
2024

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

**ЮРИСТ
ПРАВОВЕД**

**№ 2 (109)
2024**

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:

Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Вардanian, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
Е.С. Стешич, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ НА КНИГИ, ОЧЕРКИ

Солдатов А.В., Журавлев А.В. Профессор П.И. Иванов –
лауреат общенациональной премии «Профессор года» 7

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Кирпа М.С. Деятельность Министерства внутренних дел
Российской Империи в сфере подготовки и проведения
крестьянской реформы 1861 года 12

Пушкарёв Е.А. Реформирование Народного комиссариата
внутренних дел в процессе индустриализации и коллективизации
в СССР 18

Устиленцев К.А. Формирование традиционных российских
духовно-нравственных ценностей: историко-правовой аспект 24

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Магомедханова К.Ф. Механизмы защиты внутрисемейных
отношений в области предупреждения, пресечения
и профилактики правонарушений 30

Фомичев А.А. Средства, используемые в деятельности
органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект 37

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Демьяненко Е.В., Шпак А.В. О предмете лицензионного
договора 45

Пономарева Н.В. Утилитарные цифровые права
как разновидность цифровых прав 52

Рыбалка Е.А., Тагаева А.М. Актуальные вопросы
теории и практики раздела имущества после
расторжения брака 59

Ягодина С.В. К вопросу о судебной экспертизе
в семейных спорах 65

Выпускающий редактор:
В.А. Ковальчук

Над выпуском работали:
Н.А. Чуб,
Е.Е. Пелехатая

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.ppressa-rg.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
26.06.2024
Выход в свет
28.06.2024

Формат 60х84/8
Объем 27,5 п. л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman.
Печать лазерная.

Бумага офисная
Усл.-печ. л. – 25,58
Тираж 300 экз.
Первый завод 88 экз.
Заказ № 102.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-34

Электронная почта:
vkovalchuk8@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Андреев А.С., Коряк Ю.Д. Маскировка как прием противодействия раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений	72
Батоев В.Б. Об использовании нейронных языковых моделей в правоохранительной деятельности	79
Вакуленко Н.А. Статистико-криминологические показатели преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в современной России	87
Варданын А.В. Криминалистическая генотипоскопия в контексте интегративной природы криминалистического научного знания	95
Гончаров А.В. Особенности исследования сувальдных замков, отпертых при помощи самодельных самонаборных отмычек	101
Григорян Д.К. О понятии элитарной преступности и общих положениях ответственности за совершение соответствующих преступлений	110
Давыдова С.А., Шумилина А.Б. Применение методов личного сыска сотрудниками патрульно-постовой службы полиции с целью выявления и пресечения преступлений: опрос и наблюдение в деятельности сотрудников ППС	117
Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н. Программирование справедливости: возможности искусственного интеллекта в назначении наказаний	124
Карпика А.Г. Социальные и правовые аспекты вовлечения в киберпреступную деятельность	132
Комаров И.М. Методология версионного анализа и ее связь с отдельными данными криминалистической характеристики преступлений	138
Кузьмин М.Н. К вопросу о методике раскрытия и расследования хищений бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов (программ)	142
Кулешова А.В. Особенности правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном судопроизводстве	148
Лемайкина С.В. Анализ социальных сетей в разрезе получения данных о разыскиваемых лицах	153
Мовсисян А.Г., Миронова А.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения	158
Небрятенко Г.Г., Трубкина О.В. К вопросу о преступной инсценировке как актуальной форме противодействия раскрытию и расследованию преступлений	164
Подольный Н.А. Криминалистическая профилактика преступлений	172
Решняк О.А. Использование криптовалюты при приобретении наркотических средств: проблемы расследования и пути их решения	179

Севостьянова С.О. Обеспечение информационной прослеживаемости работы с вещественным доказательством как средство противодействия преступлениям, совершенным лицами, привлекавшимися в качестве судебных экспертов	185
Сотов А.И. Теория агентства и ее применение в сфере противодействия коррупции	191
Сычева А.В. О некоторых способах совершения мошенничества без визуального контакта с жертвой и мерах его предупреждения	196
Точилкина А.А. О вопросе соотношения предмета доказывания и криминалистической характеристики при расследовании насильственных преступлений против личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций	202
Черников С.В. Получение доказательства в соответствии с законом как условие его допустимости	208
Ушаков А.Ю., Шараева Я.А., Запивалов Д.А. Об отдельных обстоятельствах, подлежащих доказыванию по преступлениям, предусмотренным статьями 207 ¹ –207 ³ УК РФ	214

CONTENTS

SCIENTIFIC REVIEWS, REVIEWS, BOOK REVIEWS, ESSAYS

Soldatov A.V., Zhuravlev A.V. Professor P.I. Ivanov – Laureate of the national award «Professor of the year»	7
--	---

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Kirpa M.S. Activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the field of preparation and implementation of the peasant reform of 1861	12
Pushkarev E.A. Reformation of the People's Commissariat of Internal Affairs in the process of industrialization and collectivization in the USSR	18
Ustilentsev K.A. Formation of Traditional Russian spiritual and moral values: historical and legal aspect	24

5.1.2. PUBLIC AND LEGAL (STATE AND LAW) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Magomedkhanova K.F. Mechanisms for the protection of intra-family relations in the field of prevention, suppression and prevention of offenses	30
Fomichev A.A. Means used in the activities of internal affairs agencies: theoretical and legal aspects	37

5.1.3. PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Demyanenko E.V., Shpak A.V. About the subject of the license agreement	45
Ponomareva N.V. Utilitarian digital rights as a kind of digital rights	52
Rybalka E.A., Tagaeva A.M. Topical issues of the theory and practice of the division of property after the dissolution of marriage	59
Yagodina S.V. On the issue of forensic examination in family disputes	65

5.1.4. CRIMINAL AND LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Andreev A.S., Koryak Yu.D. Masking as a method of counteracting the discovery and investigation of selfish-violent crimes	72
Batoev V.B. On the use of neural language models in law enforcement	79
Vakulenko N.A. Statistical and criminological indicators of crimes committed while intoxicated in modern Russia	87
Vardanyan A.V. Forensic genotyping in the context of the integrative nature of scientific knowledge	95
Goncharov A.V. Features of the study of lever locks unlocked using homemade self-dialing master keys	101
Grigoryan D.C. On the concept of elite crime and general provisions of responsibility for committing relevant crimes	110
Davydova S.A., Shumilina A.B. The use of personal investigation methods by police patrol officers to identify and suppress crimes: survey and observation of the activities of PPSP employees	117
Kostenko R.V., Ilyashenko A.N. Programming justice: the possibilities of artificial intelligence in assigning punishments	124
Karpika A.G. Social and legal aspects of involvement in cybercrime activity	132
Komarov I.M. The methodology of the versioning analysis and its relation to the individual data of the criminalistic characteristics of crimes	138
Kuzmin M.N. On the issue of the subject of disclosure and investigation of embezzlement of budget funds allocated to finance national projects (programs)	142

Kuleshova A.V. Peculiarities of the legal status of foreign citizens and stateless persons in Russian Criminal Proceedings	148
Lemaykina S.V. Analyzing social networks in terms of obtaining data on wanted persons	153
Movsisyan A.G., Mironova A.V. Prohibition of certain actions in the system of preventive measures	158
Nebratenko G.G., Trubkina O.V. On the issue of criminal staging as a relevant form of counteraction disclosure and investigation of crimes	164
Podolny N.A. Forensic crime prevention	172
Reshnyak O.A. The use of cryptocurrencies in the purchase of drugs: problems of investigation and ways to solve them	179
Sevostyanova S.O. Ensuring information traceability of work with material evidence as a means of countering crimes committed by persons involved as forensic experts	185
Sotov A.I. Agency theory and its application in the field of anti-corruption	191
Sycheva A.V. About some ways of committing fraud without visual contact with the victim and measures to prevent it	196
Tochilkina A.A. On the issue of the relationship of the subject of evidence and forensic characteristics in the investigation of violent crimes against persons, committed under the influence of psychotraumatic situations	202
Chernikov S.V. Obtaining evidence in accordance with the law as a condition for its admissibility	208
Ushakov A.Yu., Sharaeva Ya.A., Zapivalov D.A. On certain circumstances subject to proof for crimes provided for in Articles 207 ¹ –207 ³ of the Criminal Code of the Russian Federation	214

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: vkovalchuk8@mvd.ru (тел.: (863) 207-86-34). Автором (-ами) экземпляр рукописи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Юрист-Правоведь».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК);

3.2. Название статьи;

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии);

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения, ключевые слова, для цитирования. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки;

3.5. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.5, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021).

Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

6. Список источников должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ Р 7.0.76–2022 и размещен в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница (например, [3, с. 56]). Нельзя включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), приводить их следует непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках; нежелательно использовать публицистические и рекламные статьи, ссылки на русскоязычные интернет-ресурсы, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. (на них можно сослаться непосредственно в тексте статьи).

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 7–11.
Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 7–11.

УДК 343.98

**ПРОФЕССОР П.И. ИВАНОВ –
ЛАУРЕАТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕМИИ
«ПРОФЕССОР ГОДА»**

Солдатов Алексей Владимирович

Управление МВД России по Брянской области, Брянск, Российская Федерация
soldatov.21@mail.ru

Журавлев Алексей Вячеславович

Главное управление по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы России, Москва,
Российская Федерация
lzhuravlev@yahoo.com

Аннотация: одним из ведущих специалистов теории оперативно-розыскной деятельности является профессор П.И. Иванов. Область его научных интересов составляют проблемные вопросы, связанные с оперативно-розыскным обеспечением экономической безопасности, защитой всех форм собственности от преступных посягательств, а также противодействием преступлениям налоговой и коррупционной направленности. Результаты его научной деятельности были оценены профессорским собранием, на котором он был признан профессором года по Центральному федеральному округу.

Ключевые слова: МВД России, Академия управления, лауреат премии, профессор года, доктор юридических наук, ведущий специалист теории ОРД.

**PROFESSOR P.I. IVANOV –
LAUREATE OF THE NATIONAL AWARD
«PROFESSOR OF THE YEAR»**

Soldatov Alexey Vladimirovich

Ministry of Internal Affairs of Russia in the Bryansk region, Bryansk, Russian Federation.

Zhuravlev Alexey Vyacheslavovich

The Main Directorate for Combating Smuggling of the Federal Customs Service of Russia, Moscow,
Russian Federation.

Abstract: one of the leading experts in the theory of operational investigative activity is Professor P.I. Ivanov. His research interests include problematic issues related to operational investigative provision of economic security, protection of all forms of property from criminal encroachments, as well as countering tax and corruption crimes. The results of his scientific activity were evaluated by a professorial meeting, at which he was recognized as Professor of the Year in the Central Federal District.

Keywords: the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academy of Management, award winner, Professor of the Year, Doctor of Law, leading specialist in the theory of hordes.

Профессор П.И. Иванов

В октябре прошлого года открылся общенациональный конкурс, учрежденный Российским профессорским собранием, по нескольким номинациям, в том числе «Профессор года». От Академии управления МВД России для участия в этом конкурсе в числе других был представлен и главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации П.И. Иванов как один из выдающихся научных работников. По результатам проведенного конкурса комиссией по присуждению общенациональной премии главному научному сотруднику научно-исследовательского центра Академии Петру Ивановичу было присвоено звание лауреата общенациональной премии «Профессор года» по Центральному федеральному округу.

Отметим, что по номинации «Юридические науки» на окружном уровне профессор П.И. Иванов¹ из множества претендентов попал в тройку победителей, среди которых представители Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. Такой расклад во многом свидетельствует об авторитете среди ученых нашего учителя² [11, с. 143–145].

Что же касается нас, то мы очень благодарны ему за то, что он научил азам оперативно-розыскной науки, оперативно-розыскной методологии и методики исследования социально-правовых явлений и процессов в контексте борьбы с преступностью.

Профессор П.И. Иванов в беседе со своими учениками всегда твердил: чтобы твердо и уверенно овладеть общей теорией ОРД ОВД необходимо: а) знать значение терминов «принципы», «категории», «определения», «теоретические конструкции», «методы», «частные теории и учения»; б) уметь ограничивать названную теорию от иных видов теорий, например, криминалистики; в) приобрести навык определения конкретных уровней методологии ОРД (общенаучные методы, отраслевые (специальные) методы, методика научных исследований конкретных проблем ОРД).

Одновременно он требовал, чтобы глубоко и достаточно полно исследовать любые проявления преступности важно основной упор делать на диалектику – *всеобщий метод познания*,

¹ Родился 3 мая 1952 г.

² О личных и деловых качествах профессора П.И. Иванова и ранее писали его ученики.

ключевые философские законы и категории (*единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, причинность и следствие*). При этом профессор П.И. Иванов считал, что таким образом удастся более глубоко проникнуть в сущность социально правового явления, познать сложную его структуру (риски, вызовы и угрозы).

Помимо приведенных выше его слов, он напутствовал учесть при проведении комплексного исследования проблем борьбы с преступностью три тесно взаимосвязанные между собой положения, а именно:

- если преступная деятельность выступает как причина, то противодействие ей – следствием. Иными словами, причина при определенных условиях порождает следствие – систему мер по противодействию;

- исторический, системный и комплексный подход, как правило, принимаемый за основу проводимого исследования, обеспечивает изучение указанных видов деятельности как целостного единства с познанием степени и характера взаимосвязи элементов (подсистем), входящих в это системное образование (интегрированное образование);

- установление посредством многофакторного анализа корреляционных связей и отношений и их детерминантов.

Сам лауреат общенациональной премии П.И. Иванов продолжает изучать и критически анализировать многие проблемы, связанные с противодействием преступности. В последнее время им проведен ряд *крупных (фундаментальных) исследований*. Наиболее значимыми из них являются: разработка отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности социально-бюджетной сферы [4, с. 60–67]; примерного варианта концепции оперативно-розыскной политики [3, с. 26–33]; авторского варианта частной теории организации оперативно-розыскной деятельности Российской Федерации [9, с. 44–51]; проекта частной методики расследования легализации доходов, приобретенных преступным путем [10, с. 109–119]; системы профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел [8, с. 44–51]; системы комплекса мер, направленных на оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям [5, с. 83–92], наконец, отечественной системы оперативно-розыскного предупреждения преступлений экономической и коррупционной направленности [5, с. 83–92; 6, с. 136–147].

Между тем, сферу научных интересов профессора П.И. Иванова составляют, прежде всего, научно-теоретические и методологические проблемы общей теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, ее нормативно-правового регулирования, вопросы организации, тактики и методики оперативно-розыскного противодействия экономической, налоговой и коррупционной преступности, в том числе совершаемых в организованной форме. В его работах ярко проявляется стремление максимально адаптировать их к повседневной практике деятельности, в частности, службы экономической безопасности. Несмотря на трудоемкость этой работы, поскольку динамично развивающаяся криминогенная ситуация «подбрасывает» порой неожиданные сюрпризы в виде совершенно новых вызовов и угроз, профессор уверенно справляется и с ней, что еще раз подчеркивает наличие его соответствующих знаний, умений и навыков.

Мы понимаем, что за этим присвоенным ему званием лауреата общенациональной премии кроется многолетний его упорный труд, кропотливая работа по подготовке высококвалифицированных руководящих, научных и научно-педагогических работников для системы МВД России.

В связи со сказанным хотим освятить лишь некоторые плоды его труда. Он лидер на сегодня по выполнению Академией управления МВД России целевых показателей (публикационная активность, участие в научно-представительских мероприятиях – конференциях, включая в международных форумах, формате, с международным участием).

Является заслуженным профессором Академии управления МВД России, а в 2022 г. занесен в «Книгу почета Академии управления МВД России». Для него Академия – это альма-матер (вуз, в котором он учился и защитил кандидатскую и докторскую диссертации).

Он занесен в Энциклопедический словарь биографий «Видные ученые России второй половины XX века» [1].

П.И. Иванов с 2016 г. работает главным научным сотрудником научно-исследовательского центра Академии, постоянно поддерживает тесное взаимодействие с практическими подразделениями ЭБиПК МВД России по линии научного и методического обеспечения

их деятельности, а также с другими образовательными и научно-исследовательскими учреждениями. Выступает с докладами и научными сообщениями на научно-практических конференциях и совещаниях-семинарах. Является членом двух диссертационных советов, созданных на базе Академии управления МВД России.

Им подготовлено и опубликовано более 500 научных и учебно-методических изданий (учебники, монографии, учебные пособия, научные статьи и методические рекомендации). По выполнению целевых показателей Академии управления МВД России среди главных научных сотрудников научно-исследовательского центра П.И. Иванов ежегодно занимает лидирующее место. В связи со сказанным отметим только один факт: по итогам прошлого года им подготовлено и издано 25 научных статей, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и 14 – в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Под его научным руководством подготовлены и защищены как кандидатские, так и докторские диссертации. В настоящее время продолжает руководить исследованиями соискателей и адъюнктов.

П.И. Иванов является руководителем группы экспертов Академии управления МВД России по рассмотрению тем диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Указанная группа была создана для оценки актуальности, новизны и практической значимости тем, планируемых в Академии управления МВД России научно-квалификационных работ (диссертаций).

Без преувеличения можно сказать, что П.И. Иванов – человек из числа «золотого фонда» Академии управления МВД России, ее гордость. Вспоминается слова замечательного поэта Андрея Дмитриевича Дементьева – «не смейте забывать учителей» [2]. Об этом он написал еще в 1967 г. Мы при всех сложностях и трудностях не должны забывать своих учителей.

Профессор П.И. Иванов для нас хороший пример для подражания. Человек с большой буквы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий. М., 2006.
2. Дементьев А.Д. Не смейте забывать учителей, 1967 г. URL: <http://katun24.ru/projects/lyubi-mye-stihi/577496> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2(63).
4. Иванов П.И. О разработке отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности социально-бюджетной сферы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3(51).
5. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4(64).
6. Иванов П.И. Отечественная система оперативно-розыскного предупреждения преступлений (история ее формирования и развития) // Вопросы истории. 2023. № 10(2).
7. Иванов П.И. Ретроспективный и компаративный анализ эволюции оперативно-розыскного предупреждения экономических и коррупционных преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3(67).
8. Иванов П.И. Система профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел: историческая ретроспектива // Вопросы истории. 2023. № 8(2).
9. Иванов П.И. Частная теория организации оперативно-розыскной деятельности в системе общей теории (в порядке постановки проблемы) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3(60).
10. Иванов П.И., Пирожников С.А. К вопросу о частной криминалистической методике расследований преступлений (структура и содержание) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60).
11. Шитов А.С., Журавлев А.В., Анников А.В. Видному ученому-юристу П.И. Иванову – 70 лет // Образование. Наука. Научные кадры. 2022, № 2.

REFERENCES

1. Prominent legal scholars of Russia (The second half of the twentieth century). Encyclopedic dictionary of Biographies. Moscow, 2006.
2. Dementiev A. Don't you dare forget the teachers, 1967. URL: <http://katun24.ru/projects/lyubimye-stihi/577496> (date of access: 04.10.2024).
3. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. № 2(63).
4. Ivanov P.I. On the development of a domestic system of operational investigative support for economic security in the socio-budgetary sphere // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(51).
5. Ivanov P.I. Operational investigative counteraction to cybercrimes (problems and ways to solve them) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4(64).
6. Ivanov P.I. The domestic system of operational investigative crime prevention (the history of its formation and development) // Questions of history. 2023. № 10(2).
7. Ivanov P.I. Retrospective and comparative analysis of the evolution of operational investigative prevention of economic and corruption crimes // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3(67).
8. Ivanov P.I. The system of professional training of personnel in the internal affairs bodies: a historical retrospective // Questions of history. 2023. № 8(2).
9. Ivanov P.I. Private theory of the organization of operational investigative activities in the system of general theory (in the order of the problem statement) // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2021. № 3(60).
10. Ivanov P.I., Pirozhenkov S.A. On the issue of private criminalistic methodology of crime investigations (structure and content) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(60).
11. Shitov A.S., Zhuravlev A.V., Annikov A.V. Prominent legal scientist P.I. Ivanov is 70 years old // Education. Science. Scientific staff. 2022ю № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Солдатов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, начальник. Управление МВД России по Брянской области. 241001, Российская Федерация, г. Брянск, улица Советская, 102.

Журавлев Алексей Вячеславович, кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела по борьбе с экономическими и таможенными преступлениями службы по борьбе с экономическими преступлениями. Главное управление по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы России. 121087, Российская Федерация, г. Москва, Новозаводская, 11/5.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Soldatov Alexey Vladimirovich, PhD in Law, Head of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Bryansk region. 102, Sovetskaya St., Bryansk, 241001 Russian Federation.

Zhuravlev Alexey Vyacheslavovich, PhD in Law, Deputy Head of the Department for Combating Economic and Customs Crimes of the Service for Combating Economic Crimes. The Main Directorate for Combating Smuggling of the Federal Customs Service of Russia. 11/5, Novozavodskaya St., Moscow 121087 Russian Federation.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 12–17.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 12–17.

Научная статья

УДК 354.31

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Кирпа Мария Сергеевна

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Российская Федерация
maria_police@mail.ru

Введение: Министерство внутренних дел с момента своего создания занимало особый статус в системе органов государственного управления в силу активного участия в реализации самых различных направлений внутренней политики государства. В том числе, оно не осталось в стороне при решении крестьянского вопроса, явившегося локомотивом для всех преобразований 60–70-х гг. XIX столетия.

Крестьянский вопрос являлся одним из центральных и достаточно «острым». Крестьяне составляли большую часть населения, при этом были лишены политических и экономических прав. Поражение в Крымской войне, приведшее к кризису, показало о необходимости реформирования многих сфер деятельности, в том числе в решении крестьянского вопроса, которое способствовало экономическому отставанию страны [2, с. 21]. Поэтому на государство в лице Министерства внутренних дел возлагалась большая ответственность.

Материалы и методы: исследование базируется на материалах, содержащихся в Полном собрании законов Российской Империи, доступного в интернет-ресурсе, историческом очерке С.А. Андриянова, посвященного становлению и развитию исследуемого министерства, исследованиях А.А. Корнилова, отдельных положений диссертационного исследования А.А. Сысоева, научных статьях А.В. Борисова, Ю.А. Базановой.

В процессе исследования автор использовал общенаучные методы, в частности анализ, синтез, логический, социологический, также принцип историзма, с помощью которого освещены исторические события в хронологической последовательности.

Результаты исследования: могут быть использованы в вузах Министерства внутренних дел при подготовке учебного материала для обучающихся по следующим дисциплинам: «История государства и права России», «История органов внутренних дел», «История российской государственности».

Выводы и заключения: Министерству внутренних дел отведена особая роль в отмене крепостного права на этапах подготовки проекта, а также его реализации. Министерство не прекратило свою деятельность в связи с принятием соответствующих правовых документов, оно продолжило работу, направленную на обеспечение защиты прав крестьян, на разрешение конфликтов среди социальных групп. Министерство внутренних дел исследуемого периода провело ряд организационно-правовых и административных мер по обеспечению крестьянской реформы.

Ключевые слова: крестьянская реформа, Высочайший рескрипт, Секретный комитет, Государственный комитет, Главный комитет, Государственный совет, уставные грамоты, мировые посредники.

Для цитирования: Кирпа М. С. Деятельность Министерства внутренних дел Российской Империи в сфере подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года / М. С. Кирпа // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 12–17.

Original paper

ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIELD OF PREPARATION AND IMPLEMENTATION OF THE PEASANT REFORM OF 1861**Kirpa Maria Sergeevna**

Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russian Federation

Introduction: Since its inception, the Ministry of Internal Affairs has occupied a special status in the system of public administration due to its active participation in the implementation of a wide variety of areas of domestic policy of the state. In particular, it did not stand aside in solving the peasant question, which was the locomotive for all the transformations of the 60–70s of the XIX century.

The peasant question was one of the central and rather «acute» ones. Peasants made up the majority of the population, while they were deprived of political and economic rights. The defeat in the Crimean War, which led to the crisis, showed the need to reform many spheres of activity, including in solving the peasant issue, which contributed to the economic lag of the country [2, p. 21]. Therefore, the State, represented by the Ministry of Internal Affairs, had a great responsibility.

Materials and methods: the study is based on materials contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, available on the Internet resource, a historical essay by S.A. Andriyanov devoted to the formation and development of the ministry under study, research by A.A. Kornilov, certain provisions of the dissertation research by A.A. Sysoev, scientific articles by A.V. Borisov, Yu.A. Bazanova.

In the course of the research, the author used general scientific methods, in particular analysis, synthesis, logical, sociological, as well as the principle of historicism, which highlights historical events in chronological sequence.

Results of the study: can be used in universities of the Ministry of Internal Affairs in the preparation of educational material for students in the following disciplines: «History of the state and law of Russia», «History of internal affairs bodies», «History of Russian statehood».

Findings and conclusions: the Ministry of Internal Affairs has a special role in the abolition of serfdom at the stages of project preparation, as well as its implementation. The Ministry did not cease its activities in connection with the adoption of relevant legal documents, it continued its work aimed at ensuring the protection of the rights of peasants and resolving conflicts among social groups. The Ministry of Internal Affairs of the period under study carried out a number of organizational, legal and administrative measures to ensure peasant reform.

Keywords: peasant reform, Supreme Rescript, Secret Committee, State Committee, Main Committee, State Council, charters, world mediators.

For citation: Kirpa M. S. Activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the field of preparation and implementation of the peasant reform of 1861 / M. S. Kirpa // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 12–17.

Во вступительной части исследования было отмечено, какое значение для государства имело решение крестьянского вопроса. До момента оглашения официального документа – Высочайшего рескрипта от 20 ноября 1857 г. была выстроена сложная и кропотливая работа, к которой непосредственно привлекалось Министерство внутренних дел. Информация о ходе разработки проекта реформы, ее содержание были строго засекречены. Вся работа осуществлялась под личным руководством самого императора и представляла собой целый комплекс мероприятий. Речь идет о своевременном сборе информации, оповещении о принятых мерах, создании целого ряда структурных подразделений в его составе, налаживании вопроса о взаимодействии всех участников реформы.

Решение императора прозвучало в Москве в речи местному дворянству вскоре после заключения Парижского мира. По возвращению государя Министр внутренних дел С.С. Ланской представил ему записку с обращением «О постепенном стремлении к освобождению помещичьих крестьян» [1, с. 113]. В ней он доказывал, что настало время для столь важного дела. Министр сделал акцент на том, что работа должна быть планомерной, последовательной, с учетом интересов заинтересованных в ней лиц. В том числе, не запугать Правительство стремлением к переменам. В ответ Государь подготовил резолюцию, в которой говорил о постепенных мерах и об осторожности действий.

По итогам, император поручил более детально разработать вопрос чиновникам в лице руководителей ведущих государственных учреждений, II-му Отделению Собственной Его Величества Канцелярии, Министерством внутренних дел, финансам, жандармерии и другим. На заседаниях комитета обсуждались вопросы, касаемые постепенных мер по улучшению быта крестьян. Первые месяцы работы комитета не принесли желаемых результатов. Каждый из чиновников выступал со своим мнением. Так, член Государственного Совета князь Гагарин полагал, что следует «даровать помещикам право освобождать крестьян целыми селениями без условий и без земли» [1, с. 115]. Генерал-адъютант Ростовцев предлагал помещикам и крестьянам заключать добровольные соглашения на расширенной основе Указа о вольных хлебопашцах. Корф предлагал выслушать мнение дворян. Товарищ министра внутренних дел Левшин подготовил ответы на основные вопросы. Суть его решения заключалась в том, чтобы крестьяне получили личную свободу без выкупа. Право собственности оставалось за помещиками, за крестьянами же только право на ее пользование с правом выкупа строения, находящихся на данной земле в течение 10–15 лет.

При наличии столь разнообразных предложений вопрос об освобождении крестьянства затягивался. Император высказывался по этому поводу: «Крестьянский вопрос меня постоянно занимает. Необходимо довести его до конца» [1, с. 115]. Чтобы усилить работу комитета, государь назначил в качестве его члена князя Константина Николаевича. Последний поддерживал позицию Левшина и Ланского, однако на крайнем заседании все же уступил. Комитет так сформулировал свое мнение о предстоящей реформе: улучшение быта крестьян проводить последовательно с осторожностью, в три этапа. На первом – осуществить сбор всех недостающих данных. Министерству внутренних дел поручалось, согласовав с местными властями и опытными помещиками, без огласки, подготовить проект по ослаблению отдельных помещичьих прав с дальнейшей передачей его в Государственный совет. На втором – разработать проект положения о помещичьих крестьянах и на третьем – окончательно произвести устройство крестьян на новых основаниях.

Решение данного вопроса ускорил приезд в Санкт-Петербург генерал-губернатора Назимова с дворянским посланием от трех северо-западных губерний, где выражалось их желание освободить своих крестьян, но без земли. Его величество поддержал тот факт, что инициатива исходила от самих дворян, однако склонялся более к позиции Левшина, при которой освобождаемые крестьяне получали в собственность полевые угодия в пользование за повинности. Результатом такой воли стал известный рескрипт Назимову от 20 ноября 1857 г. На территории трех указанных губерний были организованы губернские комитеты. В своей деятельности последние должны были учитывать важные особенности, которые касаются положения двух основных заинтересованных сторон – помещиков и крестьян. В частности, за помещиками все также сохранялось право собственности. За крестьянами – усадебная оседлость посредством выкупа, в том числе часть земли, неся при этом обязательства в виде оплаты оброка. Для выстраивания отношений между ними, помещикам должна содействовать полиция, крестьяне же при этом распределялись по сельским общинам. И последнее, в обязательном порядке должны быть упорядочена выплата всех сборов [1, с. 116].

В рескрипте закреплялось положение о том, что руководство над величайшим делом возлагается на Министерство внутренних дел, которое должно было подготовить окончательный проект реформы и его реализовать. Ланской продолжал продвигать свою точку зрения, согласно которой по истечению двенадцати лет, т. е. переходного периода, крестьяне должны освободиться от зависимости, далее следовать правилам выкупа усадебной оседлости и распределения между заинтересованными сторонами повинностей, а также приостановление их продажи, переселения крестьян на новые территории.

Реализация обозначенных положений возлагалась на губернаторов и представителей губернского дворянства. Положения высочайшего рескрипта были обнародованы в газетах. Далее преобразования коснулись Секретного комитета, который был преобразован в Государственный комитет по крестьянскому делу. Данный факт укрепил позицию проблемного вопроса – «всякие колебания должны прекратиться, когда вся Россия была оповещена, что упразднение крестьянского состояния – вопрос, бесповоротно Державною Волей. Лед был сломан, и ходатайства об открытии губернских комитетов стали поступать со всех концов России» [1, с. 117].

После первых успехов Ланской решился еще на несколько шагов вперед. Проект Левшина он считал подходящим только на первое время, конечной же целью он видел наделение

крестьян пахотной землею. Взгляды Левшина были не столь дальновидны, поэтому он постепенно терял свое влияние по отношению к Ланскому. Инициатива перешла к его помощнику Н.А. Милютину.

Ланской активно продолжил работать над проектом, которым должны руководствоваться губернские комитеты. Основу составляли все те же положения, касающиеся освобождения крестьян с землей, размеров надела, возможности перехода на другие земли и сословия, освобождения от помещиков в том числе в делах личного, имущественного характера. Однако Комитет эту программу не устроила, и он поручил Ростовцеву составить другую программу, учитывая интересы самих помещиков. Не успев сформировать свою собственную позицию по данному поводу, передал полномочия губернским комитетам самостоятельно проработать этот вопрос, оформив решение официальным документом в форме устава. В свою очередь доводить информацию до крестьян возлагалось на самих владельцев имений.

Ростовцев закладывал в основу реформы следующие принципы: крестьянин становится свободным немедленно с момента утверждения положений независимо от выкупа усадьбы, ему также предоставлялось право бессрочного пользования усадьбой, без обязательного выкупа. Тем самым устранялся вопрос не только о пахотном наделе, но и обязательном наделении крестьянина усадьбой. По высочайшему велению программа Ростовцева была разослана в губернские комитеты для руководства. Составленные проекты в свою очередь должны быть рассмотрены специально созданной комиссией, в составе министра С.С. Ланского, генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева, графа Н.П. Панина и М.Н. Муравьева. Последний относился к реакционным представителям.

В свою очередь, Министерство внутренних дел в лице Ланского продолжало действовать, исходя из прежней позиции. Он обратился в Главный Комитет с просьбой о смягчении положения крестьян. В частности, он был против высылки помещиками крестьян в Сибирь, в новые места; причисления крестьян к числу дворовых; приема в рекруты крестьян мелкопоместных дворян. Таким образом, точка зрения Министерства об освобождении крестьян с землей, вновь заняла преобладание.

Ростовцев поддержал позицию Министерства, на основе ее разработал идею о выкупе крестьянами угодий за счет средств казны, при этом сохраняя за ними повинности перед помещиками до окончания операции, после возможности объединения их в общину. Свою мысль он изложил в письме императору [1, с. 118]. С.С. Татищев так прокомментировал отношения императора «мысли и предположения Ростовцева пришлись, как нельзя более, по душе Государю. В них он видел отражение собственных взглядов, беспристрастное, искреннее желание согласовать их обоюдные интересы в смысле общего блага России» [1, с. 118].

С этого момента, Ланской и Ростовцев действовали в полном согласии, опираясь на поддержку императора. Итогом такой работы стало использование оснований для реформы, выработанной Комитетом к ноябрю 1858 г.

Активную работу в указанном направлении продолжали губернские комитеты, часто сталкиваясь с расхождением взглядов среди его участников. При недостижении соглашения между ними каждая группа предлагала свой проект. Далее проекты передавались на предварительное рассмотрение в Земский отдел, созданный при Министерстве внутренних дел. Уже после процедуры согласования проект направлялся в Главный комитет. Но проектов было такое количество, что всего четверо членов комиссии не справлялись с таким объемом работы. Поэтому было принято решение о создании редакционной комиссии в составе представителей и экспертов от различных ведомств под руководством Ростовцева. В числе известных представителей обозначенной комиссии был назначенный товарищем министра Милютин.

На первых же заседаниях комиссии Ростовцев обозначил основные проблемные направления, требующие проработки, это: 1) освобождение крестьян вместе с землей; 2) выкуп крестьянами их наделов у помещиков; 3) содействие в выкупе со стороны Правительства посредством выдачи кредитов; 4) сокращение срочных обязательных периодов; 5) упрощение на законных основаниях барщины путем перевода на оброк (по желанию); 6) в обыденной жизни предоставление самоуправления категории освобожденных крестьян [1, с. 119]. Данная программа практически единогласно была поддержана.

В конце июля 1859 г. губернские комитеты закончили свою работу и результаты передали в Министерство. Далее от каждой губернии требовалось присутствие двух депутатов (один

от большинства, другой от меньшинства) от каждой губернии для формулировки основных проектов с учетом особенностей каждой местности.

В 1860 г. после смерти Ростовцева председателем был назначен Министр Юстиции граф В.Н. Панин, отличавшийся противоположной позицией от своего предшественника. Однако император настаивал не уступать от позиции Ростовцева, поэтому Панин в ущерб своему мнению выполнил наказ императора.

В октябре 1860 г. работа комиссии была закончена, составленные проекты решений были переданы в Главный Комитет. В январе следующего года утвержденный проект был передан в Государственный Совет. Высочайшей подписью он был скреплен уже в феврале. Таким образом, завершается столь сложный и ответственный процесс освобождения крестьян.

Следующий этап – это непосредственно реализация проекта, в котором активное участие принимает Министерство внутренних дел. Законодательными вопросами ведал специально образованный Главный комитет об устройстве сельского состояния. В его состав помимо министра внутренних дел вошли главы следующих ведомств: министерства Юстиции и Финансов, Государственных имуществ, Императорского двора, начальники II и III Отделений Собственной Его Величества Канцелярии, а также другие члены, назначаемые в особом порядке.

На местах осуществление реформы было возложено на губернское по крестьянским делам присутствия и мировые учреждения. Они состояли из местного дворянства и начальников местных управлений под руководством губернатора. В Министерстве внутренних дел наблюдение за ходом крестьянского дела осуществлял Земский отдел.

Утверждение нового порядка проходило достаточно сложно. Крестьяне недоумевали как возможно освобождение при сохранении повинностей перед помещиком.

Они считали, что до них доводят ложное содержание манифеста, что на самом деле они освобождаются полностью без каких-либо обременений. Государь в ответ выступил с речью: «Мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, чего требует закон и Положение! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властям и помещикам!» [1, с. 120].

Эти же слухи тормозили введение уставных грамот, регулировавших отношения между помещиками и крестьянами. Сами крестьяне часто отказывались подписывать грамоты, ссылаясь на боязнь вовсе лишиться своих прав. Для устранения недоразумений привлекались мировые посредники из числа просвещенных дворян. Именно благодаря их усилиям постепенно удалось разрешить противоречия между двумя заинтересованными сторонами. Но деятельность первых посредников была не долгосрочной, многие возвращались к своей привычной деятельности. Новые лица были не столь заинтересованы в урегулировании конфликтов, поэтому их деятельность была уже менее эффективной. В связи с этим Министерство еще в конце 1868 г. приступило к разработке вопроса о преобразовании крестьянских учреждений, а в 1874 г. утвердило новое Положение.

На основании Положения мировые посредники и их съезды были упразднены. Его заменило новое учреждение – уездное по крестьянским делам присутствие, в составе представителей земства, суда и администрации, а также назначенный Министерством представитель от местных дворян-землевладельцев. Однако новый порядок не устранил последствия от мировых посредников. Надзор за деятельностью органов сельского общественного управления только ослабел. Недостатки выявлялись в ходе ревизий, выявляющиеся бесчисленными растратами и другими нарушениями, служившими источниками для наживы. От такой работы самоустранялись лучшие домохозяева, на смену им приходили люди не столь грамотные.

Сама организация общественного управления у освобожденных от крепостной зависимости крестьян была установлена Положением 1861 г. и не подвергалась никаким изменениям. Министерство внутренних дел со своей стороны разрешало территориальные преобразования, лишь бы административно-полицейские границы не усложняли образование сельскохозяйственных управлений. Министерству активно пришлось потрудиться над поземельным устройством освобожденных крестьян. После составления уставных грамот, необходимо было произвести нарезку крестьянских угодий, выяснить вопрос об имуществе, принадлежащие крестьянам до освобождения, содействовать выкупной операции и прекращению обязательственных отношений крестьян к помещикам. Работа в указанных направлениях велась достаточно успешно, однако, не на всех территориях. Во многих регионах существовал ряд особенностей, которые также учитывало Министерство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андриянов С.А. Министерство внутренних дел 1802–1902 гг. СПб., 1902.
2. Базанова Ю.А. Отмена крепостного права: положительные и отрицательные последствия // Инновационная наука. 2018. № 9.
3. Борисов А.В. Роль министра внутренних дел С.С. Ланского в подготовке крестьянской реформы во второй половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 40. Т. 16.
4. Корнилов А.А. Крестьянская реформа. (Великие реформы 60-х гг. в прошлом и настоящем. СПб., 1905.
5. Сысоев А.А. Деятельность Министерства внутренних дел России по подготовке и проведению крестьянской реформы 1861 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

REFERENCES

1. Andriyanov S.A. Ministry of Internal Affairs 1802–1902. St. Petersburg, 1902.
2. Bazanova Yu.A. Abolition of serfdom: positive and negative consequences // Innovative science. 2018. № 9.
3. Borisov A.V. The role of the Minister of Internal Affairs S.S. Lansky in the preparation of peasant reform in the second half of the XIX century // Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2007. № 40. Vol. 16.
4. Kornilov A.A. Peasant Reform. The great reforms of the 60s in the past and present. St. Petersburg, 1905.
5. Sysoev A.A. Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the preparation and implementation of the peasant reform of 1861: abstract of the dissertation for the Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирпа Мария Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirpa Maria Sergeevna, PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines. Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakov Ave., Stavropol 355035 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 18–23.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 18–23.

Научная статья

УДК 342

РЕФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОЦЕССЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР

Пушкарев Евгений Александрович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация

kr_evg@mail.ru

Введение: «Великий перелом» экономического развития СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. предопределил перестройку всего госаппарата под задачи индустриализации и коллективизации страны, усиление внутреннего контроля. В этих условиях некогда функционально разносторонний Народный комиссариат внутренних дел был трансформирован в единый силовой орган, непосредственно участвующий в укреплении советского строя и народного хозяйства.

Материалы и методы: материальную базу статьи составили исследования современных историков и правоведов в области государственного строительства в советский период. В процессе написания статьи использовался исторический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. В начале статьи автор раскрывает структурные изменения в органах правопорядка – ОГПУ и НКВД в соответствии с общими политическими задачами исследуемого периода.

Результаты исследования: в статье отмечены проблемы реализации целей индустриализации и коллективизации, а также включенность органов правопорядка в их осуществление. Рассмотрено влияние структурных изменений в силовом аппарате на результаты централизованного управления экономическими и общественными процессами.

Выводы и заключения: амбициозные цели советского правительства были достигнуты в 30-х гг. XX в. жесткими административно-командными методами. Полученный исторический опыт в дальнейшем подвергался и подвергается постоянной переоценке.

Ключевые слова: индустриализация, коллективизация НКВД, ОГПУ, милиция, тройки, кулаки, анти-советские элементы.

Для цитирования: Пушкарев Е. А. Реформирование Народного комиссариата внутренних дел в процессе индустриализации и коллективизации в СССР / Е. А. Пушкарев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 18–23.

Original paper

REFORMATION OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS IN THE PROCESS OF INDUSTRIALIZATION AND COLLECTIVIZATION IN THE USSR

Pushkarev Evgeny Alexandrovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the «Great turning point» of the economic development of the USSR in the late 20s – early 30s of the XX century predetermined the restructuring of the entire state apparatus for the tasks of industrialization and collectivization of the country, strengthening internal control. Under these conditions, the once functionally versatile People's Commissariat of Internal Affairs was transformed into a single law enforcement body directly involved in strengthening the Soviet system and the national economy.

Materials and methods: the material basis of the article is the research of modern historians and jurists in the field of state building in the Soviet period. In the process of writing the article, the historical method, methods of analysis and synthesis, induction and deduction were used. At the beginning of the article, the author reveals the structural changes in the law enforcement agencies – the OGPU and the NKVD in accordance with the general political objectives of the period under study.

Results of the study: the article highlights the problems of realizing the goals of industrialization and collectivization, as well as the involvement of law enforcement agencies in their implementation. The influence

of structural changes in the power apparatus on the results of centralized management of economic and social processes is considered.

Findings and conclusions: the ambitious goals of the Soviet government were achieved in the 30s of the XX century by strict administrative and command methods. The historical experience gained has been and is constantly being re-evaluated in the future.

Keywords: industrialization, collectivization of the NKVD, OGPU, police, troika, kulaks, anti-Soviet elements.

For citation: Pushkarev E. A. Reformation of the People's Commissariat of Internal Affairs in the process of industrialization and collectivization in the USSR / E. A. Pushkarev // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2 (109). – Pp. 18–23.

Сформировавшееся в ходе ожесточенной борьбы за власть советское государство и перешедшее к мирному строительству к 30-м гг. XX в. столкнулось с новыми внутренними социальными потрясениями – «переломом». Первостепенное значение «по мере продвижения к социализму» приобрело идеологическое формирование нового советского человека в «обостряющейся классовой борьбе» – «винтика» в большом государственном механизме.

По выражению И.А. Афантьева, вторая социалистическая сталинская революция 1930 г. была призвана полностью вернуть революционные достижения октября 1917 г., ликвидировав возродившиеся элементы капитализма новой экономической политики, преобразовав крестьянство в пролетариат, мобилизовав экономику в интересах будущей мировой пролетарской революции [1, с. 1240].

Процесс внутрипартийной борьбы сменился процессом сохранения и укрепления личной власти генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина, а именно – чистками в госаппарате и армии. Замена демократических элементов управления укреплением диктатуры в век мировых войн предопределили направление на военно-промышленное развитие страны основных ресурсов. Обеспечение индустриализации страны сверхвысокими темпами осуществлялось за счет экспорта зерна и продажи материальных ценностей в счет поставок конвейерного оборудования, агитации и всеотраслевого привлечения населения, увеличения числа исправительно-трудовых лагерей.

Аграрный сектор постепенно был коллективизирован (монополизирован) государством. Крестьянин как единоличник подвергся раскулачиванию, его имущество передавалось в колхозы, обязанные выдавать продукцию по установленному плану. По утверждению К.А. Коломиеца, разорительные хлебозаготовительные компании 1928–1929 и 1931–1932 гг. и обязательные мясopоставки привели деревню к голоду и многочисленным жертвам в 1932–1933 гг. [2, с. 18–19].

В условиях централизации власти и ресурсов особую роль приобрели силовые репрессивные органы молодого советского государства – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) и Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), слитые впоследствии воедино. По выражению С.В. Кудрявцева, именно «внутренний враг» должен был оправдать культивировавшуюся «жизнь в осажденной крепости» социализма, ответить за провалы политических и социально-экономических экспериментов [3, с. 28]. Склонность к доносительству, пробуждаемая страхом, постепенно становилась, как пишет Е.Х. Хачемизова, стереотипом поведения личности и способствовала увеличению количества выявленных «контрреволюционных вредителей» [4, с. 19].

Как известно, на XX съезде КПСС в 1956 г. Н.С. Хрущев выступил с критическим докладом «О культе личности Сталина и его последствиях». Открытые временно архивы после распада СССР привлекли интерес массы ученых, публицистов и журналистов к 30-м гг. прошлого века. Однако неоднозначность современных оценок тех целей и средств их достижения вновь и вновь подталкивают исследователей к изучению этого периода нашей истории, к поиску ответов на повседневные вопросы.

В обществе до сих пор существуют диаметрально противоположные точки зрения о вожде, воссоздавшем державу, и абсолютной напрасности неисчислимых его жертв [5, с. 36–42]. Тем не менее, объективность исследования предполагает, прежде всего, непредвзятый анализ фактов и поиск рационального зерна в разногласиях.

В декабре 1930 г. ожесточенная внутрипартийная борьба привела к ликвидации НКВД РСФСР во главе с В.Н. Толмачевым и НКВД других республик. Многочисленные разносторонние функции наркомата были переданы в другие ведомства: часть тюремной системы – в наркомат юстиции, милиция и уголовный розыск – в ведение вышестоящих органов – Советов народных комиссаров республик, а фактически подчинены ОГПУ СССР.

В конце 1931 г. в составе ОГПУ СССР была создана Главная инспекция по милиции и уголовному розыску. В декабре 1932 г. ЦИК и СНК СССР утвердили положение «О Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР».

С одной стороны оперативное использование ОГПУ сил милиции предполагало привлечение в ее деятельность оперативного опыта, однако фактически усиливало политический сыск за счет использования ОГПУ личного состава милиции, ее негласной сети и подсобных сил (дворников, сторожей, сельских исполнителей и др.), научно-технических подразделений милиции. Милиция активно привлекалась к хозяйственно-политической жизни страны: проводила проверки готовности к севу, участвовала в хлебозаготовительных кампаниях, проведении займов, сборе денежных средств, обеспечивало исполнение гражданами гужевой повинности.

Положением о рабоче-крестьянской милиции 1931 г. (Постановление СНК СССР от 25.05.1931 № 390 «Положение о рабоче-крестьянской милиции») к оперативно-строевому составу милиции были отнесены постовые и оперативные работники по охране революционного порядка и общественной безопасности и работники по политическому воспитанию милиционеров. Милиционеры обязаны были давать письменное обязательство прослужить не менее 2 лет. Устанавливалась военная дисциплина.

Начавшейся в 20-е гг. процесс добровольно-агитационной коллективизации сельского хозяйства к 30-ым гг. стал все отчетливей приобретать принудительные черты с задействованием силовых ведомств. Решением Политбюро ЦК от 30 января 1930 г. был принят план «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». ОГПУ предписывалось в качестве репрессивных мер в течение четырех месяцев направить в концлагеря 60000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы 150 000 кулаков [1, с. 1235–1236].

Усилить борьбу с противниками коллективизации (национализации) сельского хозяйства и закрепить рабочих за заводами было призвано постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» 1932 г. С одной стороны, сельские жители лишались права иметь паспорт и соответственно не могли перемещаться по стране. С другой стороны, городские жители институтом прописки в паспортах прикреплялись также к месту работы. Все подозрительные лица либо не получили паспорт, либо им были внесены в паспорт отметки о запрете проживания в Москве, Ленинграде и других крупных городах. По специальной инструкции 1933 г. нарушители подлежали ответственности во внесудебном порядке через «тройки» ОГПУ.

В начале 30-х гг. раскулаченные крестьяне через несколько лет стали возвращаться из мест поселений. По ослабленным хлебозаготовками «голодным» деревням страны прошли массовые выступления. В коллективных хозяйствах распространялся скрытый саботаж завышенных хлебозаготовительных планов. Составлялись фиктивные отчеты о гибели части посевов, скрывалась часть посевных площадей от учета, создавались «черные амбары», покос производился без привлечения комбайнов МТС (не отдавалась часть урожая), передавалось на элеваторы и ссыпные пункты худшее по качеству зерно [6, с. 23].

Назревал очередной виток репрессий. В местных парткомах прошли чистки. Закрепить и повысить эффективность колхозной формы собственности в деревне было призвано Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Получившее в публицистике название «закон о трех (пяти) колосках» или «указ семь-восемь» это постановление вводило повышенную ответственность за хищения сельхозпродукции, приравнивая их к контрреволюционным преступлениям. Дальнейшими декретами и постановлениями список антигосударственных деяний был расширен. К ним в частности были отнесены: обман в деле учета колхозной продукции и труда, саботаж работ, вредительская работа по пахоте и севу, умышленная поломка тракторов и машин, уничтожение лошадей. Всего же вплоть до 1947 г. в рамках применения закона от 7 августа в исправительно-трудовых лагеря попали более 183 тысяч человек [7, с. 149–161].

Как и не в столь далеком 1880 г. теряющий контроль над российским обществом царь-реформатор Александр II объединял многочисленную жандармерию с полицейскими силами МВД, так и в июле 1934 г. в состав образованного общесоюзного НКВД вошел репрессивный аппарат упраздняемого ОГПУ СССР. НКВД СССР возглавил Г.Г. Ягода – первый заместитель бессменного, но умершего от болезни, председателя ОГПУ СССР В.Р. Менжинского.

В составе НКВД СССР были образованы: Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), ГУ рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), ГУ пограничной и внутренней

охраны, ГУ пожарной охраны, ГУ исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ), отдел актов гражданского состояния; административно-хозяйственное управление.

Отправной точкой поворота репрессивной советской системы против ее высшего партийно-номенклатурного и военного состава принято считать убийство первого секретаря ленинградской парторганизации С.Н. Кирова в декабре 1934 г. Несмотря на то, что убийство носило, как показало следствие, бытовой характер, И.В. Сталин использовал его как предлог одновременно расправиться с большим числом своих оппонентов под видом борьбы с всеобщим заговором. Был введен упрощенный и ускоренный порядок рассмотрения подобных дел.

Чистка госаппарата и «набиравшего политический вес» армейского генералитета от «контрреволюционного элемента», «предателей» и «врагов народа» стала носить более жесткий и бескомпромиссный характер. Так, более половины из двух тысяч делегатов «съезда победителей» (XVII съезда ВКП(б)) 1934 г. были репрессированы, в том числе большинство членов избранного ЦК на съезде закончили свои жизни до 1940 г. Возросшее до небывалого в мире советское вооружение фактически оказалось без эффективного армейского управления после «чисток» к началу советско-финской войны 1939–1940 гг. и немецкого вторжения на территорию СССР в 1941 г.

В июле 1934 г. при наркоме внутренних дел был создан внесудебный орган – Особое совещание (ОСО), аналогичное существовавшему ранее в составе ОГПУ СССР. Сроки ссылки (лишения свободы) по решениям ОСО были установлены до 5 лет (с 1937 г. до 8 лет и расстрел). На региональном уровне с мая 1935 г. (до ноября 1938 г.) также были воссозданы «тройки» НКВД, решения которых в списочном заочном порядке подлежали утверждению ОСО. «Тройки» имели право разбирать дела об уголовных лицах, деклассированных лицах и о злостных нарушителях паспортного режима. Тем самым в стране продолжало существовать две параллельные системы рассмотрения дел – судебная и внесудебная, преобладание каждой из которой определялось более «партийной диалектикой», нежели правовыми нормами.

В 1936 г. Конституцией СССР были провозглашены самые передовые в мире социальные права трудящихся граждан. А в ставшем нарицательным 1937 г. развернулась ожесточенная борьба с «нетрудовыми» и «не достойными социалистических благ» антисоветскими элементами.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах» к таковым лицам были отнесены подлежащие ликвидации «бывшие кулаки и уголовники» (1-я категория) и высылке менее враждебные (2-я категория).

Приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. были определены по регионам нормы проводимой с 5 августа четырехмесячной операции. Всего планировалось репрессировать около 300 тысяч человек, из них 75 тысяч расстрелять (1-я категория). В итоге нормы затянувшейся операции были перевыполнены в разы.

Состав «троек» в 1937 г. подвергся изменению: помимо регионального руководителя НКВД в него вошли местный секретарь парторганизации и прокурор. Тем самым был подчеркнут высокий статус «троек» в государственном механизме. Народным комиссаром внутренних дел с 1936 по 1938 гг. был Н.И. Ежов.

Декларируемые уголовно-процессуальные нормы, а также идеи «Теории судебных доказательств в советском праве» не редко расходились с практикой их реализации (применение физического насилия к арестованным, не подкрепление признания иными документальными данными, подпись постановлений об аресте «задним» числом» и другие). Практика заочного списочного рассмотрения дел широко применялась созданной в августе 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР («высшая двойка») в составе Наркома внутренних дел Н.И. Ежова (или его заместителя) и Прокурора СССР А.Я. Вышинского (или его заместителя) [8, с. 91–99].

Одновременно с «кулацкой» операцией против «бывших» в 1937–1938 гг. наркоматом внутренних дел были также проведены «национальные» операции против «чуждых» (польская, немецкая, харбинская, латышская, греческая, румынская, финская, эстонская, иранская, афганская и прочие). По потенциально нелояльным, склонным к «шпионству, диверсиям, повстанчеству и национализму» лицам списки обвиняемых с приложением справок (альбомы) из региональных УНКВД каждые 10 дней направлялись в НКВД СССР. После их рассмотрения Комиссией копии протоколов решений Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР направлялись в региональные УНКВД. Решения по приговоренным к расстрелу подлежали исполнению немедленно. Дополнительно в УНКВД на осужденных в исправительно-трудовые лагеря или высылку (2-я категория) направлялись выписки из протоколов Особого совещания при НКВД СССР. До ноября 1938 года всего было рассмотрено

дел по более трехсот тысячам «инонациональным» лицам, три четверти из которых были приговорены к высшей мере наказания.

В ноябре 1938 г. упрощенная массовая практика расследования в НКВД СССР была подвергнута резкой критике Политбюро ЦК ВКП(б) (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»). В 1937–1938 гг. в среднем приходилось 25 % дел на лиц, осужденных судебными органами, и 75 % – на внесудебные органы. Работа троек была признана «перегибами на местах». Тройки были ликвидированы. «Социалистическая законность» была восстановлена «в точном соответствии с действовавшим уголовно-процессуальным законодательством о подсудности». Наркомом внутренних дел был назначен вошедший в доверие генсека Л.П. Берия. Около трехсот тысяч из 2–3 миллионов находящихся в исправительно-трудовых лагерях лиц были амнистированы. Масштаб репрессий снизился. В то же время в НКВД прошла «вторая волна чисток», затронувшая в первую очередь 75–80 % центрального и регионального руководства [3, с. 25–27].

До появления в 1938 г. следственных подразделений в составе НКВД СССР, предварительное следствие (дознание) осуществлялось оперативными подразделениями ОГПУ и НКВД, занимавшихся одновременно розыскной работой. Так, Циркуляром ОГПУ СССР от 14 апреля 1934 г. «О следственной работе» следствие определялось важнейшим этапом чекистской работы, завершающим агентурную разработку. Ликвидация агентурной разработки и арест врага еще не означали, что выявлены до конца все контрреволюционные связи и локализована контрреволюционная активность. Вдумчивая и настойчивая следственная работа сводится к всестороннему изучению арестованного, его психологии, личных качеств, к поиску его слабых мест, изучению связей, а также к умелому использованию всех улик данных (агентурные и вещественные доказательства, показания, документированные факты и т. д.). До начала следствия предписывалось опросить арестованного для выяснения его биографии, а также установить, по чьей рекомендации и, пользуясь какими связями, он устроился работать в государственное учреждение.

В рассматриваемый период НКВД СССР принимал непосредственное участие в укреплении военно-промышленного потенциала страны. Это обеспечивалось значительным расширением структуры ГУЛАГа лагерями специального, оборонного, промышленного, железнодорожного и шоссейного строительства, по сооружению аэродромов, строительству и эксплуатации предприятий горно-металлургической, топливной, химической, целлюлозно-бумажной промышленности. Надежная изоляция осужденных предполагала эффективное их использование в трудовых процессах. В целях максимального использования рабочей силы 15 июня 1939 г. вышел приказ НКВД СССР «Об отмене практики зачета рабочих дней и условно-досрочного освобождения», предполагавший взамен сокращения сроков заключения использовать бытовые стимулы в лагерях. Ведомственное развитие также получили закрытые научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, в которых работали заключенные инженеры-«вредители».

Административно-хозяйственная государственная экономика СССР требовала принятия мер к недопущению разбазаривания и хищения средств и результатов производства. В составе ГУРКМ НКВД СССР в 1936 г. появились Государственная автомобильная инспекция (ГАИ), в 1937 г. – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС).

В феврале 1941 г. (до вторжения немецких войск) из состава НКВД СССР были выведены органы государственной безопасности, образован Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР. Ослабив силовое влияние Л.П. Берии, Сталин, тем не менее, оставил за ним контроль над НКГБ, назначив его одновременно соответствующим заместителем председателя СНК СССР.

Таким образом, 30-е гг. XX столетия характеризуются дальнейшим укреплением промышленного и территориального потенциала страны, централизацией власти, повышением трудовой и политической дисциплины за счет увеличения полномочий внутреннего силового аппарата. Значительные структурные изменения в ОГПУ и НКВД СССР были следствием усиления репрессивной политики государства в отношении групп населения – «антисоветских элементов».

Вопрос об оправданности и гуманности методов достижения общегосударственных целей исследованного периода является открытым предметом дискуссий в современных общественных и научных кругах, инерционной является также и официальная их трактовка. Представляется, эффективное развитие российской государственности предполагает разносторонний

учет полученного исторического опыта. Трагедии и ошибки не должны останавливать поступательное движение вперед.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анфертьев И.А. Сталинская ликвидация кулачества как класса и организация процесса пролетаризации советского крестьянства // Вестник архивиста. 2021. № 4.
2. Коломиец К.А. Репрессивная политика советского государства в деревне в 1930-е гг.: автореф. дисс. ... кан. истор. наук. Пенза, 2005.
3. Кудрявцев С.В. Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х гг. (по материалам областей Верхнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2000.
4. Хачемизова Е.Х. Общество и власть в 30-е–40-е гг. XX века: политика репрессий (на материалах Краснодарского края): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Майкоп, 2004.
5. Бажанов Е.П. Сталин как неэффективный менеджер // Обозреватель. 2010. № 3(242).
6. Левакин А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Новочеркасск, 2009.
7. Гоцуленко А.В. О правовых основах деятельности органов государственной безопасности СССР в 1930-е годы по охране и укреплению социалистической собственности в деревне // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1.
8. Трофимцева С. Ю. Прокурор СССР А. Я. Вышинский и советская юстиция в условиях массовых репрессий в 1930-е гг. // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 2(33).

REFERENCES

1. Anfertiev I.A. Stalin's liquidation of the Kulaks as a class and the organization of the process of proletarianization of the Soviet peasantry // Archivist's Bulletin. 2021. № 4.
2. Kolomiets K.A. The repressive policy of the Soviet state in the countryside in the 1930s. The author's abstract. diss. ... cand. history of sciences. Penza, 2005.
3. Kudryavtsev S.V. Party organizations and NKVD bodies during the period of mass political repression in the 1930s (based on the materials of the Upper Volga regions). The author's abstract. diss. ... cand. history of sciences. Yaroslavl, 2000.
4. Khachemizova E.H. Society and power in the 30s–40s of the XX century: the policy of repression (based on the materials of the Krasnodar Territory). The author's abstract. diss. ... cand. history of sciences. Maykop, 2004.
5. Bazhanov E.P. Stalin as an ineffective manager // Obozrevatel. 2010. № 3 (242).
6. Levakin A.S. Formation and activity of the administrative and economic apparatus of collective farms in the 1930s. (based on materials from the Don, Kuban and Stavropol regions). The author's abstract. diss. ... cand. history of sciences. Novocherkassk, 2009.
7. Gotsulenko A.V. On the legal foundations of the activities of the state security bodies of the USSR in the 1930s for the protection and strengthening of socialist property in the countryside // Genesis: historical research. 2015. № 1.
8. Trofimtseva S. Y. Prosecutor of the USSR A. Ya. Vyshinsky and Soviet justice in the conditions of mass repression in the 1930s // Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. № 2(33).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкарев Евгений Александрович, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.
ORCID: 0000-0002-0253-719X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pushkarev Evgeny Alexandrovich, Grand PhD in Political Sciences, PhD in Law, Professor of the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 24–29.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 24–29.

Научная статья

УДК 34.01

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Устиленцев Кирилл Андреевич

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД, Москва, Российская Федерация

ustilentsev@mail.ru

Введение: статья посвящена анализу исторического процесса правового закрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей как фактора сплочения общества и мобилизации ресурсов государства в условиях актуализации экзистенциальных угроз. Целью работы является выявление закономерной связи между юридикацией отношений по правовой охране традиционных ценностей и сплочением общества перед лицом исторических вызовов.

Материалы и методы: работа опирается на историко-правовой метод как основной инструмент исследования развития памятников российского права, а также метод правовой герменевтики как средство установления нормативного содержания законодательных актов. В статье применяется диалектический метод для познания исторических процессов развития российского государства и общества в условиях обострения внешних опасностей, активно используются иные общенаучные и частнонаучные методы.

Результаты исследования: в статье установлено, что основные правовые акты российского законодательства, рассмотренные в ретроспективе, содержали действенные средства правовой охраны традиционных ценностей. Благодаря этому в наиболее критические моменты российской истории общество консолидировалось вокруг традиционных ценностей как сущностного ядра, обеспечивающего его выживание.

Выводы и заключения: историко-правовой анализ демонстрирует преемственность современной правовой политики государства по охране традиционных ценностей предшествующим этапам российской истории, демонстрирует значимость традиционных духовно-нравственных ценностей для современного российского государства и общества.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, правовая охрана, юридикация, исторические вызовы, общественная безопасность, национальная безопасность, правовое регулирование.

Для цитирования: Устиленцев К. А. Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей: историко-правовой аспект / К. А. Устиленцев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 24–29.

Original paper

FORMATION OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Ustilentsev Kirill Andreevich

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the analysis of the historical process of legal consolidation of traditional Russian spiritual and moral values as a factor of social cohesion and mobilization of state resources in the context of actualization of existential threats. The aim of the work is to identify a natural connection between the legitimization of relations for the legal protection of traditional values and the cohesion of society in the face of historical challenges.

Materials and methods: the work is based on the historical and legal method as the main tool for studying the development of monuments of Russian law, as well as the method of legal hermeneutics as a means of establishing the normative content of legislative acts. The article uses a dialectical method to understand the historical processes of the development of the Russian state and society in conditions of exacerbation of external dangers; other general scientific and specific scientific methods are actively used.

Results of the study: the article found that the main legal acts of Russian legislation, reviewed in retrospect, contained effective means of legal protection of traditional values. Due to this, at the most critical moments of Russian history, society consolidated around traditional values as a essential core that ensures its survival.

Findings and conclusions: the historical and legal analysis demonstrates the continuity of the modern legal policy of the state for the protection of traditional values to the previous stages of Russian history, demonstrates the importance of traditional spiritual and moral values for the modern Russian state and society.

Keywords: traditional spiritual and moral values, legal protection, legitimization, historical challenges, public safety, national security, legal regulation.

For citation: Ustilentsev K. A. Formation of traditional Russian spiritual and moral values: historical and legal aspect / K. A. Ustilentsev // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 24–29.

Юридизация общественных отношений в области правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей связана с объективной необходимостью определения границ этого предмета, который без должного доктринального анализа может восприниматься слишком широко. В силу данного обстоятельства историко-правовое исследование процесса юридического закрепления традиционных ценностей как предмета правового регулирования имеет несомненную ценность и значимость.

Исторический экскурс, освещающий аспекты генезиса и эволюции отношений по охране традиционных духовно-нравственных ценностей, позволяет не только выявить динамику законотворческой работы государства, но и точнее определить содержание традиционных ценностей как сложного социально-правового явления. Исторический процесс развития юридизации общественных отношений в области защиты традиционных духовно-нравственных ценностей отличается неравномерной динамикой, демонстрирующей обострение правотворческого внимания государства к данной проблематике по мере возрастания внешних угроз и опасностей для наиболее базовых социально-культурных основ общественной жизни [6, с. 209].

С древнейших моментов истории российского государства юридическое закрепление традиционных ценностей, установление правового режима их охраны выступало залогом обеспечения стабильности и безопасности общества. Традиционные ценности рассматривались как «ядро» культурной и правовой жизни общества, цементирующее общество вокруг наиболее значимых морально-духовных приоритетов, сплочающее людей перед лицом исторических вызовов и экзистенциальных угроз. Для каждого этапа развития российского государства характерен свой набор внешних угроз, которые создавали условия для внутренней мобилизации страны и разработке мер по защите традиционных духовно-нравственных ценностей.

На первоначальном этапе формирования законодательства Киевской Руси получают свое юридическое закрепление наиболее значимые традиционные духовно-нравственные ценности, связанные с семейной, религиозной, нравственной сферой общественной жизни. Так, Русская Правда как акт древнерусского законодательства была сфокусирована на регулировании различных аспектов общественной жизни в Киевской Руси. Законодательный корпус древнерусского права содержал нормы, касающиеся семейных правоотношений, которые играли ключевую роль в сохранении традиционных семейных ценностей и порядка в обществе. Нормы Русской Правды предусматривали четкий порядок наследования, брачные права и обязанности супругов, подчеркивая важность семейных отношений и их правовой охраны в контексте общественной морали и стабильности. Эти правила нашли свое закрепление, прежде всего, в ст. 92, 94, 103, 104, 106 Пространной редакции Русской Правды [4, с. 57–58].

Правовая охрана семьи на протяжении истории в России всегда занимала высокое место в иерархии общественных приоритетов. В древнерусском законодательстве были закреплены принципы, которые защищали интересы традиционной семьи и обеспечивали правовую поддержку семейным ценностям. Эти нормы регулировали личные и имущественные отношения между членами семьи, а также вопросы наследования и ответственности за семейные обязательства, что способствовало укреплению семейных уз и поддержанию порядка в обществе.

С принятием христианства в качестве государственной религии произошло осмысление и интеграция библейских принципов в правовую систему, что также отражается в текстах Русской Правды. Основы христианской этики и нормы канонического права стали

нераздельной частью древнерусского закона, позволяя укрепить мир и порядок в обществе, в том числе через правовую охрану таких традиционных ценностей, как милосердие, честность и взаимопомощь. Например, Русская Правда не признает судебного решения конфликтов с помощью кровавого поединка. Русская Правда напрямую не устанавливала ответственность за посягательства на религию или религиозные чувства. Однако Церковный устав князя Владимира содержал нормы об ответственности за колдовство, за преступления против церкви и религии.

Вполне очевидно, что нормы древнерусского законодательства служили средством правовой охраны ценностей религии как основополагающих моральных и духовных ориентиров общественной жизни.

Таким образом, уже на древнейшем этапе развития российского права можно обнаружить стремление к установлению правового режима охраны традиционных духовно-нравственных ценностей. Они служили инструментом сплочения общества и мобилизации духовных сил перед лицом надвигающейся внешней угрозы, которая реализовалась в процессе феодального раздробления древнерусского государства.

Феодальная раздробленность Древней Руси подорвала единство государства, что поставило под угрозу выживание общества в целом. Распад единого государства на множество независимых княжеств значительно ослабил оборонительный потенциал страны. В результате, когда татаро-монгольское нашествие обрушилось на Древнюю Русь, отдельные княжества не смогли продемонстрировать необходимой консолидации и мобилизации ресурсов для отражения военной угрозы. Золотоордынское иго стало историческим вызовом, который требовал немедленного объединения сил и защиты традиционных ценностей и исторически сложившегося социального уклада.

Консолидация русских земель для отражения угрозы золотоордынского ига стала новой задачей для правового и государственного развития раздробленного русского государства. Фактор внешнего давления требовал от княжеских династий Рюриковичей и Гедиминовичей более тесного взаимодействия между собой и формирования единой национальной идеи. Укрепление традиционных ценностей, сплоченность вокруг религиозных идеалов и желание построить справедливое общество привели к созданию новых законодательных актов, учитывающих изменения, произошедшие в результате преодоления нашествия. В условиях отсутствия единой государственности ни одним из княжеств не было создано законодательного свода, который мог бы сравниться по значимости с Русской Правдой. Историческая роль этого документа в сохранении правовых основ, религиозных и традиционных ценностей общества оставалась неоспоримой. Исключение составили Новгородская и Псковская республики, которые на фоне общегосударственной раздробленности демонстрировали способность к самостоятельному законодательному творчеству. Именно в этих регионах были разработаны и приняты новые крупные законодательные акты, которые не только отражали местные особенности управления и судопроизводства, но и способствовали дополнительной духовной консолидации общества.

Так, Великий Новгород и Псков имели уникальную систему самоуправления и судопроизводства. В судных грамотах часто упоминаются нормы морали и нравственности, значимость семьи как фундаментальной единицы общества, канала для сохранения родового имущества. Христианские верования и церковные каноны формировали правовую основу и нравственные регуляторы, устанавливая общественные ориентиры и поведенческие стандарты. Судебные решения часто опирались на религиозно-нравственные устои, что подчеркивало взаимосвязь духовной и светской власти. Нормативное содержание этих исторических документов свидетельствует о глубоком уважении к предкам, чести семьи, а также сохранении культурного и исторического наследия.

Псковская судная грамота подчеркивает важность семейных устоев и религии в жизни общества. Например, данный юридический документ отменяет кровную месть за убийство родственников выкупом (ст. 2) – пример объединения христианской этики и ценностей семейной жизни, поскольку «семья представляет элементарной неделимой юридической ячейкой общества» [1, с. 43]. Среди самых преступлений выделялись кража церковного имущества и преступления против семьи, что свидетельствует о значении религиозных и семейных ценностей. Кража церковного имущества рассматривалась в Псковской судной грамоте как одно из особо тяжких преступлений, напрямую ударяющее по основам религиозной морали и благочестия.

Стремление защитить святость и неприкосновенность церковной собственности позволяло поддерживать устойчивое восприятие религиозных учреждений как нравственных оплотов сообщества. Убийство родителей и оскорбление родителей также находили суровое осуждение в рамках судной грамоты. Эти преступления противоречили самым основным нравственным законам и рассматривались как предательство семейных ценностей. Общество стремилось сохранить уважение к старшему поколению и крепость семейных связей, что считалось неотъемлемым аспектом социальной стабильности. Подчеркивая неприемлемость таких поступков, Псковская судная грамота служила надежной опорой для поддержания порядка и благополучия в средневековом русском обществе.

Законодательство, сложившееся в период после свержения Золотоордынского ига, также продолжило расширение арсенала юридических средств правовой охраны традиционных ценностей. Судебник Ивана III, принятый в 1497 г., представляет собой значимый юридический документ, который стал краеугольным камнем русского права и существенно повлиял на утверждение и защиту традиционных ценностей в русском обществе.

В основе законодательства этого периода лежат не только правовые нормы, но и моральные принципы. Так, воровство церковного имущества рассматривалось как особо тяжкое преступление, подрывающее основы православной веры и нравственности. Этот судебный документ также предусматривал меры против крамолы – разжигания недовольства и бунтарства, направленного против существующего порядка, что разглядывалось как угроза общественным и религиозным основам русского государства.

Примирение сторон судебного процесса является еще одной морально-нравственной новацией, закрепленной в Судебнике, основанной на христианской этике, что отражает стремление к разрешению конфликтов путем диалога и взаимного согласия, выделяя тем самым значение стабильности и общественного порядка. Законодательным образом было также урегулировано наказание за лжесвидетельствование, что способствовало укреплению правовой системы и воспитанию обязанности граждан перед судом говорить истину. Христианские ценности способствовали исключению из состава средств доказывания языческий обычай «поля» или «поединка», а также интегрировали в состав наследственной части законодательства институт недостойных наследников, когда наследодатель мог «свое имущество и предпочитал завещать все пожизненно нажитое на земле добро другим близким людям» [3, с. 26].

Судебник 1550 года, созданный при Иване IV Грозном, уделял большое внимание защите этих ценностей, считая их основой общественного порядка и стабильности государства. Нормы Судебника согласовывались с основными положениями канонов Стоглавого собора, который проходил в 1551 году, когда «важнейшие вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета – церковного собора».

Согласно Судебнику, преступления против религии и церкви рассматривались как серьезные злодеяния, подлежащие строгому наказанию. Значительное внимание уделялось защите христианской морали и церковных устоев, что подчеркивало важность религии как фундамента общественных отношений и источника законности. Преступления против государства также занимали ключевое место в Судебнике Ивана Грозного. Особенное внимание уделялось защите чести государя, поскольку от этого зависел авторитет власти и единство государства. Любые посягательства на честь монарха рассматривались как акты высокой измены, сопряженные с самыми строгими мерами наказания.

Таким образом, Судебник способствовал укреплению государственной системы и правопорядка, подчеркивая неразрывную связь между личной верностью государю, общественной стабильности и соблюдением традиционных ценностей.

Смутное время в истории России стало периодом экзистенциального кризиса, когда страна де факто находилась под игом внешнего управления и переживала глубокие социальные потрясения. Традиционные ценности, такие как религия и патриотизм, играли ключевую роль в процессе преодоления хаоса того периода. Религия выступила мобилизующим фактором, способствующим консолидации общества в лице столь тяжелых испытаний, а идея патриотизма помогла мобилизовать население для защиты отечества от польской интервенции. Ополчение, возглавляемое князем Дмитрием Пожарским и купцом Кузьмой Мининым, стало олицетворением объединяющей силы традиционных устоев русского общества.

Завершение Смутного времени и восшествие на престол династии Романовых ознаменовали начало нового этапа в истории России, когда традиционные ценности были вновь подтверждены в актах средневекового русского законодательства. Соборное Уложение 1649 года, например, стало вехой в расширении системы правовых мер охраны традиционных ценностей, обеспечивая стабильность и порядок. Появление «беспрецедентно жестоких мер наказания за государственную измену и распространение их на всех родственников изменника явно свидетельствует о том, что данное преступление считалось в русском обществе деянием предельно опасным» [5, с. 180].

Эти процессы стали определяющим фактором развития основ современной российской государственности. Сложнейшие периоды в истории России требовали единения всех слоев населения для преодоления экзистенциальной угрозы. Многочисленные военные конфликты, выступающие в качестве характерного элемента российской истории, обуславливали необходимость в мобилизации населения страны, подъеме национального духа и патриотизма. В такие моменты традиционные духовно-нравственные ценности оказывались в центре внимания, мотивируя граждан к самоотверженной защите Родины. Историческая память и уважение к предкам способствовали формированию коллективного национального самосознания.

Великая Отечественная война стала еще одним примером исторического вызова для общества и государства, хрестоматийным олицетворением экзистенциальной угрозы, которая потребовала мобилизации всех ресурсов и воли к победе. Это был период, когда традиционные духовно-нравственные ценности, такие как патриотизм, самопожертвование и верность Родине, обеспечили беспрецедентное сплочение всех общественных сил. Опыт, полученный во время войны, подчеркнул значимость консолидации общества перед лицом общего врага, сплотил граждан в борьбе за будущее своей страны. Несмотря на государственную политику атеизма, в период войны религиозные лидеры и верующие принимали активное участие в жизни общества, оказывая моральную и духовную поддержку на фронте и в тылу.

Таким образом, традиционные ценности на протяжении всей российской истории играли решающую роль в мобилизации населения. Патриотизм и вера в победу были основополагающими нравственными ориентирами, которые продолжали вдохновлять поколения после войны. Общественное единение и героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, служат примером для современной России в деле преодоления новых вызовов. Современное российское государство также продолжает опираться на традиционные духовно-нравственные ценности, используя их в качестве фундамента для национальной идентичности и государственного строительства, поскольку «для объединения населения в обществе необходимо транслировать ценности и цели для развития и совершенствования социума» [2, с. 182].

В результате, юридизация общественных отношений в сфере правовой охраны традиционных ценностей стала закономерным итогом обобщения исторического опыта российского народа. Она прошла путь от заявления главы государства о «явном дефиците духовных скреп» до конституционализации традиционных ценностей в ходе принятия конституционных поправок в 2020 г.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что историко-правовое рассмотрение процесса формирования законодательства о защите традиционных духовно-нравственных ценностей позволяет констатировать наличие закономерной связи между актуализацией внешних угроз национальной безопасности России и мерами, предпринимаемыми для защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В данном контексте система традиционных ценностей выступает в качестве культурного фундамента, сохранение которого позволяет российскому государству и обществу выстоять перед лицом нарастающих внешних угроз и выжить в условиях экзистенциального кризиса.

Указанные обстоятельства актуальны и сегодня, когда российское общество и государство, отражая беспрецедентные исторические угрозы, спланируется вокруг традиционных духовно-нравственных ценностей как социокультурного ядра, обеспечивающего выживание в новых условиях. Защищая традиционные ценности, Россия может служить образцом для всех других стран, справедливо выражая свое несогласие с неравномерным распределением власти в международных организациях и поддерживая многополярность в противовес колонизаторской политики стран коллективного Запада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.
2. Волохова Е.В., Любченко В.С., Маслова Ю.В. Потенциал традиционных ценностей для консолидации современного российского общества / Е. В. Волохова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 6.
3. Осипян Б.А. Русский судебник 1497 года как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства // История государства и права. 2011. № 4.
4. Свердлов М.Б. Русская правда: пособие к спецкурсу. СПб., 1992.
5. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 1(270).
6. Якушев П.А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных ценностей // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2(43).

REFERENCES

1. Alekseev Yu.G. Pskov judgment certificate and its time. The development of feudal relations in Russia of the XIV–XV centuries. L., 1980.
2. Osipyan B.A. The Russian Judicial Code of 1497 as the legal and ideological basis for the emergence of a centralized state // The history of state and law. 2011. № 4.
3. Shatkovskaya T.V., Feodorova M.H. The first codification of Russian positive law: on the anniversary of the 1550 Judicial Code // North Caucasian Legal Bulletin. 2020. № 3.
4. Sverdlov M.B. Russian truth. The manual for the special course. St. Petersburg: Education, 1992.
5. Tomsinov V.A. The Cathedral Code of 1649 as a monument to Russian jurisprudence // Izvestia of Higher Educational Institutions. Law studies. 2007. № 1 (270).
6. Yakushev P.A. The concept, essence, signs and regulatory properties of traditional values // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2017. № 2 (43).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устиленцев Кирилл Андреевич, преподаватель кафедры государственного регулирования. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД. 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76.
ORCID: 0000-0003-2944-3668

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ustilentsev Kirill Andreevich, Lecturer at the Department of Governmental Regulation. Moscow State Institute of International Relations (University) MFA. 76, Vernadsky Ave., Moscow 119454 Russian Federation.

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 30–36.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 30–36.

Научная статья

УДК 342.9

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Магомедханова Карина Фаидиновна

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

kamuneak@mail.ru

Введение: в статье исследуются вопросы формирования и развития нормативной базы, регулирующей порядок применения механизмов защиты внутрисемейных отношений в области предупреждения, пресечения и профилактики правонарушений. Автором отмечено отсутствие на федеральном уровне состава административного правонарушения, предусматривающего ответственность за семейно-бытовое дебоширство (насилие).

Материалы и методы: методологической основой статьи послужили общенаучные методы познания, включающие принцип системности, анализ теоретических источников и нормативных правовых источников, обобщение, анализ правоприменительной практики, частнонаучные методы, сравнительно-правовой, юридического толкования и др. Научная новизна связана с тем, что исследование представляет системный анализ специфических признаков ответственности за семейно-бытовое дебоширство (насилие).

Результаты исследования: позволили определить необходимость комплексного подхода для решения проблемы семейно-бытового дебоширства (насилия), в том числе посредством административной деликтолизации в контексте профилактического и пресекающего потенциала административно-юрисдикционного законодательства.

Выводы и заключения: на основании проведенного анализа предлагается внести изменения в «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ путем внесения в главу 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», статьи 20.36 «Семейно-бытовое дебоширство».

Ключевые слова: конфликт, семейное (домашнее) насилие, правонарушения на бытовой почве, права женщин, агрессия, насильственные правонарушения, административная ответственность, уголовная ответственность, профилактика деструктивного поведения.

Для цитирования: Магомедханова К. Ф. Механизмы защиты внутрисемейных отношений в области предупреждения, пресечения и профилактики правонарушений / К. Ф. Магомедханова // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 30–36.

Original paper

MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF INTRA- FAMILY RELATIONS IN THE FIELD OF PREVENTION, SUPPRESSION AND PREVENTION OF OFFENSES

Magomedkhanova Karina Faidinova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the issues of formation and development of the regulatory framework governing the procedure for the application of mechanisms for the protection of intra-family relations in the field of prevention, suppression and prevention of offenses. The author notes the absence at the federal level of the composition of an administrative offense providing for responsibility for domestic violence (violence).

Materials and methods: the methodological basis of the article is general scientific methods of cognition, including the principle of consistency analysis of theoretical sources and normative legal sources, generalization, analysis of law enforcement, private scientific methods of comparative law, legal interpretation and others. The scientific novelty is due to the fact that the study presents a systematic analysis of the specific signs of responsibility for domestic violence.

Results of the study: made it possible to determine the need for an integrated approach to solve the problem of family and domestic violence, including through administrative delictalization in the context of the preventive and suppressive potential of administrative and legal legislation.

Findings and conclusions: based on the analysis carried out, it is proposed to amend the «Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» dated 12/30/2001 No. 195-FZ by introducing into Chapter 20 «Administrative offenses encroaching on public order and public safety» Article 20.36 «Family and domestic brawl».

Keywords: conflict, family (domestic) violence, domestic offenses, women's rights, aggression, violent offenses, administrative responsibility, criminal liability, prevention of destructive behavior.

For citation: Magomedkhanova K. F. Mechanisms for the protection of intra-family relations in the field of prevention, suppression and prevention of offenses / K. F. Magomedkhanova // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and informational.-methodical. journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(108). – Pp. 30–36.

Злоупотребление правом сильного в семейных отношениях является на протяжении столетий одним из самых распространенных вариантов разрешения конфликтных ситуаций, более того, насилие изначально связывают с выживаемостью вида. Череда агрессии неразрывно связана с процессом эволюции человечества и появления государств [1], легитимное обоснование которого основано на поддержании и незыблемости определенных общественных отношений.

Незыблемость применения насилия побуждает ученых и сотрудников правоохранительных органов исследовать с различных позиций источники и причинно-следственные связи, а также эффективность механизмов противодействия противоправным действиям. В основе насильственных действий различного рода лежит стремление к достижению какой-либо цели. В домашнем насилии это выражено в доминировании одного члена семьи над другими, при этом агрессия воспринимается актором, как справедливое наказание за разрешение проблемы. Различия к культуре насилия у различных этносов позволяют также проводить параллели применительно к внешней социальной мотивации.

Можно ли утверждать, что хоть одно государство победило насилие, ответ достаточно очевиден и дан выше, однако, являясь субъектом насилия [2], государство одновременно принимает на себя роль охранителя от нелегитимного насилия, наделяя различные институты и органы правами полномочиями, обязанностями, связанными с реализацией политики.

Под термином «насилие» понимается физическое или психическое воздействие против воли отдельного индивида для достижения определенной цели. Само понятие может быть трансформировано в зависимости от отраслевого или гендерного характера.

Домашнее насилие – это социальная проблема прошлого, настоящего и если ничего не предпринимать – будущего, вызванная преемственностью отношений внутри семьи в поколениях, изолированием жертвы, неорганизованной медицинской помощью и семейными стрессами.

Женщины, ставшие жертвами домашнего насилия, испытывают умеренные и серьезные проблемы с психическим и физическим здоровьем.

Дети-свидетели также сталкиваются с негативными последствиями, такими как интернализация и экстернализация поведения. На детей сильно влияет пример родителей в разрешении конфликтов, а негативные образцы для подражания способствуют возникновению цикла насилия из поколения в поколение. Когда насилие рассматривается как приемлемое или эффективное средство разрешения конфликта с партнерами, дети с большей вероятностью будут моделировать такое поведение в своих отношениях. Например, когда сын сталкивается с насилием со стороны отца по отношению к матери в ранние годы, это является сильным предиктором совершения насилия для мужчин и виктимизации для женщин. Мальчики (с большей вероятностью становятся преступниками) девочки, как правило, становятся жертвами, что способствует большому проценту виктимизации женщин, который наблюдается сегодня.

Также важно признать, что из-за своей цикличности насилие между поколениями является и фактором, и следствием домашнего насилия.

Известно, что угнетение является предшественником насилия, эти унаследованные идеалы способствовали возникновению проблемы домашнего насилия.

Все сказанное требует научного осмысления и обуславливает необходимость исследовать правовые и организационные формы предупреждения и пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере.

Первостепенным значением для решения задачи по предотвращению домашнего насилия является определение дефиниции по гендерному характеру. Так, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/104¹ термин «насилие в отношении женщин» предполагает акт насилия, который помимо физических, психотических страданий, также может включать угрозы совершения таковых или ограничение в чем-либо, как, например, свобода передвижения или личной жизни, трактовка документа отражает историю домашнего насилия, т. к. исторически женщины больше всего страдали от домашнего насилия.

Как отмечает Н.В. Гилева [3], только после седьмого рецидива насилия женщины решаются на кардинальные изменения по отношению к партнеру, а ведь именно семья является формирующим звеном развития общественных отношений, она же представляет собой фундамент по привитию моральных ценностных ориентиров.

Исследованию вопросов противодействия правонарушениям посредством мер правового регулирования посвящено множество научных исследований, в которых предложены различные варианты выхода из ситуации.

Международные исследования, проведенные за последнее десятилетие в странах Европы, предоставляют все больше доказательств масштабов домашнего насилия, особенно насилия, совершаемого по отношению к женщинам.

Результаты показывают, что насилие в отношении женщин является гораздо более серьезной и распространенной проблемой, чем предполагалось ранее. Это серьезная проблема для здоровья, поскольку подвергающиеся насилию испытывают краткосрочные и долгосрочные проблемы с физическим, психическим, сексуальным и репродуктивным здоровьем.

Обращение к истории и опыту других государств может принести пользу в разработке эффективных механизмов противодействия домашнего насилия.

Обращаясь к отечественному опыту, следует отметить, что практически на всем протяжении развития Российской империи для семьи был характерен патриархальный уклад, в котором властные полномочия были у мужчины, что зачастую сопровождалось физическими наказаниями, отсюда же вытекают всем известные поговорки – «бьет – значит, любит», «бей жену в младости, покой будет при старости».

В частности, сборник наставлений «Домострой» (XVI в.) предписывал инициировать воспитание жены сначала брачных отношений [4] путем применения телесных наказаний, при этом устанавливались запреты. Так, например, не бить по лицу или в область проекции сердца, а также не колоть ничем железным. Отметим, что вышеуказанный документ не обладал юридической силой, а его основой [5] послужил трактат «Ойкономика», написанный греческим политиком Ксенофонтом в IV в., в правилах администрирования которого уже были заложены различные виды физических наказаний.

В дальнейшем даже в прогрессивном проекте Конституции Н.М. Мурвасьева не нашлось отражения прав женщин.

Отечественное законодательство, регулирующее семейные отношения XVIII–XVIII вв., не было кодифицировано. Помимо гражданского, уголовного права часть отношений относилась к юрисдикции церковного права, что становилось причиной пробуксовки реформирования семейно-брачных отношений, т. к. церковь придерживалась гендерной асимметрии, предусмотренной патриархальными канонами.

Проблема насилия в семье отчасти связана с ранними патерналистскими идеалами, когда концепция женской неполноценности укреплялась в государственном устройстве, поскольку религиозные и законодательные тексты предоставляли женщинам меньше прав. Эти институционализированные случаи гендерного неравенства на протяжении веков поддерживали идеи гендерного насилия, в результате женщинам было предоставлено меньше возможностей для независимости, а патриархальные законы и обычаи продолжали практиковаться во всем мире.

Несомненно, каждое общество имеет свою гендерную идеологию как часть своей культурной конфигурации. Эта гендерная идеология несет в себе, среди прочего, конкретные предположения о том, кто должен работать, а кто должен заботиться и вариации толерантности к насилию.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/104 «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин». Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

В связи с этим интересным представляется социологический подход к решению проблемы, отправной точкой которого послужила теория ресурсов (о связи социального статуса партнером с домашним насилием), согласно которой мужчины хотят иметь наибольшую власть внутри семьи, и одним из способов добиться этого является использование материальных ресурсов, позволяющих контролировать других членов семьи. Когда мужчинам не хватает материальных ресурсов, насилие или угроза насилия могут быть использованы для достижения послушания и подчинения. Согласно этой аргументации, мужчины с более низким социальным статусом с большей вероятностью будут применять насилие в отношении своих партнеров, чем мужчины с более высоким статусом.

Вместе с тем слабым местом теории ресурсов является то, что она учитывает положение только одного члена пары. Вследствие чего была выдвинута теория относительных ресурсов, согласно которой мужчины с относительно меньшими ресурсами, чем их партнерши-женщины, могут использовать другие стратегии для восстановления власти, так как чувствуют угрозу со стороны финансовой или социальной независимости своего партнера, также к факторам дисбаланса относят несоответствие образования внутри пары.

На этой основе построен индекс гендерного равенства, рассчитанного для женщин, к индексу человеческого развития, рассчитанному для мужчин, который включает шесть показателей: работа, деньги, знания, время, власть и здоровье. Зарубежные исследования, основанные на этом индексе, показывают, что в целом, женщины с более высоким уровнем образования реже сообщают о домашнем насилии, чем женщины с низким уровнем образования. То же самое касается женщин, которые зарабатывали больше, чем их партнеры-мужчины. Кроме того, чем больше алкоголя употребляет партнер-мужчина, тем выше вероятность того, что женщины сообщат о насилии.

Анализ зарубежного опыта показывает, что исторически американская система уголовного правосудия не воспринимала домашнее насилие как преступление или даже проблему. Даже несмотря на движение за права женщин в конце 1800-х гг., женщины продолжали подвергаться насилию, что породило усиление внимания к проблеме. Одним из первых шагов для решения стало внесение поправки к Конституции США в 1878 г., которую приняли в качестве 19-й поправки только в 1920 г. Хотя эта поправка касалась избирательных права, это послужило отправной точкой для пересмотра взглядов на гендерные вопросы.

В этот же период отечественная трансформация общества, связанная с приходом к власти большевиков и создания новой государственности, затронула брачно-семейные отношения. Так, регистрация семейных отношений стала прерогативой органов местного самоуправления, а не религиозных учреждений, одной из новаций стало закрепление равенства полов (предоставлением аналогичных гражданских прав и свобод) в нормах основного закона страны (1918, 1936, 1977 гг.).

В Соединенных Штатах феминистское движение начало расти в 1960-х гг., а его интенсификация в 1970-х и 1980-х гг. Это связано с громкими делами в контексте сексуальных домогательств на рабочем месте послужила основой для внесения поправок в Раздел IV Закона о борьбе с насильственными преступлениями и обеспечении² (1994 г.).

Так, судебными приказами стало возможно устанавливать запрет на пересечение границ штата с целью преследования или нанесения физических повреждений партнеру.

Было создано Федеральное управление по борьбе с насилием в отношении женщин (OVAW) при Министерстве юстиции США (DOJ). А одним из полномочий Министерства здравоохранения и социальных служб (HHS) является администрирование программами грантов, направленных на борьбу с домашним насилием, сексуальным насилием, преследованием и насилием на свиданиях.

Заслуживающими внимания являются поправки, принятые Конгрессом 2000, 2005 и 2013 гг., которые расширили сферу применения правозащитных механизмов и применяются независимо от пола, гендерной идентичности или сексуальной ориентации.

Важным элементом правозащитного механизма стало разрешение иммигрантам без документов, ставшим жертвами домашнего насилия, подать заявку на получение грин-карты (в таких случаях женщины-иммигранты оказывают содействие сотрудникам правоохранительных органов для привлечения к ответственности виновных лиц).

Вместе с тем конкретные процедуры применения мер принуждения каждый штат устанавливает по своему усмотрению. Закон штата определяет, какой должна быть реакция полиции

² Свод законов Соединенных Штатов.

при ответе на звонок о домашнем насилии. Почти во всех штатах действует политика обязательных арестов.

Домашнее насилие находится в юрисдикции судов по семейным делам или системой уголовного правосудия. Если речь идет о преступлениях, связанных с физическим насилием, а иногда и сексуальным насилием, это вопрос уголовного права.

В зависимости от законов штата уголовные обвинения в домашнем насилии могут повлечь за собой потерю права на опеку над детьми или их посещение, лишение права на владение огнестрельным оружием (даже в так называемых штатах с обязательной выдачей оружия). Суды также могут выдать запретительный судебный приказ, которым устанавливается запрет на контакт с жертвой насилия, в том числе приближаться к жертве на определенное расстояние, обычно до 100 футов или к месту проживания обычно до 500 футов (существуют исключения, когда потерпевший и ответчик работают в одном здании или должны ездить на одном автобусе), а также осуществлять телефонные звонки, контакты в социальных сетях или другие контакты с жертвой. Таким образом, любой контакт с может стать преступным посягательством.

Ответчик не обязан присутствовать для вынесения временного запретительного судебного приказа, а срок действия такого приказа, как правило, не превышает одного месяца.

В случае обнаружения домашнего насилия полиция может применить арест сроком до 24 часов, эта норма применяется для того чтобы жертва успела выехать из помещения совместного проживания.

Суды по семейным делам рассматривают дела, когда обидчик и жертва находятся в интимных отношениях, женаты или имеют детей.

Более века во многих штатах превалировала доктрина общего права о супружеском иммунитете, согласно которой супруги не могли предъявлять иски друг другу за телесные повреждения в гражданском суде. Прецедентом послужило дело 1891 г., в котором Верховный суд штата Миссисипи впервые признал доктрину родительского иммунитета. В деле ребенок подал в суд на родителя за то, что тот поместил его в психиатрическую лечебницу. Эти доктрины были основаны на опасениях по поводу разрушения семейной ячейки.

Сегодня законы большинства штатов отошли от этой аргументации, если у членов семьи есть претензии друг к другу, семейная ячейка, вероятно, уже распалась. Стороны должны предстать перед судом. Луизиана является единственным штатом в США, который до сих пор запрещает супругам предъявлять иски друг другу, за исключением определенных обстоятельств. Но супруги, как правило, могут подать в суд друг на друга за умышленные правонарушения.

Несмотря на деятельность, направленную на защиту женщин в их различных ролях, домашнее насилие остается проблемой на всей территории Соединенных Штатов в настоящее время.

Обращаясь к советскому периоду, необходимо отметить, что сам институт брака рассматривался посредством главной цели – создания семьи, а связывающие себя такими отношениями становились равноправными.

Всего в этот период было проведено четыре кодификации семейного права, потребность проведения реформирования законодательства основывалась на развитии общественных отношений и потребностях общества, и если изначально законодательство было направлено на закрепление прав женщин и детей, отмену церковной формы брака, то вторая волна связана с либерализацией семейных отношений, а семья воспринималась в качестве любовно-товарищеского союза членов коммунистического общества.

При этом согласно п. а ст. 3 Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 30.03.1931 г.³, издание обязательных постановлений, предусматривающих административную ответственность в сфере охраны общественного порядка, находилась в юрисдикции органов местного самоуправления (районных исполкомов, городских и сельских советов), рассмотрение дел о нарушении юрисдикционных норм возлагалось на административные комиссии, в последствии компетенция была распатронена на ряд исполнительных органов, в том числе на органы милиции (за нарушение общественного порядка правил).

В 1962 г. юрисдикционным органам было предоставлено право⁴ вместо наложения штрафа сделать нарушителю предупреждение либо передать в отношении его материалы

³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.03.1931 «Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // СУ РСФСР, 1931, № 17, ст. 186.

⁴ Указ Президиума ВС РСФСР от 03.07.1961 «Об утверждении «Положения о товарищеских судах» // Указом Президиума ВС РСФСР от 11.03.1977 документ утратил силу.

в товарищеский суд или общественные организации по месту его работы, учебы или жительства для применения мер общественного воздействия.

Так, ст. 5 Положения о товарищеских судах к компетенции этого органа было отнесено рассмотрение дел о недостойном отношении к женщине, о нарушениях правил внутреннего распорядка в квартирах и общежитиях и иных антиобщественных поступках, не влекущих уголовной ответственности, что по сути подпадает под квалификацию семейно-бытового дебоширства в современной трактовке.

Необходимо отметить, что в качестве одной из мер воздействия товарищеский суд мог возбудить вопрос о выселении виновного из занимаемой квартиры при невозможности совместного с ним проживания.

Можно констатировать, что до 1980 г. отсутствовало системное понимание института административного взыскания, что зачастую приводило к несогласованности в действиях правоприменителя, в том числе по пресечению семейно-бытового насилия, это отражалось и в уголовном законодательстве. Так, Постановлениями ПВС Суда РСФСР от 11.09.1962 № 11/2⁵ указывалось, что в практике привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР от 1960⁶ г. зачастую при квалификации под хулиганством понимают действия лиц, нанеших оскорбления и побои во время ссор на почве семейных конфликтов, что является неверной квалификацией, т. к. если эти действия не повлекли неуважения к другим гражданам, то ответственность должна наступать по ст. 112 УК РСФСР от 1960 г. (умышленное легкое телесное повреждение или побои).

В Российской Федерации проблема домашнего насилия стала предметом общественного обсуждения в 1997 г. В этот период депутатами был представлен законопроект № 97700685-2 «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье», который предполагал создание 1,5 тысячи кризисных центров, 3 тысячи центров оказания помощи семье [6]. В тот период финансовое обоснование стало одной из причин для его свертывания.

В дальнейшем полемика вокруг принятия новых законодательных инициатив проходила в академических кругах, а законодатель только на уровне субъектов РФ вносил в административно-юрисдикционное законодательство ответственность за ряд действий, связанных с бытовым дебоширством, причем практика применения не оказала превентивного влияния на количество правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовой сфере.

Еще одной попыткой институциональных изменений в сфере укрепления института семьи стал законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» [7], вынесенный на рассмотрение в 2016 г., но и его ждала аналогичная законопроекту № 97700685-2 судьба, однако в этот период был принят ФЗ от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁷, предметом которого стали общественные отношения, возникающие в сфере профилактики правонарушений.

В этот же период был декриминализован состав ст. 116 УК РФ⁸, а в административно-юрисдикционное законодательство был введен состав ст. 6.1.1. КоАП РФ⁹, а также реализован институт административной преюдиции за повторное его совершение, которое было введено ст. 116.1 УК РФ.

В последние годы законодателем на уровне субъектов РФ предпринимались попытки по включению в административно-юрисдикционное законодательство составов, связанных с семейно-бытовыми конфликтами, однако их превентивный эффект не достаточен.

Считаем необходимым внести изменения в КоАП РФ путем внесения в гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» статьи 20.36 «Семейно-бытовое дебоширство».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 11.09.1962 № 11/2 «О судебной практике по делам о хулиганстве» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР, № 10, 1962.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР // Утратил силу с 1 января 1997 года (Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ).

⁷ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182 // Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3851 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

В настоящее время необходим комплексный подход для выхода из сложившейся ситуации, одним из направлений должно стать совершенствование законодательства применительно не только к ужесточению законодательства по отношению к правонарушителям, но и комплексная работа ведомств и служб [8], которая должна оперативно выявлять неблагополучные семьи, осуществлять профилактику, а также обеспечивать жертвам необходимую реабилитационную поддержку. Это позволит достигнуть социальной политики государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы. М., 1990.
2. Мартыненко Б.К. Государственное насилие как его понимать? // Власть. 2008. № 8.
3. Гилёва Н.В. Насилие в семье (исторический аспект) // Ведомости УИС. 2015. № 9(160).
4. Омелянчук С. Особенности супружеских отношений в допетровской Руси. URL: <https://rg.ru/2017/08/15/rodina-domostroy.html> (дата обращения: 06.12.2024).
5. Тихонович А.Ю. «Ойкономика» Ксенофонта и русский «Домострой» XVI в.: сходство и отличия // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тез. X Междунар. науч. практ. конф. Минск, 2017.
6. Силласте Г. Почему не принят закон о предотвращении насилия в семье? URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/02_03.htm (дата обращения: 06.12.2023).
7. Законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 20.01.2024).
8. Пестов Р.А. Профилактика семейно-бытового насилия: междисциплинарный аспект / Р. А. Пестов Д. О. Савочкина, Т. Р. Габдуллин // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7(182).

REFERENCES

1. Kashanina T.V. The origin of the state and law. Modern interpretations and new approaches. Moscow, 1990.
2. Martynenko B.K. State violence how to understand it? // Power. 2008. № 8.
3. Gileva N.V. Domestic violence (historical aspect) // Vedomosti UIS. 2015. № 9 (160).
4. Omelianchuk C. Features of marital relations in pre-Petrine Russia. URL: <https://rg.ru/2017/08/15/rodina-domostroy.html> (date of access: 06.12.2024).
5. Tikhonovich A.Y. «Oikonomics» of Xenophon and the Russian «Domostroy» of the XVI century.: similarities and differences // Ideas. The search. Solutions: sat. art. and tez. X International Scientific and Practical Conference. Minsk, 2017.
6. Sillaste G. Why was the law on the prevention of domestic violence not adopted? URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/02_03.htm (date of access: 06.12.2023).
7. Bill № 1183390-6 «On the prevention of domestic violence». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (date of access: 20.01.2024).
8. Pestov R.A. Prevention of domestic violence: an interdisciplinary aspect / R. A. Pestov, D. O. Savochkina, T. R. Gabdullin // Eurasian Law Journal. 2023. № 7(182).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Магомедханова Карина Фаидиновна, аспирант. Ростовский государственный экономический университет. 344022, Российская Федерация г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 166.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Magomedkhanova Karina Faidinovna, postgraduate student. Rostov State University of Economics. 166, M. Gorky St., Rostov-on-Don 344022 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 37–44.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 37–44.

Научная статья

УДК 342.5

СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Фомичев Андрей Андреевич

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация

andry2453@yandex.ru

Введение: эффективность любой деятельности во многом зависит от применяемых средств. Именно они обуславливают получаемый результат. Это в полной мере относится и к деятельности органов внутренних дел. Однако в научной литературе вопрос о средствах, используемых органами внутренних дел, остается мало исследованным, в том числе на теоретическом уровне. В этой связи представляется актуальным осветить, систематизировать и научно осмыслить имеющуюся по данному вопросу информацию. В статье формулируется общетеоретическое определение средств, а также определение средств, используемых в деятельности органов внутренних дел. Автором обосновывается целесообразность выделения двух типов средств: юридических и физических. Предпринимается попытка раскрыть их содержание и показать системное взаимодействие.

Материалы и методы: исследованы действующие правовые акты, правоприменительные материалы и судебная практика. Применены логические (анализ, синтез, абстрагирование, дедукция), общие (диалектический, структурно-функциональный, системный) и специальные (формально-юридический) методы познания.

Результаты исследования: сформулировано общетеоретическое определение средства – это используемое субъектом для преобразования объекта орудие, имеющее инструментальный, прикладной и функциональный характер. В деятельности органов внутренних дел средствами являются используемые ими материальные и нематериальные орудия, обеспечивающие преобразовательное воздействие на общественные отношения для выполнения задач и функций, находящихся в пределах компетенции данных органов. В силу широкого разнообразия средства, используемые в деятельности органов внутренних дел, целесообразно разделять на две категории: юридические и физические. Они находятся в системной взаимосвязи, тесно сочетаются и дополняют друг друга. Юридические средства воздействуют на сознание и волю участников общественных отношений, а также служат предпосылкой и основанием для воздействия на них физическими средствами.

Выводы и заключения: юридические и физические средства являются неотъемлемыми компонентами деятельности органов внутренних дел, позволяющими им как разносторонне, так и избирательно, в зависимости от изменяющихся условий, ситуационных обстоятельств, участников и решаемых задач, воздействовать на общественные отношения и преобразовать их в соответствии с законодательством.

Ключевые слова: средства, юридические средства, физические средства, органы внутренних дел, деятельность органов внутренних дел.

Для цитирования: Фомичев А. А. Средства, используемые в деятельности органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект / А. А. Фомичев / Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 37–44.

Original paper

MEANS USED IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Fomichev Andrey Andreevich

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Introduction: the effectiveness of any activity largely depends on the means used. They are the ones who determine the result obtained. This fully applies to the activities of internal affairs bodies. However, in the scientific literature, the issue of the means used by internal affairs bodies remains poorly studied,

including at the theoretical level. In this regard, it seems relevant to illuminate, systematize and scientifically comprehend the information available on this issue. The article formulates a general theoretical definition of means, as well as a definition of means used in the activities of internal affairs bodies. The author substantiates the expediency of distinguishing two types of funds: legal and physical. An attempt is made to reveal their content and show systemic interaction.

Materials and methods: current legal acts, law enforcement materials and judicial practice were examined. Logical (analysis, synthesis, abstraction, deduction), general (dialectical, structural-functional, systemic) and special (formal-legal) methods of cognition are used.

Results of the study: a general theoretical definition of a means has been formulated - it is a tool used by a subject to transform an object, which has an instrumental, applied and functional nature. In the activities of internal affairs bodies, means are the tangible and intangible tools they use that provide a transformative effect on social relations to perform tasks and functions that are within the competence of these bodies. Due to the wide variety of means used in the activities of internal affairs bodies, it is advisable to divide them into two categories: legal and physical. They are in a systematic relationship, closely combined and complement each other. Legal means influence the consciousness and will of participants in social relations, and also serve as a prerequisite and basis for influencing them by physical means.

Findings and conclusions: legal and physical means are integral components of the activities of internal affairs bodies, allowing them to influence social relations and transform them in accordance with the law, both diversified and selective, depending on changing conditions, situational circumstances, participants and tasks being solved.

Keywords: means, legal means, physical means, internal affairs bodies, activities of internal affairs bodies.

For citation: Fomichev A. A. Means used in the activities of internal affairs agencies: theoretical and legal aspect / A. A. Fomichev // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodological journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 37–44.

Среди значительного количества теоретических и прикладных исследований, посвященных деятельности органов внутренних дел, вопрос об используемых ими средствах, как правило, обходится стороной или упоминается вскользь. В юридической литературе данный вопрос в должной мере не проработан и не освещен. Вместе с тем именно средства обеспечивают продуктивность и результативность осуществляемой деятельности, часто являются важнейшим условием достижения преследуемой цели, что в полной мере относится и к деятельности органов внутренних дел.

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой средство в наиболее общем смысле определяется как орудие, предмет или совокупность приспособлений, используемых для осуществления деятельности или достижения цели [1]. В приведенном определении следует выделить три ключевых компонента, позволяющих понять природу и смысловое содержание средства. Речь идет об орудии (инструменте), цели и деятельности. Каждый из этих компонентов отражает сущностные характеристики любого средства.

Так, орудие или инструмент всегда выступает формой средства, т. е. его внешним выражением, позволяющим ему существовать. В традиционном материалистическом понимании орудие есть материальный предмет, назначение которого состоит в преобразовании объекта. Думается, что сущностно-целевой аспект, состоящий в преобразовательном воздействии, в данном случае является основным, т. к. само орудие, в зависимости от сферы применения, может иметь и нематериальное выражение (юридический, культурологический, социологический, психологический, образовательный инструмент). Именно преобразовательное воздействие материального или нематериального инструмента на объект позволяет считать этот инструмент средством. Следовательно, средство есть инструмент, направленный на преобразование объекта.

Вместе с тем средство отличается не только своей преобразовательной направленностью, но и функциональной способностью, т. е. реальной возможностью осуществить планируемое, достичь преследуемый результат, решить поставленные задачи. В этом состоит прикладной характер средства, производного от заданных целей и задач.

Важно учитывать, что само по себе значение средства оценить достаточно сложно, т. к. его сущность полноценно раскрывается лишь в преобразовательном процессе. Только в нем раскрывается потенциал средства, проявляются его особенности, достоинства и недостатки.

Указанное позволяет констатировать, что средство – это используемое субъектом для преобразования объекта орудие, имеющее инструментальный, прикладной и функциональный характер. Данное определение вполне применимо к органам внутренних дел. Однако рассматривая их в качестве субъекта использования разнообразных средств, важно определить

объект, на который направлена их преобразовательная деятельность. Таковым могут выступать общественные отношения, связанные с выполнением задач и функций, возложенных на органы внутренних дел. Конечно же, в первую очередь, речь идет о защите жизни, здоровья, прав и свобод личности; охране общественного порядка; противодействии преступности; охране собственности; обеспечении общественной безопасности (ч. 1 ст. 1), а также о выявлении и раскрытии преступлений; предупреждении и пресечении правонарушений; розыске лиц; обеспечении правопорядка и безопасности дорожного движения; защите личности, общества и государства от противоправных посягательств (ч. 1 ст. 2). Но в действительности функционирование органов внутренних дел не ограничивается решением указанных задач, а имеет гораздо более широкие рамки, охватывающие собой значительно больший пласт общественных отношений. Помимо перечисленных основных задач, они выполняют множество второстепенных и составных задач, а также осуществляют связанные с ними обеспечивающие виды деятельности: аналитическую, кадровую, информационно-техническую, тыловую, служебно-прикладную, морально-психологическую, культурно-просветительскую, спортивную, медицинскую, научную, образовательную и иные виды деятельности. Вполне очевидно, что каждый из этих видов деятельности, как и решаемые задачи, требует набора определенных средств, позволяющих органам внутренних дел эффективно воздействовать и преобразовывать соответствующие общественные отношения. В связи с этим, принимая во внимание многообразие служб, организаций и подразделений органов внутренних дел, имеющих собственную специфику, а также набор функций, решаемых задач, полномочий и обязанностей, представляется целесообразным обозначить зависимость используемых этими подразделениями (службами, организациями) средств от присущей им компетенции. В таком случае применительно к органам внутренних дел под средствами следует понимать используемые ими материальные и нематериальные орудия, обеспечивающие преобразовательное воздействие на общественные отношения для выполнения задач и функций, находящихся в пределах компетенции данных органов.

Не вызывает сомнений, что объем средств, используемых органами внутренних дел, весьма обширен и разнообразен. Это обусловлено как самой многогранностью решаемых ими задач, так и организационными аспектами их выполнения. Речь идет о различных подразделениях (службах, организациях), видах, формах и методах осуществляемой ими деятельности. Все они предполагают применение индивидуального набора средств. Например, в ходе административной деятельности используются средства блокирования местности, ограничения передвижения, специальная бланковая продукция для составления административного материала. В процессе уголовно-процессуальной деятельности применяются средства обнаружения, фиксации, изъятия доказательственной информации. Оперативно-розыскная деятельность характеризуется применением оперативно-разведывательных и иных средств гласного и негласного получения оперативно-значимой информации. В экспертно-криминалистической деятельности активно и широко используются средства криминалистической техники. То же самое касается правотворческой, правоприменительной, организационной, воспитательной форм, а также общих и специальных методов деятельности, существенно отличающихся друг от друга как решаемыми задачами, так и используемыми для этого средствами.

В силу колоссального объема и широкого разнообразия, все средства деятельности органов внутренних дел целесообразно разделить на две обширные категории, именуемые юридическими и физическими средствами. К первым из них следует отнести правовые акты и нормы, ко вторым – фактически существующие предметы (орудия, инструменты). Данные категории средств тесно взаимосвязаны между собой. Их соотношение зависит от исторических, политических, культурных, социально-экономических условий развития общества. Характерной особенностью правового государства является то, что юридические средства выступают основанием, т. е. обязательным условием и предпосылкой использования физических средств. Юридические средства прокладывают нормативный путь для легального применения специальной техники, аппаратуры, устройств, механизмов и оружия. В свою очередь, физические средства реально воздействуют на общественные отношения, изменяют объективную действительность, позволяют решить ситуационные, тактические и стратегические задачи. Системное взаимодействие юридических и физических средств обеспечивает реализацию законодательно предписанного результата.

В литературе юридические средства определяются весьма разнообразно:

– как институциональные явления правовой сферы, воплощающие регулятивную силу права [2, с. 149];

- субстанциональные явления правовой действительности, представляющие регулятивную силу и энергию права [3, с. 14];
- институционально-функциональные образования, отражающие динамическую сторону правовых явлений [4, с. 120];
- институциональные образования правовой действительности, использование которых в специальной правовой деятельности приводит к достижению определенного результата и решению социально-экономических, нравственных, политических и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе [5, с. 56];
- инструментальные образования правовой действительности, направленные на достижение определенных результатов в процессе юридической деятельности [6, с. 180];
- юридические инструменты, упорядочивающие общественные отношения и удовлетворяющие интересы субъектов права [7, с. 450];
- инструменты правового регулирования, предусмотренные правовыми нормами, а также обусловленные конкретными целями и задачами [8, с. 7].

Несмотря на имеющиеся различия, анализ представленных определений юридических средств позволяет выявить их сущностные признаки и черты. Прежде всего, стоит подчеркнуть, что юридические средства – это субстанциональные элементы самого права. Поэтому, с одной стороны, они являются строительным материалом права, а с другой – его проводником, производящим регулятивное воздействие на общественные отношения. Использование юридических средств обусловлено индивидуальными, общественными и государственными интересами (потребностями), формирующими соответствующие цели и задачи. Их решение составляет основное предназначение юридических средств, выступающих инструментом в данном процессе. В то же время такие инструменты действуют пассивно и номинально до тех пор, пока не происходит их непосредственное применение в конкретном правоотношении. Именно тогда раскрывается их потенциал и высвобождается регулятивная энергия правового воздействия, позволяющая достичь цели и выполнить поставленные задачи. Следовательно, в своем сущностном выражении юридические средства представляют собой субстанциональные элементы права, оказывающие регулятивное воздействие на общественные отношения для реализации законных интересов субъектов права и выполнения обусловленных правом задач.

Содержание юридических средств также разнообразно. В широком смысле сюда включают правовые явления, факторы, феномены, условия [9, с. 358–359]; в узком смысле – запреты, дозволения, обязывания [5, с. 40]; субъективные права и обязанности, меры поощрения и наказания, запреты и льготы [8, с. 36]. Достаточно спорным представляется суждение о причислении к правовым средствам правоотношения, юридического факта [2, с. 149], правосознания [7, с. 451] и иных сложных, многосоставных явлений правовой действительности [4, с. 128–133]. А.В. Мильков по данному поводу справедливо указывает, что во многих исследованиях размывается смысл и содержание понятия «юридическое средство». Под ним понимаются самые разноплановые субстанции, что сказывается на его практическом использовании [10, с. 114].

Думается, что в узком смысле юридическое средство следует рассматривать исключительно в прикладном значении – как инструмент, преобразующий правовую, а впоследствии и социальную действительность. Прежде всего, речь идет о тех инструментах, использование которых влечет возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. Обязанности, запреты, дозволения и акты их применения воздействуют на общественные отношения, придают им юридический характер и тем самым преобразуют их в правоотношения. Посредством юридических средств данные отношения организуются, упорядочиваются, изменяются, регулируются. Очевидно, что правоотношения, как и общественные отношения, в данном случае выступают объектом, а не инструментом юридического воздействия. Они не могут преобразовывать и изменять сами себя. Для этого требуются средства, имеющие самостоятельную юридическую природу. Поэтому логико-смысловое слияние правовых объектов и юридических средств, т. е. причисление правоотношений к последним, является совершенно необоснованным. То же самое касается юридических фактов и иных более крупных образований правовой системы (правового режима, правового порядка), которые возникают и трансформируются не сами по себе, а вследствие целенаправленного систематического использования юридических средств. В свою очередь, правосознание, напротив, является неотделимым атрибутом и свойством субъекта права. Оно не влечет ни юридических фактов, ни правоотношений, однако позволяет оценить ситуацию, юридически интерпретировать ее, выбрать и применить подходящее правовое средство. Именно такое толкование

позволяет провести логико-смысловую, методологическую и формально-юридическую границу между правовыми средствами и иными явлениями правовой сферы. Следовательно, несмотря на то, что юридическое средство находится в тесной взаимосвязи с другими институтами правовой системы, оно вполне самостоятельно и имеет собственную юридическую природу, отличную от элементов объекта, субъекта и иных правовых образований.

Носителем или внешним выражением юридического средства являются нормы права и акты их применения. Включая в себя права, обязанности, запреты, ограничения, стимулы, правовая норма преобразует существующие общественные отношения в правовые отношения, выступает основанием возникновения новых правоотношений, изменяет их характер и содержание. Она является первичным и основным инструментом воздействия на объект права. Однако в действительности правовые нормы соблюдаются и исполняются далеко не всеми и не всегда. В таком случае они не достигают должного эффекта, не выполняют свои задачи. Лишь непосредственное применение правовых норм раскрывает потенциал и содержащуюся в них юридическую силу, оказывающую регулятивно-преобразующее воздействие на общественные отношения (вынесение судебного постановления, привлечение правонарушителя к ответственности, разрешение имущественного спора, рассмотрение заявлений, жалоб и принятие юридических решений по ним). Сила такого воздействия позволяет решить индивидуальные, общественные и государственные задачи, достичь цели правового регулирования и воплотить запланированный результат.

Являясь субъектом правоприменительной деятельности, органы внутренних дел используют широкий перечень юридических средств, которые в зависимости от отраслей права могут быть классифицированы на конституционно-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-процессуальные и иные средства [11, с. 142]. Наиболее универсальными из них являются запреты, обязывания и дозволения [12, с. 349]. При этом возможности данных органов могут существенно расширяться за счет использования таких юридических средств, как стимулы, поощрения и ограничения, воздействующих на общественные отношения и на деятельность самих органов внутренних дел.

Каждое из используемых органами внутренних дел юридических средств определенным образом воздействует на сознание и волю участников общественных отношений либо создает предпосылки для физического воздействия на них. Разнообразие юридических средств позволяет органам внутренних дел успешно адаптироваться к ситуационным обстоятельствам, избирательно реагировать на изменяющуюся обстановку и участников общественных отношений в зависимости от их поведения, внешних условий, преследуемых целей и иных обстоятельств.

Так, например, правовые ограничения наиболее часто используются органами внутренних дел для пресечения или предотвращения противоправного поведения. Правоограничительные средства позволяют данным органам эффективно и своевременно защитить жизнь, здоровье, достоинство, собственность, права и свободы граждан. Их применение также распространено в условиях действия особых конституционно-правовых режимов (военного положения, чрезвычайного положения), вводимых при наличии экстремальных обстоятельств: стихийных бедствий, массовых беспорядков, вооруженных межнациональных конфликтов, крупных аварий и катастроф, эпидемий, террористических актов. Используемые в таких условиях правовые ограничения позволяют прекратить панику, стабилизировать обстановку, спасти людей, своевременно оказать помощь пострадавшим, предотвратить мародерства, не допустить совершения тяжких преступлений и в конечном счете гарантировать защиту прав, свобод и законных интересов граждан [13, с. 24].

Одной из форм правовых ограничений являются запреты, обозначающие наиболее опасные проявления человеческого поведения и ограждающие общество от их совершения. Выделяя из общей массы крайне деструктивные деяния, причиняющие вред личности, обществу и государству, запреты заставляют воздерживаться от них под силой принуждения и угрозой наказания. При этом запреты выполняют охранительную функцию, возводят особо важные ценности и общественные отношения в ранг господствующих и неприкасаемых. Органы внутренних дел контролируют действие запретов, сконцентрированных в Уголовном Кодексе Российской Федерации и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Они предупреждают граждан о недопустимости запрещенных деяний, ориентируют их о пределах правомерного и дозволенного поведения. Нарушение запрета означает совершение преступления или административного правонарушения, на которые незамедлительно реагируют органы внутренних дел, чтобы защитить охраняемые ценности и привлечь виновного к ответственности.

Юридическая ответственность есть мера принуждения, отражающая реакцию государства на совершенное правонарушение [14, с. 16]. Она выражается в претерпевании последствий неправомерного поведения. Такие последствия наступают в результате неисполнения субъектом адресованных ему правовых требований, заключенных в запретах или обязанностях. Юридическая ответственность выполняет инструментальную роль, служит стабилизации и упорядочиванию общественных отношений [11, с. 144], направлена на обеспечение реального и надлежащего исполнения правовых требований [12, с. 356–357]. Юридическая ответственность концентрируется в санкциях, которые являются частью правовой нормы, предусматривающей материальные, физические, психические и иные неблагоприятные последствия для нарушителя установленного правила поведения (предписания). Органы внутренних дел привлекают правонарушителей к юридической ответственности посредством применения к ним установленных законом санкций. Однако нередко они лишь обеспечивают данный процесс: пресекают преступления и правонарушения, фиксируют их фактические обстоятельства, осуществляют поиск доказательственной информации, контролируют и доставляют нарушителей правопорядка к местам уголовного или административного судопроизводства, снабжают суд необходимыми материалами для привлечения данных лиц к ответственности.

Не менее важны применяемые в деятельности органов внутренних дел правовые поощрения. Они используются данными органами для стимуляции социально полезного поведения граждан. Правовые поощрения направлены на расширение добровольных положительных действий участников общественных отношений (оказание помощи в раскрытии и расследовании преступления, задержание преступника, помощь в осуществлении отдельных мероприятий). Примечательно, что поощрение граждан, оказавших помощь полиции в выполнении возложенных на нее обязанностей, является законодательно установленным правом органов внутренних дел (ч. 1 п. 34 ст. 13)¹, которое используется ими для побуждения населения к содействию и взаимодействию.

Каждое из используемых в деятельности органов внутренних дел юридических средств обладает спецификой, что позволяет им индивидуальным образом воздействовать на граждан и в соответствии с законодательством преобразовать общественные отношения. Вместе с тем юридические средства являются лишь предпосылкой и основанием для применения физических средств, а также для осуществления органами внутренних дел реальных действий (полномочий). Последние обладают наибольшей эффективностью в трансформации социальной действительности.

Физические средства, используемые в деятельности органов внутренних дел, весьма разнообразны. Они различаются в зависимости от целевого назначения и функциональных особенностей служб, подразделений, организаций системы МВД России, а также от осуществляемых ими видов деятельности. Имеются ввиду как основные (административная, оперативно-розыскная, уголовно-процессуальная, экспертно-криминалистическая), так и второстепенные (информационно-техническая, тыловая, служебно-боевая, морально-психологическая, культурно-просветительная, спортивно-прикладная, научно-образовательная, финансово-экономическая) виды деятельности, каждой из которых присущ индивидуальный набор средств, обеспечивающих их полноценную реализацию.

Например, административная деятельность органов внутренних дел осуществляется благодаря использованию средств охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, безопасности дорожного движения, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. К таким средствам относятся: служебные автомобили и иные транспортные средства, специализированные бланки, средства организации дорожного движения и контроля за ним, автоматизированные рабочие места, служебные собаки, стационарные посты, средства защиты, блокирования участков местности, досмотра граждан, аудио-, видео- и фотофиксации, средства связи и передачи информации.

Оперативно-розыскная деятельность реализуется посредством использования средств обнаружения, фиксации и изъятия оперативно-значимой информации. Данные средства позволяют эффективно проводить оперативно-розыскные мероприятия и задерживать лиц, совершивших преступления; выявлять и документировать преступные действия проверяемых и разрабатываемых лиц; создавать условия для образования дополнительных следов преступника на месте совершенного или подготавливаемого им деяния. Такими средствами, как правило, выступают негласно используемые устройства, аппараты, оборудование, инструменты. Ими являются средства дактилоскопирования, скрытой звукозаписи, фото- и

¹ О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru>.

видеосъемки, поисковая техника, средства прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов связи, средства проникновения и обследования помещений, контроля почтовых сообщений и отправлений, исследования предметов и документов, химические окрашивающие и иные вещества [15, с. 75].

Уголовно-процессуальная деятельность связана с использованием средств, обеспечивающих расследование преступления, собирание и исследование доказательственной информации, проведение следственных и иных процессуальных действий. Процедуры использования данных средств отличаются гласным характером применения и четкой процессуальной регламентацией совершаемых действий.

Экспертно-криминалистическая деятельность широко использует средства криминалистической техники, обеспечивающие обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование следов преступления. Перечень таких средств достаточно разнообразен, в связи с чем они классифицируются по различным основаниям: способу применения, целевому назначению, субъектам применения, природе возникновения. К поисковым средствам относят металлодетекторы, гидролокаторы, толщиномеры, подводные металлоискатели, химические реагенты, наборы для обнаружения биологических следов, дактилоскопические порошки, газоанализаторы, щупы, буры, приборы ночного видения, тепловизоры, ультрафиолетовые, инфракрасные и гамма-излучатели, рентгенографические установки, увеличительные и осветительные приборы. В качестве средств фиксации и изъятия следов преступления выступают наборы для изготовления слепков (компаундные пасты, растворы, аэрозоли), дактилоскопические пленки, тампоны, пробирки, салфетки, специализированные пакеты, конверты, пилы, отвертки, стеклорезы, стамески, микропылесборники, фото-, аудио- и видеозаписывающая аппаратура, криминалистические чемоданы, специализированные наборы и комплекты для работы со следами. Средствами исследования следов преступления являются наборы химических веществ-индикаторов, измерительные устройства и приборы, многочисленное экспертное оборудование и установки, позволяющие сравнивать, сканировать и глубоко анализировать информацию, содержащуюся в исследуемом объекте [16, с. 132–137].

Таким образом, средства, используемые в деятельности органов внутренних дел, представляют собой систему юридических и физических инструментов, обеспечивающих преобразовательное воздействие на общественные отношения для борьбы с преступностью, охраны прав и свобод человека, собственности, обеспечения законности, правопорядка, а также для выполнения иных задач и функций, находящихся в пределах компетенции данных органов. Юридические и физические средства находятся в системной взаимосвязи, тесно сочетаются и дополняют друг друга. Юридические средства воздействуют на сознание и волю участников общественных отношений, а также служат предпосылкой и основанием для воздействия на них физическими средствами. С учетом специфики осуществляемой деятельности, участников общественных отношений и решаемых задач разнообразие используемых средств позволяет органам внутренних дел обеспечивать разностороннее и в то же время избирательное преобразование общественных отношений. В целом используемые органами внутренних дел средства являются неотъемлемым компонентом их профессиональной деятельности, а также важнейшим условием достижения преследуемых ими служебных и социальных целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2003.
2. Шундилов К.В. Юридические средства реализации правовой политики // Правоведение. 1997. № 4.
3. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6.
4. Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
5. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.
6. Сапун В.А., Турбова Я.В. Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3.
7. Пискунова О.В. Общесоциальные и специально-юридические средства обеспечения реализации правовых норм // Известия Саратовского университета. 2019. Т. 19. Вып. 4.

8. Попинов П.В. Правовые средства регулирования рыночных отношений в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2005.
9. Проблемы теории государства и права: учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. М., 2003.
10. Мильков А.В. К определению понятия «правовые средства» // Бизнес в законе. 2009. № 1.
11. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. 2012. № 1.
12. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
13. Барбин В.В. Органы внутренних дел (полиция) как субъект реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2.
14. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград, 1996.
15. Вайсгейм И.Р. Понятие, классификация специальной техники органов внутренних дел // Вестник Уральского университета – Института экономики, управления и права. 2018. № 2.
16. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. М., 2007.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradova. Moscow, 2003.
2. Shundikov K.V. Legal means of implementing legal policy // Jurisprudence. 1997. № 4.
3. Alekseev S.S. Legal means: problem statement, concept, classification // Soviet State and Law. № 6. 1987.
4. Baturina Yu.B. Legal form and legal means in the system of concepts of legal theory: diss. ...candidate of jurisprudence. Moscow, 2001.
5. Sapun V.A. The theory of legal means and the mechanism for implementing law: diss. ... doctor of jurisprudence. Nizhny Novgorod, 2002.
6. Sapun V.A., Turbova Y.V. Instrumental theory of law and legal means as elements of legal technology // Leningrad Legal Journal. 2010. № 3.
7. Piskunova O.V. General social and special legal means of ensuring the implementation of legal norms // News of Saratov University. 2019. T. 19. № 4.
8. Popinov P.V. Legal means of regulating market relations in modern Russia: diss. ... candidate of jurisprudence. Nizhny Novgorod, 2005.
9. Problems of the theory of state and law: textbook / ed. M.N. Marchenko. Moscow, 2003.
10. Milkov A.V. Towards the definition of the concept of «legal means» // Business in law. № 1. 2009.
11. Medvedev S.M., Chislov A.I. Rights, freedoms and legitimate interests of citizens: forms and means of protection // Legal field of modern economics. № 1. 2012.
12. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow, 1966.
13. Barbin V.V. Internal affairs bodies (police) as a subject of implementation of the constitutional and legal regime of restriction of the rights and freedoms of man and citizen // Man: crime and punishment. № 2. 2016.
14. Chirkov A.P. Responsibility in the legal system. Kaliningrad, 1996.
15. Weisgeim I.R. Concept, classification of special equipment of internal affairs bodies // Bulletin of the Ural University – Institute of Economics, Management and Law. № 2. 2018.
16. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensics: a textbook for universities. Moscow, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомичев Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302028, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fomichev Andrey Andreevich, PhD in Law, Lecturer of the Department of criminalistics and preliminary investigation in internal affairs agencies. Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatov St., Orel 302028 Russian Federation.

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 45–51.
Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 45–51.

Научная статья

УДК 347.78

О ПРЕДМЕТЕ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА

Демьяненко Елена Владимировна

Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
elena.demianenko@gmail.com

Шпак Андрей Викторович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
a161aa161@mail.ru

Введение: принципиальное значение института интеллектуальной собственности во многом обусловлено тем, что результаты интеллектуальной деятельности, обладая уникальностью и потенциалом инновационности, занимают особое место в экономическом обороте, являясь источником дохода, а часто и его получения выше уровня, сложившегося на рынке. Результаты интеллектуальной деятельности (РИД) весьма специфичны по своей природе, поэтому их использование (общественный оборот) обладает существенными особенностями.

Интеллектуальная деятельность, а значит и использование ее результатов, имеет место во всех сферах жизни общества – экономике, науке, культуре, искусстве, государственном управлении и др. Несмотря на различия в содержании интеллектуальной деятельности в каждой из сфер общественной жизни, в механизме использования ее результатов есть общая фундаментальная основа – их защита.

Принципиально важно для нормального осуществления экономического оборота продуктов интеллектуальной деятельности наличие в его механизме особых элементов защиты, возникающих в ходе данного оборота прав создателей данного продукта, что во многом обуславливает его статус как объекта интеллектуальной собственности. Исследование лицензионного договора необходимо для развития законодательства в этой области, защиты прав правообладателей и пользователей, создания комплексного механизма защиты интеллектуальных прав. Авторы представленной работы проводили изучение правовой природы лицензионного соглашения, настоящее исследование является продолжением работы в этом направлении [1, с. 47–50]. Поиск новых подходов регулирования отношений по передаче исключительных прав требует современная повсеместная цифровизация. Существенной особенностью РИД, в которой находит продолжение их уникальность, является наличие у них в той или иной мере инновационного потенциала.

Лицензионный договор не относится к числу основательно проработанных гражданско-правовых институтов, следует заметить, что научный интерес к данному институту в настоящее время недостаточен, хотя в начале 21 столетия были представлены диссертационные исследования в этой области (Е.П. Калиничева, Т.А. Маторина, Б.Е. Семенюта, Г.Н. Чернишкина, Л.Н. Хасимова).

Тем самым подтверждается актуальность и необходимость комплексного изучения лицензионного договорного обязательства с целью развития законодательства.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы.

Результаты исследования: в представленной работе исследуется лицензионный договор, его предмет, определяется момент его заключения, анализируется судебная практика. Авторы определили предмет лицензионного договора. Исследование лицензионного договора в плоскости его предмета позволяет утверждать о возможности только консенсуальной конструкции данного обязательства.

Выводы и заключения: лицензионный договор является одним из юридических инструментов, опосредующих передачу права на использование РИД. Правильное определение предмета лицензионного договора является гарантией как для его исполнения, так и правильной квалификации возможного спора, а в последующем и его разрешения. Практическую значимость имеет верное определение момента возникновения

договорного обязательства. Исследование предмета лицензионного договора позволяет определить его как консенсуальную конструкцию, что влечет изменение п. 1 ст. 1235 ГК РФ. К существенным условиям лицензионного договора относятся: предмет, способы использования, цена (для возмездной лицензии).

Ключевые слова: предмет, исключительное право, лицензия, передача права, результат интеллектуальной деятельности.

Для цитирования: Демьяненко Е. В., Шпак А. В. О предмете лицензионного договора / Е. В. Демьяненко, А. В. Шпак // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024 № 2(109). – С. 45–51.

Original paper

ABOUT THE SUBJECT OF THE LICENSE AGREEMENT

Demyanenko Elena Vladimirovna

Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Shpak Andrey Viktorovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the fundamental importance of the institute of intellectual property is largely due to the fact that the results of intellectual activity, having uniqueness and the potential for innovation, occupy a special place in economic turnover, being a source of income, and often its receipt above the level prevailing in the market. The results of intellectual activity (RID) are very specific in nature, therefore their use (social turnover) has significant features.

Intellectual activity, and hence the use of its results, takes place in all spheres of society – economics, science, culture, art, public administration, etc. Despite the differences in the content of intellectual activity in each of the spheres of public life, there is a common fundamental basis in the mechanism of using its results – their protection.

It is fundamentally important for the normal implementation of the economic turnover of intellectual property products that there are special elements of protection in its mechanism that arise during this turnover of the rights of the creators of this product, which largely determines its status as an object of intellectual property. The study of the license agreement is necessary for the development of legislation in this area, the protection of the rights of copyright holders and users, and the creation of a comprehensive mechanism for the protection of intellectual rights. The authors of the presented work conducted a study of the legal nature of the license agreement, this study is a continuation of work in this direction. The search for new approaches to regulating relations on the transfer of exclusive rights requires modern widespread digitalization. An essential feature of the RIDs, in which their uniqueness is continued, is the presence of their innovative potential to one degree or another.

The license agreement is not one of the thoroughly developed civil law institutions, it should be noted that scientific interest in this institute is currently insufficient, although at the beginning of the 21st century dissertation research in this field was presented (E.P. Kalinicheva, T.A. Matorina, B.E. Semenyuta, G.N. Chernichkina, L.N. Hasimov).

This confirms the relevance and necessity of a comprehensive study of the licensing contractual obligation in order to develop legislation.

Materials and methods: the research uses dialectical, formal-legal, comparative-legal, systemic-structural methods.

Results of the study: the presented work examines the license agreement, its subject matter, determines the moment of its conclusion, and analyzes judicial practice. The authors have identified the subject of the license agreement. Studying the license agreement in terms of its subject matter allows us to assert the possibility of only a consensual interpretation of this obligation.

Findings and conclusions: the license agreement is one of the legal instruments mediating the transfer of the right to use the RID. The correct definition of the subject of the license agreement is a guarantee for both its execution and the correct qualification of a possible dispute, and subsequently its resolution. The correct definition of the moment of occurrence of a contractual obligation is of practical importance. The study of the subject of the license agreement allows us to define it as a consensual construction, which entails a change in paragraph 1st. 1235 of the Civil Code of the Russian Federation. The essential terms of the license agreement include: subject matter; methods of use; price (for a paid license).

Keywords: subject matter, exclusive right, license, transfer of rights, result of intellectual activity.

For citation: Demyanenko E. V., Shpak A. V. About the subject of the license agreement / E. V. Demyanenko, A. V. Shpak // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 45–51.

Объекты интеллектуальной собственности не являются результатом работы машины или системы машин, включая усилия так называемого искусственного интеллекта, они имеют непосредственно человеческое происхождение. Интеллектуальные продукты (в отличие от результатов материального производства) обладают уникальностью, представляя собой результат деятельности совершенно конкретных лиц, являющихся их авторами. Авторская определенность – характерная черта результатов интеллектуальной деятельности, как в сфере художественного творчества, так и технического. Появление где-то полной копии интеллектуального продукта – скорее случайность, нежели итог целенаправленных действий.

Автор наделяется большим объемом прав личного и имущественного характера в отношении созданного им произведения. Особую значимость имеет право на использование произведения, которое именуется как особое исключительное право, которым можно распоряжаться (ст. 1229 Гражданского кодекса РФ) [2].

Передача права на использование охраняемого объекта интеллектуальной собственности осуществляется с помощью определенных юридических средств, среди которых лицензионный договор, договор об отчуждении исключительного права, договор коммерческой концессии. Соответственно, конститутивное значение для раскрытия темы имеет определение исключительного права, т. к. потребление объектов РИД – это не потребление как таковое, а его использование, причем, возможно без временных границ с сохранением полезных свойств. Право на такое использование дает такой юридический инструмент как лицензия.

Обратим внимание на то, что теория исключительности авторских прав была на высоком уровне разработана российскими правоведом дореволюционного периода [3, с. 174]. В условиях отсутствия конкуренции не было необходимости разработки юридических инструментов по передаче исключительных прав, что и было характерно для советского периода.

В начале 90-х гг. был разработан большой массив законодательных актов, направленных на регулирование интеллектуальной собственности. Подготовка нормативных основ потребовала серьезного изучения сущности исключительного права и его восстановления. Однако комплексного исследования института исключительного права в 90-е гг. не получилось, были допущены ошибки в подходе к правовому регулированию сложных отношений, что, к сожалению, отразилось на уровне ч. 4 Гражданского кодекса РФ.

Особенности правового регулирования лицензионного договора предопределены характером передаваемого права и нуждаются в разработке детальных правил. Опосредование отношений между пользователем и правообладателем с помощью лицензии направлено на уточнение условий такого пользования и самого объекта, права по которому передаются.

Так как существует многообразие объектов интеллектуальной собственности, то для лицензионного договора предусмотрены правовые нормы общие и специальные (ст. 1235 ГК РФ, ст. 1286 ГК РФ, ст. 1308 ГК РФ, ст. 1367 ГК РФ, 1428 ГК РФ, 1469 ГК РФ, 1489 ГК РФ). Заметим, что названия статей, содержащих правила для лицензионных соглашений в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности сходны и тем самым четко определяют его предмет.

Современные цивилисты характеризуют лицензионный договор как «самостоятельный гражданско-правовой договор».

А.П. Сергеев пишет: «Выступая в качестве особого вида гражданско-правового договора, авторский договор, в свою очередь, подразделяется на ряд разновидностей, каждая из которых имеет свои особенности» [3, с.175].

Законодатель закрепил в ст. 1235 ГК РФ определение рассматриваемого обязательства. Соответственно, лицензионные договоры применительно к отдельным объектам основаны на общем легальном определении.

В рамках своих научных интересов авторы уже обращались к проблемам правовых основ лицензионного договора и резюмировали, что «лицензионный договор – соглашение, в силу которого лицензиар (обладатель исключительного права) обязуется предоставить лицензиату в установленных пределах право использования объекта интеллектуальной собственности» [1, с. 47].

Рассуждая о предмете лицензии, обратим внимание также на правовую природу договора, определенную законодателем. Посмотрим на закрепление законодателем конструкции лицензионного договора не только как консенсуального, но и реального. Оправдан ли такой подход

именно к договору о передаче комплекса исключительных прав? Почему законодатель предоставил выбор модели поведения для сторон – лицензиара и лицензиата? Как известно, в гражданском праве преобладает консенсуальная конструкция договорных обязательств, что является закономерным принципом регулирования договорных отношений. В юридической литературе существуют разные мнения относительно лицензионного договора как реального [4, с. 58].

Е.П. Калиничева в диссертационном исследовании утвердительно определяет возможность реальной конструкции договора [5, с. 7].

По вопросу правовой природы лицензионного договора солидарны с позицией, представленной Э. Гавриловым: «Передача (предоставление) права не является передачей имущества, а в п. 2 ст. 433 ГК РФ указано, что для заключения реального договора требуется как раз передача имущества» [6, с. 62].

Закрепление конструкции лицензионного договора как реального, на наш взгляд, нельзя назвать правильным и соответствующим сущности исключительного права. Не согласимся с имеющимся в юридической литературе подходом «необходимость передачи не вещи, а имущественного права по договору сама по себе не может исключать отнесение договора к группе реальных договоров» [7, с. 51]. Важнейшей особенностью продажи интеллектуального продукта является то, что зачастую при этом не происходит смена его собственника. По сути дела, здесь имеет место продажа права пользования РИД. Поэтому потребление данного «товара», т. е. извлечение его полезных свойств, в корне отличается от потребления товара-вещи, которое ограничено во времени и связано с постепенным снижением его полезности.

По мнению Г.Н. Черничкиной, «передача исключительного права не может быть осуществлена путем фактических действий» [8, с. 78]. Не совсем понятна представленная позиция автора, т. к. исключительное право на использование, несмотря на особенности, имеет имущественный характер и его предоставление (передача) осуществляется путем действий.

Как известно, в рыночных условиях продукты интеллектуальной деятельности, как и подавляющее большинство результатов производительной деятельности человека, обретают форму товара, т. е. вещи, предназначенной для купли-продажи. При этом РИД как товар обладает существенными особенностями, главной из которых является его уникальность, авторская исключительность, что в значительной мере определяет специфику экономического оборота интеллектуального продукта, всех его стадий.

В практике судов условие лицензионного договора о способе использования объекта, права на которые переданы, исследуется достаточно внимательно. Суд по интеллектуальным правам по делу № А76-45439/2020 указывает на перечисленные в п. 6 ст. 1235 ГК РФ «существенные условия лицензионного договора» [9].

Итак, предметом лицензионного договора является предоставление права на использование определенного в соглашении РИД. Для лицензионного договора необходимо четкое определение пределов использования, включающих срок использования, территорию, способы использования. Причем установление пределов использования имеет место и в простой лицензии и исключительной.

Изучение положений ст. 1235 ГК РФ позволяет сделать вывод: к существенным условиям лицензионного договора относятся предмет; способы использования; цена (для возмездной лицензии).

Согласно абз. 1 п. 6 ст. 1235 ГК РФ, «предмет договора определяется путем указания на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, право на использование которых предоставляется».

В юридической литературе встречаются иногда рассуждения о недостаточности установленных законодателем существенных условий для лицензии. Так, В.С. Витко рассматривает возможным «условие об объекте лицензии» включить в перечень существенных условий [10, с. 281]. Полагаем излишним такое предложение по причине того, что в предмете лицензии обязательно должен быть указан объект, по поводу которого передаются права.

Исследование лицензионного договора проводится с параллельным ознакомлением с судебной практикой. Суды при рассмотрении споров, вытекающих из лицензионных договоров, особое внимание уделяют предмету договора и делают правовую оценку.

Так, Арбитражный суд Поволжского округа (Постановление от 24 октября 2023 г. по делу № А72-7155/2021), исследуя условия лицензионного договора, заключенного между ООО и авторами, акцентировал внимание на предмет договора – «лицензиар обязуется предоставить лицензиату право использовать пакеты конструкторских документов».

Для исследования заявленной темы обратимся к судебной практике о признании лицензионного договора недействительным. Важным в этом изучении является предмет доказывания по таким делам и оценка судом условия, которое стороны определили как предмет договора. Зачастую недобросовестный контрагент пытается прибегнуть к использованию такого способа защиты как признание договора недействительным. Суды очень внимательно исследуют содержание лицензионных договоров, наличие согласия по существенным условиям и вопросы их исполнения. Правильное определение предмета лицензионного договора является гарантией как для его исполнения, так и правильной квалификации возможного спора, а в последующем и его разрешения.

Так, Семнадцатый апелляционный суд отказал в удовлетворении апелляционной жалобы ответчика о признании лицензионного договора недействительным [11]. Осуществляя пересмотр решения, изучая дело, суд апелляционной инстанции согласился с позицией суда первой инстанции о наличии лицензионного договора, стороны определили все условия лицензии, включая и вознаграждение. Доводы ответчика не были признаны состоятельными, по сути, его позиция была определена нежеланием отвечать за неисполнение договора.

Показательным является определение по делу с участием Российского авторского общества, в котором Верховный Суд РФ по результатам изучения содержания лицензионного договора определил: «В заключенном лицензионном договоре предусмотрен предмет договора – обнародованные произведения, входящие в реестр произведений (репертуар) РАО» [12].

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд оставил в силе решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требования о признании лицензионного договора недействительным. В результате исследования лицензионного договора суд указал: «Условия договора позволяют с достаточной степенью определенности уяснить смысл предмета договора и используемых объектов, договор был подписан без возражений, реально исполнялся истцом» [13].

Наряду с лицензионным договором законодатель предусматривает и более широкую договорную конструкцию – договор об отчуждении исключительного права, который, однако, не получил такого распространения, видимо, по причине его существенных особенностей – полной замены правообладателя. В договоре об отчуждении исключительного права по сути происходит полная замена правообладателя, то есть автор сохраняет лишь неимущественные права в отношении произведения. При разрешении спорных ситуаций важно правильно квалифицировать имеющееся договорное отношение. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что «договор, по которому правообладатель отчуждает исключительное право, но в то же время вводит ограничения (например, по срокам, территории, способам использования соответствующего результата или средства) либо устанавливает срок действия этого договора, с учетом положений ст. 431 ГК РФ может быть квалифицирован судом как лицензионный договор» [14].

Лицензионный договор является одним из юридических инструментов, опосредующих передачу права на использование РИД. Правильное определение предмета лицензионного договора является гарантией, как для его исполнения, так и правильной квалификации возможного спора, а в последующем и его разрешения. Практическую значимость имеет верное определение момента возникновения договорного обязательства. Исследование предмета лицензионного договора позволяет определить его как консенсуальную конструкцию, что влечет изменение п. 1 ст. 1235 ГК РФ. К существенным условиям лицензионного договора относятся: предмет; способы использования; цена (для возмездной лицензии).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демьяненко Е.В., Шпак А.В. Понятие и правовая природа лицензионного договора // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4(91).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

3. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Т. 3
4. Рузакова О.А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: учебно-практическое пособие для магистров. М., 2017.
5. Калиничева Е.П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
6. Гаврилов Э. Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // Хозяйство и право. 2019. № 2.
7. Петкилев П.И. Договорные основания использования объектов смежных прав // Цивилист. 2023. № 4.
8. Черничкина Г.Н. О природе договора об отчуждении исключительного права и его месте в системе гражданско-правовых договоров // Российское правосудие. 2016. № 6.
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28 июня 2022 г. № С01-810/2022 по делу № А76-45439/2020. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Витко В.С. Гражданско-правовая природа лицензионного договора. М., 2011.
11. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 апреля 2023 г. по делу № А71-8042/2022. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2012 г. № 18-В12-37. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2023 г. по делу № А65-14723/2022. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

REFERENCES

1. Demyanenko E.V., Shpak A.V. The concept and legal nature of a license agreement // Jurist-Pravoved. 2019. № 4 (91).
2. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 12/18/2006 № 230-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 25.12.2006. № 52 (1 hour). Article 5496.
3. Civil law: textbook: in 3 vols. 3 / E. N. Abramova, N. N. Averchenko, Yu. V. Baigusheva [et al.]; edited by A. P. Sergeev. 2nd ed., reprint. and add. Moscow, 2016.
4. Ruzakova O.A. Agreements on the creation of the results of intellectual activity and the disposal of exclusive rights: an educational and practical guide for masters. Moscow, 2017.
5. Kalinicheva E.P. License agreement as the basis for the obligation. Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Rostov-on-Don, 2011.
6. Gavrilov E. Consensual and real contracts in part four of the Civil Code of the Russian Federation // Economy and law. 2019. № 2.
7. Petkilev P.I. Contractual grounds for the use of objects of related rights // Civilist. 2023. № 4.
8. Chernichkina G.N. On the nature of an agreement on the alienation of an exclusive right and its place in the system of civil law contracts // Russian justice. 2016. № 6.
9. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated June 28, 2022 № C01-810/2022 in case № А76-45439/2020. Access from the legal system «ConsultantPlus».
10. Vitko V.S. The civil nature of the license agreement. Moscow, 2011.
11. Decision of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated April 17, 2023 in case № А71-8042/2022. Access from the legal system «ConsultantPlus».
12. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 3, 2012 № 18-B12-37. Access from the legal system «ConsultantPlus».
13. Decision of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated March 30, 2023 in case № А65-14723/2022. Access from the legal system «ConsultantPlus».

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 № 10 «On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Демьяненко Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин. Ростовский филиал Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20.

Шпак Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Demyanenko Elena Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov branch of the Russian Customs Academy. 20, Budenovsky Ave., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Shpak Andrey Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 52–58.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 52–58.

Научная статья

УДК 347.44

УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Пономарева Наталья Витальевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ponomari2008@yandex.ru

Введение: инвестиционная деятельность – важнейший элемент экономических отношений, который обеспечивает их развитие на всех уровнях и во всех сферах экономической системы. По сути дела, благодаря инвестиционной деятельности, содержание которой состоит во вложении по преимуществу (главным образом) денежных средств в различные, прежде всего, экономические активы (процессы, объекты), улучшаются их количественные и качественные характеристики, в экономике в целом создаются необходимые условия для осуществления расширенного воспроизводства, а, значит, и экономического роста.

Развитие технологий и их внедрение в производство требует колоссальных инвестиций. Инвестиционная деятельность отличается исключительным многообразием. Это касается сфер, форм и механизмов ее применения. Одним из новых и перспективных направлений инвестирования является использование онлайн-платформ для привлечения инвесторов. Такие платформы позволяют компаниям привлекать инвестиции от широкой аудитории, включая как профессиональных инвесторов, так и частных лиц, которые хотят поддержать тот или иной проект.

2 августа 2019 г. был принят Федеральный закон № 259 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее ФЗ № 259) [1], направленный на регулирование отношений, возникающих в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, возникновением и обращением утилитарных цифровых прав.

Федеральный закон № 259 называют законом о краудфандинге. Первоначально проект Закона «Об утилитарных цифровых правах (УЦП)» содержал рассматриваемый термин и назывался Проект федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» (далее – Проект закона) [2]. Следует отметить, что российский законодатель отказался от иностранного термина «краудфандинг», представив название на русском языке – «привлечение инвестиций с использованием инвестиционных платформ».

Слово «краудфандинг» английского происхождения – «crowd funding» – означает буквально «коллективное финансирование». Если обратиться к содержанию слова «утилитарный» (utilitarismus, лат.) как стремящийся искать во всем прямую и вещественную пользу, то название рассматриваемой разновидности цифровых прав весьма отражает сущность отношений, опосредуемых с их помощью.

Заметим, что на момент внесения Проекта закона в Государственную Думу в Гражданском кодексе РФ еще не было статьи 141.1, закрепляющей цифровые права как объекты гражданских прав, а, следовательно, был использован термин «токен», хотя он и тождествен термину «цифровые права», что было отражено в пояснительной записке к одноименному проекту, однако, с учетом нецелесообразности избыточного использования терминов, законодатель отдал предпочтение названию «цифровые права» [3].

Поиск правовых форм цифровой организации общества, защита обладателей цифровых прав, создание механизма контроля за деятельностью инвестиционных площадок приобретает особую значимость. Утилитарные цифровые права являются разновидностью цифровых прав, имеют ряд особенностей, определенную сферу действия, требуют специального правового регулирования. В силу особенностей таких объектов, обусловленных цифровой природой, особое значение и остроту приобретают вопросы защиты прав инвесторов – физических лиц, обладающих утилитарными цифровыми правами.

Все вышеуказанное обуславливает актуальность исследования новых форм и механизмов инвестиционной деятельности, в частности, посредством использования утилитарных цифровых прав (УЦП).

Материалы и методы: при проведении исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. Проведен критический анализ законодательства, регламентирующего оборот утилитарных цифровых прав.

Результаты исследования: проведен сравнительно-правовой анализ утилитарных цифровых прав как разновидности цифровых прав, выявлены отдельные проблемы правового регулирования в этой сфере, определены ключевые направления формирования и развития института цифровых прав, сделана оценка состояния действующего законодательства, регулирующего общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Выводы и заключения: в рамках проведенного исследования определена правовая природа утилитарных цифровых прав как разновидности цифровых прав, выявлены их особенности, представлена оценка состояния действующего законодательства, регулирующего общественные отношения в рассматриваемой сфере, выявлены отдельные проблемы правового регулирования в этой сфере. Поиск моделей законодательного регулирования использования цифровых технологий, а также их практическое применение обуславливает значимость доктринального исследования.

Ключевые слова: цифровые права, утилитарные цифровые права, инвестиционные платформы, права требования, краудфандинг.

Для цитирования: Пономарева Н. В. Утилитарные цифровые права как разновидность цифровых прав / Н. В. Пономарева // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 52–58.

Original paper

UTILITARIAN DIGITAL RIGHTS AS A KIND OF DIGITAL RIGHTS

Ponomareva Natalia Vitalievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: investment activity is the most important element of economic relations, which ensures their development at all levels and in all spheres of the economic system. In fact, thanks to investment activities, the content of which consists primarily (mainly) of investing money in various, primarily economic assets (processes, objects), their quantitative and qualitative characteristics are improved, the necessary conditions are created in the economy as a whole for the implementation of expanded reproduction, and, therefore, economic growth.

The development of technologies and their implementation in production requires huge investments. Investment activities are extremely diverse. This applies to the spheres, forms and mechanisms of its application. One of the new and promising areas of investment is the use of online platforms to attract investors. Such platforms allow companies to attract investments from a wide audience, including both professional investors and individuals who want to support a particular project.

On August 02, 2019, Federal Law № 259 «On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (hereinafter FZ № 259) [1] was adopted, aimed at regulating relations arising in connection with investing and attracting investments using investment platforms, the emergence and circulation of utilitarian digital rights.

Federal Law № 259 is called the crowdfunding Law. Initially, the draft Law «On Utilitarian Digital Rights (UCP)» contained the term in question and was called Draft Federal Law № 419090-7 «On Alternative Ways to Attract Investment (Crowdfunding)» (hereinafter – the Draft Law) [2]. It should be noted that the Russian legislator rejected the foreign term «crowdfunding», presenting the name in Russian – «attracting investments using investment platforms».

The word «crowdfunding» of English origin – «crowd funding» – literally means «collective financing». If we turn to the content of the word «utilitarian» (utilitarismus, Latin) as one who seeks to seek direct and material benefit in everything, the name of the considered variety of digital rights highly reflects the essence of the relations mediated with their help.

Note that at the time of submitting the Draft Law to the State Duma, the Civil Code of the Russian Federation did not yet have Article 141.1, which enshrines digital rights as objects of civil rights, and, consequently, the term «token» was used, although it is identical to the term «digital rights», which was reflected in the explanatory note to the project of the same name, however, taking into account the inexpediency of excessive use of terms, the legislator preferred the name «digital rights» [3].

The search for legal forms of digital organization of society, the protection of holders of digital rights, the creation of a mechanism for monitoring the activities of investment sites is of particular importance. Utilitarian digital rights are a type of digital rights, have a number of features, a certain scope, and require special legal regulation. Due to the peculiarities of such objects due to their digital nature, the issues of protecting the rights of investors – individuals with utilitarian digital rights – are of particular importance and urgency.

All of the above determines the relevance of the study of new forms and mechanisms of investment activity, in particular, through the use of utilitarian digital rights.

Materials and methods: formal-legal, comparative-legal, systemic-structural methods were used in the research. A critical analysis of the legislation regulating the turnover of utilitarian digital rights has been carried out.

Results of the study: a comparative legal analysis of utilitarian digital rights as a type of digital rights was carried out, certain problems of legal regulation in this area were identified, key directions of formation and development of the institute of digital rights were identified, an assessment of the current legislation regulating public relations in this area was made.

Findings and conclusions: within the framework of the conducted research, the legal nature of utilitarian digital rights as a type of digital rights is determined, their features are identified, an assessment of the current legislation regulating public relations in the field under consideration is presented, individual problems of legal regulation in this area are identified. The search for models of legislative regulation of the use of digital technologies, as well as their practical application, determines the importance of doctrinal research.

Keywords: digital rights, utilitarian digital rights, investment platforms, claims rights, crowdfunding.

For citation: Ponomareva N. V. Utilitarian Digital Rights as a kind of digital rights / N. V. Ponomareva // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information.-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109)– Pp. 52–58.

1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [4] (далее – Закон № 34-ФЗ), который ввел в состав объектов гражданских прав цифровые права. Статья 141.1 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) [5] «Цифровые права» устанавливает условия и требования к определению цифровых прав. Законодатель определяет цифровые права как «признанные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Таким образом, исполнение цифровых прав осуществляется в информационной системе в соответствии с правилами ее функционирования.

Бурное развитие и распространение новейших технологий, появление новых объектов, порой виртуального характера поставило перед научным правовым сообществом задачи разработки правовых норм в целях регулирования общественных отношений по применению инновационных технологий. Особое место в совокупности факторов, влияющих на инвестиционную деятельность предприятия, является государство. От его финансовой политики (денежно-кредитной, бюджетной, налоговой, валютной) во многом зависит инвестиционный потенциал предприятия, возможности его формирования и эффективного использования. Исходный (во многом определяющий) уровень инвестиционной деятельности связан с предприятием как основным экономическим субъектом. Инвестиционная деятельность предприятия для экономики играет ключевую роль, поскольку она направлена на совершенствование производства как ее основы за счет внедрения в него инноваций, в первую очередь, новых технологий, что в современных условиях является главным средством повышения производительности труда, эффективности производства.

А.В. Нестеров в связи с принятием Закона №34 отмечал: «В России сделан первый шаг по легализации гражданско-правовых отношений в цифровой деятельности в виде цифровых прав, однако основные правовые категории: цифровая система, цифровой документ, цифровой продукт – не определены, что значительно затрудняет практикующим юристам понимание новелл, посвященных цифровым правам» [6, с. 22].

Результатом критического осмысления положений ст. 141.1 ГК РФ является следующее:

- полное легальное определение цифровых прав не содержится в указанной статье;
- цифровым будет являться только то право, которое однозначно определено законом;
- сфера «жизни» цифровых прав – информационная система, вне которой такие объекты не могут существовать.

Введение цифровых прав, первые попытки законодательного регулирования цифровых прав были оценены в правовом сообществе по-разному. А.С. Степанян отметил, «на практике законодатель оставил цифровые права без движения с тем, чтобы в будущем пополнить новым регулированием» [7, с.29].

Е.В. Демьяненко весьма критично оценивает новеллу: «Название нового объекта «цифровые права» вводит в заблуждение, на самом деле речь идет об исполнении обязательства с помощью информационных систем» [8, с. 43].

Во исполнение заданного в ст. 141.1 ГК РФ вектора развития законодательства о цифровых правах были разработаны и приняты отдельные федеральные законы.

Разновидность цифровых прав – утилитарные цифровые права (УЦП) получили закрепление в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленные на регулирование публичных онлайн-инвестиций.

1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон № 259-ФЗ) [9], который определил понятие цифровых финансовых активов, цифровой валюты. Согласно ч. 2 ст. 1 Закона № 259-ФЗ цифровые финансовые активы (ЦФА) признаются и рассматриваются как цифровые права, выпуск, учет и обращение которых возможны только в информационной системе.

Особенности правового регулирования утилитарных цифровых прав обусловлены сферой их практического применения. Закон № 259 является необходимым инструментом защиты прав и законных интересов инвесторов, стимулирует привлечение инвестиций и обеспечивает прозрачность в этой сфере, что способствует экономическому росту и развитию страны в целом.

А.В. Белицкая, исследуя новеллы, пишет: «Инвестиционная сфера становится тем полигоном, на котором происходят первые эксперименты: криптовалюты становятся объектом вложений, а краудфандинг и ICO – методами привлечения финансирования...» [10, с. 96].

Анализ положений ФЗ № 259 в плоскости его соотношения с другим законодательством в области инвестиционной деятельности позволяет выделить ряд вопросов, требующих обсуждения:

1. Особенности утилитарных цифровых прав.

2. Защита прав инвесторов при реализации утилитарных цифровых прав.

На основе положений ст. 141.1 ГК РФ выделим отличительные признаки цифровых прав:

1. Указание на уровне закона, что определенные права являются цифровыми.

2. Удостоверение права их владельца требовать осуществления определенных действий от обязанных лиц.

3. Возможность их существования в цифровом пространстве, отвечающем требованиям информационной системы.

Вышеуказанным общим признакам полностью соответствуют утилитарные цифровые права: они указаны в качестве цифровых прав в Законе № 259 (п. 10 ч. 1 ст. 2), удостоверяют права требования (ч. 1 ст. 8), возникают в ходе инвестиционной деятельности с использованием инвестиционных платформ (ч. 3 ст. 8), требования к которой установлены в ст. 11 Закона № 259.

Анализ ст. 8 Закона № 259 позволяет выделить три разновидности прав требования, удостоверяемых УЦП. Утилитарные цифровые права могут удостоверять как права по передаче вещей, так и права на выполнение работы или оказания услуги, а также права на объекты интеллектуальной собственности. Тем самым, утилитарные цифровые права используются для удостоверения имущественных прав, возникающих в отношении разных объектов – вещей, работ, услуг, интеллектуальной собственности.

В ч. 3 ст. 8 Закона № 259 содержится условие для отнесения прав к утилитарным цифровым правам: для статуса утилитарного цифрового права необходимо с использованием инвестиционной платформы заключить договор о приобретении утилитарного цифрового права.

В ст. 8 Закона № 259 закреплены свойства утилитарных цифровых прав:

1. Содержание и условия УЦП должны быть представлены предельно понятно, изложены правильным и доступным языком.

2. Момент действия инвестиционного предложения влечет ограничения – неизменность содержания и условий УЦП.

3. Сделки, связанные с утилитарными цифровыми правами, могут осуществляться через оператора обмена цифровых финансовых активов.

4. УЦП не могут выступать в качестве средства платежа.

Подтверждением обладания утилитарными цифровыми правами является цифровое свидетельство, требования к которому установлены в ст. 9 Закона № 259. Цифровое свидетельство

имеет статус ценной бумаги, относится к категории неэмиссионных ценных бумаг, соответственно, бездокументарных.

В ч. 10 ст. 8 Закона № 259 регламентированы вопросы, касающиеся судьбы УЦП при прекращении обязательства, удостоверенного с помощью УЦП: одновременно прекращается утилитарное цифровое право, что является закономерным следствием для прекращения права требования, но необходимо в инвестиционной платформе зафиксировать эти сведения. Тем самым законодатель подчеркивает сущность возникающих отношений в связи с обращением утилитарных цифровых прав как гражданско-правовых.

Инвестиционная деятельность оказывает положительное влияние на эффективность социально-экономического развития экономики государства в целом. Инвестиционная деятельность в государстве всегда направлена на то, чтобы оживить процесс воспроизводства.

Таким образом, правоотношение, возникающее по поводу утилитарных цифровых прав, является обязательственным правоотношением, содержащим утилитарное цифровое право требования кредитора-инвестора и корреспондирующую ему обязанность лица, привлекающего инвестиции.

Оператор инвестиционной платформы может открывать один или несколько банковских счетов. В связи с рисками легализации доходов, полученных незаконным путем, законодательство предписывает ряд требований по раскрытию информации. Одно из таких требований – обязательное предоставление сведений о каждом инвестиционном проекте. Инвесторы, а также иные заинтересованные лица могут обратиться на сайт оператора инвестиционной платформы для получения такой информации. Также оператор должен раскрывать информацию обо всех аспектах своей деятельности и ее результативности. Кроме того, законодательство устанавливает необходимость контроля при проведении инвестиционных сделок и противодействия легализации доходов, полученных незаконным путем. В связи с этим операторы инвестиционных платформ должны быть готовы предоставлять информацию и сотрудничать с контролирующими органами по вопросам борьбы с отмыыванием денег и другими преступлениями, связанными с финансовыми операциями.

В целом, прозрачность и раскрытие информации о деятельности инвестиционных платформ являются ключевыми составляющими их успешного функционирования. Операторы, следующие этими требованиями, создают условия для привлечения инвестиций и защиты прав и законных интересов всех участников инвестиционной сделки.

Во исполнение Закона № 259 операторы площадок обязаны размещать информацию в понятной форме для неквалифицированных инвесторов. Это очень важно, т. к. многие желающие вкладывать свои сбережения не обладают специальными знаниями в сфере финансов и инвестиций. Однако совмещение деятельности краудфандинговой площадки с иной финансовой деятельностью вызывает некоторые сомнения.

В современной экономике защита инвесторов – один из ключевых аспектов, который требует особого внимания со стороны правительств и бизнес-сообщества. Одной из защитных мер является установление срока, в течение которого инвестор вправе отозвать инвестированные средства.

В разных правовых порядках отличаются варианты подходов к лимитам инвестиций: максимум и минимуму, к ограничениям размеров инвестиций в один проект или количество инвесторов. Так, в зависимости от годового дохода инвестора могут быть установлены разные ограничения [11, с. 404].

Инвестиционная деятельность предприятия осуществляется с использованием, как правило, двух финансовых источников – собственного и заемного. Привлечение инвестиций с помощью утилитарных цифровых прав рассматривается как один из новых способов инвестирования, имеющий свои перспективы. Инвестиционная деятельность предприятия для экономики играет ключевую роль, поскольку она направлена на совершенствование производства как ее основы за счет внедрения в него инноваций, в первую очередь, новых технологий, что в современных условиях является главным средством повышения производительности труда, эффективности производства. Современное предприятие, находясь в условиях жесткой конкурентной борьбы, вынуждено направлять свои инвестиционные усилия и на совершенствование всех механизмов, которые обеспечивают продвижение производимых товаров до потребителей.

Закон № 259 закрепляет ряд требований, которым должны соответствовать утилитарные цифровые права. Утилитарные цифровые права возникают в качестве цифровых прав на основании договора о приобретении утилитарных цифровых прав, заключенного с использованием инвестиционной платформы.

Утилитарные цифровые права существуют в рамках инвестиционной платформы, в силу чего их регулирование осуществляется и правилами самой платформы, что составляет специфику рассматриваемых отношений, т. к. при выборе подобной формы инвестирования инвестор должен изучить правила конкретной инвестиционной платформы, содержащий специальные положения. Соответственно, возникает необходимость контроля за соответствием правил инвестиционной компании требованиям федерального законодательства.

Однако, необходимо отметить, что электронные площадки не могут составить полноценную конкуренцию продуктам, которые предоставляет банковская сфера, при этом их темп развития очень молниеносный по всему миру. Считаю, что в будущем электронные площадки займут значительную часть экономического финансового мирового рынка.

Правовое регулирование инвестиционной сферы с помощью электронных площадок требует нахождения разумного баланса между интересами государства и свободой экономического развития, обеспечения прав участников инвестиционных отношений. Прозрачность информации о деятельности инвестиционных платформ является ключевой составляющей их успешного функционирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 172. 07.08.2019.
2. Проект федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.03.2019. № 12. Ст. 1224.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
6. Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1.
7. Степанян А.С. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7.
8. Демьяненко Е.В. К вопросу о правовом регулировании цифровых прав, смарт-контрактов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2021. № 2(43).
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др. М., 2019.
11. Гончарова О.С. Некоторые вопросы защиты прав инвесторов краудфандинга // Пермский юридический альманах. 2019. № 2.

REFERENCES

1. Federal Law № 259-FZ dated 08.02.2019 «On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 172. 07.08.2019.

2. Draft Federal Law № 419090-7 «On alternative ways of attracting investments (crowdfunding)». Access from the legal system «ConsultantPlus».
3. Explanatory note to the draft Federal Law № 419090-7 «On alternative ways of attracting investments (Crowdfunding)». Access from the legal system «ConsultantPlus».
4. Federal Law № 34-FZ dated 18.03.2019 «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03/25/2019. № 12. Article 1224.5.
- The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 30.11.1994 № 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. St. 3301.
6. Nesterov A.V. On digital rights and objects of digital rights // Law and digital economy. 2020. № 1.
7. Stepanyan A.S. Some problems of civil law turnover of digital rights // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. № 7.
8. Demyanenko E.V. On the issue of legal regulation of digital rights, smart contracts // Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy. 2021. № 2(43).
9. Federal Law № 259-FZ dated 31.07.2020 «On Digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation». Access from the «ConsultantPlus».
10. Legal regulation of economic relations in modern conditions of digital economy development: monograph / A.V. Belitskaya, V.S. Belykh, O.A. Belyaeva et al.; ed. V.A. Vaypan, M.A. Egorova. Moscow, 2019.
11. Goncharova O.S. Some issues of protecting the rights of crowdfunding investors // Perm Law Almanac. 2019. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарева Наталья Витальевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России, 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ponomareva Natalia Vitalievna, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 59–64.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 59–64.

Научная статья

УДК 347.61

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА ПОСЛЕ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА

Рыбалка Елена Александровна

Ростовский юридический институт МВД России Ростов-на-Дону, Российская Федерация
alena-61-rus@mail.ru

Тагаева Асель Манаповна

Академия МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева, Бишкек, Киргизская Республика
asela3@mail.ru

Введение: бракоразводный процесс зачастую влечет за собой не менее сложную во всех аспектах процедуру – раздел совместно нажитого имущества. Особый интерес для исследования, обусловленный многообразием случаев практики, составляет раздел имущества в судебном порядке. Рассмотрение указанного вопроса через призму предмета спора (квартира, земельный участок и расположенный на его территории жилой дом, автомобиль, бизнес) позволяет систематизировать основные теоретические и практические положения о разделе имущества между бывшими супругами.

Материалы и методы: фундамент научного исследования составляют нормы семейного, гражданского и гражданско-процессуального законодательства, а также положения обзоров судебной практики.

Работа написана путем применения как общенаучных, так и частнонаучных методов, среди них следует выделить догматический метод, а также методы анализа, синтеза, индукции и описания.

Результаты исследования: авторами проводится анализ правовой природы раздела в судебном порядке совместно нажитого имущества через призму предмета спора, а также сформулирована последовательность действий истца, заявляющего данные требования в суде. Кроме того, определены особенности судебного разбирательства о разделе имущества в случае, когда в отношении одного из супругов инициирована процедура банкротства.

Выводы и заключения: многообразие судебной практики применения статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации свидетельствует о наличии правовых «тонкостей» в разрешении вопроса раздела имущества между супругами. Так, принцип равенства долей применяется, как правило, однако имеет значительное количество исключений, внимание которым уделено в данном труде.

Ключевые слова: совместно нажитое имущество, раздел имущества, суд, доля, равенство.

Для цитирования: Рыбалка Е. А., Тагаева А. М. Актуальные вопросы теории и практики раздела имущества после расторжения брака / Е. А. Рыбалка, А. М. Тагаева // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 59–64.

Original paper

TOPICAL ISSUES OF THE THEORY AND PRACTICE OF THE DIVISION OF PROPERTY AFTER THE DISSOLUTION OF MARRIAGE

Rybalka Elena Alexandrovna

Rostov Law Institute of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Tagaeva Asel Manapovna

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after E.A. Aliyev, Bishkek, Kyrgyz Republic

Introduction: the divorce process often entails an equally complex procedure in all aspects – the division of jointly acquired property. Of particular interest to the study, due to the variety of cases of practice, is the division of property in court. Consideration of this issue through the prism of the subject of the dispute (apartment, land plot and residential building located on it, car, business) allows us to systematize the basic theoretical and practical provisions on the division of property between former spouses.

Materials and methods: the scientific research is based on the norms of family, civil and civil procedure legislation, as well as the provisions of judicial practice reviews.

The work was written by applying both general scientific and private scientific methods, among them the dogmatic method, as well as methods of analysis, synthesis, induction and description should be highlighted.

Results of the study: the author analyzes the legal nature of the division of jointly acquired property in court through the prism of the subject of the dispute, and also formulates the sequence of actions of the plaintiff making these claims in court. In addition, the specifics of the court proceedings on the division of property in the case when bankruptcy proceedings are initiated against one of the spouses.

Findings and conclusions: the variety of judicial practice in the application of Article 38 of the Family Code of the Russian Federation indicates the presence of legal «subtleties» in resolving the issue of dividing property between spouses. Thus, the principle of equality of shares is applied as a rule, but has a significant number of exceptions, which the author has paid attention to in this work.

Keywords: jointly acquired property, division of property, court, share, equality.

For citation: Rybalka E. A., Tagaeva A. M. Topical issues of the theory and practice of the division of property after the dissolution of marriage / E. A. Rybalka, A. M. Tagaeva // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 59–64.

Вопрос раздела имущества в силу ч. 1 ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс) может возникнуть на разных этапах развития семейных отношений: в период брака и после его расторжения.

В случае если бывшие супруги приняли решение разделить между собой совместно нажитое имущество, то в обоих приведенных случаях у них имеется три вектора действия:

- в рамках заключенного соглашения о разделе имущества;
- в рамках заключенного брачного договора;
- в рамках судебного разбирательства [1].

По результатам анализа судебной практики применения ст. 38 Кодекса отмечаем многообразие вариаций жизненных ситуаций, которые суд рассматривает через призму данной нормы с учетом положений гражданского законодательства.

Напряженность во взаимоотношениях между бывшими супругами, возникающая на почве конфликтов различного рода, обуславливает актуальность дополнительного исследования теоретического и практического аспектов вопроса раздела имущества именно после расторжения брака.

Общее правило, основанное на нормах семейного законодательства, гласит о разделении на равные доли совместно нажитого имущества между супругами после расторжения брака.

Особенности данного процесса рассмотрим на конкретных примерах, которые на практике выступают в качестве предмета спора:

1. Квартира.

Упрощенный вариант – действовать в рамках заключенных брачного договора или соглашения о разделе имущества.

Отмечаем, что при наличии ипотечного кредита, действие которого не завершено на момент раздела квартиры, требуется также разделить долговые обязательства перед банком. В данном случае заключение соглашения невозможно без получения согласия от банка-кредитора, который в свою очередь проверяет платежеспособность солидарного должника.

В случае разрешения в судебном порядке вопросов о разделе квартиры, приобретенной за счет средств, полученных в кредитной организации, а также долговых обязательствах по их возврату иск подается с привлечением банка в качестве третьего лица, который не заявляет самостоятельных требований.

В силу п. 3 ст. 39 Кодекса отмечаем пропорциональность распределения общих долгов супругов им присужденным долям.

Вступление решения суда о разделе квартиры в законную силу влечет необходимость проведения государственной регистрации соответствующих изменений, в связи с чем следует обратиться в территориальный орган Росреестра и предоставить копию решения, заверенную судом [2].

Кроме того, обращает внимание тот факт, что правило об уравнивании долей супругов суд вправе не учитывать при наличии оснований: приоритетности интересов несовершеннолетних детей и / или одного из супругов, что находит свое отражение в ч. 2 ст. 39 Кодекса [1].

В данной ситуации интересы детей превалируют, однако не являются безусловным основанием для игнорирования принципа равенства долей, что подтверждается судебной практикой [3].

2. Земельный участок и расположенный на его территории жилой дом.

В случае если бывшие муж и жена не смогли достичь договоренности и заключить соглашение о разделе данного недвижимого имущества, такая ситуация может разрешиться только в судебном порядке. При этом сторона вправе требовать как его раздел, так и выдел в натуре своей доли из общего имущества.

Так, потенциальному истцу следует подготовить исковое заявление и приложить к нему необходимые документы. В содержании указанного заявления излагаются основные характеристики объектов недвижимости, дата их приобретения, цена и непосредственно само требование и его обоснование. Перечень документов, прилагаемых к исковому заявлению, законодателем закреплен в ст. 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4].

Подготовленное исковое заявление направляется стороной в суд. В зависимости от цены иска его может рассмотреть мировой судья (до 50 тыс. рублей) или федеральный судья в районном суде (свыше 50 тыс. рублей).

Отмечаем возможность в ряде случаев привлечения эксперта, который непосредственно в рамках судебного разбирательства проведет технико-строительную и землеустроительную экспертизу. Изложенное коррелирует с ч. 1 ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4]. По результатам изучения заключения данного эксперта суд установит доли супругов после развода.

К особенностям раздела земельного участка и жилого дома также относятся:

- во-первых, на практике имеются случаи, когда законом запрещен выдел доли в натуре или его реализация влечет несоразмерный ущерб общему имуществу. В этой связи суд устанавливает, какое именно имущество подлежит передаче каждому из супругов. Лицу, причитающаяся доля которого по стоимости является меньшей, может быть присуждена выплата денежной или иной компенсации;

- во-вторых, отмечаем случаи, когда земельный участок приобретен (или получен) одним из супругов до регистрации их брака. Очевидно, что данный земельный участок разделу не подлежит, однако дом, возведенный на его территории в период брака, выступает уже в качестве совместной собственности супругов;

- в-третьих, незавершенное строительство дома на земельном участке также может подлежать разделу. В этой связи суду необходимо определить отдельные части, подлежащие выделу, а также установить техническую возможность завершения указанного строительства [5, с. 45–47].

После завершения судебного разбирательства стороны получают решение суда о разделе земельного участка и жилого дома, которое по истечении срока на апелляционное обжалование (месяц с момента принятия решения суда в окончательной форме) вступает в законную силу.

Аналогично, как и с квартирой, после вступления решения суда стороне необходимо обратиться в территориальный орган Росреестра в целях государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на объекты недвижимости.

3. Автомобиль.

Специфика раздела автомобиля между супругами обусловлена его неделимостью и невозможностью раздела в натуре.

В отсутствие заключенного брачного договора или соглашения «бывшая ячейка общества» вправе обратиться в суд, для этого следует подготовить исковое заявление и направить его, как правило, в районный суд.

Принимая во внимание принцип равенства долей, суд присуждает одному из супругов компенсацию, равную 50 % от стоимости автомобиля. Однако в ряде случаев суд руководствуется иными обстоятельствами, например, интересами несовершеннолетнего ребенка. Также в ходе судебного разбирательства исследуются вопросы использования личных денежных средств супругов при приобретении транспортного средства. Кроме того, следует учитывать, кто из супругов непосредственно на текущий момент пользуется автомобилем.

В основе расчета размера компенсации лежит рыночная стоимость автомобиля, устанавливаемая по результатам проведенной оценки его стоимости [6].

4. Бизнес.

Бизнес не рассматривается в качестве самостоятельного объекта права, в связи с чем не подлежит разделу [7]. Несмотря на данный факт, разделу могут подлежать, например, доходы, полученные от предпринимательской деятельности.

Отмечаем, что зачастую данный вид деятельности ведется посредством работы коммерческой организации той или иной организационно-правовой формы или индивидуального предпринимателя.

Наличие у одного из супругов бизнеса провоцирует возникновение определенных особенностей при разделе их имущества.

Во-первых, случай, когда «бывшие» муж или жена являются индивидуальными предпринимателями.

Если супруг, осуществляя предпринимательскую деятельность и находясь в браке, приобрел имущество, оформив его на себя, то указанное имущество квалифицируется в качестве совместного и, следовательно, применяется общий порядок его раздела.

Примечательно, что после развода также имеется возможность разделить доходы, полученные от предпринимательской деятельности. Такой вариант развития событий имеет место быть, если право получить встречное предоставление по сделке возникло у одного из супругов-предпринимателей в процессе брака [8].

Долги супруга-предпринимателя подлежат разделу, при этом данный процесс имеет ряд особенностей. Так, суд при разрешении данной категории дел рассматривает следующие вопросы:

- возникновение соответствующего обязательства в интересах семьи по обоюдному согласию мужа и жены;
- целевое назначение расходования доходов, полученных в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Во-вторых, случай наличия крестьянского (фермерского) хозяйства (далее – КФХ).

Регулирование деятельности КФХ, выдел доли его члена, а также выдел имущества основываются на нормах гражданского законодательства.

Как правило, имущество КФХ (например, земельный участок, мелиоративные сооружения или сельскохозяйственная техника) принадлежит его членам на праве совместной собственности, при этом иное может быть установлено законом или непосредственно договором. Полученные в результате деятельности КФХ доходы, а также плоды или продукция являются общим имуществом его членов и используются в соответствии с соглашением между ними.

Если супруги-члены КФХ все-таки решили официально расторгнуть брак, и одним из них принято решение выйти их состава КФХ, то само КФХ продолжает осуществлять свою деятельность, в свою очередь вышедший из него супруг вправе получить компенсацию пропорционально его доле.

В-третьих, случай, когда бывшие муж или жена осуществляют предпринимательскую деятельность посредством коммерческой организации [9].

В частности, разделу подлежат акции и доли, при этом факт принадлежности тому или иному супругу не учитывается.

Вместе с тем иначе практика складывается в части раздела долей в обществе с ограниченной ответственностью, и в данном случае следует обратиться к его уставу [10, с. 18].

Так, если указанным локальным актом предусмотрен запрет отчуждать долю или ее часть уставного капитала общества третьим лицам, и (или) отсутствует возможность получить согласие на вхождение в состав участников (бывших) супругов, то тот, который получил такую долю (часть доли) при разделе совместно нажитого имущества, вправе обратиться к названному обществу с требованием о выплате стоимости присужденной ему доли [11].

Рассмотрев процесс раздела имущества супругов после развода через призму предмета спора, обратим внимание на случай банкротства одного из них.

Банкротом может быть признан гражданин как во внесудебном, так и в судебном порядке, что коррелирует с положениями Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Наибольший интерес представляет раздел имущества супругов с учетом признания одного из них банкротом в рамках судебного разбирательства ввиду следующего.

В случае если инициирована процедура реализации имущества, то: конкурсная масса = имущество гражданина, имеющееся у него на момент принятия такого решения + имущество, выявленное или приобретенное в будущем.

Примечательно, что первым слагаемым данной формулы признается в том числе имущество, которое является долей в общей собственности, что соответствует нормам как гражданского, так и семейного законодательства.

Имеются в свою очередь исключения. Так, в частности, если должник проживает совместно с членами семьи в жилом помещении, которое является единственно пригодным для постоянного проживания, то такое имущество не учитывается в составе конкурсной массы.

Реализация имущества, принадлежащего супругу-должнику на праве общей собственности, осуществляется в общем порядке (преимущественно на торгах). Распределение полученных по результатам торгов денежных средств проводится пропорционально между супругами в соответствии с причитающейся долей. В ряде случаев указанные доли являются равными.

Однако следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48, пункт 7 которого предусматривает случай, когда супруг-должник вправе в судебном порядке выступить с требованием разделить имущество до его реализации в рамках процедуры банкротства. Такое развитие событий возможно при условиях потенциального (в случае реализации имущества) нарушения его интересов или лиц, находящихся на иждивении [12].

Последовательность действий при разделе имущества бывших супругов, если в отношении одного из них инициирована процедура банкротства, выглядит следующим образом.

Во-первых, следует установить, какое конкретно имущество (движимое / недвижимое) и в каком объеме подлежит разделу.

Общее имущество – объект права собственности, приобретенный в период брака вне зависимости, кем именно из супругов. Однако судебная практика свидетельствует, что из данного правила имеются исключения. Например, имущество, полученное в период брака в дар или в порядке наследования, или объекты интеллектуальной собственности и т. д. [13].

После составления перечня имущества, подлежащего разделу, необходимо подготовить исковое заявление. Среди обязательной к указанию информации отмечаем позицию истца о потенциальном воздействии на его интересы или лиц, находящихся на его иждивении, и аргументацию, приведенную им в качестве ее обоснования. Важной частью также являются подтверждающие документы.

Срок рассмотрения дела данной категории составляет по общему правилу месяц и 2 месяца для мирового судьи и районного суда (соответственно). Законодательно предусмотрено продление указанного срока в ряде случаев, (исходя из сложности).

Имущество, находившееся в общей собственности супругов, считается разделенным с момента вступления в законную силу судебного решения, что является триггером для инициирования процедуры банкротства в отношении части имущества, переданной супругу-должнику согласно решению суда.

Следует отметить, что ст. 38 Семейного кодекса РФ не содержит специальных положений о судьбе долгового обязательства, возникшего в период брака, в качестве общего обязательства супругов или личного обязательства супруга, являющегося должником [14, с. 41].

Резюмируя изложенное, приходим к выводу о многообразии судебной практики применения статьи 38 Кодекса, которое свидетельствует о наличии правовых «тонкостей» в разрешении вопроса раздела имущества между супругами. В основе раздела имущества лежит принцип равенства долей, однако имеется значительное количество исключений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Как при разводе поделить квартиру, купленную в браке, в том числе в ипотеку? // Азбука права: электрон. журн. 2024.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Руденко В.В. Раздел недвижимого имущества в случае расторжения брака // Закон и право. 2020. № 2.
6. Как супруги могут разделить автомобиль при разводе? // Азбука права: электрон. журн. 2024.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.03.2019 № 81-КГ19-2. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.10.2019 № 78-КГ19-41. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Как разделить бизнес при разводе? // Азбука права: электрон. журн. 2024.
10. Анишин Е.В. Некоторые материально-правовые проблемы раздела доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью между бывшими супругами // сборник материалов XI Региональной научно-практической конференции. Чебоксары, 2023.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.03.2023 № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Обзор, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Фатхи В.И. К вопросу о признании долгового обязательства, возникшего из кредитного договора, заключенного одним из супругов, общим долгом // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4(99).

REFERENCES

1. The Family Code of the Russian Federation dated 29.12.1995 № 223-FZ (as amended on 31.07.2023). Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. How to divide an apartment bought in marriage, including a mortgage, in case of divorce? // ABC of Law: electron. Journal 2024.
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 27.11.2019). Access from the legal system «ConsultantPlus».
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 № 138-FZ (as amended on 25.12.2023, with amendments. from 25.01.2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
5. Rudenko V.V. Division of real estate in case of divorce // Law and law. 2020. № 2.
6. How can a couple share a car in a divorce? // ABC of Law: electron. journal 2024. Access from the legal system «ConsultantPlus».
7. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.03.2019 № 81-KG19-2. Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.10.2019 № 78-KG19-41. Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. How to divide a business in case of divorce? // ABC of Law: electron. journal 2024. Access from the legal system «ConsultantPlus».
10. Anishin E.V. Some material and legal problems of dividing a share in the authorized capital of a limited liability company between former spouses // Collection: Actual problems of public and private law in the context of modern legislative reform processes. Collection of materials of the XI Regional scientific and practical conference. Cheboksary, 2023.
11. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.03.2023 № 304-ES22-20237 in case № A27-615/2021. Access from the legal system «ConsultantPlus».
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2018 № 48 «On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens». Access from the legal system «ConsultantPlus».
13. Review approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22.06.2016. Access from the legal system «ConsultantPlus».
14. Fatkhi V.I. On the issue of recognizing a debt obligation arising from a loan agreement concluded by one of the spouses as a common debt // Yurist-Pravoved. 2021. № 4(99).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыбалка Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Тагаева Асель Манаповна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Академия МВД Кыргызской Республики им. генерал-майора милиции Э.А. Алиева. 720083, Киргизская Республика, г. Бишкек, ул. Ч. Валиханова, 1а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rybalka Elena Alexandrovna, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Tagaeva Asel Manapovna, PhD in Law, Associated Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplinary. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgys Republic named after E.A. Aliyev. 1a, Ch. Valikhanova St., Bishkek 720083 Kyrgys Republic.

Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 65–71.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 65–71.

Научная статья

УДК 347.91.95

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ

Ягодина Светлана Владимировна

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация
yagodina-sw@yandex.ru

Введение: судебная экспертиза по спорам семейно-правового характера является одним из главных средств доказывания, а заключение эксперта – основой принятия законного и обоснованного решения суда по спорам, связанным с воспитанием детей, определением места жительства детей, установления или оспаривания отцовства, раздела совместно нажитого супругами имущества и др. Поэтому изучение вопросов, связанных с назначением экспертизы, вызывает отдельный интерес в рамках рассмотрения семейных споров, как в теории, так и в судебной практике.

Материалы и методы: материальную базу научной статьи составили нормы и положения действующего законодательства Российской Федерации, в частности Гражданский процессуальный кодекс РФ, регламентирующие вопросы назначения, проведения, оценки судебной экспертизы и использование заключения эксперта, как доказательства по спорам семейно-правового характера, судебная практика по семейным делам, а также научная литература и материалы периодических изданий. При подготовке научной статьи автором использовались различные методы: сравнительно-правовой, логический, системный, классификации, изучения, обобщения и анализа судебной практики.

Результаты исследования: в настоящей статье рассматривается вопрос целесообразности проведения судебной экспертизы в рамках семейных споров, а также категории и виды судебных экспертиз, раскрываются понятия видовых судебных экспертиз с приведением примеров по конкретным видам семейных споров. Охарактеризован порядок назначения судебной экспертизы, а также распределение судебных расходов на проведение судебной экспертизы. Выявлены несоответствия практической судебной деятельности законодательным положениям по вопросу назначения судебной экспертизы и установления прямой зависимости назначения судебной экспертизы от внесения денежных средств на депозит суда. Выявлены и раскрыты цели проведения судебной экспертизы по конкретным спорам семейно-правовой направленности. Установлено значение такого доказательства, как заключение судебного эксперта, для принятия законного и обоснованного решения суда.

Выводы и заключения: исходя из проведенного анализа деятельности судов общей юрисдикции различных регионов Российской Федерации по вопросу назначения и оплаты судебной экспертизы в рамках семейных споров, сделан вывод об отсутствии единообразия сложившейся судебной практики и единства применения норм действующего законодательства, регулирующих вопросы предварительной оплаты судебной экспертизы, а при ее отсутствии – не назначение судебной экспертизы. Поэтому внесение необходимых изменений в действующее законодательство либо рассмотрение данного вопроса Пленумом Верховного суда РФ и дача соответствующих обязательных к применению всеми судами разъяснений по вопросу зависимости назначения судебной экспертизы от предварительной ее оплаты, позволит сформировать единую судебную практику в области назначения судебной экспертизы по семейным спорам и не только, а также наиболее эффективно участникам семейного спора отстаивать свою позицию и защищать законные интересы.

Ключевые слова: суд, семейные споры, судебная экспертиза, виды судебной экспертизы, доказательства, расходы на судебную экспертизу, комплексная судебная экспертиза, комиссионная судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы.

Для цитирования: Ягодина С. В. К вопросу о судебной экспертизе в семейных спорах / С. В. Ягодина // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 65–71.

Original paper

ON THE ISSUE OF FORENSIC EXAMINATION IN FAMILY DISPUTES

Yagodina Svetlana Vladimirovna

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

Introduction: forensic examination of family law disputes is one of the main means of proof, and the expert's opinion is the basis for making a legitimate and reasoned court decision on disputes related to the upbringing of children, determining the place of residence of children, establishing or challenging paternity, dividing property jointly acquired by spouses, etc. Therefore, the study of issues related to the appointment of an expert examination is of particular interest in the framework of family disputes, both in theory and in judicial practice.

Materials and methods: the material base of the scientific article was made up of the norms and provisions of the current legislation of the Russian Federation, in particular the Civil Procedure Code of the Russian Federation, regulating the appointment, conduct, evaluation of forensic examination and the use of expert opinion as evidence in disputes of a family-legal nature, judicial practice in family cases, as well as scientific literature and materials of periodic publications. During the research and preparation of the scientific article, the author used various methods: comparative legal, logical, systematic, classification, study, generalization and analysis of judicial practice.

Results of the study: this article examines the feasibility of conducting a forensic examination within the framework of family disputes, as well as the categories and types of forensic examinations; the concepts of specific forensic examinations are revealed with examples of specific types of family disputes. The procedure for the appointment of a forensic examination, as well as the distribution of court costs for conducting a forensic examination, is characterized; the inconsistency of practical judicial activity with legislative provisions on the appointment of a forensic examination and the establishment of a direct dependence of the appointment of a forensic examination on the deposit of funds to the court is revealed. The objectives of conducting a forensic examination on specific family law disputes have been identified and disclosed. The importance of such evidence as the conclusion of a judicial expert for the adoption of a legitimate and reasoned court decision has been established.

Findings and conclusions: based on the analysis of the activities of the courts of general jurisdiction of various regions of the Russian Federation on the appointment and payment of forensic examination in family disputes, it is concluded that there is no uniformity of established judicial practice and unity of application of the norms of current legislation governing the issues of prepayment of forensic examination, and in its absence - not the appointment of forensic examination. Therefore, making the necessary changes to the current legislation or consideration of this issue by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and giving appropriate explanations, mandatory for all courts, on the dependence of the appointment of a forensic examination on its advance payment, will allow forming a unified judicial practice in the field of appointment of a forensic examination in family disputes and not only, as well as the most effective way for participants in a family dispute to defend to defend their position and legitimate interests.

Keywords: court, family disputes, forensic examination, types of forensic examination, evidence, costs of forensic examination, complex forensic examination, commission forensic examination, appointment of forensic examination.

For citation: Yagodina S. V. On the issue of forensic examination in family disputes / S. V. Yagodina // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 65–71.

Семейные споры среди дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, по статистике занимают второе место после гражданских дел. К спорам по семейным делам относятся не только иски о расторжении брака, взыскании алиментов, установлении отцовства, раздел совместно нажитого имущества, лишении/ограничении родительских прав, но иные споры, которые исходят из семейных правоотношений, например, признание брака недействительным, оспаривание брачного договора или соглашения о разделе совместно нажитого имущества, споры об осуществлении несовершеннолетними своих прав, споры об опеке и попечительстве над недееспособными либо ограниченно дееспособными гражданами, о взыскании пособий на детей, споры об использовании средств материнского капитала, споры об оспаривании отказа в зачислении ребенка в образовательное учреждение и т. д. Перечень семейных споров законодательством не ограничен, и новые виды споров могут появляться с учетом

социально-экономического развития современного общества и закрепления новых норм на законодательном уровне.

При разрешении семейных споров стороны судебного разбирательства используют различные доказательства и средства доказывания своей позиции по делу. Естественно, суд, разрешая дело по существу и принимая законное и обоснованное решение, руководствуется представленными в материалы дела доказательствами, которые должны быть относимыми, допустимыми и достоверными. Одним из таких доказательств выступает заключение эксперта, подготовленное по итогам проведения судебной экспертизы. Кроме того, по мнению Т.Т. Алиева, судебная экспертиза – это средство суда, помогающее более точно и достоверно установить обстоятельства того или иного дела и, как следствие, справедливо разрешить спор [1].

Судебная экспертиза выступает не единственным, но одним из самых надежных средств доказывания по любым судебным спорам, включая и семейные дела. Именно такие средства доказывания и доказательства являются залогом принятия законного и обоснованного решения суда, которое в дальнейшем не будет отменено вышестоящим судом. Любая судебная экспертиза направлена на установление достоверных фактов, сведений, обстоятельств и иной информации по делу, которые могут быть положены в основу законного судебного акта, принятого по итогам рассмотрения судебного спора по существу. При этом целью судебной экспертизы выступает доказывание либо опровержение обстоятельств по делу или же проверка подлинности и достоверности других доказательств. Поэтому судебная экспертиза является эффективным средством доказывания по семейным делам.

В зависимости от того, какие именно доказательства по делу, сведения, факты и т. д. требуют подтверждения экспертным заключением, и определяется вид судебной экспертизы. В данном случае имеется ввиду предметная классификация судебной экспертизы, т. е. какое именно исследование необходимо выполнить эксперту. Наиболее распространенными по семейным делам, как по спорам материального (раздел совместно нажитого имущества, взыскание алиментов и т. д.), так и не материального характера (установление отцовства, определение порядка общения с ребенком, определение места жительства несовершеннолетних детей и др.) проводятся следующие виды экспертиз: товароведческая, психологическая, экспертиза определения рыночной стоимости имущества, почерковедческая, подлинности документов, давности подписания и составления документов, генетическая, психолого-психиатрическая, психолого-педагогическая и т. д. Перечень видов экспертиз достаточно широк и на законодательном уровне не является исчерпывающим. Потребность в проведении конкретной экспертизы зависит от вида рассматриваемого судом спора. Например, для определения места жительства несовершеннолетних детей с одним из родителей иногда требуется проведение психолого-психиатрической или психолого-педагогической судебной экспертизы, по результатам которых эксперт даст заключения, устанавливающее с кем из родителей несовершеннолетним детям будет проживать и находиться комфортнее, безопаснее и спокойнее, кто из родителей осуществляет наибольшую заботу и воспитание во благо детей и т. д. И, если положение родителей и их отношение к несовершеннолетним детям равное, а дети, достигшие 10-ти лет, не могут однозначно выразить свое желание, с кем из родителей проживать, то при принятии решения суд будет, конечно же, руководствоваться заключением эксперта в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних детей и обеспечения для них наилучших материальных и моральных условий проживания и достойного развития.

Не каждый семейный спор требует проведения судебной экспертизы. Например, при разделе совместно нажитого имущества между супругами обязательным является определение стоимости имущества, подлежащего разделу, поскольку данные сведения в обязательном порядке подлежат указанию в решении суда. И, если стороны полагают возможным оценить имущество, опираясь на кадастровую стоимость в отношении недвижимого имущества, среднюю рыночную стоимость аналогичного транспортного средства либо же, совместно определив стоимость иного движимого имущества конкретной цифрой, соответствующей стоимости данного вида имущества, суд не усматривает злоупотреблений ни от одной стороны судебного спора, предложенная истцом и ответчиком, определенная совместными усилиями стоимость имущества, подлежащего разделу, соответствуют среднерыночным ценам, а от сторон спора не поступило ходатайство о проведении судебной экспертизы об определении

рыночной стоимости имущества, суд вправе установить и закрепить в решении суда стоимость имущества, подлежащего разделу в размере согласованном сторонами без проведения судебной экспертизы. В то же время, если спорящие стороны не смогли согласовать стоимость имущества либо же указанная ими стоимость явно не соразмерна и не соответствует действительным ценам, суд для установления истины по делу, а также принятия законного и обоснованного решения суда, защиты прав и интересов сторон судебного разбирательства, в целях исключения злоупотреблении своим положением в обществе одной из сторон, наделен полномочиями назначить судебную экспертизу по собственной инициативе, даже, если участники судебного разбирательства будут активно возражать. В этом случае, по мнению Н.В. Митрофанова, «по семейным спорам о разделе имущества допустимо назначение судебной экспертизы для определения рыночной стоимости имущества» [6].

При установлении или оспаривании отцовства проведение судебной генетической экспертизы (экспертизы ДНК на отцовство) является обязательным. Согласно Гражданскому процессуальному кодексу РФ (далее – ГПК РФ), суд обязан учитывать в совокупности и принимать во внимание все доказательства по делу. Но, в таких семейных спорах судебная экспертиза будет являться основным средством доказывания, а заключение эксперта – главным доказательством, которое будет положено в основу судебного акта. В редких случаях судебная экспертиза ДНК может и не проводиться, если была проведена ДНК экспертиза в досудебном порядке, а истец и ответчик с ее результатами согласны.

Необходимо обратить внимание, что в судебных спорах по взысканию алиментов, индексации алиментов проведение судебной экспертизы явление достаточно редкое. Чаще всего в таких делах проводятся судебные экспертизы почерковедческие, давности составления документа и иные подобного рода в целях проверки других доказательств по делу на их относимость, допустимость и достоверность.

В любом случае судебная экспертиза, направленная на получение доказательства по делу в виде экспертного заключения или для проверки других доказательств, может быть проведена в рамках судебного разбирательства в двух случаях: по ходатайству лиц, участвующих в деле, либо по инициативе суда. В обоих случаях имеются свои нюансы, на которые необходимо обратить внимание.

Решение о проведении судебной экспертизы принимает суд. Поэтому, даже при наличии ходатайства сторон о проведении судебной экспертизы, суд может отказать в удовлетворении такого заявления, если посчитает, что по данному делу проведение экспертизы не требуется и законных оснований для ее проведения не усматривается. В то же время, если суд находит невозможным разрешить семейный спор по существу без проведения судебной экспертизы, то по своей инициативе назначит судебную экспертизу и при наличии возражений обеих сторон. При этом отказ в назначении судебной экспертизы или, наоборот, назначение судебной экспертизы судом по собственной инициативе, вопреки позициям истца и ответчика, не может быть обжалован отдельно от решения суда. Порядок обжалования путем предъявления частной жалобы в данном случае законодателем не предусмотрен. Все свои возражения относительно проведения/не проведения судебной экспертизы стороны могут изложить в апелляционной жалобе, поданной на итоговый судебный акт по делу (решение суда). Таким образом, решение вопроса по судебной экспертизе в обоих вышеуказанных случаях всецело принадлежит суду.

Судебная экспертиза – это процедура не безвозмездная и работу судебного эксперта необходимо оплатить. Как правило, если ходатайство о назначении экспертизы заявляет одна сторона, то она и оплачивает ее стоимость в полном объеме, если же обе стороны ходатайствуют о проведении судебной экспертизы, то соответственно ее оплата осуществляется обеими сторонами в равных долях. Необходимо отметить, что оплату экспертизы ходатайствующая сторона должна произвести на депозитный счет суда, рассматривающего дело, заблаговременно и документ об оплате приложить к ходатайству о назначении экспертизы. Данной позиции придерживается и Н.А. Матвеева – «денежная сумма, которую требуется заплатить эксперту, изначально должна быть внесена на публичный депозитный счет суда, рассматривающего конкретный спор» [5]. Но такое мнение и требование суда не основано на нормах действующего законодательства. Ни ГПК РФ, ни иные законы не обязывают оплачивать экспертизу до момента ее назначения. Более того, не имеется ни одного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о предварительной оплате судебной экспертизы. Однако на практике

дело обстоит иначе: внесение денежных средств на депозит суда, предназначенных для оплаты судебной экспертизы в некоторых регионах России является обязательным условием ее назначения. Например, Мончегорский городской суд Мурманской области назначает судебную экспертизу, не требуя внесения денежных средств на депозит, достаточно гарантийного письма об оплате. В тоже время Октябрьский районный суд города Белгорода Белгородской области или Белгородский районный суд Белгородской области требует внести денежные средства на оплату экспертизы на депозитный счет суда и без подтверждения сего платежным документом судебную экспертизу не назначает. При отсутствии оплаты суд отложит судебное заседание и предложит стороне внести необходимые средства на депозит и представить платежный документ. В конечном итоге, если денежные средства не поступят на депозит, то суд откажет в назначении судебной экспертизы. В связи с этим отсутствие четкого урегулирования данного вопроса со стороны законодателя в большинстве случаев приводит к нарушению прав участников семейного спора, отсутствию единообразия в применении норм ГПК РФ, следствием чего является принятие незаконного и необоснованного судебного акта.

После разрешения дела по существу происходит распределение судебных издержек, к числу которых относятся и расходы, понесенные на оплату судебной экспертизы. И, соответственно, проигравшая сторона несет и все судебные издержки. В случае, когда иски удовлетворены частично, то и расходы по оплате судебной экспертизы распределяются пропорционально размеру удовлетворенных требований.

В то же время при назначении экспертизы исключительно по инициативе суда, ее оплата осуществляется Управлением судебного департамента за счет средств федерального бюджета и распределению данные расходы между сторонами не подлежат.

Рассмотрев категории судебных экспертиз в зависимости от того, какое именно предметное исследование необходимо провести и которые могут быть назначены в рамках семейных споров, нельзя не обратить отдельное внимание на видовую классификацию судебных экспертиз по различным основаниям. При этом данные классификации не только в теории охарактеризованы и исследованы подробнейшим образом, но и закреплены в ГПК РФ.

Исходя из сформировавшейся теоретической основы, и в дальнейшем получившей свое закрепление на практике в семейных спорах, принято выделять следующие классификации судебных экспертиз. В зависимости от последовательности назначения – это экспертизы первичные (в рамках судебного разбирательства экспертиза проводится впервые) и повторные, которые имеют место, когда судебная экспертиза уже была проведена, но назначена еще одна, если эксперт ответил не на все вопросы или заключение эксперта вызывает сомнения. Например, если проводилась судебная экспертиза определения рыночной стоимости имущества, подлежащего разделу между супругами, в результате которой был оценен только дом, а в отношении земельного участка, на котором располагается дом, экспертиза не была проведена, но и дом, и земельный участок подлежат разделу, а значит и оба объекта должны иметь соответствующую стоимость. Или же по результатам судебной экспертизы стоимость такого имущества явно занижена и меньше в несколько раз обычной рыночной стоимости. В таких случаях суд может назначить повторную судебную экспертизу, проведение которой поручить другому эксперту или экспертному учреждению.

По объему исследования судебные экспертизы подразделяют на основные и дополнительные. При этом не всегда возникает необходимость проведения дополнительной экспертизы, а только в случаях, если по итогу проведения основной экспертизы у сторон судебного спора либо у суда возникли дополнительные вопросы по объекту исследования, которые ранее на рассмотрение эксперта не выносились, но получить ответы на них важно для принятия законного и обоснованного решения суда.

По численности экспертов, в т. ч. и по семейным спорам, судебные экспертизы могут быть единоличными и комиссионными. Это означает, что в проведении экспертизы и дачи экспертного заключения может быть привлечен как один, так и несколько специалистов в одной области знаний. Целью комиссионной судебной экспертизы является получение объективного мнения нескольких специалистов, что позволяет избежать ошибок и повышает объективность заключения судебной экспертизы, как доказательства по делу. Особенно это касается тех семейных споров, где бывшие супруги разводятся, делят имущество, определяют место жительства детей и другие споры подобного рода и при этом спорящие стороны являются

ярыми противниками, к судебным разбирательствам примешивается личная глубокая неприязнь и желание создать друг другу как можно больше проблем, а сам спор становится высококонфликтным.

По характеру используемых знаний судебные экспертизы классифицируются на однородные (по одной специальности или области знаний эксперта) и комплексные, когда в проведении экспертизы участвует несколько экспертов, обладающих различными специальностями и владеющих знаниями в разных областях науки. Например, по спорам о воспитании детей могут быть проведены различные комплексные судебные экспертизы в зависимости от поставленных вопросов и требующих привлечения специалистов: психолого-педагогическая, психолого-психиатрическая, психолого-валеологическая. Это означает, что при проведении одной судебной экспертизы спорные вопросы будут исследовать сразу несколько специалистов разных специальностей – психолог, психиатр, педагог, педагог-психолог и т. д. Установление комплекса клинико-психологических, психиатрических, педагогических, физиологических особенностей родителей и несовершеннолетних детей, их поведения, взаимоотношений, в рамках проведения комплексной экспертизы, на основе анализа которых и складывается целостная психологическая картина семейной ситуации. Исходя из этого, суд будет принимать решение и определять, кто из родителей сможет дать ребенку наибольший комфорт и воспитание. Таким образом, судебная экспертиза в спорах о детях, их воспитании и месте жительства, несомненно, является важнейшим доказательством, направленным, в первую очередь, на установление истины по делу и соблюдения интересов несовершеннолетних детей.

Судебная экспертиза выступает одним из важнейших доказательств по всем категориям судебных споров. В то же время нельзя умалять значение иных доказательств и средств доказывания, а судебной экспертизе отдавать приоритет при осуществлении правосудия. При разрешении семейных споров стороны вправе использовать и представлять в суд любые материалы, информацию, сведения и документы, которые могут быть приняты судом в качестве относимых, допустимых и достоверных доказательств. При этом для суда ни одно доказательство, в т. ч. и заключение судебного эксперта, не может иметь заранее установленную определенную юридическую силу. При вынесении судебного решения суд оценивает все имеющиеся в деле доказательства. Однако роль судебной экспертизы в разрешении семейных споров очень велика. И именно судебная экспертиза позволяет суду принять взвешенный, грамотный, законный и обоснованный судебный акт при решении семейно-правовых вопросов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиев Т.Т. Судебная экспертиза: проблемы и перспективы развития // Современное право. 2022. № 1.
2. Арсамиков Х.А. Значение судебной экспертизы как средства доказывания в гражданском процессе // Юстиция. 2020. № 1.
3. Булгаков С.Н. Судебная экспертиза. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс». 2024.
4. Бутырская А.В., Шувалова А.М., Беркович О.Е. Современные реалии и исторические аспекты становления классификации судебных экспертиз в России // Российский следователь. 2021. № 7.
5. Матвеева Н.А. Судебно-экспертная деятельность при решении семейно-правовых споров // Семейное и жилищное право. 2022. № 6.
6. Митрофанов Н.В. Специфика судебных споров, связанных с внедоговорным разделом совместно нажитого имущества супругов // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 2. Т. 6.
7. Петрова М.И. Особенности признания за супругами права собственности на совместно нажитое имущество // Арбитражные споры. 2023. № 4.
8. Толмачева Е.Н. Заключение эксперта в разрешении семейных споров о воспитании детей // Современное право. 2018. № 2.
9. Шаров В.И. Об основаниях классификации судебных экспертиз // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4.

REFERENCES

1. Aliyev T.T. Forensic examination: problems and prospects of development // Modern law. 2022. № 1.
2. Arsamikov H.A. The importance of forensic examination as a means of proof in civil proceedings // Justice. 2020. № 1.
3. Bulgakov S.N. Forensic examination. Access from the legal system «ConsultantPlus». 2024.
4. Butyrskaya A.V., Shuvalova A.M., Berkovich O.E. Modern realities and historical aspects of the formation of the classification of forensic examinations in Russia // A Russian investigator. 2021. № 7.
5. Matveeva N.A. Forensic expert activity in solving family law disputes // Family and housing law. 2022. № 6.
6. Mitrofanov N.V. Specifics of judicial disputes related to the non-contractual division of jointly acquired property of spouses // Actual problems of the state and law. 2022. Vol. 6. № 2.
7. Petrova M.I. Features of recognition of the spouses' ownership of jointly acquired property // Arbitration disputes. 2023. № 4.
8. Tolmacheva E.N. Ekspert opinion in the resolution of family disputes about the upbringing of children // Modern Law. 2018. № 2.
9. Sharov V.I. On the basis of the classification of forensic examinations // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevskogo. 2018. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ягодина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yagodina Svetlana Vladimirovna, Senior lecturer at the Department of Civil Law Disciplines. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 72–78.
Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 72–78.

Научная статья

УДК 343.985.7

МАСКИРОВКА КАК ПРИЕМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Андреев Александр Сергеевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Modusoperandi@ya.ru

Коряк Юлия Дмитриевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Julia.koryak@mail.ru

Введение: последнее десятилетие сопровождается существенными изменениями и преобразованиями во всех сферах общественной жизни, которые неизбежно получили свое отражение на количественных и качественных показателях преступности в Российской Федерации. Анализ характеристики статистических сведений о состоянии преступности за 2023 год в России позволил установить, что сохраняется тенденция к снижению количества корыстно-насильственных преступлений (снижение количества разбоев на 15,4 %, грабежей на 23,9 %, убийств на 2,1 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью на 4 %) [14]. Правоохранительными органами активно ведется работа по раскрытию данной категории преступлений прошлых лет. Так, за прошедший год раскрыто более 47 тыс. преступлений. Однако, несмотря на положительную тенденцию снижения корыстно-насильственной преступности в стране, злоумышленниками продолжают активно использоваться и совершенствоваться приемы противодействия расследованию. В связи с этим преступления остаются нераскрытыми. Так, количество нераскрытых преступлений за январь–ноябрь 2023 г. составило 785,2 тыс. преступлений, из них: тяжкие и особо тяжкие преступления – 33,0 % (в январе–ноябре 2022 г. – 29,9 %), при этом остались нераскрытыми 149 убийств и покушений на убийство (+5,7 %), 303,2 тыс. краж (-18,4%), 3,0 тыс. грабежей (-34,8 %), 118 разбойных нападений (-38,9 %) [13].

Материалы и методы: при написании статьи использовался общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, анализа, познавательные и сравнительно-правовые методы. В качестве основы познания такого приема противодействия, как маскировка, выступает системно-деятельностный подход методологии криминалистических исследований.

Результаты исследования: благодаря проведенной работе удалось определить место «маскировки» в системе приемов противодействия и способов сокрытия преступлений. Авторы приходят к выводу о том, что использование маскировочных средств преступниками значительно затрудняет процесс сбора доказательств и выявления лиц, совершивших преступные деяния, делая процесс расследования сложным и продолжительным.

Выводы и заключения: в практической деятельности правоохранительных органов возникают проблемы расследования корыстно-насильственных преступлений, формирующиеся из-за того, что субъектами преступления и их соучастниками активно используется такой прием противодействия, как маскировка, которая характеризуется применением специальных приемов и средств для создания неочевидности следов преступления и личности преступников.

Ключевые слова: маскировка, криминалистическая наука, противодействие раскрытию и расследованию преступлений, приемы противодействия, корыстно-насильственные преступления.

Для цитирования: Андреев А. С., Коряк Ю. Д. Маскировка как прием противодействия раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений / А. С. Андреев, Ю. Д. Коряк // Юрист-Правоведъ : научн.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 72–78.

Original paper

MASKING AS A METHOD OF COUNTERACTING THE DISCOVERY
AND INVESTIGATION OF SELFISH- VIOLENT CRIMES

Andreev Alexander Sergeevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Koryak Yulia Dmitrievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the last decade has been accompanied by significant changes and transformations in all spheres of public life, which are inevitably reflected in the quantitative and qualitative indicators of crime as in the Russian Federation. An analysis of the characteristics of statistical information on the state of crime in 2023 in Russia allowed us to establish that there is a continuing trend towards a decrease in the number of mercenary and violent crimes (a decrease in the number of robberies by 15.4%, robberies by 23.9%, murders by 2.1 %, facts of intentional infliction of serious harm to health by 4%) [14]. Law enforcement agencies are actively working to uncover this category of crimes of the past years, so over the past year more than 47 thousand crimes have been solved. However, despite the positive trend of a decrease in mercenary and violent crime in the country, malefactors continue to actively use and improve methods of countering the investigation, in connection with which crimes remain unsolved, for example, the number of unsolved crimes in January-November 2023 amounted to 785.2 thousand. of these crimes: serious and especially serious crimes - 33.0 % (in January - November 2022 – 29.9 %), while 149 murders and attempted murders (+5.7 %), 303.2 thousand thefts (-18.4%), 3.0 thousand robberies (-34.8 %), 118 robberies remained unsolved (-38.9 %) [13].

Materials and methods: when writing the article, the general dialectical method of scientific cognition was used, as well as methods of logical deduction, induction, analysis, cognitive and comparative legal methods. The system-activity approach of the methodology of forensic research acts as the basis for the knowledge of such a counteraction technique as masking.

Results of the study: thanks to the work carried out, it was possible to determine the place of «masking» in the system of counteraction techniques and methods of concealing crimes. The authors conclude that the use of disguises by criminals significantly complicates the process of collecting evidence and identifying persons who have committed criminal acts, making the investigation process difficult and lengthy.

Findings and conclusions: in the practical activities of law enforcement agencies, problems arise in the investigation of mercenary and violent crimes, which are formed due to the fact that the subjects of the crime and their accomplices actively use such a counteraction technique as disguise, which is characterized by the use of special techniques and means to create non-obviousness of traces of crime and the identity of criminals.

Keywords: disguise, forensic science, counteraction to the disclosure and investigation of crimes, counteraction techniques, mercenary and violent crimes

For citation: Andreev A. S., Koryak Yu. D. Masking as a method of counteracting the discovery and investigation of selfish-violent crimes / A. S. Andreev, Yu. D. Koryak // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 72–78.

Теоретическая и практическая значимость исследования маскировки как приема противодействия раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений связана с научным осмыслением фундаментальных трудов отечественных ученых-криминалистов, среди которых: Р.С. Белкин, В.П. Лавров, Б.Я. Гаврилов, И.М. Лузгин, А.В. Варданын, А.С. Андреев, Э.У. Бабаева, В.Н. Карагодин, З.И. Кирсанов, И.А. Николайчук, А.Г. Холевчук, А.Ю. Головин.

В условиях современной действительности корыстно-насильственная преступность представляется как часть наиболее распространенных криминальных проявлений, которые в совокупности объединены в единую систему, обладающую определенными закономерностями становления и развития [5]. Анализ правоприменительной практики показывает, что большинство преступлений, в которых активно злоумышленниками используются приемы противодействия и сокрытия, – тяжкие и особо тяжкие. Система корыстно-насильственных преступлений обладает рядом особенностей, относительно которых формируются закономерности противодействия. Одной из закономерностей, рассмотренной В.П. Лавровым и А.С. Андреевым [2], является гипотеза о том, что чем теснее связь преступника с объектом преступного посягательства, тем сложнее и изощреннее способы сокрытия, которая подтверждается проделанной нами

работой изучения приговоров судов общей юрисдикции и иных судебных документов (таблица 1):

Таблица 1

**Анализ приговоров судов общей юрисдикции и иных судебных документов,
в которых упоминается термин «маскировка»**

Статья УК РФ	Степень общественной опасности	Всего приговоров и судебных документов	Упоминание термина «маскировка» (соотношение в %)
П.п. «з», «к», «м» ч. 2 ст. 105	Особо тяжкое	163300	15,05 %
П.п. «г», «ж» ч. 2 ст. 111	Средней тяжести	343904	5,21 %
П. «в» ч. 2 ст. 127	Средней тяжести	2366	0,44 %
П. «в» ч. 4 ст. 162	Особо тяжкое	112328	72,25 %
П. «в» ч. 3 ст. 163	Особо тяжкое	24092	7,05 %

Приходим к выводу о том, что, действительно, чем выше степень общественной опасности, тем чаще субъектами преступлений используется такой прием противодействия расследованию, как маскировка.

Противодействия расследованию – это реальная угроза для системы уголовного судопроизводства России, затрудняющая достижение целей процесса и проводящая к тому, что большая часть совершенных преступлений остается не выявленными, а среди выявленных – не раскрытыми [3].

На наш взгляд, наиболее точно определил содержание понятия «противодействие расследованию» ученый-криминалист В.П. Лавров, который рассматривает его как совокупность умышленных противоправных действий, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, целью которых является уклонение виновных лиц от привлечения к уголовной ответственности [6, с. 18]. Основоположник отечественной криминалистики Р.С. Белкин утверждает, что для достижения вышеуказанной цели субъектами противодействия расследованию используются различные приемы: утаивание, уничтожение, фальсификация, инсценировка и маскировка [4]. Представляется, что такое деление наиболее полно отражает принципы криминалистической классификации и может быть использовано при рассмотрении приемов маскировки.

Соккрытие – такая форма противодействия расследованию, которая предполагает наличие в действиях преступника направленности на использование приемов противодействия с целью маскировки факта преступления и ликвидации его следов [9]. Преступники могут использовать маскировку своих действий, создавая видимость самого события не такой уж и очевидной для потенциальных свидетелей и камер видеонаблюдения. Скрывая истинную цель своих намерений, преступники могут установить контакт с потенциальной жертвой и, завладев ее доверием, совершить в отношении ее преступное деяние. Также преступниками могут использоваться ложные предлоги или длительное выслеживание предполагаемой жертвы, чтобы в определенное время, в удобном месте совершить преступление и при этом остаться незамеченным.

Действительно, вышеуказанные авторы верно раскрывают сущность такого приема противодействия, как маскировка. Однако представляется возможным изучить данную проблематику более подробно. Итак, этимологическое значение термина «маскировка» образовано от французского понятия «masquer» и обозначает «делать незаметным, невидимым для кого-либо» [7]. В толковом словаре С.И. Ожегова под маскировкой понимается «изменение облика при помощи маски или иных средств», а в переносном смысле термин означает «поведение человека, скрывающего свои поступки от других лиц». Благодаря многогранности русского языка, термин «маскировка» используется учеными во многих отраслях науки [12].

З.И. Кирсанов отмечает, что «маскировку составляют действия преступника, применяющего специальные приемы и средства для скрытой подготовки и совершения преступления, изменения или уничтожения его следов» [8]. Выбор использования приемов маскировки обусловлен как внутренней мотивацией субъекта, так и обстоятельствами дела, которые он хочет скрыть. Однако маскировка находится в тесной связи с другими приемами противодействия расследованию и четких критериев их разграничения в криминалистике не установлено, как справедливо отметил в своей работе А.Г. Холевчук [15].

Маскировка в системе корыстно-насильственной преступности является одним из распространенных приемов противодействия и одновременно способом сокрытия преступных деяний, поскольку она усиливает синергетический эффект («синергия», от гр. *synergeia* – сотрудничество, содружество) – комбинированное действие каких-либо компонентов, при котором суммарный эффект превышает действие каждого компонента в отдельности, позволяющий выйти преступности на новый уровень. Объединившись, преступники создают такую «синергию возможностей», которая, воздействуя на объективную реальность, способствует не только непрерывному совершенствованию приемов противодействия расследованию, но и появлением их неочевидных свойств, в виде негативных обстоятельств (негативные обстоятельства, от англ. *negative circumstance*) – факты, указывающие на отсутствие признаков, при обычных обстоятельствах характерных для данного события [1].

Анализ судебно-следственной практики показывает, что корыстно-насильственные преступления совершаются по средствам использования следующих маскировочных приемов: маскировка преступного события, маскировка отдельных обстоятельств преступления, маскировка субъектов преступления, маскировка преступного умысла.

Согласимся с мнением ученых-криминалистов В.П. Лаврова, И.А. Николайчука и А.С. Андреева [2], которые предлагают рассматривать данное понятие с нескольких сторон:

- 1) как часть способа совершения преступления;
- 2) как прием противодействия расследованию преступлений;
- 3) как посткриминальное сокрытие.

Из самого определения сущности маскировки как приема противодействия вытекает мысль о том, что круг субъектов, его осуществляющих, многообразен. Рассмотрим субъектный состав лиц, использующих данные прием:

- 1) лица, совершившие преступные деяния;
- 2) соучастники преступления.

Осуществление преступной деятельности субъектами преступления предполагает использование приемов маскировки, которые позволяют преступникам:

- изменить представление о способе совершения преступления;
- изменить представление о личности лиц, виновных и причастных к совершению преступления;
- изменить назначение объектов – носителей информации.

Совокупность приемов (способов), реализуемых субъектами корыстно-насильственных преступлений, представляется как совокупность умышленных действий и поступков, которые направлены на искажение обстоятельств, которые, согласно уголовно-процессуальному закону, подлежат доказыванию при расследовании конкретного преступления, такие искажения происходят в связи с неочевидностью оставленных следов. Структура умышленных преступлений может характеризоваться как неполноструктурным, так и полноструктурным способом совершения преступления, последний из которых предполагает реализацию приемов противодействия непосредственно на стадиях подготовки, совершения и сокрытия (при неполноструктурном способе сокрытие – самостоятельный элемент).

На этапе подготовки к совершению преступления субъект планирует действия по его сокрытию. Так, для реализации маскировки как приема противодействия могут быть использованы различные способы:

1. Маскировка внешности преступника (использование маскировочных средств: париков, масок, балаклав, перчаток и т. д.; искажение голоса, изменение почерка и т. д.).
2. Маскировка роли преступника (изготовление фальшивых документов (использование приема фальсификации с целью дальнейшей маскировки), приобретение форменного обмундирования различных служб и т. д.).

3. Маскировка связей с соучастниками (использование жаргонной лексики и условных знаков, организация тайных встреч, ведение тайной переписки).

4. Деятельность по сокрытию следов преступления (в данном случае прослеживается взаимосвязь таких приемов противодействия, как уничтожение и маскировка: тщательное уничтожение следов пальцев, имитация чужих следов обуви, пальцев, следов животных и т. д.).

Этап совершения преступления предполагает наличие различных способов противодействия выявлению совершенного преступного деяния: использование методов, мешающих наблюдению за преступными действиями (разбив объектива камеры видеонаблюдения и т. п.), создание инсценировок для маскировки преступления (инсценировка самоубийства с целью замаскировать совершение убийства).

Отдельным видом рассматриваемого приема противодействия выступает «маскировка сущности преступника», которая проявляется в сокрытии своих переживаний и психических состояний в ходе производства отдельных следственных действий. С целью маскировки участия в совершении преступного деяния может имитироваться состояние подавленности и горя или же, наоборот, удовлетворенности и радости.

Итак, как прием противодействия маскировка представляет собой комплекс последовательных действий, реализуемых субъектами преступления или связанных с ними лицами, с целью создания неочевидных следов и их носителей, т. е., фактических обстоятельств, входящих в предмет уголовно-процессуального доказывания.

Эффективность раскрытия и расследования отдельных видов корыстно-насильственных преступлений зависит от правильного определения механизма слеодообразования, а именно – особое значение имеет информация о типичных следах преступления и местах их возможного обнаружения. Противодействие расследованию направлено на создание неочевидности как материальных, так и идеальных следов преступления. Материальные следы – это результаты материального отражения свойств взаимодействующих в ходе преступной деятельности объектов, исследование которых позволяет сформировать доказательственную информацию об отдельных обстоятельствах преступного деяния. В качестве маскировки обстановки совершения преступления может быть использовано:

1. Перемещение объектов.
2. Создание видимости использования объекта не по действительному назначению.
3. Сокрытие параллельно совершаемыми действиями.

Идеальные следы – это «мысленные образы», сохранившиеся в памяти потерпевших или свидетелей [11]. С целью маскировки идеальных следов, обычно преступниками используются способы маскировки внешности, такие как маски, костюмы, парики, очки, грим, смена одежды и многое другое.

Традиционно в такое негативное социально-правовое явление как корыстно-насильственная преступность включают следующие виды преступлений: насильственные грабежи и разбойные нападения [5], но также не стоит и забывать о квалифицирующих признаках таких составов преступлений, как:

- 1) убийство, совершенное из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- 2) убийство, совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- 3) убийство, совершенное в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- 4) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по найму (п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ);
- 5) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ);
- 6) незаконное лишение свободы с применением насилия опасного для жизни и здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ).

Таким образом, маскировка корыстно-насильственных преступлений – прием противодействия расследованию и одновременно способ сокрытия преступления, используемый для того чтобы возможным представилось: изменение представления о способе совершения преступления; изменение представления о личности лиц, виновных и причастных к совершению преступления; изменение представления о назначении объектов – носителей информации.

В условиях современной действительности преступниками продолжают совершенствоваться приемы противодействия, об этом свидетельствует появление новых способов

совершения преступления в виртуальной среде – лжеаккаунты, дипфейки и т. д., что требует исследования в данном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Academic.ru». URL:<https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 13.03.2024).
2. Андреев А.С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001.
3. Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3-х томах. 3-е изд., дополненное, 2001.
5. Варданян А.В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-разыскные аспекты. Ростов-на-Дону, 2016.
6. Гаврилов Б.Я., Лавров В.П. Противодействие расследованию и меры по его преодолению: учебник для вузов. М., 2018.
7. Гордиенко Д.В. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL:https://old.bigenc.ru/military_science/text/2190159 (дата обращения: 13.03.2024).
8. Кирсанов З.И. Маскировка как способ сокрытия следов преступления // Способы сокрытия следов преступлений и криминалистические методы их установления. М., 1984.
9. Колмаков В.П. Сборник научных трудов: к 100-летию со дня рождения ученого-криминалиста. Одесса, 2013.
10. Набоков Л.В. Корыстно-насильственная преступность несовершеннолетних: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2017.
11. Овсянников В.В. Некоторые аспекты участия специалиста при производстве допроса. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-uchastiya-spetsialista-pri-proizvodstve-doprosa> (дата обращения: 13.03.2024).
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
13. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL:<http://crimestat.ru/> (дата обращения: 13.03.2024).
14. Статистические сведения о состоянии преступности за январь–ноябрь 2023. URL:<https://мвд.рф/news/item/47052005> (дата обращения: 13.03.2024).
15. Холевчук А.Г. Фальсификация как объект криминалистического исследования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010.

REFERENCES

1. «Academic.ru». URL: <https://dic.academic.ru/> (date of access: 13.03.2024).
2. Andreev A.S. False alibi and criminalistic methods of its exposure: abstract... dissertation of the candidate. Jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2001.
3. Babaeva E.U. Fundamentals of the criminalistic theory of overcoming counteraction to criminal prosecution: abstract... dissertation. Jurid. sciences'. Moscow, 2006.
4. Belkin R.S. Course of criminology. Textbook for universities in 3 volumes. 3rd ed., supplemented, 2001.
5. Vardanyan A.V. Disclosure and investigation of serious violent crimes against the life and health of the individual: criminalistic and operational investigative aspects [Text]: [monograph] / A.V. Vardanyan. Rostov-on-Don: Federal State Budgetary Educational Institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016.
6. Gavrilov B.Ya., Lavrov V.P. Countering the investigation and measures to overcome it: a textbook for universities/ under the general editorship of B.Ya. Gavrilov V.P. Lavrov. M., 2018.
7. Gordienko D.V. The Great Russian Encyclopedia 2004-2017. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2190159 (date of access: 13.03.2024).
8. Kirsanov Z.I. Masking as a way to conceal traces of a crime // Methods of concealment of traces of crimes and criminalistic methods of their establishment. Moscow, 1984.

9. Kolmakov V.P. Collection of scientific papers: to the 100th anniversary of the birth of a criminologist / Viktor Pavlovich Kolmakov. Moscow: Odessa.
10. Nabokov L.V. Mercenary and violent juvenile delinquency: criminological and criminal law research: monograph / L.V. Nabokov. Moscow: Scientific Consultant.
11. Ovsyannikov V.V. Some aspects of the specialist's participation in the interrogation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-uchastiya-spetsialista-pri-proizvodstve-doprosa> (date of access: 13.03.2024).
12. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian language [Text]: 72500 words and 7500 phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Y. Shvedova; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Russian Cultural Foundation. 2nd ed., ispr. and add. Moscow.
13. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <http://crimestat.ru/> (date of access: 13.03.2024)
14. Statistical information on the state of crime in January – November 2023. URL: <https://мвд.пф/ news/item/47052005>. (date of access: 13.03.2024)
15. Kholevchuk A.G. Falsification as an object of forensic research: abstract...dissertation of the candidate. Jurid. sciences'. Moscow, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Коряк Юлия Дмитриевна, адъюнкт. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreev Alexander Sergeevich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Koryak Yulia Dmitrievna, adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 79–86.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 79–86.

Научная статья

УДК 343.98

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕЙРОННЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Батоев Владимир Батоевич

Специальная техника и связь МВД России, Москва, Российская Федерация

vbatoev@mail.ru

Введение: в работе рассматриваются вопросы «цифровой гуманитаристики» сквозь призму использования возможностей нейронных языковых моделей в деятельности правоохранительных органов. Отмечается, что совершенствование технологий обработки естественного языка посредством применения ИИ обеспечит наступление качественных изменений в вопросах совершенствования общественных и служебных процессов, в том числе протекающих в правоохранительной сфере.

Материалы и методы: материалами исследования явилась практическая деятельность органов государственной власти, научные публикации исследователей по искомой теме. При подготовке статьи были использованы общий диалектический метод научного познания, нормативно-логический, наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, описание и иные научные методы.

Результаты исследования: автором изучена отечественная практика использования нейронных языковых моделей при обработке текстовой информации, определены возможные направления их использования в рамках совершенствования правоохранительной деятельности.

Выводы и заключения: изучение материалов практики позволяет отметить, что использование нейронных языковых моделей при обработке текстовой информации может выступать эффективным инструментом при совершенствовании деятельности правоохранительных органов, что позволит существенно сократить время на обработку огромных объемов текстовой информации, освободив человека от необходимости совершения рутинных, повторяющихся и однотонных действий. Автор полагает, что промедление в искомом вопросе чревато наступлением неблагоприятных последствий, что на фоне постоянно совершенствующихся возможностей обработки информации выглядит неэффективным и несовременным. Особо следует обратить внимание на данное обстоятельство в условиях постоянно нарастающих и генерируемых правоохранительными органами объемов информации, а также необходимости повышения производительности труда.

Ключевые слова: правоохранительные органы, нейронные языковые модели, искусственный интеллект, нейронная сеть, текстовая информация, обработка, анализ.

Для цитирования: Батоев В. Б. Об использовании нейронных языковых моделей при обработке текстовой информации в деятельности правоохранительных органов / В. Б. Батоев // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 79–86.

Original paper

ON THE USE OF NEURAL LANGUAGE MODELS IN LAW ENFORCEMENT

Batoev Vladimir Batoevich

Special equipment and Communications of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper examines the issues of “digital humanities” through the prism of using the capabilities of neural language models in the activities of law enforcement agencies. It is noted that the improvement of natural language processing technologies through the use of and will ensure the onset of qualitative changes in improving public and official processes, including those taking place in the law enforcement sphere.

Materials and methods: the research materials were the practical activities of public authorities; scientific publications of researchers on the desired topic. In preparing the article, the general dialectical method of scientific cognition, normative and logical, observation, comparison, analysis, generalization, description and other scientific methods were used.

Results of the study: the author has studied the domestic practice of using neural language models in the processing of textual information, and identified possible directions for their use in the framework of improving law enforcement activities.

Findings and conclusions: the study of practice materials allows us to note that the use of neural language models in the processing of textual information can be an effective tool in improving the activities of law enforcement agencies, which will significantly reduce the time for processing huge amounts of textual information, freeing a person from the need to perform routine, repetitive and monotonous actions. The author believes that delay in the desired issue is fraught with the onset of adverse consequences, which, against the background of constantly improving information processing capabilities, looks ineffective and out of date. Special attention should be paid to this circumstance in the context of constantly increasing and generated volumes of information by law enforcement agencies, as well as the need to increase labor productivity.

Keywords: law enforcement agencies, neural language models, artificial intelligence, neural network, text information, processing, analysis.

For citation: Batov V. B. On the use of neural language models in law enforcement / V. B. Batov // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 79–86.

Актуальность использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в целом и нейронных языковых моделей (далее – НЯМ) в частности в вопросах организации общественных процессов и совершенствования производительности труда не нуждается в особом обосновании. Данный вопрос активно обсуждается в научной литературе [2; 3].

Вопросы совершенствования деятельности общества и государства посредством применения технологий ИИ стоят на особом контроле у руководства страны. Президент Российской Федерации (далее – РФ) В.В. Путин на конференции 24 ноября 2023 г. на пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности», посвященной рассмотрению вопросов развития и внедрения технологий ИИ отметил, что за последнее время кратно расширилось применение инновационных решений в сфере ИИ в различных отраслях экономики и социальной сферы на фоне роста инвестиционных процессов и повышения уровня доверия населения к технологиям ИИ. Им же определена приоритетность в вопросах проведения дальнейшей работы по развитию науки, совершенствованию законодательства и международного сотрудничества, а также наличие революционных технологических сдвигов в одном из самых перспективных направлений развития ИИ – больших языковых моделях, использование которых является важнейшим ключевым ресурсом в становлении суперэффективного бизнеса и государства. Президент РФ обозначил, что в сфере государственного управления применение генеративного ИИ позволит совершенствовать процессы управления, процедуры принятия решений, основанные на автоматизации широкого пласта административных процедур, что в совокупности позволит сконцентрироваться на решении более сложных задач, требующих серьезных знаний, умений, компетенций. Как отметил Президент РФ, уже сейчас взаимодействие между Российской академией наук и компанией «Яндекс» позволило выработать отечественные решения в сфере ИИ, в том числе создание беспрецедентной по объему коллекции текстов, так называемый Национальный корпус русского языка. При этом им же акцентировано внимание органов власти на всех уровнях, библиотек и архивов на необходимости оказания повсеместной помощи по созданию наборов данных для машинного обучения.

В дополнение к этому в своем Послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. Президентом РФ акцентировано внимание о невозможности повышения уровня эффективности всех сфер производительности труда без использования технологий ИИ, что оказывает прямое воздействие на вопросы обеспечения технологического суверенитета по направлению больших языковых моделей.

Как следствие, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. были внесены соответствующие поправки, согласно которым «в 2022–2023 гг. в мире произошел новый скачок в развитии технологий искусственного интеллекта благодаря совершенствованию больших генеративных моделей в области языка, изображений (включая видеоизображения) и звука. Большие фундаментальные модели уже сейчас способны писать программные коды по техническим заданиям, сочинять поэмы на заданную тему, давать точные и понятные ответы на тестовые вопросы различных уровней сложности, в том

числе из образовательных программ» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»).

С учетом изложенного можно заключить, что вопросы использования ИИ при организации общественных и производственных процессов во всех сферах экономики и управления выступают одним из приоритетных направлений развития государства в целом.

Для более полного уяснения сути рассматриваемого вопроса в данной работе предлагается рассмотреть более подробно НЯМ, который выступает одним из подвидов технологий ИИ.

Общеизвестно, что язык по своей сути представляет собой сложную систему человеческих выражений, управляемую правилами грамматики, фонетики, графики, орфоэпии, лексикологии, фразеологии, морфемики, словообразования, морфологии, синтаксиса, стилистики и др.

В современных высокотехнологичных условиях вопрос разработки алгоритмов ИИ, способных к обработке языка для его понимания, представляет собой серьезную проблему. В последнее время в качестве основного подхода языковое моделирование широко изучалось в целях понимания и генерации языка, преодолевая эволюционный путь от статистических языковых моделей к НЯМ, интерес к которым будет только нарастать в силу интенсивного развития нейросетевых технологий.

НЯМ за последнее время добились значительных успехов в обработке естественного языка. Эти модели обучаются на огромных объемах текстовых данных и способны генерировать текст, похожий на человеческий, отвечать на вопросы и выполнять другие задачи, связанные с языком, с высокой точностью и др. Как отмечает О.В. Кулик [6, с. 579], в данное время НЯМ присущи такие признаки: НЯМ – это нейронная сеть; данная языковая модель работает только с текстом. Основное предназначение заключается в прогнозировании вероятности последовательности слов. Модель имеет широкий спектр задач и является самообучаемой. Работает на основе поиска информации и др.

Языковые модели можно разделить на несколько видов или типов:

- статистические (данные модели основаны на статистических методах и обучаются на больших массивах текстовых данных. Они используют статистические методы, такие как n-граммы, цепочки Маркова и скрытые марковские модели, чтобы предсказать следующее слово в предложении с учетом контекста предыдущих слов);

- нейронные (эти модели используют глубокие нейронные сети для изучения паттернов и структур языка. Они обучаются работе с большими объемами текстовых данных и могут научиться предсказывать следующее слово в предложении, генерировать текст и выполнять другие языковые задачи);

- гибридные (они сочетают в себе сильные стороны статистических и нейронных моделей для создания более мощных и точных языковых моделей. Они используют комбинацию статистических методов и нейронных сетей, чтобы предсказать следующее слово в предложении и сгенерировать текст);

- контекстно-свободные (в данном случае модели основаны на теории контекстно-свободных грамматик и используются для генерации текста, следующего определенной грамматической структуре. Они часто используются в задачах обработки естественного языка, таких как языковой перевод и обобщение текста);

- языковые модели, основанные на правилах (здесь модели используют набор предопределенных правил для генерации текста, который следует определенному набору лингвистических шаблонов. Они часто используются в таких приложениях, как языковой перевод и обобщение текста);

- гибридные нейросимвольные языковые (модели сочетают в себе сильные стороны нейронных сетей и символьных моделей для создания более мощных и точных языковых моделей. Они используют комбинацию нейронных сетей и символьных правил для прогнозирования следующего слова в предложении и генерации текста);

- мультимодальные языковые (модели обучаются на нескольких модальностях данных, таких как текст, речь и зрение, для генерации текста, основанного на входных данных. Они часто используются в таких приложениях, как субтитры к изображениям и видео, а также визуальные ответы на вопросы);

- языковые модели, основанные на внимании (здесь модели используют механизмы внимания, чтобы сосредоточиться на определенных частях входных данных при создании текста. Они часто используются в таких приложениях, как машинный перевод, обобщение текста и ответы на вопросы).

Каждая из этих моделей имеет свои сильные и слабые стороны, и выбор того, какую модель использовать, зависит от конкретной задачи и характеристик данных.

Недавние технологические новинки, такие как ChatGPT, обученный на достаточно большом объеме набора данных, продемонстрировал высокую производительность при выполнении широкого спектра задач на естественном языке, начиная от перевода текста и заканчивая ответами на вопросы, написанием эссе, текстов и компьютерных программ. Кроме того, в настоящее время активно проводятся фундаментальные исследования по точной настройке этих моделей на небольших наборах данных, что позволяет постепенно повысить уровень производительности при выполнении конкретных задач с использованием меньшего объема данных [8, с. 168–169].

Несмотря на реально осязаемый успех в деле использования НЯМ, при решении различных задач существует ряд проблемных вопросов, требующих тщательного изучения и разрешения. Одним из основных недостатков выступает низкий уровень интерпретируемости, поскольку трудно понять логику, стоящую за предсказаниями модели. Более того, существуют проблемы этического характера, основанные на опасениях общества по вопросам предвзятости и влияния этих моделей на те или иные факты, события и явления, например, на занятость, риски неправильного использования и неадекватного или неэтичного применения, потеря целостности и др. Тем не менее, полагаем, что большие языковые модели непременно будут продолжать расширять границы возможностей при обработке естественного языка.

Таким образом, языковая модель – программное обеспечение, созданное для обработки естественного языка, имеющее возможности осуществления прогнозирования вероятности расположения слов в предложении или фразе с последующим формированием ответов на поставленные вопросы.

Технологические изыскания в области НЯМ предоставляют широкий спектр возможностей в части обработки естественного языка в целом и текстовой информации в частности, к числу которых можно отнести: создание контента, включающее в себя создание текстового и визуального контента; подготовка ответов на вопросы и запросы пользователей; «озвучка» чат-ботов и диалоговых агентов с предоставлением ответов на заданные вопросы с присущей человеку точностью, а также способностью обрабатывать как текстовую, так и голосовую информацию; генерация кода при программировании; поиск информации; резюмирование информации; машинный перевод текста с одного языка на другой как с письменных источников, так и с видеоданных.

Особо следует отметить возможности НЯМ по аналитике настроения. Здесь НЯМ имеют возможность проводить анализ чувств и настроений в обрабатываемом тексте, что подразумевает способность распознавания эмоций в текстовом фрагменте с позиций односложности в качестве позитивных или негативных с предоставлением их точной мотивированной оценки. Подобная возможность НЯМ нашла широкое применение при аналитике отзывов и обработке вопросов, касающихся предоставления обратной связи пользователям.

Безусловно, представленные широкие возможности НЯМ вызвали неподдельный интерес со стороны научной общественности, что нашло отражение в научной литературе разноотраслевого характера [1; 4; 5]. Помимо этого, НЯМ нашли применение и при решении криминальных задач [7, с. 16–19].

Развивая мысль о неизбежности внедрения технологий ИИ в целом, и НЯМ в частности, во все сферы экономики, управления, промышленности и др. важно иметь представления о фактической сложившейся ситуации по данному вопросу.

В связи с этим автором выборочно изучен опыт федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ) по линии внедрения и использования НЯМ при обработке текстовой информации. Практика показала, что ФОИВ предпринимается комплекс мер по внедрению в их деятельность технологий ИИ. Однако при этом установлено, что порядок применения единых стандартов и подходов к использованию технологий ИИ в ФОИВ был не урегулирован, а показатели эффективности ИИ-решений не определены. В связи с этим правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности была утверждена Методика¹ оперативного рейтинга выполнения показателей эффективности

¹ Исх. Письмо Минцифры России от 26.05.2023 № АЗ-П8-070-192621.

и результативности руководителей цифровой трансформации. Одним из показателей данной методики является оценка состояния развития искусственного интеллекта в ФОИВ, разработанная Минцифры России совместно с «Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Для осуществления оценки была разработана «Методология измерения индекса «ИИ-зрелости» ФОИВ» (разработана в соответствии с поручением Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.Н. Чернышенко от 14.05.2021 № ДЧ-П10-6022, утверждена проректором РАНХиГС М.Н. Назаровым 27.10.2022 г.). Согласно Методологии была принята четырехуровневая шкала показателя «ИИ-зрелость» руководителей цифровой трансформации: «начальный» (0–1 балл), «базовый» (1,25–1,75 балла), «прогрессивный» (2–2,5 балла), «лидерский» (3 балла). В свою очередь измерение показателя заключается в оценке деятельности ведомства по направлениям, в число которых входит: наличие стратегии (плана) внедрения ИИ-технологий, эксплуатируемые задачи с элементами искусственного интеллекта, введенные стандарты по управлению данными, определяющие порядок их организации и хранения, изучение рисков от используемых ИИ-решений, наличие специалистов, выполняющих задачи по большим данным, проведение кибер-соревнований и хакатонов.

Основная часть индикаторов Методологии измерения показателя «ИИ-зрелость» оценивает ФОИВ с точки зрения внедренных программных продуктов с использованием алгоритмов искусственного интеллекта.

С учетом изложенного отметим, что ситуация по вопросу использования НЯМ при обработке текстовой информации в ФОИВ выглядит весьма неоднозначно. Проведенный анализ практики² использования НЯМ показал, что не во всех ФОИВ НЯМ внедряются и используются, а сам процесс использования НЯМ при обработке текстовой информации в деятельности ФОИВ находится на начальной стадии развития, что можно объяснить новизной НЯМ. Быстрое развитие больших языковых моделей (Large Language Model) стало возможным благодаря появлению методов глубокого обучения и естественной обработки языка. Новая архитектура «Трансформер», разработанная компанией Google в 2017 г., стала основой функционирования будущих больших языковых моделей и кардинальным образом изменила действующие ранее подходы и принципы обработки языка машинами.

Минцифры России к числу проблемных вопросов относит небольшой объем данных, дисбаланс классов, некачественные данные, включая ошибки в размеченных данных, высоконагруженные сервисы требуют применение облегченных и оптимизированных моделей, необходимость создания инфраструктуры для обучения и использования моделей, временные вычислительные ресурсы, необходимые для обучения моделей. В Минкультуры России при обработке текстовой информации используются технические решения, основанные на НЯМ, в целях осуществления поиска пропавших, утраченных, похищенных и обнаруженных культурных ценностей по различным и открытым информационным источникам. Минпросвещения России в целях достижения высокой степени «цифровой зрелости» сферы образования запланировано внедрение следующих технологий: ИИ; технологии работы с большими данными; системы распределенного реестра; облачные технологии. Минфин России отмечает, что в настоящее время в рамках пилотного внедрения технологий ИИ и подключения интеллектуального помощника в отдельных подсистемах государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» решения, основанные на нейронных языковых моделях, не применяются. Минэкономразвития России отмечает, что в Министерстве не используются нейронные языковые модели при обработке текстовой информации. Аналогичная ситуация прослеживается в деятельности Минобрнауки России.

МЧС России отмечает, что в Министерстве могут применяться существующие отечественные нейронные модели, находящиеся в открытом доступе, для обработки текстовой информации. В то же время в деятельности МЧС России используются модели машинного обучения для обработки космических снимков, полученных посредством дистанционного

² Минкультуры России от 14.02.2024 № 457-03-3@; Минпросвещения России от 14.02.2024 № 04-122; Минцифры России от 13.02.2024 № ГБ-П30-12344; Минэкономразвития России от 19.02.2024 № Д34и-4819; Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации от 16.02.2024 № 45/912; Минфин России от 14.02.2024 № 21-06-05/12619; МЧС России от 15.02.2024 № ИВ-33-109; Минобрнауки России от 18.03.2024 № МН-19/241; Минпромторг России от 19.03.2024 № 26810/22.

зондирования Земли в автоматическом режиме. В Росгвардии используется программно-аппаратный комплекс речевой аналитики для улучшения качества мониторинга статистики обращений по таким категориям как: автоматическая обработка аудиозаписей в текст и распределение файлов; формирование статистической отчетности. Минпромторг России отмечает в качестве целей использования НЯМ при обработке текстовой информации снижение нагрузки на службу технической поддержки ГИСП, достигаемое за счет адресации запросов пользователей в обработку чат-боту.

С учетом того, что в данное время разработано и продолжает разрабатываться достаточно большое количество различных видов языковых моделей, возможности которых по праву должны представлять повышенный интерес и для органов, обеспечивающих правопорядок:

- GPT-4 (OpenAI) – актуальная версия распространенной нейросети, отличающаяся еще большей степенью «человечности», надежности и креативности. Основное отличие от предыдущих версий заключается в наличии мультимодальности, что подразумевает возможность обрабатывать поступающие запросы не только в текстовом виде, но и в аудио- и видеоформатах;

- LaMDA (Google) – является разговорной нейросетевой моделью, ориентированной на общение и взаимодействие с пользователем; BERT (Google) – нейросеть, преимущественно используемая при обработке поисковых запросов, переводе с разных языков и генерации ответов на поставленные вопросы;

- BLOOM (BigScience) – самая крупная многоязычная нейросеть, обученная на 176 млрд параметров, способная создавать тексты любого содержания на 46 языках и 13 языках программирования;

- YaGPT (Яндекс) – отечественная GPT-подобная нейросеть, способная генерировать ответы на русском языке, набирать, подготавливать и редактировать тексты различного содержания, а также создавать программные коды несложной степени и развлекательный контент;

- RuGPT-3 (Сбер) – еще одна отечественная разработка, данная Нейросеть обучена на русскоязычных текстах разных стилей: на энциклопедиях, социальных сетях, художественной и бизнес-литературе; SBERT (Сбер) – AI-модель, которая позволяет представить текстовый запрос в виде поискового вектора и использовать его для поиска информации; Модели ruT5 – ruBERT – ruRoBERTa.

Безусловно, к числу ФОИВ, остро нуждающихся в НЯМ при обработке текстовой информации, можно отнести правоохранительные органы, в деятельности которых образуются огромные массивы текстовой информации, нуждающиеся в совершенствовании процесса их обработки. Упомянутую остроту в потребности использования НЯМ можно объяснить тем, что правоохранительные органы в своей деятельности занимаются обработкой огромных массивов текстовой информации, концентрирующихся в материалах уголовных, административных и иных дел, а также постоянно генерируемых в результате оказания бесчисленного количества государственных услуг и др.

Так, по данным Судебного Департамента РФ в 2022 г. судами было рассмотрено 39 млн дел, что по сравнению с АППГ на 2 млн меньше³ на фоне постоянного роста количества процессуальных документов, поданных на рассмотрение в суд с использованием электронного документооборота.

Подобная неутешительная статистика указывает на серьезную нагрузку в оперативно-розыскной, следственной и судебной практике. Считаем вполне очевидным, что данная ситуация противоречит современным реалиям. Постоянно совершенствующиеся технологические ИИ-новинки способны в случае их внедрения и использования существенно разгрузить субъектов правоохранительной деятельности уже сейчас, что позволит последним сконцентрироваться на решении наиболее сложных задач. НЯМ в современных условиях в случае правильной их функциональной настройки и создания различных подсервисов способны в автоматическом режиме изучать юридические документы, обращения, ходатайства и др. с предоставлением соответствующих ответов на поставленные вопросы.

В данное время назрела объективная потребность в скорейшем использовании НЯМ при обработке текстовой информации в деятельности правоохранительных органов в целях

³ Для сравнения в 2018 году судами было изучено 31,477 млн дел; в 2019 – 34,558 млн; в 2020 – 38,478 млн; в 2021 – 39,213 млн.

автоматизации рутинных (повторяющихся) действий; создания систем поддержки принятия решений; повышения уровня удовлетворенности оказанием государственных услуг, направления потребителей персонализированных предложений и рекомендаций; оптимизации массового обслуживания и др.

Так, анализ практики МВД России по данному вопросу показывает, что в качестве инструментов ИИ возможно использование ИИ-корректоров, ИИ-редакторов; инструментов для поддержки принятия решений; виртуальных помощников; чат-ботов и др., которые представляется весьма возможным использовать при совершенствовании таких служебных процессов как: обработка большого количества однотипных запросов, анализ разнородной информации, поиск закономерности событий, прогнозирование последствий, мониторинг оперативной обстановки, реагирование на инциденты, идентификация личности гражданина и др.

Более того, в МВД России активно применяются программные продукты, основанные на НЯМ, которые используются и могут быть использованы в таких направлениях оперативно-служебной деятельности как:

1) подразделения следствия и дознания (сбор, накопление и визуализация информации о взаимосвязях субъектов и объектов при проведении предварительного следствия; автоматизированное формирование протоколов допросов и иных уголовно-процессуальных документов; подготовка и автоматическое заполнение отчетных форм; подготовка произвольных отчетов на основе запросов к хранилищам данных на естественном языке);

2) подразделения делопроизводства и обеспечения режима секретности (автоматическое выделение реквизитов документов и заполнение регистрационных карточек документов; назначение ответственного исполнителя и соисполнителя для входящей документации; автоматический подбор наилучшего маршрута согласования документов; тематическая классификация входящих документов и обращений граждан; подбор подходящих ответов на поступившие ранее схожие обращения; рекомендации и консультации сотрудников МВД России при подготовке ответов на обращения; экспертиза ценности документов, переданных на архивное хранение);

3) подразделения, ответственные за проведение закупочных процедур (нормоконтроль, проверка заявок и технических заданий; анализ технико-коммерческих предложений, извлечение ценовой информации, контроль соответствия требованиям технического задания, автоматизация расчета начальной максимальной цены контракта; проверка конкурсной документации на соответствие требованиям законодательства РФ; поиск аналогов закупаемой продукции; проверка предложений поставщиков на соответствие требованиям закупочной процедуры);

4) кадровые подразделения (подбор вакансий и резюме; проведение аттестаций; анализ эмоциональной окраски при коммуникациях);

5) правовые подразделения (правовая и антикоррупционная экспертиза; конструкторов правовых документов; проведение аттестаций; прогнозирование судебных решений; анализ правоприменительной практики);

6) подразделения, ответственные за техническую поддержку информационных систем (нормоконтроль и проверка технической документации; классификация и маршрутизация обращений на горячую линию МВД России; формирование и ведение базы знаний с ответами на часто задаваемые вопросы; подготовка рекомендаций по эффективному использованию информационных систем).

Думается, что подобные технологичные решения следовало бы использовать в иных правоохранительных органах, что существенно повысило бы производительность труда и заметно упростило служебные процессы.

Таким образом, изучение опыта использования НЯМ при обработке текстовой информации позволяет заключить следующее: данное направление является перспективным; уже сейчас важно активизироваться в вопросах разработки и внедрения НЯМ в деятельность ФОИВ на основе единого подхода; обеспечить реализацию мероприятий по разработке соответствующей правовой, организационной, научно-методической, материально-технической и кадровой основой. Полагаем, что данное направление совершенствования оперативно-служебной деятельности будет положительно развиваться при должной поддержке, как со стороны государства, так и при наличии соответствующей активности со стороны ФОИВ в частности. Особое внимание в данном случае следует обратить на вопросы проведения мониторинга передо-

вого международного положительного опыта, с целью его детального изучения и перенятия передовых практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брагин А.В. Большие языковые модели четвертого поколения как новый инструмент в научной работе / А.В. Брагин, А.Р. Бахтизин, В.Л. Макаров // Искусственные общества. 2023. № 1. Т. 18.
2. Бродская Н.П. Большие языковые модели: генеративные модели ИИ как инструмент влияния в социальном пространстве современного общества // Вопросы политологии. 2023. № 10-1 (98-1). Т. 13.
3. Громов М.С. Большие языковые модели: текущее состояние, оценки и прогнозы / М.С. Громов, М.Г. Чертовских // Международный бизнес. 2023. № 3(5).
4. Данилин М.Д. Использование больших языковых моделей в системах поддержки принятия решений / М.Д. Данилин, Д.А. Шестопалова // Студенческий электронный журнал СТРИЖ. 2023. № 6(53).
5. Кошечкин К.А. Использование больших языковых моделей в нутрициологии // Вопросы питания. 2023. № S5 (549). Т. 92.
6. Кулик О.В. Большая языковая модель как инструмент правовой аналитики // Юридическая техника. 2024. № 18.
7. Осипенко А.Л. Технологии искусственного интеллекта в преступной деятельности: новые угрозы и вызовы // Общество и право. 2023. № 4 (86).
8. Тимаков К.А. Сравнение актуальных языковых моделей GOOGLE BARD и CHATGPT // В сборнике: Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. М., 2023.

REFERENCES

1. Bragin A.V. Large language models of the fourth generation as a new tool in scientific work / A.V. Bragin, A.R. Bakhtizin, V.L. Makarov // Artificial societies. 2023. № 1. T. 18.
2. Brodskaya N.P. Large language models: generative models of AI as a tool of influence in the social space of modern society // Questions of political science. 2023. № 10-1 (98-1). T. 13.
3. Gromov M.S. Large language models: current state, estimates and forecasts / M.S. Gromov, M.G. Chertovskikh // International business. 2023. № 3(5).
4. Danilin M.D. Using large language models in decision support systems / M.D. Danilin, D.A. Shestopalova // Student electronic magazine STRIZH. 2023. № 6(53).
5. Koshechkin K.A. The use of large language models in nutrition // Issues of nutrition. 2023. № 5 (549). T. 92.
6. Kulik O.V. Large language model as a tool for legal analytics // Legal technology. 2024. № 18.
7. Osipenko A.L. Artificial intelligence technologies in criminal activity: new threats and challenges // Society and law. 2023. № 4 (86).
8. Timakov K.A. Comparison of current language models GOOGLE BARD and CHATGPT // In the collection: Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science. Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батоев Владимир Батоевич, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник. Специальная техника и связь МВД России. 111024, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пруд Ключики, д. 2.
ORCID: 0000-0002-8526-4923

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Batoev Vladimir Batoevich, PhD in Law, Associate Professor, senior researcher. Special equipment and communications of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, Prud Klyuchiki St., Moscow 111024 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 87–94.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 87–94.

Научная статья

УДК 343.97

СТАТИСТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вакуленко Наталья Алексеевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

foroposha@mail.ru

Введение: на сегодняшний день состояние преступности в Российской Федерации детерминировано различными факторами, начиная с негативно-социальных явлений и заканчивая политическими событиями, происходящими в мире. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена многими факторами.

Во-первых, широким распространением употребления населением алкогольных напитков и значительным омоложением лиц, страдающих алкогольной зависимостью.

Во-вторых, высокой смертностью среди населения от пьянства и алкоголизма, в том числе и от алкогелесодержащих веществ и алкогольных напитков кустарного производства.

В-третьих, широтой социальных отклонений, вызванных употреблением алкогольных напитков, к которым в первую очередь необходимо относить рост противоправной деятельности населения.

В современных условиях для эффективного противодействия так называемой «пьяной» преступности необходимо знать основные тенденции данного вида преступности, факторы, детерминирующие их совершение, типичные особенности преступника, совершающего преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Материалы и методы: общенаучные методы познания, в том числе объективности, системности, индукции, дедукции, анализ теоретических и нормативных правовых источников, контент-анализ СМИ, обобщение и анализ правоприменительной практики, статистические методы.

Результаты исследования: теоретическая значимость публикации состоит в возможности выделить и проанализировать репрезентативные характеристики преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, что позволит осуществить методическое обеспечение деятельности, направленной на усовершенствование мер раскрытия и расследования, а также предупреждения рассматриваемых преступлений.

Практическая значимость публикации заключается в возможности использования ее результатов в профилактической деятельности в отношении лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения, поскольку повышенные показатели интенсивности и структуры подобных преступных деяний, иные криминологические особенности и параметры рассматриваемых криминальных действий, вопросы детерминации, сложности превенции ввиду масштабности проявлений снижают индекс ее эффективности.

Выводы и заключения: в соответствии со ст. 23 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности.

Определенное состояние лица, при котором оно не в полной мере осознает фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководит ими в результате сознательно-волевого употребления алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, называется опьянением.

Как для науки, так и для практики, а значит – для уголовной политики нашего государства в целом показатели о преступности признаются первостепенной в использовании эмпирической базой при проработке вопросов противодействия ей.

Реализуя задачу анализа количественных и качественных показателей алкогольной преступности, приходим к выводу, что они взаимосвязаны и взаимообусловлены, т. е. складываются в определенную систему, позволяющую сконцентрировать внимание правоохранительных органов, в частности Министерства внутренних дел Российской Федерации, на изменении и дополнении мер по профилактике, предотвращению, предупреждению и пресечению преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.

Ключевые слова: преступность, алкоголизм, пьянство, алкогольное опьянение, показатели преступности, состояние преступности, динамика, тенденции, прогнозирование, криминогенная активность, меры профилактики, информативные характеристики.

Для цитирования: Вакуленко Н. А. Статистико-криминологические показатели преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в современной России / Н. А. Вакуленко // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – С. 87–94.

Original paper

STATISTICAL AND CRIMINOLOGICAL INDICATORS
OF CRIMES COMMITTED WHILE INTOXICATED IN MODERN RUSSIA

Vakulenko Natalya Alekseevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: today, the state of crime in the Russian Federation is determined by various factors, from negative social phenomena to political events taking place in the world. The relevance of the topic under consideration is due to many factors.

Firstly, the widespread use of alcoholic beverages by the population and significant rejuvenation of persons suffering from alcohol addiction.

Secondly, high mortality among the population from drunkenness and alcoholism, including from alcohol-containing substances and alcoholic beverages of artisanal production.

Thirdly, the breadth of social deviations caused by the use of alcoholic beverages, to which, first of all, it is necessary to attribute the growth of illegal activities of the population.

In modern conditions, in order to effectively counter the so-called “drunk” crime, it is necessary to know the main trends of this type of crime, the factors determining their commission, typical features of a criminal committing a crime while intoxicated.

Materials and methods: general scientific methods of cognition, including objectivity, consistency, induction, deduction, analysis of theoretical and regulatory legal sources, content analysis of the media, generalization and analysis of law enforcement practice, statistical methods.

Results of the study: the theoretical significance of the publication is the opportunity to highlight and analyze representative characteristics of crimes committed while intoxicated, which will make it possible to carry out methodological support for activities aimed at improving disclosure and investigation measures, as well as preventing the crimes in question.

The practical significance of the publication lies in the possibility of using its results in preventive activities against persons who commit crimes while intoxicated, since increased indicators of the intensity and structure of such criminal acts, other criminological features and parameters of the criminal actions under consideration, issues of determination, complexity of prevention due to the scale of the manifestations, reduce the index of its effectiveness.

Findings and conclusions: in accordance with Art. 23 of the Criminal Code of the Russian Federation [1], a person who has committed a crime in a state of intoxication caused by the use of alcohol, drugs or other intoxicating substances is subject to criminal liability.

A certain state of a person in which he is not fully aware of the actual nature and (or) social danger of his actions (inaction) or directs them as a result of consciously strong-willed use of alcohol, drugs or other intoxicating substances is called intoxication.

For both science and practice, and therefore for the criminal policy of our state as a whole, crime indicators are recognized as the primary empirical basis for using when working out issues of countering it.

Realizing the task of analyzing quantitative and qualitative indicators of alcohol crime, we came to the conclusion that they are interconnected and mutually agreed upon, i.e. they add up to a certain system that allows us to concentrate the attention of law enforcement agencies, in particular the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, on changing and supplementing measures for the prevention, prevention, prevention and suppression of crimes committed while intoxicated.

Keywords: crime, alcoholism, drunkenness, alcohol intoxication, crime indicators, crime state, dynamics, trends, forecasting, criminogenic activity, prevention measures, informative characteristics.

For citation: Vakulenko N. A. Statistical and criminological indicators of crimes committed while intoxicated in modern Russia / N. A. Vakulenko // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 87–94.

Масштабы и сложность решения задач, стоящих перед обществом на современном этапе развития, требуют качественно нового подхода к изучению всех социально-экономических процессов. Пьянство и его крайняя форма проявления – алкоголизм постепенно приобретают в России масштабы национального бедствия, которое самым тесным образом связано с развитием этих процессов.

Новая экономическая ситуация потребовала и поиска других форм получения прибыли, в том числе от продажи алкоголя. Вместе с тем экономический и нравственный ущерб от пьян-

ства и алкоголизма для семьи и подрастающего поколения неоценим. Более того, алкоголизация наших граждан детерминирует совершение ими криминальных деяний.

Человечество довольно давно знакомо с действием, оказываемым алкоголем на здоровье и поведение людей. Неслучайно государство предпринимало попытки бороться с этим социальным злом, однако меры были направлены не на причины пьянства и алкоголизма, а на социальные последствия употребления алкогольных изделий.

Алкогольное опьянение является одним из наиболее распространенных факторов, способствующих совершению преступлений. По данным криминологической статистики, в состоянии алкогольного опьянения совершается от 20 до 30 % всех преступлений. Большинство преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, составляют преступления против личности (убийства, причинение вреда здоровью, изнасилования и т. д.). Также значительную долю составляют преступления против собственности (кражи, грабежи, разбои и т. д.).

Поэтому с криминологической точки зрения именно это обстоятельство ставит алкоголь в ряд с такими важными для этой науки проблемами, как наркомания, психические аномалии и т. д. Каждая из названных проблем, безусловно, актуальна, не ставится под сомнение, но официальная статистика свидетельствует о том, что:

- в состоянии опьянения совершается от 22,3 до 37,0 % всех преступлений;
- удельный вес выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, – от 27,8 до 38,9 %.

Следовательно, преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, гораздо меньше, не говоря уже о преступности лиц с психическими аномалиями.

Кроме того, проблема алкоголизма значительно шире, чем это представляется. Прежде всего, алкоголизм следует рассматривать как:

- причину совершения преступлений, т. к. алкоголики не останавливаются ни перед чем для «добывания» спиртных напитков;
- условие, способствующее совершению многих преступлений (указывали выше на значительное количество преступлений, совершаемых в состоянии опьянения);
- виктимологический аспект: лица, страдающие алкогольной зависимостью, чаще других становятся жертвами преступных посягательств, в нашей стране в отдельные годы появились даже группы, специализирующиеся на преступном завладении жилья лиц, страдающих алкогольной зависимостью.

«Показателями преступности являются определенные величины, выраженные в цифрах, определяющие внешнюю (формальную) сторону преступности. Содержательную (качественную) сторону преступности отражают ее признаки и свойства. Несомненно, это разделение носит условный характер, т. к. преступность – это закономерное явление, переходящее из количества в качество» [4, с. 160–161].

Итак, важной составляющей проблем алкоголизма в нашем обществе является, как мы выяснили, криминальная. В связи с этим приведем наиболее существенные количественные и качественные характеристики преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения (см. таблицу 1).

В России в 2014 г. зарегистрировано 353 330 преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в 2015 – 401 042, в 2016 – 440 154, в 2017 – 378 013, в 2018 – 351 601, в 2019 – 323 528, в 2020 – 315 440, в 2021 – 289 195, в 2022 – 253 075, в 2023 – 223 043 подобных криминальных деяния.

Характеризуя показатели официальной отчетности состояния преступности рассматриваемого вида в Российской Федерации за десятилетний период (с 2014 по 2023 гг.), стоит указать на неоднозначность тенденций ее развития. С 2014 по 2016 гг. отмечаем возрастание показателей: в 2015 году – + 13,5 %, в 2016 – + 9,8 %. С 2017 г. фиксируем, напротив, тренд снижения отчетных данных: в 2017 – - 14,1 %, в 2018 – - 7,0 %, в 2019 – - 8,0 %, в 2020 – - 2,5 %, в 2021 – - 8,3 %, в 2022 – - 12,5 %, в 2023 – - 11,9 %.

Отмечаем, что динамика выявленных лиц носит характер, повторяющий изменения в количестве зарегистрированных преступлений, совершаемых в алкогольном опьянении. Как в России, так и в Ростовской области наблюдаем возрастание количества выявленных лиц, совершивших преступления в алкогольном опьянении, с 2010 по 2016 гг., затем плавное снижение с 2017 по 2023 гг.

**Количество преступлений, совершенных в состоянии
алкогольного опьянения [6]**

		Совершено преступлений в состоянии алкогольного опьянения	Уд. вес %	Выявлено лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения	Уд. вес %
2019	Россия	323528	30,7	298432	33,7
	Ростовская область	5919	20,4	5412	21,2
	Южный Федеральный округ	25264	23,6	23522	25,2
2020	Россия	315440	30,6	288361	33,8
	Ростовская область	5731	21,1	5203	22,3
	Южный Федеральный округ	25428	23,8	23709	25,9
2021	Россия	289195	28,1	262452	30,9
	Ростовская область	5156	19,5	4681	20,7
	Южный Федеральный округ	23618	21,7	21605	23,4
2022	Россия	253075	24,4	227897	27,8
	Ростовская область	4039	14,5	3664	17,9
	Южный Федеральный округ	19988	17,9	18280	20,5
2023	Россия	223043	22,4	197402	26,3
	Ростовская область	3285	12,2	2907	15,2
	Южный Федеральный округ	17763	17,1	16012	19,8

Человек, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, теряет контроль над ситуацией, проявляет агрессию, нетерпимость, цинизм, иные привычки и установки антиобщественной направленности. В результате состояние опьянения может стать катализатором совершения не только правонарушения, но и преступления. Причем, преступления более жестокие, носящие насильственный характер, когда жизнь человека становится равной по цене бутылке дешевого «пойла».

Безусловным является утверждение о том, что если бы лицо не прибывало в состоянии алкогольного опьянения, преступление могло бы и не случиться.

Многие криминологи указывают на триединство основных компонентов структуры личности преступника, а именно: социально-демографические характеристики, уголовно-правовые признаки, нравственно-психологические свойства личности. Постараемся выделить наиболее существенные параметры личности типичного корыстного преступника, согласно данной градации.

Начнем рассмотрение с социально-демографических характеристик. Одним из важных признаков является возраст. Стоит сказать, что, изучив многие проведенные исследования, отмечаем, что средний возраст алкоголиков, совершивших преступления и отбывающих наказание в исправительных учреждениях, ниже среднего возраста всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Более молодой возраст осужденных алкоголиков объясняется сравнительно молодым возрастом населения, склонного к потреблению спиртных напитков. Врачи утверждают, что им последнее время очень часто приходилось иметь дело с алкоголиками, которым до тридцати лет. Привыкание к алкоголю может происходить очень быстро. Так, наркологи утверждают, что для развития алкоголизма как болезни требуется от 3 до 5 лет, если начинать активное потребление до 10 лет. По мнению профессора А.Я. Гришко, «в этой связи возникает определенное противоречие: с одной стороны, непонятная, ничем не обусловленная потребность в спиртном, с другой – несложность их приобретения, что обуславливает совершение преступления» [3, с. 28]. «Таким образом, алкоголизм поражает в первую очередь молодых людей, не имеющих жизненного опыта и легко поддающиеся влиянию. Ущербная среда, в которую эти лица попадают после ареста, нередко способствует закреплению отрицательных привычек и наклонностей, дезорганизует и направляет их на ложный путь» [7, с. 8].

Еще одной важной характеристикой из разряда социально-демографических является семейное положение, которое многими криминологами рассматривается, прежде всего, как антикриминогенный фактор. В связи с этим данные исследований подтверждают истину: большинство лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, были холостыми.

Разрыв с семьей, длительная разобщенность супругов и разлука с детьми постепенно сказывается на выработке убеждений и взглядов, характеризующихся семейным нигилизмом, пренебрежением к брачным узам, «наплевательское отношение» к своим супружеским и родительским обязанностям.

Кроме того, почти каждый третий осужденный алкоголик воспитывался в неполной семье. Отсутствие постоянного родительского контроля обусловило подчас приобщение в несовершеннолетнем возрасте. У подростков из таких семей чаще всего появляется комплекс неполноценности, обостренное восприятие действительности, чувство зависти к детям из «полных» семей, недоброжелательное к ним отношение. Очень часто такие подростки стремятся «снять стресс» в неформальном общении алкоголиков или наркоманов.

Пагубным в этой связи может быть также влияние взрослых членов семьи, потребляющих спиртные напитки, на воспитание моральных качеств несовершеннолетнего, ведь «попробовать» спиртные напитки предлагали родители или братья (сестры). Однако было бы ошибочным полагать, что алкоголизм, как правило, возникает только как спутник бедности, семейной необеспеченности и трудных условий жизни. Достаточно примеров, когда алкоголиками, а затем и преступниками становятся дети из очень даже хорошо обеспеченных семей [8, с. 34].

Еще один важный социально-демографический критерий – уровень образования. Безусловным является то, что образовательный уровень не только определяет общий культурный и интеллектуальный уровень, но и позволяет подыскать престижную профессию и наметить положительные жизненные перспективы. Известна взаимная корреляция: чем выше образовательный уровень человека – тем менее вероятно совершение им преступления.

Сравнительная общеобразовательная характеристика лиц, к которым применено принудительное лечение от алкоголизма, и всех осужденных показывает, что образовательный и как следствие интеллектуальный уровень алкоголиков почти вдвое выше, чем у осужденных вообще. Подавляющее большинство осужденных алкоголиков – лица, имеющие общее среднее образование, что свидетельствует о сложных проблемах в учебно-воспитательной работе, поскольку привитие необходимых знаний не подкрепляется внедрением правильных ценностных ориентаций, уважительного отношения к нормам права и морали.

Что же касается наличия специальности, то она является одним из основных условий не только успешного трудоустройства алкоголиков после освобождения из исправительных учреждений, но и их социальной адаптации в новой обстановке.

При этом надо отметить, что большинство алкоголиков работают не по специальности. Указанное обстоятельство обусловлено не только социально-нравственной и профессиональной деградацией личности алкоголиков, но и сложностями в трудоустройстве по специальности.

Перейдем к рассмотрению уголовно-правовых признаков личности преступника, совершившего преступление в состоянии алкогольного опьянения. Как мы уже отмечали ранее, в основном такие лица совершают насильственные и корыстно-насильственные преступления.

Среди алкоголиков больше лиц, осужденных за убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, грабеж, разбой, изнасилование и хулиганство.

Еще одной важной составляющей криминологической характеристики личности преступника являются нравственно-психологические признаки. По мнению С.С. Бахтеева, они «характеризуются пассивностью, низким уровнем агрессивности, а также эмотивностью, т. е. повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, ранимостью, постоянным ощущением своей незащищенности. Это люди, стремящиеся быть опекаемыми, зависимыми от сильной личности» [2, с. 102].

«Лица, относящиеся ко второй группе, более активны, проявляют ярко выраженные защитные реакции, импульсивны, обладают низкой способностью самоконтроля. Лицам из третьей группы свойственны повышенная тревожность, неуверенность в себе, чрезмерный контроль своих действий, повышенное чувство вины, болезненные переживания по поводу своих ошибок и неудач» [5, с. 78–79].

Стоит указать также на некоторые важные психологические особенности личности преступника алкоголизированного типа, которые, в той или иной мере, детерминируют совершение преступлений указанного вида. К сожалению, употребление алкоголя убирает все барьеры и стирает грани между правопослушным и правонарушающим поведением, злоупотребление же им – убивает и вовсе нормальные жизненные установки. То есть, данные лица могут с легкостью нарушать моральные нормы и закон, у них возрастает уровень антиобщественной направленности.

Преступления в состоянии алкогольного опьянения чаще всего совершают мужчины в возрасте от 25 до 35 лет. Как правило, это лица с низким уровнем образования и социальной адаптации, имеющие проблемы с алкоголем.

Факторы воспроизводства «пьяной» преступности, внесение изменений в законодательство административного и уголовного характера, степень эффективности деятельности правоохранительных органов в отношении данного вида преступлений – все это и детерминирует изменения роста и снижения показателей криминальных деяний и лиц.

Проанализировав информацию, характеризующую удельные веса преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения в Российской Федерации, отмечаем тенденцию, повторяющую ту, которая имеет непосредственное отношение к общему состоянию преступности данного вида. С 2010 по 2016 гг. наблюдается возрастание: с 16,6 до 37,0 %, с 2017 по 2023 гг. снижение: с 33,8 до 22,4 %. Несмотря на незначительное снижение показателя удельного веса данного вида преступлений, констатируем неутешительный факт того, что значительная часть всех преступлений России совершены лицами в состоянии алкогольного опьянения.

Что касается официальных статистических данных, характеризующих объем преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, в Ростовской области и в Южном федеральном округе, то они повторяют закономерности проявлений их в Российской Федерации в целом: возрастающий характер – с 2010 по 2016 гг., тренд снижения – с 2017 по 2023 гг.

Оценивая количественные показатели убийств, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в последние 5 лет в России, отмечаем следующие тенденции: в 2019 г. – 4 353, в 2020 – 4 434 (+ 1,9 %), в 2021 – 3 964 (- 10,6 %), в 2022 – 3 836 (- 3,2 %), в 2023 – 3 345 (- 12,8 %).

Причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии алкогольного опьянения зафиксировано в следующих российских показателях: в 2019 г. – 15 040, в 2020 – 14 399 (- 4,3 %), в 2021 – 12 816 (- 11,0 %), в 2022 – 12 119 (- 5,4 %), в 2023 – 11 341 (- 6,4 %).

Тенденции зарегистрированных изнасилований в состоянии алкогольного опьянения в России следующие: в 2019 г. – 279, в 2020 – 1 306 (+ 368,1 %), в 2021 – 1 626 (+ 24,5 %), в 2022 – 1 359 (- 16,4 %), в 2023 – 1 134 (- 16,6 %).

В целях фактической оценки преступности, возможности осуществления ее прогнозирования, составления и реализации планов профилактической работы в отношении преступлений – необходимо выявлять тенденции в уровне, структуре, динамике преступности, в том числе и рассматриваемого вида. Современная отчетность о преступности, в том числе алкогольной, достаточно развита и позволяет получить количественно-качественные оценки преступности, прежде чем приступить к борьбе с ней (см. табл. 2).

**Количество отдельных насильственных преступлений,
совершенных в состоянии алкогольного опьянения [6]**

		Убийства	Уд. вес, %	ТВЗ	Уд. вес, %	Изнасилование	Уд. вес, %
2019	ЮФО	356	69,4	1050	64,4	20	57,1
	Ростовская область	80	69,0	234	58,8	2	50,0
	Россия	4353	79,7	15040	77,3	279	75,4
2020	ЮФО	324	70,0	1030	64,2	114	33,5
	Ростовская область	74	61,2	232	62,2	28	57,1
	Россия	4434	80,5	14399	77,1	1306	43,4
2021	ЮФО	309	69,6	893	63,1	126	47,2
	Ростовская область	77	73,3	197	61,4	27	54,0
	Россия	3964	79,7	12816	76,1	1626	52,4
2022	ЮФО	287	70,2	893	61,8	117	31,8
	Ростовская область	63	67,7	210	64,0	20	50,0
	Россия	3836	78,8	12119	74,0	1359	48,3
2023	ЮФО	254	76,3	864	60,9	109	36,5
	Ростовская область	60	77,9	188	63,1	23	51,1
	Россия	3345	78,8	11341	71,9	1134	49,3

Пьянство и алкоголизм – негативные социальные явления, которые сами по себе не являются преступными, однако с очень большой вероятностью вызывают совершение преступлений, преимущественно насильственных и корыстно-насильственных. В этой связи важным этапом предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, является рассмотрение и изучение основных характеристик алкоголизма с криминологической точки зрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. действ.): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Российской Федерации 5 июня 1996 года. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бахтеев С.С. Проблемы алкоголизма и преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1(2).
3. Гришко А.Я. Характеристика личности хронических алкоголиков и наркоманов. Рязань, 1991.
4. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4(68).
5. Малыгина Т.А. Проблемы предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. 2(89).
6. Основные статистические показатели преступности в Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.01.2024).

7. Пономарев С.Н., Галиуллин Ш.Н. Организация исполнения наказания и лечебного процесса в исправительно-трудовых колониях для наркоманов. Рязань, 1995.
8. Уваров И.А. Криминалистическая характеристика групповых преступлений несовершеннолетних, ведущих антиобщественный образ жизни // Антиобщественный образ жизни несовершеннолетних: вопросы теории и практики. Ставрополь. 2000.

REFERENCES

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended): adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on May 24, 1996: approved by the Federation Council Feder. Sobr. of the Russian Federation on June 5, 1996. Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Bakhteev S.S. Problems of alcoholism and crime // Law and order: history, theory, practice. 2014. № 1(2).
3. Grishko A.Ya. Personality characterization of chronic alcoholics and drug addicts. Ryazan, 1991.
4. Klishkov V.B., Pasyukov V.V., Stebeneva E. V. Crime and its main characteristics at the modern stage // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (68).
5. Malykhina T.A. Problems of preventing crimes committed while intoxicated // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. 2 (89).
6. Main statistical indicators of crime in the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (date of access: 29.01.2024).
7. Ponomarev S.N., Galiullin Sh.N. Organization of execution of punishment and medical process in forced labor colonies for drug addicts. Ryazan, 1995.
8. Uvarov I.A. Criminalistic characterization of group crimes of minors leading an antisocial lifestyle // Antisocial lifestyle of minors: questions of theory and practice. Stavropol, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вакуленко Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vakulenko Natalya Alekseevna, PhD in Law, Associate Professor, the Head of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 95–100.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 95–100.

Научная статья

УДК 343.985.7

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕНОТИПОСКОПИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПРИРОДЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Варданян Акоп Вараздатович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

avardanyan@yandex.ru

Введение: Федеральным законом Российской Федерации от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» сформулирована правовая основа получения, хранения, использования, уничтожения геномной информации, а также признано, что основной целью геномной регистрации выступает идентификация личности человека. Указанный нормативно-правовой акт обозначил категории лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, прежде всего – подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Это актуализирует значимость анализируемого документа для оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений. Однако анализ нормативных положений данного федерального закона свидетельствуют, что как ограниченный перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, так и определенные в законе сроки хранения геномной информации, существенно обедняют изначально колоссально высокий потенциал использования генотипоскопических методов исследования в уголовном судопроизводстве.

Материалы и методы: автором применялся комплекс общепризнанных методов научного познания, среди которых: системно-структурный, конкретно-социологический, формально-логический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический методы. Автор фокусировался как на доктринальных положениях уголовно-правовых наук, так и на современных достижениях в сфере генетики. В эмпирическую базу вошли процессуальные документы, содержащиеся в материалах 55 уголовных дел о преступлениях корыстной, насильственной и корыстно-насильственной направленности, в рамках которых либо проводились судебно-генетические экспертизы, либо настоятельно ощущалась потребность в их проведении, однако следователями по тем или иным причинам отказались от назначения указанной экспертизы.

Результаты исследования: автор солидаризируется с исследователями, выступающими сторонниками всеобщей и обязательной государственной генетической регистрации населения страны, что, во-первых, реально с учетом современного уровня развития генетики и достижений российских ученых в данной сфере, во-вторых, позволит совершить буквально революционный прорыв в повышении результативности раскрытия и расследования преступлений.

Выводы и заключения: наличие достаточной научно-технической базы для осуществления всеобщей генетической регистрации населения обуславливает потребность модернизации не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства (в части обеспечения безопасности, регулирования гарантий защиты прав и законных интересов лиц – участников уголовно-процессуальных правоотношений), но также и криминалистики как науки, имеющей синтетическую (интегративную) природу, аккумулирующую для нужд уголовного судопроизводства прогрессивные достижения в области естественно-технических наук, и, собственно, обеспечивающую результативность применения этих положений при раскрытии, расследовании, предупреждении преступлений.

Ключевые слова: геном, геномная регистрация, геномная информация, расследование, идентификация личности, генетика.

Для цитирования: Варданян А. В. Криминалистическая генотипоскопия в контексте интегративной природы криминалистического научного знания / А. В. Варданян // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 95–100.

Original paper

FORENSIC GENOTYPOSCOPY IN THE CONTEXT OF THE INTEGRATIVE NATURE OF FORENSIC SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Vardanyan Akop Varazdatovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Юрист-Правоведъ, 2024, № 2 (109)

Introduction: Federal Law of the Russian Federation № 242-FZ of 03.12.2008 «On State Genomic Registration in the Russian Federation» formulates the legal basis for obtaining, storing, using, and destroying genomic information, and also recognizes that the main purpose of genomic registration is the identification of a person's identity. The specified regulatory legal act designated the categories of persons subject to mandatory genomic registration, first of all – suspects, accused, convicted – which actualizes the significance of the analyzed document for optimizing the process of disclosure and investigation of crimes. However, an analysis of the regulatory provisions of this federal law shows that both the limited list of persons subject to mandatory genomic registration and the storage periods of genomic information defined in the law significantly impoverish the initially colossally high potential for using genotyposcopic research methods in criminal proceedings.

Materials and methods: the author used a set of generally recognized methods of scientific cognition, including system-structural, concrete-sociological, formal-logical, inductive and deductive, analytical and synthetic methods. The author focused both on the doctrinal provisions of the criminal law sciences and on modern achievements in the field of genetics. The empirical base includes procedural documents contained in the materials of 55 criminal cases on crimes of mercenary, violent and mercenary-violent orientation, in which either forensic genetic examinations were carried out, or there was an urgent need for them to be carried out, but the investigators for one reason or another refused to appoint this examination.

Results of the research: the author associates himself with researchers who advocate universal and mandatory state genetic registration of the country's population, which, firstly, is realistic, taking into account the current level of development of genetics and the achievements of Russian scientists in this field, and secondly, will make a literally revolutionary breakthrough in improving the effectiveness of crime detection and investigation.

Findings and conclusions: the availability of sufficient scientific and technical base for the implementation of universal genetic registration of the population necessitates the modernization of criminal and criminal procedure legislation (in terms of security, regulation of guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of persons participating in criminal procedural legal relations), as well as criminalistics as a science having a synthetic (integrative) nature, accumulating progressive achievements in the field of natural sciences for the needs of criminal proceedings.

Keywords: genome, genomic registration, genomic information, investigation, identity identification, genetics.

For citation: Vardanyan A. V. Forensic genotyping in the context of the integrative nature of forensic scientific knowledge / A. V. Vardanyan // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 95–100.

Современная генетика как отрасль биологии продолжает развиваться активными темпами. Наряду с множеством креативных открытий и изобретений в данной сфере, которые, с одной стороны, открывают перед человечеством новые возможности для улучшения качества жизни, однако, в то же время, актуализируют небывалые ранее вызовы и угрозы личной и общественной безопасности, особое место занимает идентификация личности на основе геномной информации.

Итак, на современном уровне развития генетического научного знания сама по себе техническая возможность осуществления идентификации личности посредством исследования геномной информации представляется бесспорно доказанной. Более того, новейшие научные разработки российских ученых в этой сфере (а именно, микродиплотипный анализ, предложенный проф. Ф.Г. Аминовым совместно с группой исследователей из Башкирского государственного университета и Уфимского федерального исследовательского центра РАН) [1, с. 300–317], позволяют не только добиться полного импортозамещения, но и не без оснований позиционировать их в качестве нового поколения маркерных признаков, актуализирующих новые перспективы в сфере ДНК-регистрации населения [2, с. 30–41]. Данные технологии приобретают непреходящее значение в различных инфраструктурах жизнедеятельности общества, однако поистине сложно переоценить их роль в развитии криминалистической регистрации, и в целом криминалистики как науки, призванной обеспечивать следственно-судебную практику действенными рекомендациями по повышению результативности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Как известно, в настоящее время, согласно Федеральному закону РФ от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», предусмотрена обязательная либо добровольная геномная регистрация. Обязательная регистрация распространяется на лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений,

неустановленных лиц, биоматериал которых изъят в процессе осуществления следственных действий. С 01.01.2025 г. этот перечень расширяется за счет лиц, подвергнутых административному аресту. Добровольная государственная геномная регистрация носит возмездный характер и осуществляется на основании заявления заинтересованных лиц, действующих в собственных интересах, либо на законных основаниях представляющих интересы несовершеннолетних, недееспособных либо имеющих некоторые ограничения в дееспособности.

Законодательством предусмотрены следующие общие сроки хранения геномной информации:

а) до установления факта смерти: осужденных, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, а равно подвергнутых административному аресту; при отсутствии информации об их смерти – до даты, когда этим лицам исполнилось бы 100 лет;

б) в течение 70 лет с момента получения геномной информации в отношении неустановленных лиц, биологический материал которых был изъят при производстве следственных действий.

Однако в ряде случаев хранящаяся геномная информация может быть уничтожена до истечения обозначенного срока по заявлению лиц – носителей данной информации либо их представителей, а именно:

а) при добровольной геномной регистрации;

б) при возникновении у подозреваемого, обвиняемого, осужденного права на реабилитацию;

в) при отмене административного ареста.

Очевидно, что сформулированный в анализируемом нормативном акте подход, касающийся:

а) определения ограниченных категорий лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации;

б) возмездного характера добровольной государственной регистрации;

в) возможности инициирования уничтожения геномной информации по заявлению реабилитированных лиц либо лиц, проходивших геномную регистрацию в добровольном порядке; не только не в полной мере способствует разрешению проблем правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью, но и не отражает весь колоссальный потенциал генотипоскопических методов исследования.

Как известно, субъекты насильственных преступлений, причиняя вред жизни или здоровью другим лицам, реализуют разнообразные методы и средства сокрытия трупа, направленные на существенное снижение вероятности его обнаружения и опознания. Наряду с действиями по утаиванию или уничтожению трупа, субъекты преступлений могут также осуществлять дезинформацию следователей, совершая далеко не всегда безуспешные попытки выдачи себя в качестве свидетеля либо лица, вовсе не осведомленного об обстоятельствах данного события, тем самым направляя следствие по ложному пути, а также пытаться дискредитировать собранные доказательства [3, с. 225–231]. Не менее изощренные способы сокрытия присущи преступлениям иных категорий, включая, наряду с традиционными универсальными приемами (утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация следовой информации и пр.), также и специфические (присущие именно определенной категории деяний) [4, с. 115–126].

Кроме того, как представляется, установление факта смерти подозреваемых, обвиняемых, осужденных не должно находиться в прямой связи с наступлением момента для уничтожения геномной информации относительно этих лиц. Очевидно, что невозможно исключить ни гипотетической причастности их к иным, пока что не раскрытым деяниям (в том числе преступлениям прошлых лет), ни совершения посягательств в отношении них же другими лицами (будь это конфликты между преступными формированиями, борьба за власть или за авторитет внутри криминальной общности, а равно преступления на бытовой почве). Общеизвестно, что всегда существует значительное количество преступлений, так и оставшихся нераскрытыми, поскольку объем следовой информации, выявленной традиционными методами криминалистической техники и криминалистической тактики, нередко недостаточен для установления причастности к преступлению конкретных лиц (особенно при отсутствии свидетелей и осуществлении виновными лицами комплекса действий по противодействию расследованию).

Поэтому обязательный учет генома лишь лиц, вступивших на путь конфликта с законом (да и то лишь до наступления их смерти), а также биоматериала неустановленных лиц, явно сдерживает органы расследования в применении генопитоскопических методов исследования. Наполнение соответствующей базы данных генетической информации происходит сравнительно медленно (по отношению к общему числу населения), поскольку у рядовых граждан (не имеющих конфликтных отношений с законом) отсутствует достаточная мотивация, что не способствует приобретению добровольной геномной регистрации массового характера. Между тем, к сожалению, не являются редкостью массовые техногенные аварии, природные катаклизмы, и даже террористические акты, экстремистские акции, сопровождающиеся гибелью и увечьем значительного количества людей. Ситуация усугубляется осложнившейся международной обстановкой, сопровождающейся периодическим проведением военным противником обстрелов приграничных территорий, атак с помощью беспилотников, а также осуществлением различных диверсионных действий на территории РФ.

В связи с этим представляется, что введение (пусть поэтапное) всеобщей обязательной ДНК-регистрации населения страны (как граждан РФ, так и иностранных граждан или лиц без гражданства, прибывающих в РФ), предлагаемое рядом отечественных ученых [5, с. 94–98], обусловило бы формирование целого кладезя информации, потенциально высоко значимой для расследования.

Кроме того, целесообразно осуществить интеграцию информации, отражающую геном человека (биометрические персональные данные) с его паспортными и иными индивидуальными данными, сведениями о служебной и профессиональной деятельности, роде занятий, находящемся в собственности и ином законном владении недвижимым имуществом, автотранспортных средствах и т. п., содержащимися в иных государственных базах данных.

В то же время заслуживают внимания опасения исследователей, предостерегающих об потенциально высокой опасности открытого доступа к такой информации лиц с низкой социальной ответственностью, тем более – представителей криминалитета, а равно лиц, осуществляющих шпионаж, взаимодействующих с должностными лицами, в ведении которых находятся такие базы данных. Поэтому общее требование о защищенности места хранения геномной информации, исключающее вероятность ее уничтожения, похищения, редактирования, с точки зрения уголовно-процессуального закона должна подкрепляться уголовно-процессуальными гарантиями защиты прав и законных интересов лиц – носителей геномной информации.

Признавая, что вопросы использования геномной информации в раскрытии и расследовании преступлений нуждаются в дальнейшей разработке, обсуждении и более детальной уголовно-процессуальной регламентации, кратко сформулируем наше видение по отдельным аспектам данной проблемы.

Представляется, что сведения о геномной информации, отражающей биометрические данные отдельной личности, должны относиться к категории охраняемой законом тайны, что требует определенного механизма их использования, как в уголовном судопроизводстве, так и в иных сферах публичной деятельности, связанных с идентификацией личности. Не предусмотренные законодательством действия в отношении геномной информации, будь это ее незаконное получение, разглашение, уничтожение, редактирование, должны быть детально криминализованы в уголовном законе в качестве разновидности преступных посягательств на общественную безопасность.

В рамках уголовно-процессуального закона целесообразно разработать процессуальные условия работы с геномной информацией, признавая ее отнесенность к разновидности охраняемой законом тайны. В порядке постановки данной проблемы, признавая ее дискуссионный характер, представляется, что возможно ввести режим получения судебного решения (в порядке ст. 165 УПК РФ) при необходимости получения биоматериала, содержащего геномную информацию, потерпевшего, свидетеля, а также проведения идентификации с использованием геномной информации в отношении этих лиц, в случаях, если эти лица возражают. В отношении подозреваемого, обвиняемого представляется достаточным самостоятельное решение следователя, отраженное в соответствующем постановлении, подлежащем ознакомлению заинтересованными лицами в общем порядке, установленном УПК РФ.

Совершенствование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, актуальных для работы с генетической информацией применительно к уголовному судопроизводству,

не является самоцелью, а ставит перед криминалистикой новые задачи, обеспечивающие высокую результативность применения этих норм [6, с. 129–133], а на дальнейшую перспективу – беспрецедентный прорыв в формировании добротной доказательственной базы по уголовным делам и в снижении уровня преступности. Поскольку повсеместное развитие и внедрение методов ДНК-идентификации [7, с. 282–314] не только существенно сократит число нераскрытых преступлений, но и окажет небывалый ранее профилактический эффект.

Таким образом, достигнутый сегодня уровень научных разработок в сфере генетики, в сочетании с изначально синтетической (интегративной) по своей сути природой науки криминалистики, позволяет говорить не только об интеграции методов генетических исследований в криминалистику, но и о постепенном формировании такого нового направления, как криминалистическая генотипоскопия (охватывающего собой не только криминалистическую технику, но и криминалистическую тактику и методику). В рамках обозначенного направления актуально проведение дальнейших разработок по формированию принципов, условий, правил, методов работы с генетической информацией в соответствии с требованиями уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Микродиплотипы как новые маркеры для ДНК-идентификации личности / Д. А. Чемерис, Р.Р. Гарафутдинов, А.М. Сагитов и др. // Биомика. 2020. Т. 12(2).
2. Аминев Ф.Г., Гарафутдинов Р.Р., Чемерис А.В., Михайленко К.И., Сагитов А.М. О возможностях применения новых технологий ДНК-идентификации личности в целях Всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1(67).
3. Айвазова О.В. Дискредитация доказательств как элемент противодействия расследованию // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Краснодар, 2019.
4. Айвазова О.В., Максимов М.И. Особенности сокрытия преступлений корыстной направленности, связанных с нарушением земельного законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1(88).
5. Аминев Ф.Г. О необходимости принятия Федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57).
6. Айвазова О.В. Дифференциация наук уголовного процесса и криминалистики в контексте современных тенденций развития правовой мысли // Философия права. 2019. № 3(90).
7. ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы / В.А. Анисимов, Р.Р. Гарафутдинов, А.М. Сагитов, А.Р. и др. // Биомика. 2019. Т. 11(3).

REFERENCES

1. Microdiplotypes as new markers for DNA identification of a person / D. A. Chemeris, R. R. Garafutdinov, A.M. Sagitov et al. // Biomicroscopy. 2020. Vol. 12(2).
2. Aminev F.G., Garafutdinov R.R., Chemeris A.V., Mikhailenko K.I., Sagitov A.M. On the possibilities of using new technologies for DNA identification of individuals for the purposes of General Genomic Registration of the Population of the Russian Federation // Rule of Law: Theory and Practice. 2022. № 1(67).
3. Aivazova O.V. Discrediting evidence as an element of counteraction to the investigation // Modern problems of domestic criminology and prospects for its development: collection of articles. scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminalistics. Krasnodar, 2019.
4. Aivazova O.V., Maksimov M.I. Features of concealing mercenary crimes associated with violation of land legislation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(88).

5. Aminev F.G. On the need to adopt the Federal Law «On Universal Genomic Registration in the Russian Federation» in order to improve the quality of detection and investigation of crimes // Rule of Law: Theory and Practice. 2019. № 3 (57).
6. Aivazova O.V. Differentiation of the sciences of criminal procedure and criminology in the context of modern trends in the development of legal thought // Philosophy of Law. 2019. № 3(90).
7. DNA forensics – origin, modernity and prospects / V.A. Anisimov, R.R. Garafutdinov, A.M. Sagitov, A.R. and others // Biomix. 2019. Vol. 11(3).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Варданын Акоп Вараздатович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardanyan Akop Varazdatovich, Grand PhD in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation; Head of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 101–109.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 101–109.

Научная статья

УДК 343.98.062

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СУВАЛЬДНЫХ ЗАМКОВ, ОТПЕРТЫХ ПРИ ПОМОЩИ САМОДЕЛЬНЫХ САМОНАБОРНЫХ ОТМЫЧЕК

Гончаров Андрей Васильевич

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Российская Федерация
gonchar_andr@mail.ru

Введение: использование криминальных навыков при отпирании замков в жилищах граждан составляют наибольшую сложность при расследовании и раскрытии преступлений, свидетельствует о высокой квалификации преступника и, как следствие, тщательном планировании кражи.

Материалы и методы: в статье приведены практические аспекты исследования сувальдных замков, отпертых при помощи самодельных отмычек, приведены примеры по их экспериментальному отпиранию.

Результаты исследования: показаны возможности диагностического исследования сувальдных замков, отпертых при помощи отмычек, места обнаружения следов, указаны самодельные самонаборные отмычки как один из методов криминального отпирания замков.

Выводы и заключения: в рамках производства трасологических экспертиз по исследованию сувальдных замков возможно определение конкретного способа криминального отпирания, а также проведение идентификационных исследований по изъятым отмычкам, имеющим доказательственное значение при расследовании уголовных дел по фактам краж из жилищ граждан.

Ключевые слова: криминальное отпирание, отмычки, самонаборные отмычки, сувальдные замки.

Для цитирования: Гончаров А. В. Особенности исследования сувальдных замков, отпертых при помощи самодельных самонаборных отмычек / А. В. Гончаров // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информ.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 101–109.

Original paper

FEATURES OF THE STUDY OF LEVER LOCKS UNLOCKED USING HOMEMADE SELF-DIALING MASTER KEYS

Goncharov Andrey Vasilevich

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russian Federation

Introduction: the use of criminal skills in unlocking the locks in the homes of citizens is the greatest difficulty in the investigation and detection of crimes, indicates the high qualification of the criminal and, as a result, careful planning of theft.

Materials and methods: the article provides practical aspects of the study of lever locks unlocked with the help of homemade lockpicks, gives examples of their experimental unlocking.

Results of the study: the possibilities of diagnostic examination of lever locks unlocked with the help of lockpicks, the places of detection of traces, self-made self-dialing lockpicks are indicated as one of the methods of criminal unlocking of locks.

Findings and conclusions: within the framework of trace examinations for the study of lever locks, it is possible to determine a specific method of criminal unlocking, and it is also possible to conduct identification studies on the seized lockpicks that have evidentiary value in the investigation of criminal cases on the facts of theft from the homes of citizens.

Keywords: criminal unlocking, lockpicks, self-dialing lockpicks, lever locks.

For citation: Goncharov A.V. Features of the study of lever locks unlocked using homemade self-dialing master keys / A.V. Goncharov // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 101–109.

Больше половины всех зарегистрированных преступлений (53,5 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 583,3 тыс. (-16,4 %), мошенничества – 433,7 тыс. (+26,4 %), грабежа – 22,2 тыс. (-23,9%), разбоя – 3,4 тыс. (-15,4 %). Почти каждая седьмая кража (13,3 %), каждый двадцать седьмой грабеж (3,7 %) и почти каждое седьмое разбойное нападение (13,5 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. В январе–декабре 2023 г. зарегистрировано 20,5 тыс. квартирных краж, что на 24,6 % меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1].

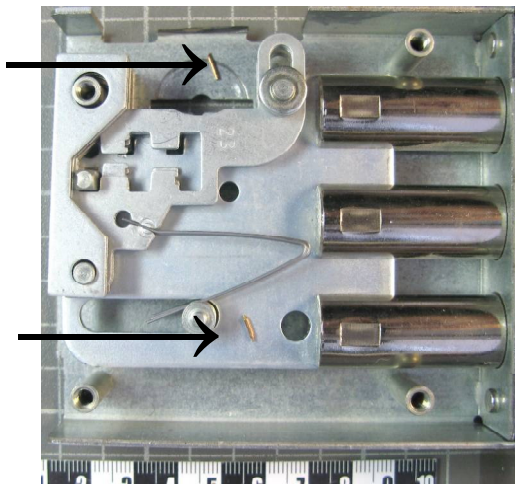
Проведенный анализ совершенных краж на территории города Ставрополя (2016–2023 гг.) показал, что около двух третей преступлений совершены путем криминального отпирания замков без их видимого повреждения. В некоторых случаях вскрытию подвергались замки с сувальдным механизмом. Отпирание замков с сувальдным механизмом относится к наиболее технически сложному виду, требующему определенных навыков и большего количества времени, чем отпирание замков с цилиндровым механизмом.

В настоящее время существует множество научных и методических работ, посвященных разнообразным способам отпирания замков с сувальдным механизмом без их повреждения, среди которых чаще всего указываются «отмычки», метод самоимпрессии.

При анализе совершенных краж из квартир за период с 2016 по 2021 гг., двери которых оборудованы замками с сувальдным механизмом, установлены факты запираения замков. Со слов потерпевших, по прибытию домой, замки заперты на такое же количество оборотов, на которое они запирались. Зачастую при этих случаях потерпевшие отмечали, что порядок в квартирах практически не нарушен, в связи с чем обнаруживали пропажу имущества через несколько дней или даже недель. Все эти факты затрудняли поиск как следовой базы на месте происшествия (следы обуви – мылись полы, следы рук – протиралась пыль и т. д.), так и преступника по горячим следам (утрачивалась свидетельская база (очевидцы не помнили), камеры имели короткий срок хранения записи).

Ввиду того, что замки с сувальдным механизмом запирались после совершения преступления, учитывая сложность их криминального отпирания, не исключался факт отпирания и запираения штатными ключами (возможно утраченными, либо похищенными ранее). Ранее считался маловероятным факт, что преступник мог стоять и закрывать замок, тратя на это время, имея при себе похищенное имущество (не опровержимые доказательства совершения преступления). Однако в ходе проведения трасологических экспертиз в каждом из таких случаев установлены факты воздействия постороннего предмета на внутренние поверхности замков (как правило, на корпус и боковые части сувальд). Эти обстоятельства исключили отпирание замков штатными ключами. При этом отпиранию подвергались замки с сувальдным механизмом разных производителей, с разным количеством набора сувальд.

При производстве экспертиз в некоторых случаях внутри корпуса замка обнаружены фрагменты медной проволоки диаметром 1 мм длиной 3–5 мм, со следами перекуса на торцевых частях (рис.1,2). В дальнейшем обнаружение фрагментов проволоки, как оказалось, подтверждало использование отмычек.

*Рис 1. Сувальдный замок в разобранном состоянии.
Стрелками указаны обнаруженные фрагменты проволоки*

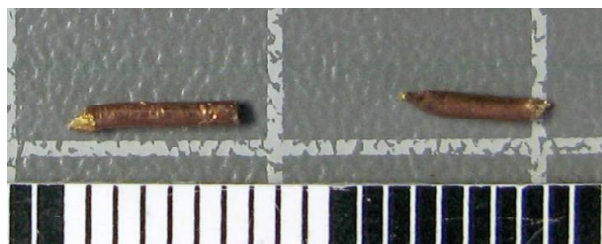

Рис 2. Фрагменты проволоки, обнаруженные внутри короба замка

После проведения диагностических исследований возник вопрос о возможности проведения идентификаций, а также установления фактов отпираания нескольких замков, изъятых с разных мест происшествий одним и тем же предметом (отмычкой).

В ходе проведения сравнительного исследования следов, обнаруженных на сувальдах, коробах, хвостовиках засовов каждого замка между собой, затем, этих следов со следами на других замках как сходных, так и отличающихся по количеству сувальд, а также следов на торцевых частях фрагментов проволоки установлено:

1. Внутри каждого замка имеется две группы совпадающих между собой следов как по общим, так и по частным признакам (точкой определения сторон условно бралась лестничная площадка):

а) на передней стенке короба и оборотных сторонах сувальд, а также оборотной стороне хвостовика засова;

б) либо на лицевых сторонах сувальд и задней стенке короба, а также лицевой стороне хвостовика засова.

2. Следы, обнаруженные на коробах и сувальдах разных замков, совпадают между собой как по общим, так и по частным признакам.

3. Следы перекуса на торцевых частях фрагментов проволоки, обнаруженных как в одном замке, так и в разных замках, имеют и совпадения, и различия по частным признакам.

В результате данных исследований сформулирован вывод о том, что для отпираания изъятых замков с разных мест происшествий использовался один и тот же предмет (отмычка), имеющий две рабочие грани, воздействующий как на сувальды, короб, а также на хвостовик засова замка. Для перекуса проволоки вероятнее всего использовался один и тот же предмет или инструмент (маникюрные щипцы, кусачки и т. д.).

Проведенным анализом сделано предположение о том, что преступник имеет либо «высокую квалификацию», что позволяет ему с легкостью отпирать и запирать замки, либо использует способ или приспособление, позволяющий быстро отпереть и запереть замок с сувальдным механизмом.

1 марта 2019 г. в городе Ставрополе по подозрению в совершении квартирной кражи (при попытке проникнуть в квартиру) задержан гр. Д. В ходе личного досмотра гр. Д. обнаружен целый «арсенал» отмычек, предназначенных для отпираания как цилиндрических механизмов замков, так и сувальдных замков (рис. 3).

Рис 3. Отмычки обнаруженные и изъятые у гр. Д.

Дальнейшая исследовательская и практическая работа произведена по конкретным отмычкам, изъятым у гр. Д., предназначенным для отпираания сувальдных замков, которые предоставлены для проведения экспертиз и проверки по криминалистическим учетам.

Рассмотрим подробнее отмычки для отпираания замков с сувальдным механизмом, назовем его «набор» (рис. 4):

Рис 4. «Набор», используемые для отпираания замков с сувальдным механизмом

1. Штатный ключ к замку с сувальдным механизмом, в конструкцию которого внесены изменения (здесь и далее назовем его отмычка-ключ):

– бородка ключа спилена, за исключением выступа, перемещающего засов, в некоторых случаях это средняя часть, в некоторых – данные выступы располагаются по краям бородки и т. д., причем бородка спилена не полностью до стержня, а только выступающие элементы, не воздействующие на хвостовик засова. На некоторых ключах бородка спилена с одной стороны полностью до стержня, в других случаях спилена симметрично (рис. 5);

Рис 5. Примеры бородок штатных ключей со спиленными выступами

– в торцевой части спиленных бородок ключа имеются несквозные отверстия диаметром от 1 мм до 2 мм, которые расположены в местах спиленных выступов, имеют одинаковую глубину и располагаются на равном расстоянии друг от друга (рис. 6).

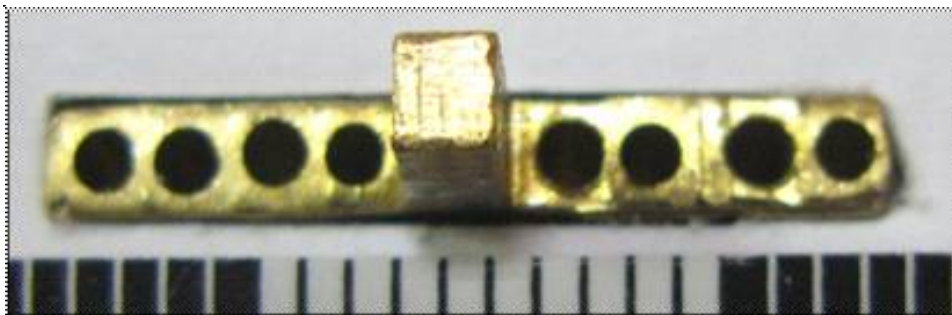

Рис 6. Торцевая часть бородки ключа с отверстиями

2. Металлический стержень, а именно велосипедная спица (здесь и далее назовем его «ключка»), один конец которой изогнут и обмотан изолентой для удобства удержания в руке, другой конец изогнут под углом 90 градусов и сточен по краям.

3. Медная проволока диаметром 1 мм и 2 мм.

4. Маникюрные кусачки.

При проведении допросов подозреваемому заданы вопросы по способу вскрытия замков с сувальдным механизмом. В результате получены некоторые разъяснения принципа работы с данными отмычками.

С целью изучения данного метода, научной и практической работы, криминалистического исследования оставляемых следов в рамках проведения трасологических экспертиз, а также возможности их дальнейшего диагностического и идентификационного исследования, в межрайонном ЭКО (г. Ставрополь) проводился экспертный эксперимент. С этой целью были предоставлены замки с сувальдными механизмами, бородки штатных ключей которых схожи с переделанными штатными ключами (отмычками), изъятыми у гр. Д. При проведении экспертного эксперимента замки неоднократно запирались и отпирались штатными ключами с целью определения границ следов, оставляемых ими для дальнейшего их исключения.

Далее для изучения механизма следообразования и фотофиксации эксперимента нижняя часть короба замка была удалена.

Рассмотрим метод использования самодельных отмычек на примере набора отмычек, изъятых у гр. Д, а именно: ключа к сувальдному замку «BORDER» с шестью сувальдами. Отмычка-ключ без проволоки вводится в ключевую скважину замка. Далее поворотом отмычки-ключа в сторону отпираания выступ упирается в хвостовик засова и происходит незначительное продвижение засова вперед или назад, при этом выступ на хвостовой части засова упирается в выступы окон сувальд, происходит «натяжение» сувальд замка. Далее, не ослабляя воздействия отмычкой-ключом на засов, в ключевую скважину замка вставляется «ключка» и поочередно воздействует на торцевые части сувальд. Тем самым проверяется, какие из сувальд зафиксированы неподвижно, условно нумеруя их по расположению от ключевой скважины (т. е., данные сувальды, в первую очередь, препятствуют продвижению засова), после чего ключ-отмычка извлекается из замка. Затем в отверстия на бородке отмычки-ключа, согласно номеру неподвижных сувальд, вставляется медная проволока, причем выступать она должна на определенную высоту (в нашем случае 1 мм, и в дальнейшем каждый шаг увеличения высоты проволоки всегда происходит строго на заданную величину, т. е. 1 мм). В этом и заключается главный секрет метода: каждый производитель или несколько производителей при изготовлении замков и ключей задают определенный шаг перепада высот бородки ключа и соответственно секретности блока сувальд. Как правило, это 1 мм, но встречается 0,5 мм, 1,5 мм и т. д. Зная это, преступник применяет это при подборе высот проволоки, каждый раз увеличивая на заданную высоту. Данная процедура повторяется, пока код замка не будет подобран. Подобрав одну сторону бородки отмычки-ключа, преступник делает зеркальную копию второй стороны бородки из проволоки (в случае если штатный ключ имеет зеркальную сторону, что является наиболее распространенным видом) и «ключ-отмычка», которым можно неоднократно отпирать и закрывать данный замок, готов (рис. 7).

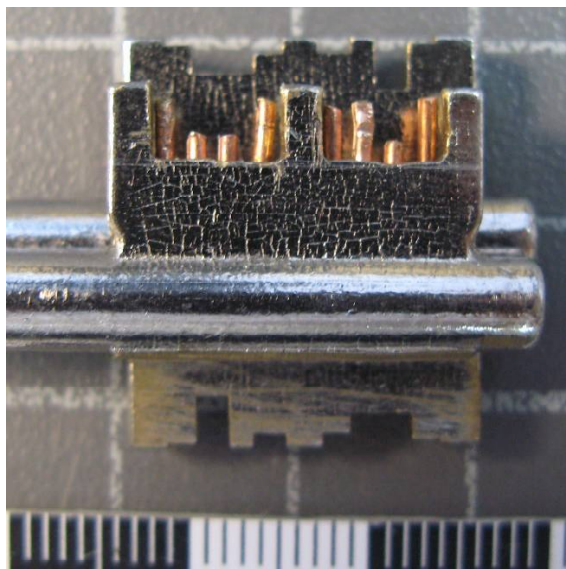

Рис 7. Снизу бородка штатного ключа, сверху отмычка с набранным кодом

Ввиду того, что при отпирании замка используются самодельные отмычки, а код набирается, отсюда и название способа: отпирание замка при помощи самодельных наборных отмычек.

Важный момент: в процессе подбора кода несколько фрагментов проволоки выпали из отмычки-ключа и находились в коробе. В дальнейшем при их извлечении возможно проведение различных исследований, например, как трасологических, с решением вопросов («составляли ли два фрагмента проволоки ранее единое целое?», «одним ли инструментом образованы торцевые части фрагментов проволок?» и т. д.), так и ДНК, исследование материалов и веществ, и т. д. В связи с этим экспертам, проводящим экспертизы замков с сувальдным механизмом, необходимо в обязательном порядке обращать внимание на наличие фрагментов проволоки в коробе замков, с отражением их в заключении эксперта. Также в обязательном порядке производить их извлечение и упаковку по правилам изъятия биологические следов и объектов (с возможностью обнаружения на них ДНК-следов преступника).

После экспериментального отпирания и запираания замка отмычками, сувальды, короб и хвостовик засова визуально изучались через удаленную часть корпуса замка. В первую очередь, штатный ключ вводился в ключевую скважину для определения границ следов, оставляемых им. Затем штатный ключ извлекался, и в ключевую скважину вводился отмычка-ключ с набранным кодом из проволоки и «клюшка» для определения локализации и границ следов, оставляемых ими (рис. 8).

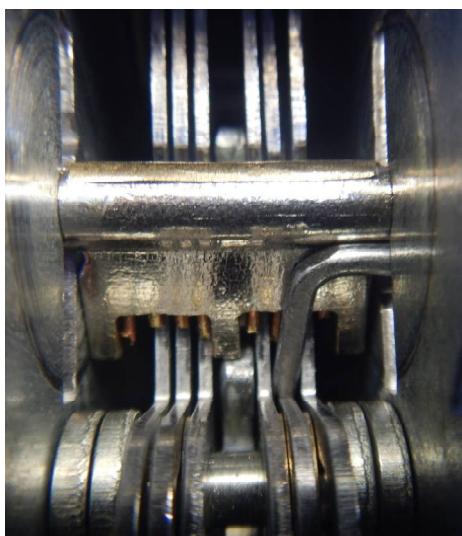
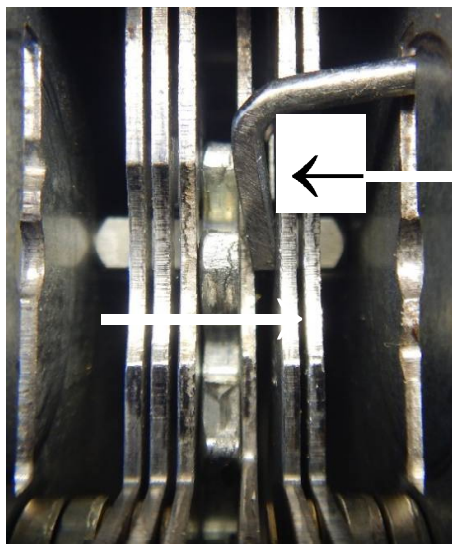

Рис 8. Отмычка-ключ с проволокой и клюшка, расположенные над сувальдами в процессе набора кода

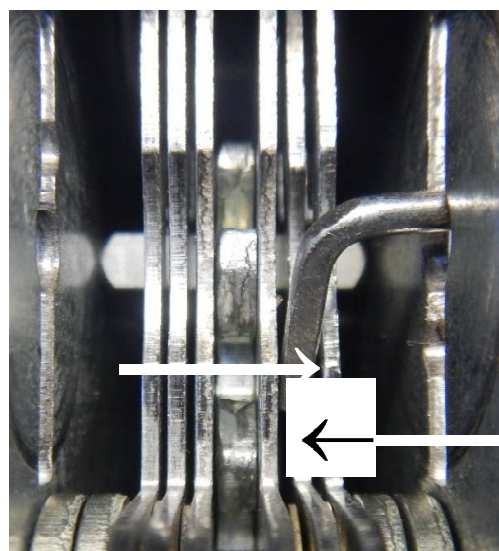
После экспериментального отпираания и запираания замка, с целью изучения внутренних частей замка, он был разобран. Далее сувальды, хвостовик засова, короб замка, а также извлеченные из короба фрагменты проволоки изучались под различными углами к источникам освещения визуально и с помощью приборов увеличения (лупы 3х-увеличения, микроскопа «Leica FCM» (увеличение до 80-Х), при этом обнаружены:

1. Динамические следы, расположенные за пределами следов от штатного ключа:

а) от рабочей части клюшки (на торцевых и боковых поверхностях сувальд, боковых частях хвостовика засова и коробе замка (в зависимости от положения замка в двери) (рис. 9).

9а.

9б.

Рис 9. а.б. «Клюшка», воздействующая разными рабочими гранями на разные стороны сувальд

2. Седы перекуса на торцевых частях фрагментов проволоки.

Аналогичный комплекс следовой информации обнаружен на всех экспериментально отпертых замках.

Далее проводилось сравнительное исследование экспериментальных следов на частях и деталях сувальдных замков между собой, а также следов на торцевых частях фрагментов проволоки при помощи микроскопа «Leica FCM» (увеличение до 80-Х).

Следы, образованные фрагментами проволоки, имеют слабовыраженный, незначительный рельеф, при этом, как правило, располагаются в границах воздействия штатных ключей, а следы, оставленные «клюшкой», напротив, имеют глубокий, ярко выраженный рельеф, располагаются вне границ воздействия штатными ключами, в связи с чем являются наиболее информативными, по сравнению с остальными следами. Как указано выше, имеется две группы совпадающих между собой следов, как по общим, так и по частным признакам (рис. 10,11). Точкой определения сторон условно бралась лестничная площадка:

а) на передней стенке короба, оборотных сторонах сувальд и оборотной стороне хвостовика засова;

б) на лицевых сторонах сувальд, задней стенке короба и лицевой стороне хвостовика засова.

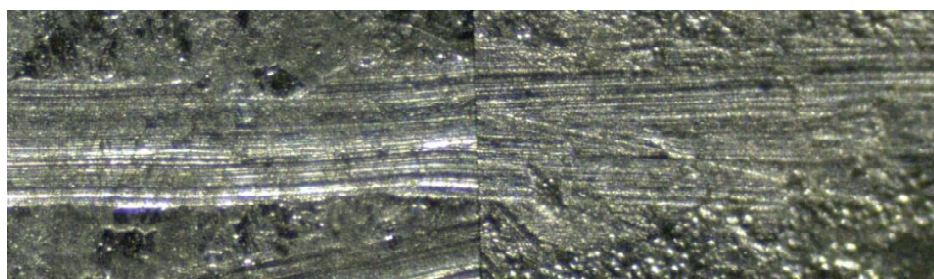

Рис. 10. Увеличенное изображение совмещенных следов, обнаруженных на боковых частях сувальд

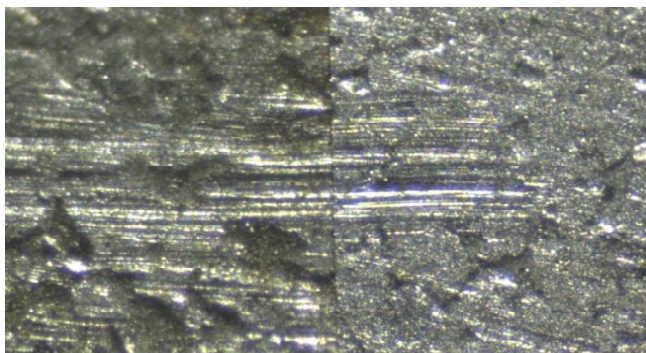

Рис. 11. Увеличенное изображение совмещенных следов, обнаруженных на коробах разных замков

Две группы совпадающих следов обусловлены тем обстоятельством, что «ключка» имеет 2 рабочие грани и в зависимости от положения замка в двери, одной и той же гранью воздействует на определенные участки деталей замка. Например, грань № 1 на лицевые части сувальд, грань № 2 на оборотные части сувальд. В виду того, что любой сувальдный замок можно установить в любом положении (направление засова замка как вправо, так и влево), при этом крышка короба замка может располагаться как впереди замка (относительно лестничной площадки), так и сзади. Данное обстоятельство следует учитывать при решении как диагностических, так и идентификационных задач, в том числе при проведении экспертного эксперимента (в случае предоставления конкретных отмычек, изъятых, например, у подозреваемого в совершении преступления). В связи с изложенным, при демонтаже в обязательном порядке необходимо помечать лицевую (переднюю) сторону замка, при производстве экспертиз изучать обстоятельства дела и фототаблицы к осмотрам мест происшествий, с целью определения положения сувальдного замка в двери.

Следы перекуса на торцевых частях проволоки являются также информативными, имеют выраженный рельеф, позволяют не только идентифицировать несколько фрагментов между собой, но и с конкретными кусочками, изъятими у гр. Д. (рис. 12).

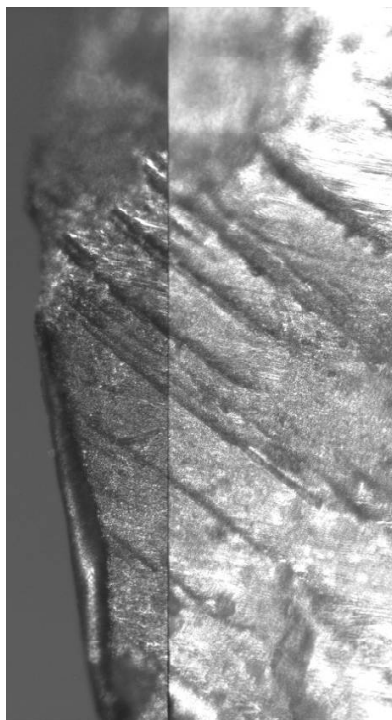

Рис. 12. Увеличенное изображение совмещенных следов, обнаруженных на торцевых частях фрагментов проволоки

По итогам проведенного эксперимента и сравнительного исследования, выявлены места обнаружения комплекса следовой информации, отличительной от следов, оставленных штатными ключами, образующимися при отпирании замка с сувальдным механизмом при помощи самодельных наборных отмычек и подлежащих последующей идентификации. Результаты эксперимента позволили прийти к выводу о том, что замки, изъятые в ходе осмотров мест происшествий, отперты одними и тем же предметами (отмычками) при помощи самодельных наборных отмычек, а именно: отмычками, изъянными у гр. Д.

При исследовании сувальдных замков необходимо изучить обстоятельства дела и фототаблицы к осмотрам мест происшествий, с целью определения положения сувальдного замка в двери, а также установить запирался ли замок после совершения преступления. Внимательно изучить короб замка на наличие посторонних предметов, в случае обнаружения данный факт отражать в исследовательской части заключения, обнаруженные посторонние предметы изымать и упаковывать по правилам изъятия ДНК объектов-носителей и прилагать к заключению эксперта.

В настоящей статье приведены примеры проведения диагностических и идентификационных исследований по следам, оставленным самодельными наборными отмычками, в том числе возможности установления факта отпирания разных сувальдных замков одним и тем же посторонним предметом, а именно при помощи самодельной наборной отмычки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт МВД РФ. Состояние преступности. URL:<https://мвд.пф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 19.02.2024).

REFERENCES

1. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The state of crime. URL: <https://мвд.пф/reports/item/47055751/> (date of access: 19.02.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гончаров Андрей Васильевич, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goncharov Andrey Vasilyevich, lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakova Avenue, Stavropol 355035 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 110–116.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 110–116.

Научная статья

УДК 343.985.1

О ПОНЯТИИ ЭЛИТАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЯХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
davo-davo23@mail.ru

Введение: в данном исследовании автор обращает внимание законодателя на необходимость применения особого подхода к квалификации и наказанию за совершение элитарных преступлений как, в том числе, элементу превентивного противодействия их совершению. Определяются группы лиц, которые для целей уголовного наказания могут быть отнесены к элите, элитарность относится к отягчающим наказание обстоятельствам. Автор анализирует, нарушает ли особый законодательный подход к элитной преступности принцип равенства, какими признаками характеризуются элитные преступления, предлагает меры по обеспечению особенностей процессуального расследования.

Материалы и методы: исследование опирается на базисные научные источники, а также постулаты Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации в действующей редакции. Автор в ходе исследования применял методы логической дедукции, индукции, анализа и синтеза.

Результаты исследования: статья в полной мере дает представление о понятии и признаках элитарной преступности, категориях специальных субъектов, а также об особенностях уголовной ответственности за совершение соответствующих преступлений. Автор дополняет выводы известных ученых-теоретиков, соотнося их наработки с потребностями практической деятельности.

Выводы и заключения: автор считает допустимым внесение в ст. 6 Уголовного кодекса РФ презумпции высокой строгости ответственности за совершение элитных преступлений, как несущих повышенную степень общественной опасности, даже тех, которые именуются как «небольшой тяжести». Аналогичного изменения требует и ст. 63 Уголовного кодекса РФ, где помимо прочего следует в качестве отягчающего обстоятельства отметить высокую социальную опасность элитной преступности, включив в текст закона перечень групп, деяния которых подпадают под соответствующую категорию, в силу занимаемого обвиняемым привилегированного статуса в обществе.

Ключевые слова: элитарное преступление, элитарная преступность, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, криминальная деятельность.

Для цитирования: Григорян Д. К. О понятии элитарной преступности и общих положениях ответственности за совершение соответствующих преступлений / Д. К. Григорян // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 110–116.

Original paper

ON THE CONCEPT OF ELITE CRIME AND GENERAL PROVISIONS OF RESPONSIBILITY FOR COMMITTING RELEVANT CRIMES

Grigoryan David Cromvelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the article, the author draws the legislator's attention to the need to apply a special approach to the qualification and punishment for committing elite crimes, as, among other things, an element of preventive counteraction to their commission. Groups of persons are identified who, for the purposes of criminal punishment, can be classified as elite; elitism refers to aggravating circumstances. The author analyzes whether a special legislative approach to elite crime violates the principle of equality, what features characterize

elite crimes, and proposes measures to ensure the peculiarities of the procedural investigation. The study is based on basic scientific sources and contains an analysis of current legislation.

Materials and methods: the study is based on basic scientific sources, as well as the postulates of the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the current version. The author in the course of the study applied the methods of logical deduction, induction, analysis and synthesis.

Results of the study: the article gives a full picture of the concept and characteristics of elitist crime, categories of special subjects, as well as the peculiarities of criminal responsibility for the commission of relevant crimes. The author supplements the conclusions of well-known theoretical scholars, correlating their findings with the needs of practical activity.

Findings and conclusions: the author considers it permissible to introduce in Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation the presumption of high severity of responsibility for elite crimes as carrying an increased degree of public danger, even those that are referred to as «minor gravity». A similar change is required in Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, where, among other things, as an aggravating circumstance should be noted the high social danger of elite crime, including in the text of the law a list of groups whose acts fall under the relevant category, due to the privileged status in society occupied by the accused.

Keywords: elite crime, elite crime, criminal law, criminal procedure legislation, criminal activity.

For citation: Grigoryan D. K. On the concept of elite crime and general provisions of responsibility for committing relevant crimes / D. K. Grigoryan // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 110–116.

Как упоминает в своих исследованиях А.В. Варданян, преступность и криминалистика, соответственно скорости изменяющейся объективной реальности, подстраиваются и коррелируют с происходящим. Преступность реагирует на достижения научно-технического прогресса, дабы модернизировать старые способы реализации противоправных деяний и явить миру совершенно новые. В противовес этим проявлениям криминология, опираясь на современные тенденции, разрабатывает методы эффективного противодействия преступности [1].

Об элитарной преступности как об отдельном виде криминалитета отечественные исследователи стали говорить лишь в 90-е годы прошлого столетия. Элитарность, согласно справочной информации, являет собой нечто передовое и наилучшее, то немногочисленное и уникальное, на что равняются целые поколения [2]. Идеологические установки советской эпохи не позволяли даже в качестве научной гипотезы строить предположения о том, что в коммунистической державе возможна преступность, являющаяся частью элитарных сообществ. Иными словами, преступность в элитарных кругах существовала, государство, естественно, боролось с ней, но система научного знания об этом деструктивном феномене не была сформирована.

Между тем, данная проблема существовала в минувшую эпоху и продолжает иметь место в современном российском государстве. Поскольку сегодня ученым разрешено не только признать существование элитарной преступности, но и даже исследовать данный феномен, правоохранительные органы ожидают от них качественной и объективной аналитики, которая бы способствовала выработке эффективных рекомендаций по противодействию.

С учетом дискуссионности вопроса о самих понятиях преступности и элиты, не меньшей проблемой представляется сформировать понятие элитарной преступности. В Большом юридическом словаре мы находим следующее определение: «Преступность – понятие, означающее совокупность всех фактически совершенных противоправных деяний, за каждое из которых предусмотрено уголовное наказание, а также массовое негативное социально-правовое явление, обладающее определенными закономерностями, количественными и качественными характеристиками» [3]. Профессор В. Малков под преступностью понимает «множество индивидуальных противоправных событий, которые в своей массе образуют негативное социальное явление, имеющее обобщенные статистические показатели и закономерности, характерные для всей их совокупности», добавляя, что «это не только криминологическое понятие, но реальное социальное негативное явление, образующееся и выражающееся в преступных деяниях конкретных людей, являющихся носителями сознания и воли» [4].

Теория элит в упрощенном виде представляется как «концепция деления общества на определенные слои. В «Трактате о всеобщей социологии» итальянский социолог В. Парето

(1848–1923) к элите относил лиц, получивших наивысший индекс в своей области деятельности, достигших высшего уровня компетентности. Он также считал, что элиту составляют «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества [...] «так называемые высшие классы» и составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова: *aristos* – лучший) [...] большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами – неважно, хорошими или дурными, которые обеспечивают власть» [5]. В словаре по политологии В.А. Мельника элита определена как «весьма интегрированный и солидарный в сфере групповых интересов, хотя и существующий в условиях внутренней конкуренции, социально доминирующий слой, состоящий из экономических, политических, интеллектуальных, административных групп, которые контролируют значительную часть общественных ресурсов и серьезно влияют на выработку и осуществление политики во всех сферах общественной жизни» [6].

Еще в античные времена были сформулированы отдельные и вполне конкретные критерии, соответствие которым трактовалось как соответствие элитарным кругам. Они известны уже не одну эпоху и дошли до наших дней в том же актуальном звучании. Речь идет о методах совершенствования своего характера и поведенческой модели, например, о приверженности умеренности и гармонии, справедливости поступков и высказываний, доброте и честности [7]. Однако сегодня, да и в предыдущие десятилетия, зачастую элитарность служит синонимом совершенно других понятий. Относятся они не к честности и справедливости, а к власти и деньгам. Такого рода элита – это явление отрицательного свойства, осложняющее развитие общества и однозначно заслуживающее особенно строгого отношения законодателя. Можно сделать вывод, что лица, относящиеся к элите, должны быть образцово показательными членами социума и ролевых моделей поведения в нем. На собственном примере элита должна проецировать идеальные модели социальной практики. Но привилегированное положение в обществе должно накладывать отпечаток и на ответственность, в том числе и перед законом.

Указанное выше социальное доминирование в силу человеческой природы приводит к проявлениям девиаций, правовому нигилизму, чувству превосходства, вседозволенности и безнаказанности у представителей рассматриваемых социальных слоев. Одновременно субъектные границы девиаций могут распространяться еще шире – на родственников, свойственников, относящихся к элите лиц и находящихся под их покровительством. Таким образом, фактически причастность элит прямо или косвенно может проявляться практически в любом составе преступления и с любой формой вины преступника.

Однако не сам факт совершения преступления представителем элиты или аффилированным с ним лицом следует именовать именно элитной преступностью. Следует с достаточной точностью определить кто же для целей уголовного наказания может составлять элиту и причастных лиц, нарушает ли особый законодательный подход принцип равенства, а также какими дополнительными признаками должны характеризоваться элитные преступления, должны ли быть разработаны особенности процессуального расследования преступлений, отягчает или нет уголовную ответственность социальный статус элиты или требуется даже введение дополнительных специальных санкций.

Принцип равенства является одним из самых дискуссионных в науке уголовного права. Его закрепление в нормах Уголовного кодекса РФ [8] является прямым следствием содержания ст. 19 Конституции РФ, в которой закреплено равенство граждан перед законом, как равноправие – равенство прав и свобод всех граждан, социальных возможностей, а также равенство их обязанностей и ответственности. И уголовная ответственность – не исключение. По мнению ученых, принцип равенства в уголовном праве подчинен конституционному содержанию ограничено, «[...] в законодательном равенстве всех граждан понести уголовную ответственность за совершение преступления и не относится ни к назначению наказания, ни к его отбыванию» [9]. Обоснованно в качестве примера «неравенства» процитированные ученые упоминают особенности уголовной ответственности, назначения и исполнения наказания для несовершеннолетних, лиц пенсионного возраста, в отдельных случаях женщин, а также процессуальные особенности привлечения к ответственности особых категорий лиц, иностранных граждан и пр. Также, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится глава 52, именуемая «Особенности производства по

уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Таким образом, первая в этой главе статья 447 сообщает, что особый порядок производства по уголовным делам применяется в отношении целого ряда категорий лиц. Основные из них:

- Президент РФ, прекративший исполнение полномочий, кандидат в Президенты РФ;
- сенатор РФ, депутаты различных уровней, а также зарегистрированные кандидаты в депутаты;
- судьи Конституционного Суда РФ, федеральные и мировые;
- уполномоченный по правам человека в РФ;
- прокурор, председатель Следственного комитета РФ, руководитель следственного органа, следователь, адвокат;
- член избирательной комиссии.

Таким образом, можно ответить на один из поставленных вопросов – при достаточной теоретической разработке элитных преступлений и их квалификации такая категория специальных субъектов или отдельных составов имеет право на существование, не вступая в противоречие с принципом равенства в вышеуказанном контексте по смыслу уголовного закона.

Очевидным является то, что последствия противоправных деяний, совершенных представителями «избранных» кругов, часто имеют катастрофичный характер. Например, обеспеченные граждане, имеющие поддержку влиятельных чиновников, которым удалось избежать ответственности за совершенные противозаконные деяния, создают негативный прецедент. В условиях развитого Интернета, интерактивности и молниеносного распространения информации, молодежь способна сделать неверные выводы из сложившейся ситуации. Люди с неокрепшей психикой, ориентированные на быстрое и беззаботное получение сиюминутных радостей, могут воспринимать подобные факты не только как норму XXI в., но и как прямое руководство к действию.

Более того, элитарные преступники имеют достаточно сил и средств, чтобы оказывать посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию преступлений, которые совершили сами или их родственники, друзья или аффилированные лица. Предметно-объектная организация криминалистики предписывает ей стремление не только бороться с преступностью, но и нивелировать деструктивные последствия [10]. Потому наука не может игнорировать назревшую необходимость в том, чтобы законодатель четко обозначил государственную позицию противодействия элитарному криминалитету.

Среди признаков преступлений, которые действительно можно отнести к элитным, по мнению автора, можно выделить следующие:

1. Финансовые махинации: элитарные преступления часто связаны с финансовыми махинациями, такими как мошенничество, коррупция, отмывание денег и злоупотребление инсайдерской информацией.

2. Привилегированный доступ к ресурсам: члены элиты могут иметь особый доступ к ресурсам, таким как влиятельные связи, политическая власть или экономические возможности. Они могут использовать этот доступ для совершения преступлений, освобождения от ответственности иных лиц путем воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования.

3. Нарушение закона с невидимыми последствиями: элита может совершать преступления, которые остаются незамеченными или имеют меньшие последствия из-за своего статуса и влияния. Это может включать взяточничество, злоупотребление властью или уклонение от налогов.

4. Преступления против общества: элитарные преступления могут быть направлены против общества в целом. Например, монополизация рынка, нарушение антимонопольного законодательства или эксплуатация рабочей силы.

5. Использование легальных структур и уловок: члены элиты могут использовать сложные юридические структуры и уловки для сокрытия своих преступных действий или избежания наказания.

6. Минимизация рисков и последствий: элита может иметь больше ресурсов и связей, чтобы минимизировать риски и последствия своих преступлений. Они могут нанимать лучших адвокатов, использовать влияние или давление на правоохранительные органы и судебную систему.

Однако выработки признаков элитных преступлений недостаточно. В уголовном законе следует предусмотреть статус специального субъекта, для которого отнесение по статусу к

элите будет отягчающим обстоятельством. Кого же для целей уголовного наказания можно отнести к элите? По мнению автора, не претендуя на окончательную полноту списка, а с целью активизации научной дискуссии, следует выделить несколько групп:

- должности государственной службы, прямо упомянутые в Конституции РФ, федерально-конституционных законах, и их заместители;
- главы и заместители государственных и муниципальных административно-территориальных образований, унитарных предприятий, учреждений, государственных корпораций, Центрального Банка РФ; юридических лиц – монополий;
- лица и их заместители, состоящие в органах управления юридических лиц, 50 % + 1 акция в которых находятся в государственной или муниципальной собственности, члены общественных и попечительских советов;
- лица, состоящие на службе в правоохранительных органах, судьи;
- лица, награжденные государственными наградами, премиями;
- врачи, педагоги, преподаватели.

Безусловно, прочие за исключением элиты от власти категории всегда будут оставаться спорными. В том числе, в силу объективного противоречия роли и значимости в социуме и материальному благосостоянию, например, вышеуказанные врачи и педагоги, которые, случается, совершают противоправные деяния с невидимыми последствиями.

Вопрос же в отношении ранее названных причастных лиц, состоящих в родственных или свойственных отношениях с представителем элит, не может быть разрешен в пользу признания совершаемыми ими преступлений в качестве элитарных, если представитель элиты не является соучастником, заказчиком преступления. Как, например, представители «золотой молодежи», так и антиподы – представители маргинализированных слоев в равной степени могут грубо и нарочито нарушать общественный порядок и выражать неуважение к обществу потому, что они действительно никого не уважают, не признают никаких законов и никаких традиций страны, в которой живут. Причины такого поведения у них, безусловно, разные, но сущность проявляемого нигилизма одна. И в равной степени они должны понести наказание перед законом и обществом. Однако для родителей, опекунов, попечителей, являющихся представителями элиты, должны быть предусмотрены негативные последствия, не связанные с уголовным преследованием. Достаточным превентивным инструментом может быть временное отстранение от занимаемой должности до окончания расследования, а также увольнение, лишение званий, наград и прочих статусных признаков после вступления в законную силу приговора суда в отношении аффилированных лиц.

В настоящее время российским законодателем не утверждено отдельных положений производства следственных действий при расследовании анализируемых элитарных преступлений. Когда следователь расследует уголовное дело, где фигурантом выступает представитель элиты, он опирается на стандартные нормы, указанные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Например, в ст. 164 обозначен четкий перечень того, чем должен руководствоваться следователь, когда следственные действия производятся на основании судебного решения, кого следователь может привлечь к участию в следственных действиях, какие технические средства могут применяться и прочие нюансы. Казалось бы, законодателем предусмотрены все возможные обстоятельства, однако здесь ни слова не сказано о том, как следует поступать в ситуациях, где фигурант уголовного дела принадлежит прямо или косвенно к элитарному формированию. Есть лишь некие оговорки, отсылающие нас к пониманию того, что речь идет о представителях элиты. В то же время предварительное следствие по элитарным преступлениям обычно отличается от обычных дел, т. к. в них участвуют влиятельные и богатые люди, которые могут оказывать давление на правоохранительные органы и систему юстиции. Вот некоторые из них:

1. Политическое вмешательство: в случае элитарных преступлений политические факторы могут оказывать сильное влияние на ход следствия. Влиятельные лица могут использовать свои связи и ресурсы, чтобы остановить или замедлить расследование.

2. Финансовое давление: богатые преступники могут использовать свое состояние, чтобы нанять лучших адвокатов и юристов, которые будут защищать их интересы. Это может затруднить работу правоохранительных органов и увеличить время, требуемое для завершения расследования.

3. Скрытность: в некоторых случаях элитарные преступления могут быть связаны с конфиденциальными или чувствительными данными, которые могут быть зашифрованы или

скрыты. Это может потребовать специальных навыков и технических возможностей, чтобы получить доступ к этой информации.

4. Публичное внимание: элитарные преступления часто привлекают большое внимание общественности и СМИ. Это может оказывать дополнительное давление на правоохранительные органы, чтобы провести расследование более тщательно и справедливо.

5. Коррупция: в некоторых случаях элитарные преступления могут быть связаны с коррупцией в правоохранительных органах. Это может привести к саботажу расследования или утечке информации.

В связи с этим элитарные преступления требуют особого внимания, независимости и профессионализма со стороны правоохранительных органов, чтобы обеспечить справедливость и ответственность за совершенные преступления. Для чего процессуальным законодательством должна быть обеспечена анонимность следователя, который работает исключительно с материалами дела, а по его поручению все внешние контакты производят иные должностные лица, механизм контроля законности действий следователя со стороны системы.

В завершение обратимся к положениям ч. 2 ст. 43 УК РФ «Понятие и цели наказания». Законодатель постановляет, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. В ст. 6 Уголовного кодекса РФ «Принцип справедливости» указано, что справедливое наказание есть наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности противоправного деяния, обстоятельствам, при которых оно совершено, и личности виновного. То есть, суд при назначении меры карательного воздействия обязан учитывать то, что из себя представляет преступник, каков его статус, какую социальную роль он играет, и как, в конечном итоге, будет резонировать общество в ответ на решение, которое вступит в законную силу. Достаточно ли справедливо решение суда, полностью ли оно опирается на то, что предписано уголовным законодательством? Поэтому автор считает допустимым внесение в ст. 6 Уголовного кодекса РФ презумпции высокой строгости ответственности за совершение элитных преступлений, как несущих повышенную степень общественной опасности. Даже тех, которые именуются как «небольшой тяжести», т. к. такое определение не должно работать в отношении тех, кто, являясь представителем избранной когорты, вносит деструктивную волну в социум. Аналогичного изменения требует и ст. 63 Уголовного кодекса РФ, где помимо прочего следует в качестве отягчающего обстоятельства отметить высокую социальную опасность элитной преступности, включив в текст закона перечень групп, деяния которых подпадают под соответствующую категорию, в силу занимаемого обвиняемым привилегированного статуса в обществе.

И криминалистика, и уголовное, и уголовно-процессуальное законодательство стремятся установить торжество закона, обеспечить надежное противостояние преступности, защитить законные права и интересы граждан. Именно поэтому законодателю следует прислушаться к ученым, которые ратуют за ужесточение ответственности за элитарную преступность, а также за то, чтобы следствие в отношении фигурантов элитарных преступлений велось с особой тщательностью и особой строгостью. Например, то, что подозреваемый является представителем элитарного сообщества, должно обусловить единственный вариант в качестве меры пресечения в отношении него заключение под стражу. Суровость следственного механизма и дальнейшего наказания могли бы стать вескими упреждающими факторами для потенциальных элитарных преступников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021.
2. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4930813> (дата обращения: 17.01.2024).
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд. М., 2006.
4. Криминология / под ред. проф. В.Д. Малкова М., 2004.
5. Парето В. Компендиум по общей социологии / науч. ред. пер. М.С. Ковалева. 2-е изд. М., 2008.

6. Мельник В.А. Современный словарь по политологии. Минск, 2004.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Дмитриев Д.Б., Донская О.Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3.
10. Варданян А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юрист-Правоведъ. 2020. № 1(92).

REFERENCES

1. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021.
2. The Great Russian Encyclopedia. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4930813> (date of access: 17.01.2024).
3. Large legal dictionary / ed. A. Ya. Sukhareva. 3rd ed. Moscow, 2006.
4. Criminology / ed. prof. V.D. Malkova Moscow, 2004.
5. Pareto B. Compendium on general sociology / scientific. ed. lane M.S. Kovaleva. 2nd ed. Moscow, 2008.
6. Melnik V.A. Modern dictionary of political science. Minsk, 2004.
7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12.18.2001. № 174-FL. Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06.13.1996 № 63-FL. Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. Dmitriev D.B., Donskaya O.G. The principle of equality in the criminal law of Russia. North Caucasus Legal Vestnik. 2021. № 3.
10. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the person // Jurist-Pravoved. 2020. № 1(92).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорян Давид Кромвелович, кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryan David Cromvelovich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information Supply of Internal Affairs Agencies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 117–123.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 117–123.

Научная статья

УДК 351.745.7

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ЛИЧНОГО СЫСКА СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПРОС И НАБЛЮДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ППС

Давыдова Снежана Анатольевна

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация
snezhana221@yandex.ru

Шумилина Анастасия Борисовна

Донской государственный технический университет, Ростов-на Дону, Российская Федерация
Nashum82@mail.ru

Введение: деятельность сотрудников патрульно-постовой службы предполагает не только знание норм действующего законодательства, но и владение навыками и умениями, направленными на эффективное предупреждение, пресечение преступлений сотрудниками полиции, а также выявление лиц, совершивших общественно опасное деяние. В качестве ведущих мероприятий, проводимых сотрудниками ППС, в настоящей работе выделены опрос и наблюдение, ввиду их наиболее частого применения и видимого нами значительного влияния на обеспечение выполнения задач, поставленных перед сотрудниками ППС.

Материалы и методы: методологию исследования составили положения диалектики, как всеобщего метода познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация.

Результаты исследования: в результате исследования сформулированы выводы об отсутствии достаточного нормативно-правового регулирования мероприятий личного сыска, определения данного термина, а также отсутствии раскрытия содержания метода наблюдения в деятельности сотрудников полиции. Выявлены пробелы в обеспечении подготовки профессиональных кадров патрульно-постовой службы полиции.

Выводы и заключения: в ходе данного исследования сделан вывод о необходимости усовершенствования процесса подготовки сотрудников патрульно-постовой службы полиции к выполнению возложенных на них законом обязанностей путем включения в программу профессиональной подготовки занятий, направленных на выработку навыков опроса и наблюдения.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба полиции, пресечение преступлений, предупреждение преступлений, идентификация, опрос, наблюдение, терроризм, преступная деятельность.

Для цитирования: Давыдова С. А., Шумилина А. Б. Применение методов личного сыска сотрудниками патрульно-постовой службы полиции с целью выявления и пресечения преступлений: опрос и наблюдение в деятельности сотрудников ППС / С. А. Давыдова, А. Б. Шумилина // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 117–123.

Original paper

THE USE OF PERSONAL INVESTIGATION METHODS BY POLICE PATROL OFFICERS TO IDENTIFY AND SUPPRESS CRIMES: SURVEY AND OBSERVATION OF THE ACTIVITIES OF PPSP EMPLOYEES

Davydova Snezhana Anatolyevna

Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

Shumilina Anastasia Borisovna

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the activities of the patrol and post service personnel involve not only knowledge of the norms of current legislation, but also possession of skills and abilities aimed at effective prevention, suppression of crimes by police officers, as well as identification of persons who have committed a socially dangerous act. The survey and observation are highlighted in this paper as the leading activities carried out by the staff of the PPSP, due to their most frequent use and the significant impact we see on ensuring the fulfillment of the tasks assigned to the employees of the PPSP.

Materials and methods: the methodology of the study consisted of the provisions of dialectics as a universal method of cognition, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization.

Results of the study: as a result of the study, conclusions were formulated about the lack of sufficient regulatory regulation of personal investigation activities, the definition of this term, as well as the lack of disclosure of the content of the method of observation

Findings and conclusions: in the course of this study, it was concluded that it is necessary to improve the process of training police patrol officers to perform their duties assigned to them by law by including classes aimed at developing interview and observation skills in the professional training program.

Keywords: police patrol service, crime suppression, crime prevention, identification, interview, surveillance, terrorism, criminal activity.

For citation: Davydova S. A., Shumilina A. B. The use of personal investigation methods by police patrol officers to identify and suppress crimes: survey and observation of the activities of PPSP employees / S. A. Davydova, A. B. Shumilina // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024 № 2(109). – Pp. 117–123.

Согласно данным о полномочиях сотрудников патрульно-постовой службы полиции (далее – ППСП), ранее нашедшим свое отражение в содержании Приказа МВД России № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» [1] (далее – Приказ), основными задачами сотрудников ППСП являются, обеспечение правопорядка; безопасности личности; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на маршрутах патрулирования; выявление и задержание лиц, совершивших преступления, и т. д. Несмотря на то, что данный правовой акт на сегодняшний день утратил свою силу, в научных кругах не прекращаются дискуссии относительно его содержания. В частности, авторами, исследующими вопрос о сущности личного сыска, предпринимаются попытки к истолкованию его определения путем перечисления задач, на выполнение которых направлены мероприятия личного сыска. Так, А.Д. Бараков [2, с. 179–181] полагает, что личный сыск преследует цели: выявления лиц, совершивших преступления, обнаружения и предупреждения готовящегося преступления, пресечения начавшегося преступления, установления места нахождения уголовно-преступного элемента, мест его возможного появления, определения направленности преступных деяний лица, сбора сведений о лицах, подозреваемых в совершении преступлений и т. д. Как видится, во многом предположения ученого о целях и задачах личного сыска совпадают с нормами ранее частично упомянутого Приказа.

По данным некоторых из обнаруженных источников, личный сыск представляет собой не что иное, как конкретно определенный метод деятельности нарядов полиции. Однако данное определение, по нашему мнению, не является в полной мере соответствующим нормам действующего права и нуждается в значительной доработке.

Как показывают материалы изученных в ходе данного исследования научных трудов, в условиях нынешней правовой действительности понятие личного сыска отождествляется учеными [3, с. 218–221] с оперативно-розыскными мероприятиями (далее – ОРМ).

Отметим, что сегодня сотрудники ППСП в своей деятельности руководствуются не одним лишь правовым актом. В систему названных, на настоящий момент входят Конституция РФ [4], Федеральные законы «О полиции» (далее – ФЗ № 3) [5], «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [6], Кодекс РФ об административных правонарушениях [7], другие федеральные законы, а также нормативно-правовые акты МВД России. В соответствии с п. 114 Наставления ППСП, утвержденного приказом МВД России от 28 июня 2021 г. № 495, сотрудники ППСП, в исключительных случаях, привлекаются оперативными подразделениями для решения задач оперативно-розыскной деятельности [8].

Невозможно не отметить важность совершенствования сотрудниками полиции навыков использования при решении задач, возложенных на полицию, таких методов

оперативно-розыскной деятельности, как наблюдение и опрос, поскольку именно сотрудники ППСП зачастую являются первыми, кто оказывается на месте совершения преступления, они же имеют реальную возможность обнаружения лиц, совершивших общественно-опасное деяние «по горячим следам», руководствуясь свидетельскими показаниями.

В свою очередь, предотвращение совершения преступлений, обнаружение и задержание лица, совершившего преступление, возможны при владении сотрудником необходимыми навыками: наличие профессиональных знаний, умение вести скрытое наблюдение, развитые внимание и наблюдательность, быстрота ориентировки и ведение грамотного опроса граждан. Именно методике опроса сотрудниками ППСП в доктрине права уделено значительное внимание.

В числе мероприятий, реализация которых входит в компетенцию сотрудников ППСП, входит опрос граждан.

Само же проведение опроса сотрудниками ППСП оказывает влияние на: выявление причин, выяснение условий совершения преступления; установление факта подготовки к совершению преступления; получение необходимых данных об уже совершенном общественно-опасном деянии, позволяющих установить личность преступника; обнаружение места укрытия вещей и ценностей, добытых преступным путем, и т. д.

При проведении опроса сотрудник ППСП должен обращать внимание на те сведения, получение которых может иметь решающее значение для разрешения правового вопроса. Комплекс таких сведений включает в себя данные о лицах, представляющих оперативный интерес (лицах, замысливающих, подготавливающих или совершающих преступления, располагающих информацией о противоправных действиях других граждан и т. д.), о предметах (похищенных вещах, предметах, находящихся в розыске; предметах, ограниченных или вовсе запрещенных для свободного оборота; орудиях преступления), фактах и событиях преступления.

Данные, полученные в результате опроса, проведенного сотрудниками ППСП, приобретают фундаментальный характер в установлении лица, совершившего или намеревающегося совершить преступление. Так, на основании сведений, полученных в результате опроса, могут быть осуществлены распознавание и опознание субъекта, т. е. сопоставление внешности последнего с описанием таковых либо соотнесения внешних черт конкретного лица с ранее составленным фотороботом. Заметим, что не только внешние признаки субъекта (иначе – анатомические признаки: пол, возраст, рост, общее телосложение, черты лица, общие пропорции тела (конечностей) играют роль при его опознании, но и голос, речь, походка, жестикуляция, мимика, способы выполнения определенных действий (например, манера поправлять волосы, прикуривать, выражать эмоциональную реакцию на те или иные слова и поступки собеседника).

Важно для сотрудника ППСП обладание эмпатией, и, во всяком случае, минимальным уровнем знания психологии в части способов сокрытия правды опрашиваемым лицом и, соответственно этому, распознавания лжи ввиду того обстоятельства, что именно сотруднику ППСП предстоит интерпретация передаваемых ему сведений в качестве соответствующих истине или противоречащих ей.

Е.Н. Кошкина [9] в своей работе, посвященной методам выявления лжи, внимание уделяет научному, нежели психологическому подходу. Однако, исходя из содержания изученного авторского труда, могут быть сделаны выводы о том, что при опросе лица сотруднику ППСП следует обращать внимание именно на эмоциональные реакции опрашиваемого. Так, лжецы проявляют признаки тревожности, слыша вопросы, так или иначе относящиеся к преступлению, и ведут себя спокойно, если такие вопросы имеют отвлеченный характер. При этом лица, не имеющие отношения к противоправному деянию, нервничают, когда слышат адресованные им «ложные» вопросы. Что собой представляют последние, автор, в прочем, не раскрывает.

Заметим также, что сотрудник ППСП должен уметь отличить волнение лица, связанное с реальным совершением им преступления, наличием умысла в совершении такового, и тревогой, мотивированной подверженностью субъекта опросу сотрудником полиции без видимых опрашиваемым причин.

Учет невербальных признаков лжи субъекта, в отношении которого осуществляется опрос, также играет важную роль в деятельности сотрудника ППСП.

По данным, приводимым Е.Н. Кошкиной, процесс невербальной коммуникации может быть отнесен к одной из нескольких категорий:

- эмблемы, выражающие коммуникацию;
- иллюстраторы, помогающие вопрошающему лучше понимать вербальную информацию;
- адаптеры, препятствующие вербальной коммуникации либо искажающие ее содержание.

Поскольку автор не приводит примеры действий лица, позволяющие отнести его невербальные проявления к той или иной из названных категорий, осуществим данный процесс самостоятельно. Так, по нашему мнению, свидетельством стремления лица к коммуникации, выражением расположенности к общению могут стать открытая поза, внешняя раскованность (проявленная в жестах, мимике субъекта); иллюстрацией к вербальному общению могут стать жесты, дополняющие картину повествования (например, указания лицом на определенный объект или в сторону путем кивка, поворота головы, поворота корпуса, указания направления рукой или изображения руками размера объекта, в отношении которого ведется опрос); адаптеры невербальной коммуникации, как видим, являются антиподами иллюстраторов. Вероятно, речь в данном случае идет о жестах, позах и мимике лица, не соответствующих произносимым им словам и выражениям, признаков, указывающих на нежелание лица вступать в контакт с сотрудником полиции (например, замкнутая поза, как то: скрещенные на груди руки, скрещенные ноги или сжатие запястий в кулаки, что характерно для эмоционального перенапряжения, чрезмерное напряжение мышц лица, дрожь в теле и т. д.)

Особенно тяжело поддается сокрытию эмоция страха. Выражение страха отражается в мимике лица посредством растянутых губ с одновременным опусканием их уголков, сведенных бровей.

Одним из методов распознавания лжи, что очевидно, является вербальная тактика. Как отмечает указанный ранее автор, лжецы склонны к преимущественно негативным заявлениям, кратким ответам на поставленные вопросы, совершают мало отсылок к себе самим, больше акцентируя внимание на косвенных моментах.

Интересна работа Г.С. Кубеновой [10, с. 298–302]. Ложь, согласно авторским замечаниям, может быть представлена в виде искажения информации и ее умалчивания. Обычно оба компонента лжи работают в совокупности.

Интерес представляет описание ученым «маски», за которой лицо может успешно скрывать обман. Таковой является поддельная эмоция. Чаще всего применению подлежит улыбка, скрывающая ряд отрицательных переживаний субъекта: страха, тревоги, огорчения, возмущения и т. д. Сотрудник ППСП также должен обладать внимательностью для выявления «микровыражений», появляющихся на лице опрашиваемого на долю секунды (минимальных вздрагиваний мышц), которые проявляют себя даже при искусном владении техникой контроля мимических сигналов.

В позициях Е.Н. Кошкиной и Г.С. Кубеновой мы обнаруживаем противоречие: по мнению первой, ложь легко скрыть мимикой, но тяжело телом (положение тела, движения выдают лжеца), по мнению другой – телом управлять проще, чем лицом, а скрыть обман, который мог бы быть обнаружен за счет телесных сигналов не составляет труда. В прочем, обе работы указывают на то, что пристальное внимание при выявлении наличия или отсутствия факта лжи следует уделять как мимике, так и жестам и позам субъекта.

Вполне закономерно, что процесс опроса связан с процессом наблюдения. Данному виду ОРМ ученые уделяют отдельное внимание.

В силу отсутствия в действующем законодательстве нормативного определения наблюдения, авторами формулируются различные его версии. Проблема несоотнесенности данных дефиниций ввиду несовпадения указываемых в них авторами субъектов, объектов, целей наблюдения и его объективной стороны детально проанализирована А.В. Агарковым [11, с. 106–112]. Исходя из общего смысла всех приведенных в работе названного автора формулировок определения процесса наблюдения, укажем на выявленные нами существенные черты данного ОРМ: визуальное восприятие информации наблюдателем (сотрудником полиции); негласность; фиксация и регистрация результатов наблюдения; направленность на достижение строго определенной цели – выявления признаков преступной деятельности лица, за которым ведется наблюдение и его взаимосвязи с другими субъектами.

Однако вопросы вызывает наличие у сотрудников ППСП необходимых навыков, сопровождающих процесс наблюдения и повышающих его результативность. Так, предъявляя к

сотрудникам патрульно-постовой службы соответствующие требования, необходимо учитывать, что необходимые внимательность, умение выявлять признаки, которые бы явно указывали на наблюдаемый объект, зависят от субъективных способностей сотрудника ППС. На сегодняшний день в программу подготовки последних не входят занятия, при помощи которых возможно было бы провести обучение сотрудников полиции способам и приемам наблюдения, апробировать результаты такого обучения на практике. Исходя из изложенного, полагаем необходимым включить в программу подготовки сотрудников патрульно-постовой службы полиции изучение тем, непосредственно связанных с выработкой у сотрудников ППС навыков наблюдения, передачей им знаний о том, на что необходимо обращать внимание в процессе наблюдения.

В рамках наблюдательного процесса сотрудники ППС, по нашему мнению, должны обладать представлениями о способах и видах идентификации; способах скрытого наблюдения; характерных и наиболее часто встречающихся поведенческих особенностях лиц, скрывающихся от сотрудников полиции. Особенно важно в условиях существующей действительности изучить поведение, и внешние признаки лиц, по которым возможно выявление субъектов, склонных к совершению террористических актов и диверсий.

В рамках данной работы, с целью наиболее полного разъяснения и уточнения формулируемых предложений и выдвигаемых требований к обеспечению подготовки кадров ППС, приведем примеры, иллюстрирующие предполагаемые к обязательному учету сотрудников ППС признаков потенциального преступного элемента и лица, совершившего преступление.

Характерными признаками, по которым можно обнаружить террориста в толпе, и которые должны привлекать внимание сотрудников патрульно-постовой службы, относятся: неестественно свободная одежда (которая может скрывать прикрепленное к телу взрывное устройство (далее – ВУ); одежда, явно не соответствующая погоде; наглухо застегнутая одежда; отсутствие на одежде ярких заметных акцентов. Террористы также используют приемы изменения внешности: ношение париков, темных очков, повязок и т. п. Немотивированно часто меняют одежду.

Для мужчин и женщин характерны разнообразные способы изменения внешности: так, мужчины отращивают либо сбривают бороду и усы. Женщины предпочитают головные уборы, длинные платья и юбки, одежду с длинным рукавом (даже в жаркую погоду). Маскировка ВУ может быть обеспечена обматыванием вокруг талии или пояса платка, имитацией беременности. Террористки, как правило, не наносят макияж либо используют косметику крайне умеренно.

Внешнее спокойствие не только террориста, но и любого другого преступника (потенциального преступника) зачастую сопровождаются бледностью кожного покрова, серьезным выражением лица, плотно сжатыми губами (но некоторые террористы перед совершением акта могут шевелить губами, читая молитвы), бегающими глазами, скованностью движений.

Помимо указанных, должны обратить на себя внимание сотрудников полиции: лица, осторожно относящиеся к переносимым вещам (часто их ощупывающие, прижимающие к себе и т. п.); часто поправляющие элементы одежды; лица, которые заметив сотрудника полиции, стараются скрыться в толпе; избегающие встречи взглядом с кем-либо; неоднократно приходящие в одно и то же место (по видимому, не решаясь привести в действие ВУ); уклоняющиеся от камер наблюдения.

Продолжая анализ признаков террориста, обратим внимание на переносимые им объекты, которые могут скрывать ВУ. К таким относятся: сумки, чемоданы, тюки и даже детские коляски. При этом, сумка может не соответствовать общему образу человека (например, дорого одетый мужчина может нести в руках потрепанную старую сумку и т. п.), несколько человек могут нести идентичную друг-другу поклажу. Внимание следует обращать на неопределенные предметы, выглядывающие из рукава или из под одежды наблюдаемого на спине или на груди.

Из изложенного может быть сделан вывод о том, что опрос и наблюдения в деятельности сотрудников ППС выполняют функции взаимодополняющих элементов, совокупность которых при ее грамотном использовании позволяет сотруднику патрульно-постовой службы полиции в кратчайшие сроки осуществить выявление и пресечения преступления, выполнив тем самым задачи, поставленные перед ним законом и служебным долгом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Приказ МВД России от 29.01.2008 г. «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы полиции») (Зарегистрировано в Минюсте России 05.03.2008 № 11290) от 29.01.2008 № 80 (ред. от 12.02.2015). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75673/ (дата обращения: 15.02.2024)
2. Бараков А.Д. О некоторых вопросах использования «личного сыска» сотрудниками ППС при обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка // Молодой ученый. 2020. № 5 (295).
3. Битов А.А., Токбаев А.А. Понятие и задачи личного сыска в деятельности сотрудника органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 6.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102027595&rdk=> (дата обращения: 15.02.2024).
5. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (принят Государственной Думой РФ 28.01.2011) (Одобен Советом Федерации 02.02.2011) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
6. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
8. Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=773783&dst=1000000001#BvCqe2Ugp4wT57Eb2> (дата обращения: 15.02.2024).
9. Кошкина Е.Н. Три метода распознавания лжи // Проблемы современной науки и образования. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-metoda-raspoznavaniya-lzhi?ysclid=lrxdkm6iqp31888765> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Кубенова Г.С. Техника обнаружения лжи // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010.
11. Агарков А.В. Сущность оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» и необходимость его законодательного закрепления // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3(32).

REFERENCES

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 29, 2008 «Issues of organizing the activities of combat units of the police patrol service» (together with the «Charter of the police patrol service») (Registered with the Ministry of Justice of Russia on March 05, 2008 № 11290) dated January 29, 2008 № 80 (as amended on February 12, 2015). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75673/ (date of access: 15.02.2024).
2. Barakov A.D. On some issues of the use of «personal investigation» by PPSP employees in ensuring public safety and protecting public order // Young scientist. 2020. № 5 (295).
3. Bitov A.A., Tokbaev A.A. The concept and tasks of personal investigation in the activities of internal affairs officers // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2019. № 6.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102027595&rdk=> (date of access: 15.02.2024).
5. Federal Law «On the Police» dated 07.02.2011 № 3-FZ (adopted by the State Duma of the Russian Federation on 28.01.2011) (Approved by the Federation Council on 02.02.2011) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
6. Federal Law «On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» dated November 30, 2011 № 342-FZ. Access from the legal system «Garant».

7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 № 195-FZ. Access from the legal system «Garant».

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2021 № 495 «On approval of the manual on the organization of official activities of combat units of the patrol police service of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=773783&dst=1000000001#BvCqe2Ugp4wT57Eb2> (date of access: 15.02.2024).

9. Koshkina E.N. Three methods of detecting lies // Problems of modern science and education. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-metoda-raspoznavaniya-lzhi?ysclid=lrxdkm6iqp31888765> (date of access: 15.02.2024).

10. Kubenova G.S. Lie detection technique // Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2010.

11. Agarkov A.V. The essence of the operational-search activity «surveillance» and the need for its legislative reinforcement // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2017. № 3(32).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдова Снежана Анатольевна, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки. Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России. 347360, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.

Шумилина Анастасия Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право». Донской государственный технический университет. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на Дону, площадь Гагарина, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davydova Snezhana Anatolevna, lecturer at the Department of tactical and special training. Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347360 Russian Federation.

Shumilina Anastasia Borisovna, Phd in Law, Associate Professor of the Department of Commercial and Business Law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 124–131.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 124–131.

Научная статья

УДК 347.9:004:343.1

ПРОГРАММИРОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЙ

Костенко Роман Валерьевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

rom-kostenko@yandex.ru

Ильяшенко Алексей Николаевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

ailyashenko@mail.ru

Введение: в свете стремительного развития технологий в статье изучается применимость искусственного интеллекта (далее – ИИ) в уголовном судопроизводстве в контексте назначения наказаний. Анализируется многоаспектная проблематика возможного использования ИИ судами, оцениваются как международный опыт, так и технологические, правовые и этические аспекты данного вопроса. Основное внимание уделяется потенциальным преимуществам ИИ в уголовном правосудии, включая способность к обработке больших массивов данных для предоставления обоснованных рекомендаций по наказаниям. Обсуждаются технологические инновации, которые могут стандартизировать назначение наказаний, ускорять рассмотрение уголовных дел и обеспечивать адекватный учет всех релевантных обстоятельств совершенного преступления.

Материалы и методы: исследование базируется на изучении нормативных правовых актов, регулирующих институт назначения наказаний, а также научных публикаций, посвященных отдельным аспектам использования ИИ в процессе назначения наказания. Основу методов исследования составляет анализ текстов законодательных и подзаконных актов, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод и др. Логичность и аргументированность выводов и рекомендаций, представленных в работе, достигается за счет совокупного использования общих и частных методов научного познания.

Результаты исследования: проведенное исследование позволяет утверждать, что ИИ может способствовать справедливости приговоров, уменьшая их субъективность и предвзятость. Вместе с тем в статье освещаются вызовы и опасения, связанные с интеграцией ИИ в уголовное судопроизводство. Авторы выражают беспокойство по поводу алгоритмов ИИ, что может затруднить понимание логики принятия решений, а также поднимают вопросы ответственности за ошибки ИИ, подчеркивают необходимость разработки строгих этических и правовых рамок для использования ИИ с целью обеспечения прозрачности, справедливости и защиты персональных данных.

Выводы и заключения: в результате исследования сделан вывод, что, несмотря на значительный потенциал ИИ, важно сохранять человеческий (судейский) контроль над окончательными решениями, чтобы гарантировать справедливость наказаний. В статье предложен подход, в котором ИИ выступает в роли помощника судьи, предоставляя необходимую поддержку, но оставляя последнее слово в назначении наказания за судьей – человеком.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; назначение наказаний, искусственный интеллект, справедливость приговоров, автоматизация и стандартизация приговоров.

Для цитирования: Костенко Р. В., Ильяшенко А. Н. Программирование справедливости: возможности искусственного интеллекта в назначении наказаний / Р. В. Костенко, А. Н. Ильяшенко // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 124–131.

Original paper

PROGRAMMING JUSTICE: THE POSSIBILITIES
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ASSIGNING PUNISHMENTS**Kostenko Roman Valerievich**

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ilyashenko Alexey Nikolaevich

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: in light of the rapid development of technology, this article examines the applicability of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) in criminal proceedings in the context of sentencing. The multifaceted issues of the possible use of AI by courts are analyzed, both international experience and the technological, legal and ethical aspects of this issue are assessed. The focus is on the potential benefits of AI in criminal justice, including the ability to process large amounts of data to make informed sentencing recommendations. Technological innovations are discussed that can standardize sentencing, expedite the processing of criminal cases, and ensure that all relevant circumstances of the crime are adequately taken into account.

Materials and methods: the study is based on the study of regulations governing the institution of sentencing, as well as scientific publications devoted to certain aspects of the use of AI in the sentencing process. The basis of the research methods is the analysis of the texts of legislative and by-laws, methods of analysis and synthesis, the formal legal method, etc. The logic and reasoning of the conclusions and recommendations presented in the work is achieved through the combined use of general and specific methods of scientific knowledge.

Results of the study: The study suggests that AI can contribute to the fairness of verdicts by reducing their subjectivity and bias. However, the article highlights the challenges and concerns associated with the integration of AI in criminal proceedings. The authors express concerns about AI algorithms, which can make it difficult to understand the logic of decision-making, and also raise questions of responsibility for AI errors, highlight the need to develop strict ethical and legal frameworks for the use of AI to ensure transparency, fairness and protection of personal data.

Findings and conclusions: The study concluded that despite the significant potential of AI, it is important to maintain human (judicial) control over final decisions to ensure fair punishments. The article proposes an approach in which AI acts as an assistant to the judge, providing the necessary support, but leaving the last word in assigning punishment to the human judge.

Keywords: criminal justice; sentencing, artificial intelligence, fairness of verdicts, automation and standardization of verdicts.

For citation: Kostenko R. V., Ilyashenko A. N. Programming justice: the possibilities of artificial intelligence in assigning punishments / R. V. Kostenko, A. N. Ilyashenko // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 124–131.

Прогресс в области развития ИИ открывает новые возможности для его применения в различных сферах, в том числе в уголовном правосудии. Предстоящее в будущем внедрение ИИ в уголовное судопроизводство как самую консервативную форму разрешения конфликтов и споров в государстве вызывает различные дискуссии, что является плодотворной почвой для академических дебатов и научных исследований, обуславливает возникновение вопросов о потенциале и ограничениях технологий в юридической практике.

На наш взгляд, понимание того, как ИИ может быть использован судьями в процессе назначения наказания, является одним из ключевых аспектов обеспечения справедливости приговора, многообещающим с точки зрения развития новых доктринальных направлений и практических приложений в юриспруденции.

Возможное использование ИИ судами при назначении наказаний – это сложная и многоаспектная проблематика, которая заслуживает всестороннего рассмотрения.

В рамках настоящего исследования обратим внимание на следующие моменты: *во-первых*, международный опыт использования ИИ и подходы к данному феномену в разных юрисдикциях, в том числе с перспективой назначения наказаний; *во-вторых*, технологические возможности ИИ, которые могут использоваться для анализа больших массивов данных и предыдущих приговоров, чтобы предложить соответствующие установленным нормам рекомендации по наказаниям, которые будут максимально справедливы; *в-третьих*, правовые

рамки и требования, от которых зависит будущее использование ИИ в уголовном правосудии; *в-четвертых*, этические вызовы, связанные с использованием ИИ в уголовном судопроизводстве, включая вопросы прозрачности, ответственности и потенциальной предвзятости алгоритмов; *в-пятых*, будущие перспективы, прогнозы относительно дальнейшего развития технологий ИИ в уголовном судопроизводстве и оценки потенциальных рисков и возможностей использования ИИ для правосудия.

В русскоязычном сегменте уголовно-правовой/уголовно-процессуальной науки встречаются лишь отдельные исследования рассматриваемой проблематики [1], однако в зарубежной доктрине можно выделить несколько теоретических работ и обсуждений, посвященных возможному использованию ИИ в контексте назначения наказаний. Разнообразные точки зрения на рассматриваемый вопрос подчеркивают не только потенциальные преимущества, но и значительные вызовы интеграции ИИ в сферу уголовного правосудия.

Ряд авторов считают, что ИИ может использоваться для разработки инструментов оценки рисков, которые помогают в принятии решений о назначении наказаний. Такие инструменты способны анализировать огромные объемы данных (информации) для прогнозирования вероятности рецидива, что может повлиять на решение о назначении размера наказания. Использование ИИ для разработки инструментов оценки рисков может помочь судам в принятии более справедливых решений о наказаниях. В то же время эти инструменты ИИ должны быть тщательно проверены, чтобы гарантировать, что они не усиливают существующие предвзятости или не вводят новые, необходима валидация таких инструментов для предотвращения несправедливости [2].

Другие исследователи предполагают, что ИИ может потенциально повысить точность приговоров, постоянно пополняя алгоритмы новыми данными. Такой функционал ИИ может привести к стандартизированным результатам назначения наказаний по сравнению со статичным и зачастую субъективным человеческим (судейским) суждением [3].

Некоторые ученые отмечают, что интеграция ИИ в судопроизводство поднимает значительные этические и юридические вопросы, поскольку черный ящик алгоритмов многих систем ИИ может затруднить понимание того, как принимаются решения нейросетями. Этот фактор является критическим аспектом для решений суда по уголовным делам, вызывающим опасения относительно способности ИИ справедливо оценивать человеческое поведение, а также последствий его использования в таких важных юридических решениях, как, например, приговор [4; 5].

Учитывая сложность технологий ИИ, отдельные авторы акцентируют внимание на необходимости разработки и реализации специальных образовательных программ, помогающих правоприменителям, в том числе судьям, понимать и критически оценивать инструменты ИИ. Такое просвещение крайне важно для обеспечения адекватного использования ИИ в судебной практике [6].

В международных юрисдикциях ведутся несколько исследовательских проектов с целью изучения и разработки приложений ИИ, поддерживающих судебные решения, в том числе приговоры. Например, проекты, финансируемые Национальным институтом юстиции (США), работают над инструментами ИИ, которые предоставляют оценки рисков в реальном времени и поддерживают сотрудников службы пробации [7].

В целом необходимо констатировать, что уже сейчас ИИ используется для автоматизации процессов принятия решений и предоставления аналитической поддержки в уголовном судопроизводстве по всему миру (в частности, в вопросах расследования, определения вероятности рецидива и поддержки принятия решений о заключении под стражу) [8]. Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) разработала Этическую хартию по использованию ИИ в судебных системах, устанавливающую принципы, которыми должны руководствоваться правоприменители в сфере правосудия при внедрении ИИ. Кроме того, рассматривается возможность создания механизма сертификации для продуктов ИИ, используемых в судебных системах [9]. В докладе Европейского парламента подчеркивается ответственность государств-членов за соблюдение основных прав при использовании ИИ в правоохранительных органах и суде, обеспечение защиты личных данных, недопущение дискриминации и обеспечение прозрачности алгоритмических решений [10].

По нашему мнению, возможное использование ИИ судом для назначения наказаний представляет собой привлекательную идею в свете стремления к справедливости.

Справедливость – это моральный и философский концепт, который подразумевает равенство и непредвзятость в отношении людей и групп, а также соблюдение прав и свобод каждого человека. В правовом контексте справедливость стремится обеспечить, чтобы законы и их применение были честными, обоснованными, призванными служить общему благу. Справедливость также включает в себя положения о возмещении вреда, наказании за проступки и/или преступления, возможности для исправления и восстановления.

Ключевая идея справедливости в уголовном правосудии заключается в том, что наказание не только должно быть соразмерно с тяжестью преступления, но и назначаться с учетом личности преступника. Справедливость поднимает вопросы о тонком балансе между законодательной строгостью и индивидуальным подходом к каждому уголовному делу, требующему учета всех обстоятельств, включая поведение осужденного и возможность его исправления.

С уголовно-правовой точки зрения справедливость возводится в ранг принципа (ст. 6 УК РФ [11]), который определяет, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Согласно ч. 2 ст. 389.18. УПК РФ [12] несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое, хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым вследствие как чрезмерной мягкости, так и чрезмерной суровости.

Таким образом, справедливость приговора требует от суда (судьи), чтобы наказание было пропорциональным тяжести совершенного преступления и учитывало все обстоятельства уголовного дела. Суд (судья) должен учитывать как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства, личность осужденного и его предыдущее поведение. Пропорциональное наказание способствует восстановлению социальной справедливости, обеспечивает общественное одобрение приговоров и поддерживает доверие к судебной системе в целом.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» также основное внимание уделяется необходимости строгого индивидуального подхода к каждому уголовному делу, установлении обстоятельств, которые суды должны учитывать при определении характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельствах, смягчающих или отягчающих наказание, и личных данных осужденного [13].

На наш взгляд, возможное «программирование» справедливости при назначении наказаний могло бы потенциально улучшить и/или автоматизировать текущие юридические практики. ИИ способен обеспечить, чтобы назначаемые судом наказания были более справедливыми и эффективными.

К числу безусловных плюсов возможного использования ИИ в вопросе справедливого назначения наказания можно отнести следующие аспекты.

1. ИИ в результате анализа больших объемов данных (информации) находит закономерности, которые могут остаться незамеченными человеком (судьей), что обеспечивает стандартизированный подход к назначению наказаний, уменьшая субъективные факторы и предвзятость.

2. ИИ существенно ускоряет порядок рассмотрения уголовных дел, автоматизируя анализ доказательств и формулируя предложения по наказаниям на основе действующего законодательства, судебной практики и конкретных обстоятельств совершенного преступления. ИИ помогает в сборе и структурировании значимой по уголовному делу информации, обеспечивая ее доступность для суда.

3. ИИ может автоматически собирать и анализировать информацию о личности обвиняемого, в том числе его семейном положении, здоровье, доходах, и т.д., что помогает судам учитывать все необходимые факторы при назначении наказания.

4. Системы ИИ при их непосредственном обучении адаптируются к изменениям в законодательстве и юридической практике, постоянно обновляя свои модели для учета новых трендов и решений. ИИ может быть инструментом, предоставляющим судьям подробный анализ возможных вариантов наказания с указанием релевантных прецедентов и законодательных норм.

Несмотря на очевидные преимущества использования ИИ в вопросе справедливого назначения наказания, существует и ряд значимых опасений.

Внедрение ИИ требует разработки четких этических и правовых рамок его использования, включая в себя гарантии прозрачности алгоритмов ИИ и защиту персональных данных.

Автоматизация назначения наказания не должна игнорировать уникальные обстоятельства каждого конкретного уголовного дела, что критично для обеспечения справедливости. В связи с этим требуется учитывать необходимость индивидуализированного подхода к назначению наказания. Суды исходят из учета множества переменных, использование же ИИ может затруднить сохранение такой гибкости из-за стандартизации алгоритмов.

Применение ИИ в уголовном судопроизводстве вызывает серьезные этические опасения. Общественное доверие к судебной системе может быть подорвано, если решения о судьбах людей в уголовном правосудии будут приниматься алгоритмами ИИ, а не человеком (судьей).

ИИ может действовать на основе алгоритмов, которые сложно интерпретировать, что затрудняет проверку обоснованности его решений.

Несмотря на высокую точность, ИИ пока что подвержен ошибкам, особенно если исходные данные характеризуются предвзятостью или неполнотой. Такие ошибки могут привести к несправедливому назначению наказания. Возникает также вопрос, кто будет нести ответственность за ошибки ИИ.

Как представляется, в текущем состоянии технологий и правовых норм полностью доверять ИИ назначение наказаний преждевременно. Тем не менее, ИИ может использоваться как вспомогательный инструмент судьями, в роли помощника, но не полноправного заместителя судьи. ИИ способен оказать помощь судье в вопросе назначения наказания, предоставляя аналитическую поддержку, обработку и синтез больших объемов данных из материалов уголовных дел. Он может анализировать тенденции в назначении наказаний, выявлять закономерности и предлагать обоснованные рекомендации, однако окончательное решение пока остается за человеком (судьей), который должен учитывать все нюансы и человеческий контекст каждого конкретного уголовного дела.

По нашему мнению, для того чтобы ИИ мог адекватно содействовать в назначении справедливого наказания, можно предложить следующий алгоритм:

1. ИИ собирает данные о преступлении, личности подсудимого (подсудимых), истории (если они были) предыдущих судимостей, а также об обстоятельствах совершения преступления, психологическом профиле и социальном контексте.

2. ИИ анализирует базу данных ранее вынесенных приговоров по аналогичным уголовным делам, оценивая степень их сходства и различия.

3. ИИ учитывает все возможныеотягающие и/или смягчающие обстоятельства, применяет предварительно заданные критерии для каждого из этих обстоятельств.

4. ИИ формирует предложения о виде и размере назначаемого наказания.

5. Сформулированные ИИ предложения по вопросам назначаемого наказания должны быть проверены, а при необходимости скорректированы судьей.

Приведенный алгоритм базируется на активном взаимодействии ИИ и человека (судьи).

В решении вопроса достижения справедливого наказания может быть востребовано использование либо специализированных программ на основе ИИ, либо кастомизированных моделей, таких как GPT (например, кастомизированные GPT-модели от компании Open AI).

Программы с интегрированным в них ИИ способны фокусироваться на конкретных обстоятельствах и фактах уголовного дела, их можно настроить и обучить работать с определенными данными.

В то же время кастомизированные GPTs могут быть созданы для выполнения специфического спектра задач, в том числе анализа правоприменительной практики. Их можно настроить под конкретные требования законодательства.

Оба варианта (и программы с интеграцией в них ИИ, и кастомизированные GPTs) требуют тщательной проработки в их создании, проверки функционала, настройки для обеспечения соответствия этическим и юридическим стандартам.

Полагаем, что выбор между разработками по созданию программ на базе ИИ и/или созданию кастомизированных GPT-моделей зависит от конкретных требований и условий их применения на практике. Специализированные программы ИИ эффективны при решении узких

и четко определенных (конкретных) задач, которые требуют глубокого понимания правовых норм. Они нужны в сферах, где необходим строгий контроль за правильным применением действующего законодательства.

Кастомизированные GPTs способны предложить большую гибкость и масштабируемость при выполнении задач. Их можно адаптировать к различным аспектам, научить обрабатывать большой объем информации, разнообразных данных. Такой функционал критически важен и полезен для общего анализа материалов конкретного уголовного дела. Его можно использовать для поддержки принимаемых судом решений.

В конечном итоге выбор между программами на базе ИИ или кастомизированными GPT-моделями зависит от целей использования ИИ, доступности ресурсов для обучения и поддержки ИИ, а также от правильно сформулированных требований к точности и специфике выполняемых задач.

Рассмотрим отдельные аспекты, которые могут быть полезны при разработке кастомизированных GPT-моделей, а также вопросы их содействия в назначении справедливых наказаний.

При создании кастомизированных GPTs необходимо прежде всего предусмотреть их адаптацию к специфической правовой терминологии. Кроме того, требуется включить в обучающие данные специализированные юридические источники (например, УК РФ, УПК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и т.п.). Для создания кастомизированной GPT-модели можно загрузить следующие данные:

- обвинительные приговоры судов (что поможет модели понять, как применяются нормы в уголовных делах и в различных контекстах);
- научные работы, монографии, комментарии, статьи, исследования, обсуждающие теории назначения наказания, эффективность различных видов наказаний и т. д.;
- документы, регулирующие этические аспекты применения ИИ в юридической практике (с целью обеспечения соблюдения этических норм);
- исследования и данные, касающиеся психологии (что может помочь в адаптации наказания к личности осужденного).

Такое многоаспектное наполнение обучающего набора данных позволит кастомизированной GPT-модели более точно оценивать ситуации и делать обоснованные предложения, учитывая все аспекты на пути назначения справедливого наказания.

Кастомизированные GPT должны проектироваться таким образом, чтобы минимизировать предвзятость посредством использования методов дебиасинга и контроля за качеством входных данных. Ключевыми моментами в данном случае выступают адекватная подготовка данных и их структурирование:

- препроцессинг данных, включающий чистку и стандартизацию информации с целью обеспечения ее качества и релевантности для обучения модели;
- разметка данных, в том числе классификация и аннотация данных по категориям, чтобы модель могла корректно интерпретировать информацию и учиться на примерах;
- тренировка с пользователем, которая помогает модели лучше понимать зависимости и выводы, которые необходимо сделать на основе данных.

С помощью этих методик можно эффективно использовать разнообразие данных для обучения кастомизированной GPT, минимизируя риски и повышая точность ее выводов.

Разработка кастомизированных GPT должна учитывать возможность их легкой интеграции с судьей для совместной работы и верификации результатов, что повышает доверие к решениям ИИ.

Указанные аспекты помогают ориентироваться в ключевых вопросах разработки и внедрения кастомизированных GPT, обеспечивая научную основу для их практической реализации.

Подводя итог, необходимо заключить, что возможное использование ИИ в назначении наказаний способно значительно трансформировать уголовное правосудие, предлагая новые горизонты для его эффективности. В то же время важно сохранять баланс между технологическими инновациями и необходимостью человеческого суждения, чтобы обеспечить справедливость и адекватность назначаемых наказаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Саргсян А.А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. № 2(58). Т. 16.
2. Judge Stephanie Domitrovich Artificial Intelligence Stepping into Our Courts: Scientific Reliability Gatekeeping of Risk Assessments // American Bar Association. Febr. 3, 2020. URL: https://www.americanbar.org/groups/judicial/publications/judges_journal/2020/winter/artificial-intelligence-stepping-our-courts-scientific-reliability-gatekeeping-risk-assessments/ (дата обращения: 12.03.2024).
3. Kieran Newcomb (Mentor: Nicholas Smith) The Place of Artificial Intelligence in Sentencing Decisions // Inquiry Journal. URL: <https://www.unh.edu/inquiryjournal/blog/2024/03/place-artificial-intelligence-sentencing-decisions> (дата обращения: 12.03.2024).
4. Fjeld Jessica, Nele Achten, Hannah Hilligoss, Adam Nagy, and Madhulika Srikumar Principled Artificial Intelligence: Mapping Consensus in Ethical and Rights-based Approaches to Principles for AI // Berkman Klein Center for Internet & Society, 2020. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/42160420> (дата обращения: 12.03.2024).
5. Maura R. Grossman, Paul W. Grimm, Mireille Hildebrandt, Sabine Gless, Artificial Justice: The Quandary of AI in the Courtroom // Judicature Duke University, Sept., 2022. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=judicature_intl (дата обращения: 12.03.2024).
6. Richard L. Lippke, Plea Bargaining, Principled Sentencing, and Artificial Intelligence In: Sentencing and Artificial Intelligence // Oxford Academic, Nov., 2022. URL: <https://academic.oup.com/book/45532/chapter-abstract/394652618?redirectedFrom=fulltext#no-access-message> (дата обращения: 12.03.2024).
7. Eric Martin, Angela Moore, Tapping Into Artificial Intelligence // National Institute of Justice, Aug. 6, 2020. URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/tapping-artificial-intelligence#1-0> (дата обращения: 12.03.2024).
8. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/rule-law/mooc-judges> (дата обращения: 12.03.2024).
9. Artificial intelligence in justice systems: <https://www.coe.int/en/web/cepej/artificial-intelligence-in-justice-systems> (дата обращения: 12.03.2024).
10. REPORT on artificial intelligence in criminal law and its use by the police and judicial authorities in criminal matters: URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0232_EN.html (дата обращения: 12.03.2024).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.04.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Sargsyan A.A. Prospects for the digitalization of the sentencing and execution of criminal penalties / Penitentiary Science. 2022. № 2(58). Vol. 16.
2. Judge Stephanie Domitrovich Artificial Intelligence Stepping into Our Courts: Scientific Reliability Gatekeeping of Risk Assessments // American Bar Association. Febr. 3, 2020. URL: https://www.americanbar.org/groups/judicial/publications/-judges_journal/2020/winter/artificial-intelligence-stepping-our-courts-scientific-reliability-gatekeeping-risk-assessments/ (date of access: 19.03.2024).
3. Kieran Newcomb (Mentor: Nicholas Smith) The Place of Artificial Intelligence in Sentencing Decisions // Inquiry Journal. URL: <https://www.unh.edu/inquiryjournal/blog/2024/03/place-artificial-intelligence-sentencing-decisions> (date of access: 19.03.2024).
4. Fjeld Jessica, Nele Achten, Hannah Hilligoss, Adam Nagy, and Madhulika Srikumar Principled Artificial Intelligence: Mapping Consensus in Ethical and Rights-based Approaches to Principles for AI // Berkman Klein Center for Internet & Society, 2020. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/42160420> (date of access: 19.03.2024).

5. Maura R. Grossman, Paul W. Grimm, Mireille Hildebrandt, Sabine Gless, Artificial Justice: The Quandary of AI in the Courtroom // Judicature Duke University, September, 2022. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=judicature_intl (date of access: 19.03.2024).
6. Richard L. Lippke, Plea Bargaining, Principled Sentencing, and Artificial Intelligence In: Sentencing and Artificial Intelligence // Oxford Academic, Nov., 2022. URL: <https://academic.oup.com/book/45532/chapter-abstract/394652618?redirectedFrom=fulltext#no-access-message> (date of access: 19.03.2024).
7. Eric Martin, Angela Moore, Tapping Into Artificial Intelligence // National Institute of Justice, Aug. 6, 2020. URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/tapping-artificial-intelligence#1-0> (date of access: 19.03.2024).
8. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/rule-law/mooc-judges> (date of access: 19.03.2024).
9. Artificial intelligence in justice systems: <https://www.coe.int/en/web/cepej/artificial-intelligence-in-justice-systems> (date of access: 19.03.2024).
10. REPORT on artificial intelligence in criminal law and its use by the police and judicial authorities in criminal matters: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0232_EN.html (date of access: 19.03.2024).
11. The Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on 04/06/2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
12. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 Dec. 2001 № 174-FZ (as amended on 06.04.2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
13. On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22 Dec. 2015 № 58. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса. Кубанский государственный университет. 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Кубанский государственный университет. 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kostenko Roman Valerievich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure. Kuban State University. 149, Stavropol St., Krasnodar 350040 Russian Federation.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Kuban State University. 149, Stavropol St., Krasnodar 350040 Russian Federation.

Юрист-Правовед. 2024. № 2(109). С. 132–137.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 132–137.

Научная статья

УДК 341.17:349:681

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ
В КИБЕРПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Карпика Анатолий Григорьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

akarpika@yandex.ru

Введение: экспоненциальный рост использования различных технологий Интернет в повседневной жизни и деятельности способствует увеличению количества преступлений различных преступлений, как в киберпространстве, так и в обычном мире. Киберпреступность предполагает создание централизованного пула жертв и децентрализованного сообщества преступников, что открывает новые возможности для совершения преступлений и для уклонения от обнаружения и преследования.

В статье исследуются тенденции преступного охвата новых жертв и участников киберпреступлений в условиях снижения затрат и требуемого уровня квалификации, необходимых для их совершения.

Материалы и методы: из множества сценариев, используемых киберпреступниками на первом этапе, были отобраны те, ссылки на которые наиболее часто встречаются в различных источниках. На последующих этапах анализировались способы привлечения новых участников к киберпреступлениям и технологии, используемые для этого.

Кроме этого анализировались известные примеры и теоретически возможные результаты деятельности преступников, направленные на расширение круга потенциальных жертв.

Результаты исследования: проведен анализ инструментов и интернет-технологий, используемых для вовлечения в преступную деятельность, сформулирована социально-психологическая проблема связи жертвы, преступника и общества.

Выводы и заключения: киберпреступность может быть связана с оффлайн-преступностью, но эти два понятия не являются синонимами и по-разному воспринимаются жертвами, преступниками и правоохранительными органами.

Интернет-технологии в целом и облачные вычисления в частности предлагают целый ряд возможностей для преступной деятельности – от влияния сетевых компьютеров на традиционные преступления до преступлений, совершаемых в автоматизированной и полностью виртуальной среде.

Средства вовлечения в преступную деятельность включают в себя методы социальной инженерии, прямой обман, манипулирование процессами принятия решений через воспринимаемую срочность или авторитет, использование веб-сайтов, скачивание файлов, использование паролей и предсказуемые привычки, связанные с социальными и профессиональными сетями. Жертвы киберпреступлений реже сообщают о своей виктимизации, чем жертвы традиционных преступлений, отчасти потому, что их с меньшей вероятностью могут опознать.

Более глубокие знания о киберпреступности и людях, вовлеченных в нее, могут повысить готовность к расследованию и качество работы полиции.

Ключевые слова: киберпреступление, вовлечение в преступную деятельность, виктимизация, облачные технологии, фейковый ресурс, правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Карпика А. Г. Социальные и правовые аспекты вовлечения в киберпреступную деятельность / А. Г. Карпика // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 132–137.

Original paper

SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF INVOLVEMENT IN CYBERCRIME ACTIVITY

Karpika Anatoly Grigorievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the exponential growth in the use of various Internet technologies, in everyday life and activity helps to increase the number of crimes of various crimes both in cyberspace and in the ordinary world. Cyber-crime involves the creation of a centralized pool of victims and a decentralized community of criminals, which opens up new opportunities for committing crimes and to evade detection and persecution.

The article explores the trends of criminal coverage of new victims and participants in cybercriminals in the context of reducing costs and the required level of qualification necessary for their commission.

Materials and methods: of the many scenarios used by cybercriminals at the first stage, those were selected that are most often found in various sources. At the following stages, methods of attracting new participants to cybercrime and technology used for this were analyzed.

In addition, well-known examples and theoretically possible results of the activities of criminals were analyzed, aimed at expanding the circle of potential victims.

Results of the study: the analysis of tools and Internet technologies used to involve criminal activity was carried out, the socio-psychological problem of the relationship of the victim, criminal and society has been formulated.

Findings and conclusions: cybercrime can be associated with offline premises, but these two concepts are not synonyms and are perceived differently by victims, criminals and law enforcement agencies.

Internet technologies in general and cloud computing in particular offer a number of opportunities for criminal activity-from the influence of network computers on traditional crimes to crimes committed in an automated and completely virtual environment.

The means of involvement in criminal activity include methods of social engineering, direct deception, manipulating the decision-making processes through perceived urgency or authority, using websites, downloading files, using passwords and predictable habits associated with social and professional networks. The victims of cybercriminals are less likely to report their victimization than victims of traditional crimes, partly because they can be recognized with a lesser probability.

Deeper knowledge about cybercrime and people involved in it can increase their readiness for investigation and quality of the police.

Keywords: cybercrime, involvement in criminal activity, victimization, cloud technologies, fake resource, law enforcement.

For citation: Karpika A. G. Social and legal aspects of involvement in cybercrime activity / A. G. Karpika // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 132–137.

Рост киберпреступности и переход к ней в сочетании со взаимозаменяемой и часто запутанной терминологией привели к предположению, что приставка «кибер» может вскоре стать излишним, поскольку почти все преступления либо уже связаны с технологиями, либо будут связаны в недалекой перспективе.

Действительно, практически все расследуемые серьезные и организованные преступления в настоящее время подвергаются цифровому сокрытию и шифрованию, а Интернет используется для вербовки, преследований и спекуляции традиционными офлайн-преступлениями [1].

С момента своего широкого распространения несколько десятилетий назад Интернет в разной степени способствовал совершению правонарушений, которые можно характеризовать как преступления, совершенные посредством нарушения кибербезопасности, с использованием киберсредств. Такая типология аналогичным образом включает киберпреступления, киберзависимые преступления и преступления против виртуальной личности.

Киберпреступность – это преступная деятельность, в рамках которой используются либо атакуются компьютер, компьютерная сеть или сетевое устройство. Большинство кибератак совершается киберпреступниками или хакерами с целью получения финансовой прибыли. Однако целью кибератак может быть и выведение компьютеров или сетей из строя – из личных или политических мотивов.

Киберпреступления совершают частные лица и организации – от начинающих хакеров до сложных группировок, которые используют продвинутые методики и хорошо подкованы технически.

Вот некоторые разновидности киберпреступлений:

- мошенничество с использованием электронной почты и Интернета;
- кража цифровой личности (хищение и использование личных данных);
- кража данных платежных карт и другой финансовой информации;

- хищение и перепродажа корпоративных данных;
- кибершантаж (вымогательство денег под угрозой атаки);
- атаки с использованием программ-вымогателей (одна из разновидностей кибершантажа);
- криптоджекинг (майнинг криптовалют с использованием чужих ресурсов);
- кибершпионаж (получение несанкционированного доступа к государственным или корпоративным данным);
- нарушение работы систем с целью компрометации сети;
- нарушение авторских прав;
- незаконное проведение азартных игр;
- онлайн-торговля запрещенными товарами;
- домогательства, изготовление или хранение детской порнографии.

Киберпреступление всегда подразумевает хотя бы одно из указанного.

Несмотря на то, что эти преступления могут быть связаны с офлайн-правонарушениями, такими как кража, кража со взломом, причинение преступного ущерба или мошенничество, киберпреступления не являются синонимами их офлайн-аналогов и по-разному воспринимаются жертвами, преступниками и правоохранительными органами.

Экспоненциальный рост использования сети Интернет в мире оказывает прямое влияние на увеличение количества преступлений с его использованием, а также с использованием сервисов «облачных технологий», поскольку они обеспечивают рост централизованного пула жертв и новые возможности как для совершения преступлений, так и для уклонения от обнаружения и преследования [2].

Так, расширение использования технологий социальных сетей (в том числе и для регистрации и аутентификации на различных сетевых ресурсах) означает, что один преступник либо преступная группа способна охватить большее число жертв, при этом затраты и необходимый уровень квалификации, необходимые для совершения киберпреступлений, значительно снизились.

Например, предлагаемые преступными интернет-сообществами готовые пакеты вредоносного программного обеспечения могут быть использованы неквалифицированными лицами, которые имеют возможность доступа к обучающим электронным материалам, что открывает рядовым интернет-пользователям доступ в мир киберпреступности. Это потенциально способно проще, дешевле и удобнее пополнять ряды одноразовых «наемников» киберпреступных групп по аналогии с вербовкой распространителей «закладок» с наркотическими веществами.

Эта тенденция усугубляется все более широким использованием облачных технологий, что приводит к увеличению вычислительной мощности и памяти компьютеров, используемых в преступных целях. Предоставляя онлайн-пул общих ресурсов, облегчая доступ к готовому программному обеспечению для атак и ресурсам обработки, таким как ботнеты, для выполнения и автоматизации, облако представляет собой онлайн-среду, в которой правонарушители могут охотиться, действовать и распределять добычу с относительной легкостью и анонимностью.

По своей природе, являясь общим центром обработки данных, облачные технологии увеличивают количество устройств, к которым можно получить доступ через подключение к Интернету, и, следовательно, количество возможностей для злоумышленников. Эффект облака как мультипликатора силы не только приводит к увеличению эффективности усилий преступников, но и снижает риск их уголовного преследования. Таким образом, интернет-технологии вообще и облачные вычисления в частности предлагают целый спектр вариантов преступной деятельности: от влияния сетевого компьютера на традиционную преступность до преступлений, которые автоматизированы и происходят полностью в виртуальной среде.

Пользователи в большинстве случаев представляют собой самое слабое звено в области компьютерной безопасности, причем в зависимости от типа киберпреступности их слабости могут использоваться различными способами, превращая жертв в инструменты собственной виктимизации.

Средства вовлечения могут включать в себя методы социальной инженерии, прямой обман, манипулирование процессами принятия решений посредством предполагаемой срочности или авторитета, а также использование предсказуемых привычек, связанных с исполь-

зованием веб-сайтов, загрузками, использованием паролей и социальными или профессиональными сетями. Таким образом, жертвы могут винить себя или испытывать вину со стороны других, помимо потенциально разрушительных последствий, таких как финансовые потери или ущерб репутации и карьере.

Жертвы киберпреступлений могут страдать от долгосрочных психологических и эмоциональных последствий, включая посттравматическое стрессовое расстройство с соответствующими последствиями для физического здоровья. Они также могут чувствовать стыд или дискомфорт из-за вторжения в их частную жизнь, переживать разрыв отношений из-за финансовых потерь, утечки информации, сексуального вымогательства, или любовного мошенничества. Кроме этого, существуют потенциальные физические риски, составляющие опасность для жизни из-за встреч с незнакомыми лицами в реальной жизни, последствиями вывода из строя жизненно важных служб, таких как коммунальные службы, объекты здравоохранения, службы ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Одним из направлений деятельности киберпреступников в сети Интернет является сексуальная эксплуатация и торговля людьми. Это серьезные преступления, росту которых способствовали в том числе и интернет-технологии, поскольку преступники получили возможность прямого воздействия на потенциальные жертвы, оперативной вербовки других правонарушителей, анонимного распространения незаконных текстовых, графических, аудио и видео материалов, а также доступ к гораздо большему числу потенциальных клиентов.

Опытные злоумышленники вовлекают в киберпреступления подростков. Одна из таких схем, описанная экспертом компании «РТК-Солар» [3] предполагает вступление в «партизанские кибердружины», поддерживающие бот-сети, используемые для удаленных атак на сетевые ресурсы. Для того чтобы примкнуть к бот-сети молодые люди добровольно соглашались установить у себя вредоносное ПО, в том числе за небольшое вознаграждение.

В этом случае член добровольной «кибердружины» становится соучастником преступления. Качество преподнесения подросткам информации говорит о том, что «на темной стороне» работают хорошие психологи, т. к. попадание в аудиторию часто безупречное, отмечает эксперт. По его словам, в юном возрасте кажется очень увлекательным применить свои знания IT на практике, попробовать что-то взломать просто из интереса – получится или нет. При этом мало кто задумывается о том, что даже взлом аккаунта одноклассника – уголовное преступление.

BI.ZONE вместе со Сбербанком провели исследование на тему киберинцидентов. Аналитики пришли к выводу, что от 30 до 40 % от общего количества киберпреступлений совершают дети в возрасте от 14 до 16 лет. В 80 % случаях юные хакеры используют методы социальной инженерии.

Например, даже несовершеннолетние киберпреступники могут выполнять функцию воркера (работника) в мошеннической схеме «Мамонт» (целью «Мамонта» является создание фейковых ресурсов, эксплуатирующих тему курьерской доставки товаров) – это один из основных участников схемы, задача которого привлечение трафика на фишинговый ресурс [4].

В настоящее время схема «Мамонт» работает по всему миру. Мошенники предлагают загрузить различное программное обеспечение под предлогом увеличенной скорости работы или уникального программного обеспечения, которое не доступно в свободном доступе. После чего, на смартфон или другое оборудование устанавливается фейковый Google Play, который на самом деле представляет собой Android-троян, следящий за пользователем и передающий информацию своему хозяину. Кроме того, он позволяет переводить денежные средства со счета жертвы, при этом установленная сумма списания находится в пределах 67 тысяч рублей.

На середину лета 2023 г. в России зафиксировано около 20 групп, работающих по схеме «Мамонт». Они раскручивали своих жертв, чтобы те купили или арендовали те или иные продукты, но в конечном итоге они теряли свои деньги [5].

Большинство интернет-пользователей в настоящее время осознают важность информационной безопасности, открыто выражают беспокойство по поводу конфиденциальности своих персональных данных. Вместе с этим лишь незначительная часть пользователей трансформируют осознание и беспокойство в превентивное поведение, даже после виктимизации. Это несоответствие между отношением к конфиденциальности и поведением известно, как «парадокс конфиденциальности».

Парадокс конфиденциальности – это идея о том, что люди говорят, что ценят конфиденциальность, но их действия в Интернете говорят об обратном. Так, исследование показало, что 91 % людей заботятся о конфиденциальности в Интернете, но только 33 % предпринимают шаги для защиты. Это несоответствие между тем, что люди говорят, и тем, что они делают, можно объяснить рядом факторов:

- общественное давление со стороны социальных сетей;
- недостаток осведомленности пользователей о том, что их личная информация может быть использована сторонними лицами и организациями, украдена, использована для целевой рекламы;
- удобство использования сервисов, не требующих усилий для их использования;
- доверие – ключевой фактор парадокса конфиденциальности, состоящий в том, что они полагают, что организации, с которыми они делятся своими данными, учитывают их интересы, и не будут злоупотреблять их данными.

Следующий психологический аспект присутствия в сети Интернет – наличие «эффекта онлайн-расторжения», состоящий в том, что пользователи часто раскрывают больше информации онлайн, чем в обычном мире, что иногда объясняется отстранением от реального мира и восприятием анонимности и невидимости. Эта ложная анонимность и возникающее в результате несоответствие между поведением в реальной жизни и в Интернете распространяется на рост онлайн-антисоциального поведения, девиаций, преступности и насилия.

По сравнению с традиционной преступностью, киберпреступность обеспечивает более высокую степень защитной анонимности, позволяя злоумышленнику скрыть свою личность в Интернете, даже приняв новый образ. Такое разделение идентичностей означает, что люди не испытывают поведенческих запретов в такой же степени, как в офлайн-контексте отчасти из-за уменьшения чувства близости к жертве, вызывающего снижение чувств. чувства вины и страха наказания. Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Из-за ощущения анонимности и удаленности от офлайн-мира пользователи Интернета испытывают ложное чувство безопасности, а онлайн-преступники психологически, социально и физически отдаляются от своих преступлений и жертв, сталкиваются с меньшим количеством и (или) менее серьезными последствиями своего поведения и, вероятно, повторят эти преступления, воодушевленные своим опытом.

Жертвы киберпреступлений занижают информацию о своей виктимизации по сравнению с традиционными преступлениями, что отчасти поддерживается недостаточной их раскрываемостью.

Расширение знаний о киберпреступлениях и причастных к ним лицах может также повысить готовность к расследованиям и повысить качество работы сотрудников полиции с жертвами и подозреваемыми в интересах получения лучших результатов при проведении расследований, разработки более точных версий и выявлении соответствующих доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаужаева В.А., Прокофьева Е.В., Прокофьева О.Ю. Преступность в сети Интернет: криминологические характеристики // Вестник экономической безопасности. 2019. (4).
2. Карпика А.Г., Лемайкина С.В. Проблемы устойчивости распределенной обработки данных // Охрана, безопасность, связь. 2023. № 8-3.
3. Немцева М. Подростки из кибердружин устанавливают вредоносное ПО. URL: <https://iz.ru/1412163/mariia-nemtceva/metr-s-vebkoi-podrostki-iz-kiberdruzhin-ustanavlivauiut-vredonosnoe-po> (дата обращения: 13.03.2024).
4. «Почти половину кибератак в России совершают подростки». URL: <https://www.audit.ru/news/soft/955944.html> (дата обращения: 13.03.2024).
5. Нефедова М. «В мошеннической схеме «Мамонт» используется фальшивый Google Play». URL: <https://xakep.ru/2023/10/09/mammoth-google-play> (дата обращения: 13.03.2024).

REFERENCES

1. Gauzhaeva V.A., Prokofieva E.V., Prokofieva O.Yu. Crime on the Internet: criminological characteristics // Bulletin of Economic Security. 2019. (4).

2. Karpika A.G., Lemaykina S.V. Problems of stability of distributed data processing // Protection, Security, Communication. 2023. № 8-3.
3. Nemtseva M. Teenagers from cybercurines install harmful software. URL: <https://iz.ru/1412163/mariia-nemtseva/metr-s-vbko-podrostki-ziberdruzhin-utnavlivaite-vredonosnoe-po> (date of access: 13.03.2024).
4. «Almost half of the cyber attacks in Russia are committed by adolescents». URL: <https://www.audit-it.ru/news/soft/955944.html> (date of access: 13.03.2024).
5. Nefedova M. «The fraudulent scheme «Mammoth» uses the fake Google Play». URL: <https://xakep.ru/2023/10/09/mammoth-google-play> (date of access: 13.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпика Анатолий Григорьевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpika Anatoly Grigorievich, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Supply of Internal Affairs Agencies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 138–141.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 138–141.

Научная статья

УДК 343.9

МЕТОДОЛОГИЯ ВЕРСИОННОГО АНАЛИЗА И ЕЕ СВЯЗЬ С ОТДЕЛЬНЫМИ ДАННЫМИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Комаров Игорь Михайлович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
mgu.ikomarov@mail.ru

Введение: использование любого криминалистического инструмента в процессе предварительного расследования преступлений требует специально для этого сформированной методологии, это же относится и к версионному анализу. С учетом того, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой информационную базу для выдвижения следственных версий на первоначальном этапе расследования, особенно когда преступление совершено в условиях неочевидности, значение связи версионного анализа и криминалистической характеристики преступлений усиливается и актуализируется для целей расследования.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, которые ориентированы на выявление и разрешение проблем использования в научно-исследовательской деятельности методов криминалистики, правильное использование которых способствует достижению результатов исследований. В статье применены методы: описательный, анализ и синтез, систематизация, классификация и др. Изучены материалы научных исследований, отраженные в монографиях, научных статьях.

Результаты исследования: позволили автору на основе раскрытия содержания методологии версионного анализа и содержания отдельных важных элементов криминалистической характеристики преступлений сделать определенные научно-практические выводы о связи этих понятий и их прикладном значении для расследования преступлений.

Выводы и заключения: в публикации раскрыто значение таких элементов криминалистической характеристики преступления как, например, способ совершения преступления, возможности следователя на основе его распознавания выдвигать типичные следственные версии и на этой основе проводить соответствующий версионный анализ для целей успешного расследования.

Ключевые слова: следственная версия, версионный анализ.

Для цитирования: Комаров И. М. Методология версионного анализа и ее связь с отдельными данными криминалистической характеристики преступлений / И. М. Комаров // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 138–141.

Original paper

THE METHODOLOGY OF THE VERSIONING ANALYSIS AND ITS RELATION TO THE INDIVIDUAL DATA OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES

Komarov Igor Mikhailovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: the use of any forensic tool in the process of preliminary investigation of crimes requires a specially developed methodology for this, the same applies to version analysis. Taking into account the fact that the criminalistic characteristics of crimes represent an information base for putting forward investigative versions at the initial stage of the investigation, especially when the crime was committed in conditions of non-obviousness, the importance of the relationship between versioning analysis and criminalistic characteristics of crimes is strengthened and updated for the purposes of investigation.

Materials and methods: determined by the range of scientific tasks to be solved, which are focused on identifying and solving problems of using forensic methods in research activities, the correct use of which

contributes to the achievement of research results. The article uses the following methods: descriptive, analysis and synthesis, systematization, classification, etc. The materials of scientific research reflected in monographs and scientific articles have been studied.

Results of the study: allowed the author, based on the disclosure of the content of the methodology of version analysis and the content of certain important elements of the criminalistic characteristics of crimes, to draw certain scientific and practical conclusions about the connection of these concepts and their applied significance for the investigation of crimes.

Findings and conclusions: the publication reveals the importance of such elements of the criminalistic characteristics of a crime as, for example, the method of committing a crime, the investigator's ability to put forward typical investigative versions based on its recognition and, on this basis, conduct an appropriate version analysis for the purposes of a successful investigation.

Keywords: investigative version, version analysis.

For citation: Komarov I. M. Methodology of the versioning analysis and its relation to the individual data of the criminalistic characteristics of crimes / I. M. Komarov // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2 (109). – Pp. 138–141.

В первой публикации цикла серии статей о версионном анализе в качестве интегративного метода расследования преступлений были раскрыты некоторые важные положения, касающиеся следственной версии вообще и ее системообразующей роли в системе версионного анализа предварительного расследования преступлений. Настоящая публикация посвящена отдельным вопросам использования методологии проведения версионного анализа следователем в процессе расследования преступления.

Версионный анализ, фактически, представляет собой информационно-познавательное содержание и структуру деятельности следователя как в расследовании преступления вообще, так и в установлении и изучении личности потерпевшего от убийства, в частности. Это связь формы и содержания.

В основе версионного анализа относительно предмета исследования лежат данные отдельных элементов криминалистической характеристики убийств, совершенных в ситуациях, когда личность потерпевшего при явных обстоятельствах криминального характера смерти не установлена, и для этого требуются соответствующие действия следователя.

Криминалистическая характеристика и отдельные ее элементы в частности в подобных ситуациях расследования являются информационной базой, в соответствии с которой следователем выдвигается соответствующая совокупность общих и частных следственных версий, и на основе соответствующего версионного анализа выстраивается информационная модель расследования соответствующего события.

Познавательные стратегии, связанные с изучением личности потерпевшего от убийства, реализуются в соответствии с базовыми познавательными моделями расследования, где наибольшую актуальность имеют дедуктивные модели. Здесь следует отметить, что в чистом виде таких моделей в расследовании практически не существует, т. к. они в своей реализации используют данные как индуктивных, так и традуктивных (аналогичных) моделей, отражаемых ситуацией расследования.

Речь может идти только о преимущественном логическом следовании в ходе расследования, где общая логическая структура практического расследования условно включает в свое содержание – способ совершения убийства, следовую картину посткриминальной деятельности и методику установления обстоятельств происшедшего события, где основной задачей является установление и изучение личности потерпевшего.

Для расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, какими и являются преступления, рассматриваемые в настоящей серии публикаций, особую актуальность приобретает, наряду с дедуктивной, индуктивная модель (собираение отрывочных сведений о преступлении и формирование на их основе общей картины события).

Способ совершения убийства представляет собой один из основных элементов его криминалистической характеристики и является системой действий преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления. Главным в содержании этого способа выступают действия преступника по лишению жизни другого человека.

Достаточно сложно перечислить все возможные способы убийств, однако использование каждого из них всегда способствует образованию типичных следов-последствий как на жертве преступления, так и на месте, где это преступлений было совершено.

Данные судебно-следственной практики свидетельствуют, что среди наиболее распространенных являются способы убийств, совершенные с использованием колюще-режущих предметов, посредством нанесения побоев и повреждений различными предметами, а также удушения и через применение огнестрельного оружия (более 90 % от числа совершенных преступлений данного вида) [1, с. 74–75]. В этой системе (по некоторым данным) преобладают убийства, совершенные с использованием колюще-режущих и рубящих орудий – 70 %.

Каждый способ убийства оставляет соответствующие следы-последствия. Так, например, нанесение потерпевшему побоев и повреждений тупыми предметами (примерно 30 % от общего числа убийств) могут оставлять как на теле, так и одежде преступника и жертвы: следы биологических выделений (кровь, слюна и пр.), микрочастицы одежды, почвы, а также следы борьбы.

Все следы-последствия убийства можно разделить на следы: применения насилия с целью лишения жизни человека, прежде всего, телесные повреждения на теле потерпевшего, сопротивления потерпевшего, на теле и одежде преступника, возникающие в процессе преступного посягательства и пребывания преступника на месте преступления, орудия убийства, его принадлежность или движение к преступнику и от него, объекты, изъятые преступником с места происшествия [2, с. 10].

Вся эта информация имеет криминалистическое информационное значение и важна для выдвижения частных следственных версий с целью обоснования общей следственной версии расследования и соответствующего версионного анализа.

Однако наряду с данными криминалистической характеристики преступления, актуальными для идентификации личности трупа потерпевшего от убийства посредством выдвижения следственных версий, наряду с дедуктивными и индуктивными методиками, значение могут иметь и другие методики.

Особое место в этом ряду занимают так называемые традуктивные методики, где вектор логического следования определяет движение мышления следователя от частного к частному. Например, если на трупе потерпевшего от убийства обнаружена редкая татуировка, как элемент субкультуры, принятой в среде преступников, то этот частный факт позволяет выдвинуть частную следственную версию для установления подобного факта о том, что потерпевший связан с преступным «миром», а это обстоятельство, в свою очередь, позволяет предпринять следователю меры к его идентификации посредством соответствующих возможностей уголовной регистрации.

Эти методики весьма эффективны в расследовании преступлений вообще и установлении личности трупов потерпевших от убийства, в частности. Они активно используются на практике, хотя 96,7 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов затруднились дать определение этой методики, раскрыть ее содержание и перечислить используемые в ней методы.

В связи с этим также отметим, что традуктивная методика является важным элементом эвристики, а эвристика, как отмечалось выше, один из методов практической деятельности в процессе расследования преступлений.

В этой методике используются известные в криминалистике методы, которые применяются как в научных исследованиях, так и в практике расследования преступлений, среди них – аналогия, идентификация и традукция. Сразу отметим, что для установления личности трупа потерпевшего от убийства, перечисленные методы являются наиболее актуальными.

Аналогия в расследовании преступлений используется достаточно часто, однако, также часто исходная совокупность аналогов бывает очень объемной для ее сплошного перебора и правоохранительные органы в подобных ситуациях расследования не располагают для этого необходимыми силами и средствами. Решение таких задач видится в использовании метода ограничения, объясненного В.Я. Колдиным, суть которого заключается в том, чтобы максимально использовать возможности сужения исходной информации (сведений), установленной в ходе расследования, посредством ограничивающих ее обстоятельств [3, с. 373–374].

Например, анализ данных судебно-следственной практики свидетельствует о том, что время и место наступления смерти потерпевшего, а также ее причину следователи устанавливают в самом начале расследования. Эти три обстоятельства в значительной степени сужают и оптимизируют поисковые возможности с целью идентификации неопознанного трупа, при признаках криминального характера наступления смерти. Это позволяет сосредоточиться на сведениях о пропавших без вести гражданах в определенной местности и в определенное время и проверке этих сведений относительно конкретного неопознанного трупа (одна из частных следственных версий).

Используя этот метод относительно системы элементов соответствующей криминалистической характеристики, следователь может в соответствии с данными ее

пространственно-временных отношений (корреляций) исключить причинную связь с расследуемым событием других без вести пропавших и разыскиваемых на определенной территории граждан.

Другим элементом логической цепочки, рассматриваемой традиционной методики, за методом ограничения является метод исключения. Его суть состоит в том, что в процессе расследования следователь посредством анализа исключает из системы частных следственных версий те версии, которые не находят своего подтверждения, т. е. исключают конкретного потерпевшего от убийства из числа лиц, подлежащих идентификации.

Оба метода представляются эффективными инструментами следственного эвристического поиска в процессе установления (идентификации) личности неопознанного трупа. Для их использования следователю не обязательно обладать какими-либо особыми специальными знаниями, для него в подобной ситуации главное – правильно организованное криминалистическое наблюдение и мышление, о которых упоминалось в предыдущих публикациях, что обуславливает логические выводы об исследуемом факте.

Идентификационная ситуация при расследовании рассматриваемых преступлений формируется, когда есть информационная модель искомого объекта (сведения о личности предполагаемой жертвы убийства) и ее аналога, тогда появляется возможность их отождествления. Аналогом в этой ситуации выступает личность неопознанного трупа потерпевшего от убийства, а информационной моделью любые достоверно известные ее (личности) отображения. Использование метода идентификации здесь выступает в форме опознания либо судебной экспертизы.

Как было отмечено, традиция, по-другому традиционные умозаключения, широко используются в правоприменительной деятельности (выводы по аналогии и установлению тождества объектов). Указанные выводы формулируются на основе принципа, «что верно об одной вещи, верно и о другой, тождественной с нею» [4, с. 274].

Для целей установления личности неопознанного трупа традиционные умозаключения, наряду с индуктивными и дедуктивными методиками, имеют значение, которое заключается в максимально точном решении идентификационной задачи на основе проведения версионного анализа.

Вышеприведенные обоснования сведены нами к методам и методикам построения следственной версии, одному из важнейших криминалистических понятий, системообразующему элементу версионного анализа, которым давно занимались и продолжают активно заниматься отечественные криминалисты (А.Н. Васильев, Г.Н. Мудьюгин, Н.А. Якубович, В.П. Антипов, Л.П. Дубровицкая, И.М. Лузгин и др.). Как известно, криминалистическая характеристика преступления всегда представляет собой информационную базу для следственных версий. В этом корреляционная связь этих двух важных криминалистических категорий и их значение для версионного анализа как интегративного метода расследования преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Раскрытие убийств / под ред. С.В. Лаврухина. М., 2016.
2. Расследование убийств / В.Д. Зеленский и др. Краснодар, 2019.
3. Колдин В.Я. Судебная идентификация. М., 2002.
4. Рутковский Л.В. Избранные труды русских логиков XIX. М., 1956.

REFERENCES

1. Solving murders. The team of authors, edited by S.V. Lavrukhin. Moscow, 2016.
2. Investigation of murders / V.D. Zelensky (et al.). Krasnodar, 2019.
3. Koldin V.Ya. Judicial identification. Moscow, 2002.
4. Rutkovsky L.V. Selected works of Russian logicians of the XIX Century. Moscow, 1956.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komarov Igor Mikhailovich, Grand PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics. Lomonosov Moscow State University. 1, p. 13, Leninskie gory, Moscow GSP-1 119991 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 142–147.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 142–147.

Научная статья

УДК 343.985.7

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ВЫДЕЛЕННЫХ НА ФИНАНСИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ПРОГРАММ)

Кузьмин Михаил Николаевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

mihail_kuzmin@mail.ru

Введение: актуальность исследования обусловлена высокими статистическими показателями зарегистрированных преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов. В процессе противодействия рассматриваемым преступлениям ключевая роль принадлежит деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

Материалы и методы: при написании статьи применялись общенаучные методы познания, в том числе объективности, системности, индукции, дедукции, анализ теоретических и нормативных правовых источников, обобщение и анализ правоприменительной практики, статистические методы.

Результаты исследования: автором проанализированы и исследованы особенности преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов. Обозначены основные проблемы выявления и пресечения данной категории преступлений. Даны рекомендации нормативно-правового, организационно-управленческого и оперативно-служебного характера, направленные на улучшение качества межведомственного взаимодействия в сфере защиты бюджетных средств, а также на повышение эффективности борьбы с их хищениями.

Выводы и заключения: возникающие сложности при организации деятельности по борьбе с преступлениями, связанными с хищениями бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов, а также несогласованность нормативной правовой основы указывают на недостаточную теоретическую разработанность вопросов организации и тактики ОРД по противодействию хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов, а также отсутствие современных и адаптивных научно обоснованных рекомендаций и оперативно-розыскных методик документирования рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: хищение бюджетных средств, национальные проекты, преступления экономической направленности, оперативно-розыскная деятельность, межведомственное взаимодействие.

Для цитирования: Кузьмин М. Н. К вопросу о методике раскрытия и расследования хищений бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов (программ) / М. И. Кузьмин // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 142–147.

Original paper

ON THE ISSUE OF THE SUBJECT OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS ALLOCATED TO FINANCE NATIONAL PROJECTS (PROGRAMS)

Kuzmin Mikhail Nikolaevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the relevance of the study is conditioned by high statistical indicators of registered crimes related to embezzlement of budget funds allocated for the financing of national projects. In the process of counteracting the crimes in question, the key role belongs to the activities of economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Materials and methods: when writing the article we applied general scientific methods of cognition, including objectivity, systematicity, induction, deduction, analysis of theoretical and normative legal sources, generalization and analysis of law enforcement practice, statistical methods.

Results of the study: the author analyzed and researched the features of crimes related to theft of budgetary funds allocated for the financing of national projects. The main problems of detection and suppression of this category of crimes are outlined. Recommendations of normative-legal, organizational-administrative and operational-service nature aimed at improving the quality of interdepartmental cooperation in the field of protection of budgetary funds, as well as to increase the effectiveness of the fight against embezzlement are given.

Findings and conclusions: emerging difficulties in the organization of activities to combat crimes related to embezzlement of budgetary funds allocated for the financing of national projects, as well as the inconsistency of the normative legal framework indicate the lack of theoretical development of issues of organization and tactics of investigative activities to counteract embezzlement of budgetary funds allocated for the implementation of state programs and national projects, as well as the lack of modern and adaptive science-based recommendations and operational and investigative methods of combating crimes related to embezzlement of budgetary funds allocated for the implementation of national projects.

Keywords: embezzlement of budget funds, national projects, crimes of economic orientation, operational and investigative activities, interdepartmental cooperation.

For citation: Kuzmin M. N. On the issue of the subject of disclosure and investigation of embezzlement of budget funds allocated to finance national projects (programs) / M. N. Kuzmin // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 142–147.

Приоритетными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются:

- 1) усиление роли государства как гаранта безопасности граждан и защиты их прав, а также частной собственности;
- 2) повышение эффективности правоохранительных органов и специальных служб в охране конституционного строя и прав человека;
- 3) совершенствование единой системы профилактики преступности;
- 4) реализация принципа неотвратимости наказания за правонарушения и формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправным действиям [1].

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. определяет высокую криминализацию бюджетной сферы как основную угрозу. Соответственно, стратегической задачей экономической безопасности является борьба с нецелевым использованием и хищением бюджетных средств, теневой и криминальной экономикой [2].

В условиях дефицита бюджета и экономических санкций декриминализация бюджетной сферы играет ключевую роль. Государство выделяет значительные бюджетные средства для поддержки экономики, приоритетных отраслей и стабильного функционирования государства. На территории России реализуется 38 государственных программ с общим объемом финансирования более чем 5 трлн рублей [3]. Финансирование национальных проектов по различным отраслям осуществляется, в том числе путем выделения субсидий и грантов на федеральном, региональном и местном уровнях. Общий объем субсидий и грантов на 1 января 2023 г. составляет 30 % от всего финансирования.

Значительная часть криминальных деяний в бюджетной сфере связана с хищением средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов. Эти действия подрывают экономическое развитие и негативно влияют на благосостояние граждан.

Для снижения уровня криминализации бюджетной сферы принимаются следующие меры:

- усовершенствование системы закупок товаров и услуг для государственных нужд: внедрение электронных торгов, повышение прозрачности и открытости процесса закупок;
- усиление надзора за расходованием государственных средств: создание независимых контрольно-надзорных органов в сфере бюджетной деятельности;
- разработка и реализация программ по антикоррупционному просвещению и воспитанию: формирование в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям;
- усиление взаимодействия между правоохранительными органами, органами исполнительной власти, общественными организациями и гражданами в борьбе с криминализацией бюджетной сферы.

Постоянное увеличение объемов бюджетных средств, выделяемых на реализацию государственных программ и национальных проектов, влечет за собой повышение к ним интереса со стороны криминальных структур, что, в свою очередь, требует надлежащего контроля за их расходованием. То, что является для отдельных секторов экономики мощным стимулом для развития зачастую используется в интересах организованных преступных групп. В связи

с этим ключевой задачей подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел является противодействие хищениям бюджетных средств.

Статистические показатели по преступлениям экономической направленности продолжают оставаться высокими. Так, в 2023 г. выявлено 105 257 преступлений, в 2022 г. – 111 429, в 2021 г. – 117 707, в 2020 г. – 105 480, в 2019 г. – 104 927 [4]. При этом направлено в суд лишь каждое шестое уголовное дело.

Преступления в бюджетной сфере отличаются своей спецификой, обусловленной характером экономической и управленческой деятельности в данной отрасли. Процесс выявления, предупреждения и раскрытия данных преступлений осложнен комплексом субъективных и объективных обстоятельств, в том числе несовершенством правового регулирования оперативно-розыскной деятельности по противодействию хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов, несогласованностью нормативных правовых актов в данной сфере, а также отсутствием проработанного механизма документирования рассматриваемых преступлений. Кроме того, преступления данной сферы в большинстве случаев носят организованный характер и высокую степень латентности, тщательно планируются и подготавливаются и совершаются с использованием современных технологий и схем противодействия подразделениям ЭБиПК.

Возникающие сложности при организации деятельности ЭБиПК по борьбе с преступлениями данной сферы, а также несогласованность нормативной правовой основы указывают на недостаточную теоретическую разработанность вопросов организации и тактики ОРД по противодействию хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов, а также отсутствие современных и адаптивных научно обоснованных рекомендаций и оперативно-розыскных методик документирования рассматриваемых преступлений.

Рост преступлений в сфере реализации национальных проектов наглядно демонстрирует несовершенство механизмов защиты выделяемых на эти цели бюджетных средств.

Одним из ключевых факторов, способствующих росту преступности в данной области, является отсутствие должного взаимодействия между правоохранительными органами и контролирующими структурами. В частности, возникают трудности в координации действий с территориальными управлениями Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, Федеральной антимонопольной службы и Счетной палатой Российской Федерации. Еще одним препятствием для эффективного противодействия коррупции является недостаточная отлаженность межведомственного информационного обмена. Различия в регламентах проверок и ограничения во взаимном обмене полученной в ходе проверок информации мешают своевременно выявлять и пресекать коррупционные правонарушения [5, с. 82–83].

Кроме того, остро стоит проблема низкого качества материалов доследственных проверок. Слабое взаимодействие с органами предварительного следствия, в том числе с подразделениями Следственного комитета Российской Федерации, приводит к тому, что процессуальное решение зачастую принимается на недостаточно обоснованных основаниях.

Взаимодействие оперативных и следственных органов при выявлении и расследовании преступлений в сфере реализации национальных проектов зачастую ограничивается механическим обменом материалов. Оперативные подразделения направляют материалы проверки для анализа и оценки их готовности к возбуждению уголовного дела, а следственные органы принимают решение об этом. Однако такой подход не обеспечивает должной эффективности расследования. Отсутствует совместное определение тактики и методики получения доказательств, их закрепления и стратегии дальнейшего расследования. Следственные органы не привлекают оперативные подразделения к сбору доказательной базы, не консультируются с ними по правовой оценке имеющейся информации о совершенных преступлениях. Оперативные подразделения, в свою очередь, не принимают участия в разработке и реализации планов расследования. Такая разобщенность существенно снижает эффективность расследования преступлений в сфере реализации национальных проектов. Отсутствие единого понимания задач, тактики и методики приводит к дублированию усилий, потере времени и утрате доказательств. По мнению специалистов, сложившийся порядок взаимодействия между правоохранительными органами и государственными органами, распоряжающимися бюджетными средствами, не соответствует современным потребностям и требует преобразования. Необходимо внедрить механизмы совместной разработки и реализации планов расследования, проведения оперативно-следственных мероприятий на ранних этапах, постоянной координации действий между следственными и оперативными подразделениями.

Взаимодействие оперативных и следственных органов при выявлении и расследовании преступлений в сфере реализации национальных проектов зачастую ограничивается обменом материалами. Однако такой подход не обеспечивает должной эффективности расследования. Отсутствует совместное определение тактики и методики получения доказательств, их закрепления и стратегии дальнейшего расследования. По мнению специалистов, сложившийся порядок взаимодействия между правоохранительными органами и государственными органами, распоряжающимися бюджетными средствами, не соответствует современным потребностям и требует преобразования. Необходимо внедрить механизмы совместной разработки и реализации планов расследования, проведения оперативно-следственных мероприятий на ранних этапах, постоянной координации действий между следственными и оперативными подразделениями [6, с. 23].

На необходимость повышения слаженности и скоординированности действий правоохранительных и контрольно-надзорных органов, региональных властей и местного самоуправления в целях повышения контроля за использованием бюджетных средств и препятствованию хищений при реализации национальных проектов указывает секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушев¹.

Со стороны распорядителей бюджетных денежных средств проявляется незаинтересованность в оказании содействия правоохранительным органам. Так, при направлении правоохранительными органами запросов в рамках проверки исполнения национальных проектов (программ) нередки случаи отказов в предоставлении информации должностными лицами региональных и муниципальных органов власти.

Имеет место предоставление неполной (неразвернутой) информации по запросам субъектов контрольно-надзорной деятельности, а также правоохранительных органов в сфере освоения бюджетных средств, выделенных на развитие сельского хозяйства.

В частности, подразделением ЭБиПК ГУ МВД России по Краснодарскому краю отмечается позиция Министерства сельского хозяйства и продовольствия Краснодарского края, представители которого отказываются подавать заявления о фактах хищения по выявленным правоохранительными органами фактам хищения бюджетных средств, выделенных в качестве субсидий и грантов фермерским хозяйствам, ссылаясь на то, что возникшие споры с фермерскими хозяйствами решаются Министерством в рамках арбитражного судопроизводства².

Отсутствие ответственности распорядителей бюджетных денежных средств за прием пакета документов и проверку фактического соблюдения условий выдачи субсидий влечет формальный подход к защите бюджетных денежных средств, выделенных в виде грантов и субсидий. Это же порождает последующее нежелание осуществлять взаимодействие с правоохранительными органами, незаинтересованность в содействии при установлении размера ущерба, нанесенного преступными действиями.

Доказывание виновности осложняют современные способы коммуникации преступников. Зашифрованные мессенджеры, рукописные и напечатанные на электронных устройствах сообщения, встречи в заранее оговоренных местах и на территориях с ограниченным доступом или за рубежом существенно затрудняют установление и доказывание коррупционного умысла.

Для решения отмеченных проблем целесообразно предпринять ряд мер нормативно-правового, организационно-управленческого и оперативно-служебного характера.

Таким образом, для улучшения качества межведомственного взаимодействия в сфере защиты бюджетных средств необходимо:

1. Заключение соглашений между органами внутренних дел и органами государственной власти и местного самоуправления, с государственными корпорациями о взаимодействии и совместной работе в сфере защиты бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ).

2. Обеспечение информационного взаимодействия между подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России с министерствами и ведомствами региона, отвечающими за распределение и контроль целевого использования бюджетных средств (территориальные подразделения Счетной палаты Российской Федерации, Росфинмониторинга, Федерального казначейства Российской Федерации).

¹ Патрушев потребовал принять превентивные меры против хищения средств на нацпроекты // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 03.04.2024).

² По материалам ЭБиПК ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

3. Создание и поддержание в актуальном состоянии единого цифрового ресурса, способствующего получению информации о состоянии финансирования исполнения национальных проектов (программ) и федеральных проектов (программ).

4. Налаживание взаимодействия территориальных органов внутренних дел Российской Федерации с контролирующими и надзирающими органами исполнительной власти в целях контроля за деятельностью субъектов, отвечающих за распределение бюджетных средств, а также организаций, учреждений, предприятий, осуществляющих их освоение.

5. Повышение скоординированности совместной работы территориальных органов внутренних дел Российской Федерации с территориальными органами прокуратуры, следственными управлениями в субъектах Российской Федерации, управлениями (отделами) ФСБ России по отдельным регионам и субъектам Российской Федерации (в том числе путем проведения совместных совещаний-семинаров), в вопросах своевременного и быстрого принятия мер по отработке полученной оперативной информации; согласования позиций органов внутренних дел и следственных подразделений прокуратуры относительно уголовно-правовой квалификации по материалам проверок.

6. Организация изучения сотрудниками органов внутренних дел основ и новелл бюджетного законодательства, обеспечение овладения ими информацией о типичных способах совершения преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств, а также об имеющемся положительном опыте их пресечения.

Эффективными мерами являются: проведение семинаров-совещаний с личным составом оперативных и следственных подразделений, оказание специалистами оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел на региональном уровне практической помощи представителям городских и районных подразделений органов внутренних дел по имеющимся в их производстве проверочным материалам и уголовным делам.

Предложения тактического характера:

1. Организовать систему оперативного отслеживания бюджетных средств от главного распорядителя до конечного получателя, в том числе обеспечить оперативным сотрудникам доступ к системе «Электронный бюджет».

2. При планировании оперативно-розыскных мероприятий учитывать характеристики организаций, непосредственно осваивающих бюджетные средства, выделенные на реализацию национальных проектов, включение их в случае необходимости в реестр недобросовестных поставщиков.

3. С целью получения оперативно значимой информации об обстоятельствах проведения электронных торгов по госзаказу привлекать сотрудников специальных технических подразделений органов внутренних дел.

4. В ходе документирования нарушений в сфере выполнения госзаказа принимать меры по установлению фактов ограничения конкуренции.

5. В рамках проведения оперативных проверок по фактам нарушений в сфере выполнения госзаказа целесообразно проводить оперативно-розыскные мероприятия до завершения исполнения госконтракта.

6. До направления материала в следственный орган проводить весь необходимый спектр оперативно-розыскных мероприятий по сбору данных относительно полного перечня имущества фигурантов с целью дальнейшего наложения на него ареста.

При осуществлении оперативно-служебной деятельности по декриминализации сферы национальных проектов, в частности при выявлении коррупционных преступлений, совершаемых в ходе закупочной деятельности, исходить из необходимости уделить максимум внимания тем организациям и должностным лицам, в деятельности которых имеются повышенные риски нанесения ущерба бюджетным отношениям ввиду возможного несоблюдения ими требований действующего законодательства.

Это предполагает формирование на основе проводимого мониторинга информации о нарушениях, выявляемых в ходе реализации национальных и федеральных проектов, имеющих коррупционных рисках в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд и закупок отдельными видами юридических лиц, выявленных уязвимостях и угрозах так называемых групп риска (объектов первоочередной оперативной заинтересованности) из числа возможно проблемных организаций, для которых характерен ряд признаков, например совершение подозрительных финансовых операций, в том числе до заключения госконтракта; отсутствие собственного капитала, малочисленность персонала и др.

Представляется, что предложенные меры будут способствовать повышению защищенности бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных и федеральных проектов, а также повышению эффективности борьбы с их хищениями.

Также следует отметить, что недостаточность существующих механизмов защищенности бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов, влечет за собой необходимость активизации деятельности иных помимо органов внутренних дел субъектов к защите бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов. Это связано с тем, что территориальные подразделения МВД России могут лишь выявить виновных лиц, но далеко не всегда в ходе исполнения своих полномочий имеют возможность устранения причин и условий, способствующих совершению рассматриваемых противоправных деяний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Программная структура расходов Федерального бюджета на 12 мая 2023 года // Официальный сайт Правительства Российской Федерации (дата обращения: 03.04.2024).
4. Официальные статистические данные о преступности. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 03.04.2024).
5. Журавлев С.Ю., Туранов М.Ю. Методика расследования преступлений, связанных с противоправными посягательствами на денежные средства, выделяемые на финансирование приоритетных национальных проектов: метод. рекомендации. Нижний Новгород, 2009.
6. Мангасаров Р.А. Борьба с преступлениями экономической и коррупционной направленности, связанными с распределением и использованием бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ // Полиция и следственная деятельность. 2022. № 1.

REFERENCES

1. On the National Security Strategy National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation from 02.07.2021 № 400. Access from the legal system «Consultant-Plus».
2. On the Strategy of economic security Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation from 13.05.2017 № 208. Access from the legal system «Consultant-Plus».
3. Program structure of expenditures Federal budget for May 12, 2023 // Official website of the Government of the Russian Federation (date of access: 03.04.2024).
4. Official statistical data on crime. URL: <http://crimestat.ru> (date of access: 03.04.2024).
5. Zhuravlev S.Y., Turanov M.Y. Methodology of investigation of crimes associated with unlawful encroachments on the money allocated to finance priority national projects: method. recommendations. Nizhny Novgorod, 2009.
6. Mangasarov R.A. Combating crimes of economic and corruption related to the distribution and use of budget funds allocated for the implementation of national projects and federal target programs // Police and Investigative Activity. 2022. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузьмин Михаил Николаевич, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuzmin Mikhail Nikolaevich, PhD in Law, Head of the Research and Editorial Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 148–152.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 148–152.

Научная статья

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кулешова Анна Владимировна

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация

akulesova906@gmail.com

Введение: в настоящем исследовании автор, опираясь на авторитетные научные источники, подводит черту под рассуждениями о правовом статусе адвентальных лиц. Поскольку Российская Федерация имеет перманентный статус многонационального государства, привлекательного с экономической точки зрения для въезда в нее из-за рубежей, законодатель и правоприменитель обязаны придерживаться определенных норм.

Материалы и методы: материальную базу данной научной статьи составили исследования современных отечественных криминалистов, пристально занимающихся проблематикой адвентальной преступности. В ходе работы над исследованием автор обращался к индукции, дедукции, сопоставлению, синтезу и анализу.

Результаты исследования: итогом научного изыскания стал объективный и панорамный взгляд на правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, которое они имеют при нахождении на территории Российской Федерации. Автор последователен в своих утверждениях.

Выводы и заключения: автор утверждает правильность и обоснованность той позиции гуманного и демократичного отношения к иностранным гражданам и лицам без гражданства, которая на сегодняшний день присуща Российской Федерации. Многонациональный российский народ с равным уважением относится к своим гражданам и адвентальным лицам, обеспечивает защиту законных прав и свобод тех и других.

Ключевые слова: криминалистика, правовой статус иностранных граждан, правовой статус лиц без гражданства, адвентальные преступления, многонациональность, национальная безопасность.

Для цитирования: Кулешова А. В. Особенности правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Кулешова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 148–152.

Original paper

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kuleshova Anna Vladimirovna

Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Moscow, Russian Federation

Introduction: in this study, the author, relying on authoritative scientific sources, draws a line under the arguments about the legal status of adventitious persons. Since the Russian Federation has the permanent status of a multinational state, attractive from an economic point of view for entry into it from abroad, the legislator and law enforcement officer are obliged to adhere to certain norms.

Materials and methods: the material base of this scientific article is made up of research by modern domestic criminologists who are closely involved in the problems of juvenile delinquency. During the work on the study, the author turned to induction, deduction, comparison, synthesis and analysis.

Results of the study: the result of the scientific research was an objective and panoramic view of the legal status of foreign citizens and stateless persons, which they have while staying in the territory of the Russian Federation. The author is consistent in his statements,

Findings and conclusions: the author asserts the correctness and validity of the position of humane and democratic attitude towards foreign citizens and stateless persons, which is currently inherent in the Russian Federation. The multinational Russian people treat their citizens and adventists with equal respect, and ensure the protection of the legitimate rights and freedoms of both.

Keywords: criminalistics, legal status of foreign citizens, legal status of stateless persons, juvenile delinquency, multinational, national security.

For citation: Kuleshova A. V. Peculiarities of the legal status of foreign citizens and stateless persons in Russian Criminal Proceedings / A.V. Kuleshova // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 148–152.

Исторически сложилось, что Российская Федерация обладает юридическим статусом многонационального государства. Здесь веками проживали и проживают люди, принадлежащие к различным этносам с самой разнообразной самобытной культурой и традициями. Современное законодательство, в частности – Конституция Российской Федерации, основной закон страны, утверждает это не только в качестве одной из описательных характеристик государства, но и как подтверждение богатой истории и перспективного будущего. Многие объективные черты России, в том числе и эти, делают ее несомненно привлекательной для представителей других стран, как ближнего зарубежья, так и довольно удаленных.

Сегодня отнюдь не сенсационно звучит утверждение о том, что иностранные граждане и лица без гражданства интересуются Россией и пересекают ее границы. Туризм, бизнес, наука, трудовая миграция – далеко не полный список. Обозначенные субъекты имеют собственные представления о России, которые могут основываться не на официальных фактах, а на личных умозаключениях. Цели и задачи погружения в российскую действительность тоже зависят от многих, не всегда очевидных факторов. Однако на территории нашей страны все без исключения обязаны действовать в рамках принятого здесь правового поля.

Отечественный криминалист А.В. Варданян в своих исследованиях указывает на то, с чем порой приходится сталкиваться государству, на территории которого кроме коренного населения по каким-либо причинам оказываются и адвентальные лица. Речь идет о незаконной миграции, криминальном явлении, в организацию противодействия которому включены различные государственные органы, учреждения, практики и научные деятели [1, с. 58].

В начале нашего научного исследования необходимо определиться с ключевыми понятиями, вокруг которых предстоит выстраивать аналитические рассуждения. Речь идет, собственно, об иностранном гражданине и лице без гражданства. Тезисами Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ определено, кем принято считать иностранного гражданина. Итак, это физическое лицо, оно не является гражданином России, но имеет документальные доказательства того, что обладает гражданством (либо подданством) какого-либо иного государства. В случае необходимости это лицо может лично предъявить соответствующие доказательства. Лицо без гражданства – это тоже физическое лицо, однако оно кардинальным образом отличается от иностранного гражданина. Данный субъект не только не имеет гражданства РФ, но и не может доказать того, что он является гражданином или подданным какого-либо иного государства, являющегося иностранным по отношению к РФ. Видится крайне важным отметить описательные нюансы характеристик указанных лиц, поскольку такой подход отвечает требованиям современных научных подходов к поступательному развитию криминалистических систем знаний [2].

Под правовым статусом иностранного гражданина или лица без гражданства в нашем исследовании будем понимать следующее: некое положение обозначенных субъектов, при котором они обладают правами и обязанностями, которые официально утверждены законодательством.

Поскольку РФ реализовывает политику разумной и рациональной открытости по отношению к мировому сообществу, на ее территории нет и не может быть какого бы то ни было негативного отношения к адвентальным лицам. Государством гарантируется, что, вне зависимости от расы, национальности, языка и иных обстоятельств, права и свободы человека и гражданина равны абсолютно у всех [3]. Именно по этим причинам, утвержденным главным законом страны, Конституцией, производство по уголовным делам, где фигурантами являются адвентальные лица, осуществляется в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства РФ.

Кроме того, в продолжение правовых стратегий Конституции упомянем, что в ст. 4 Уголовного кодекса Российской Федерации утверждается: все лица, причастные к совершению противоправных деяний, равны перед законом. В случае объективного доказательства их

виновности, они привлекаются к уголовной ответственности. При этом особенности их расы, национальности, языка, происхождения, имущественное или должностное положение, а также какие-либо иные обстоятельства не станут ни смягчающим, ни отягчающим вину обстоятельством — для реализации справедливого наказания это совершенно не важно. Если кто-либо совершает преступление, находясь на территории России, то данное лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности, которая предусмотрена актуальной редакцией Уголовного кодекса Российской Федерации. Такой принцип безоговорочно утвержден положениями ст. 11 обозначенного нормативного правового акта, имеющего статус Федерального закона. То есть, он един для неукоснительного соблюдения на всей территории России и всеми, кто на ней находится.

При этом стоит отметить, что если речь идет о лицах, наделенных иммунитетом в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, имеются важные оговорки. В таких случаях процессуальные действия производятся только с согласия иностранного государства, на службе которого находится или находилось упомянутое лицо, или же с согласия международной организации, где это лицо работает или работало. Сведения о том, действительно ли фигурант обладает иммунитетом, предоставляются Министерством иностранных дел Российской Федерации. Иммунитеты, которые обеспечиваются международным организациям и их представителям, определяются международными договорами.

Иммунитетом от уголовной юрисдикции и правом на личную неприкосновенность обладают следующие лица:

- главы дипломатических представительств;
- члены представительств, имеющие дипломатический ранг, и члены их семей, если последние не являются гражданами государства пребывания;
- главы государств, правительств, главы внешнеполитических ведомств государств, члены персонала дипломатического представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительства, члены их семей, проживающие вместе с указанными лицами, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно;
- работники консульских учреждений, а также другие лица, которые пользуются этим правом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам, которые Российская Федерация заключила с иными государствами.

Если перед следствием или дознанием стоит задача, заключающаяся в том, чтобы провести следственные действия с теми, кто обладает иммунитетом, к сожалению, не обойтись без того, чтобы заручиться согласием иностранного государства, на службе которого находится или находился фигурант. К сожалению — потому, что такие процедуры требуют дополнительных усилий и времени. Заметим, что в случае необходимости применения мер процессуального принуждения к адвентальным лицам с иммунитетом, российским правоохранным также придется соблюдать процедуру обращения к иностранному государству для согласования своих действий.

Интересно заметить, что при расследовании преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, или же в отношении обозначенных субъектов, разнообразные личностные характеристики будут иметь значение, причем самое серьезное. Свойства личности преступника или его жертвы, в том числе этнические, выступают в роли данных, формирующих частные криминалистические методики раскрытия и расследования такого рода противоправных деяний [4]. То есть, законодатель не проявляет ни излишней суровости, ни либеральности к адвентальным лицам, а правоприменитель учитывает их характерные особенности, чтобы обеспечить общественную безопасность и гарантию равных прав и свобод.

В Российской Федерации установлены нормы, обязывающие иностранных граждан и лиц, не имеющих гражданства, которые пребывают здесь временно, а также постоянно или временно проживают, осуществлять постановку на учет по месту пребывания при нахождении в месте пребывания, не являющемся местом их жительства. Обозначенные адвентальные субъекты обязаны выехать из России, если срок действия визы истек, или завершился иной срок временного пребывания. Данные нормы утверждены:

- ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ;
- п. 2 ст. 5 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ;

– п. 20 Правил, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Положениями ст. 458 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусмотрен алгоритм действий, если адвентальный субъект совершил преступление на территории России и впоследствии оказался за ее пределами. При невозможности осуществления процессуальных действий в России с участием фигуранта все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру РФ. Именно там принимается решение в части того, как будет происходить взаимодействие с компетентными органами иностранного государства в целях реализации уголовного преследования виновного лица.

Российская Федерация имеет полное право обратиться к иностранному государству с запросом о выдаче ей лица, уклоняющегося от уголовного преследования. Если с таким государством заключен соответствующий международный договор, то никаких проблем не возникнет, а также не потребуются дополнительные переговоры. Если же такого договора не заключено, в этом случае в иностранное государство направляется письменное обязательство за подписью Генерального прокурора РФ. В данном документе указывается, что в будущем этому государству, по принципу взаимности, будут выдаваться лица в соответствии с нормами действующего российского законодательства. Это утверждено положениями ч. 1 ст. 460 УПК РФ.

Немаловажно отметить, что в настоящее время в России предусмотрены ограничения на выезд иностранных граждан. Данные нормы утверждены Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ. Такие ограничения актуальны, если:

– имеет место задержание лица по подозрению в совершении преступления либо если лицо обвиняется в совершении противоправного деяния. Ограничение на выезд из России будет действовать до момента принятия решения по уголовному делу или до вступления в законную силу приговора суда;

– адвентальные лица осуждены за совершение противоправного деяния на территории России, до отбытия (исполнения) наказания или до освобождения от наказания. Исключением из этой нормы являются иностранные граждане, которые условно-досрочно освобождены от отбывания наказания, если у них нет материальных обязательств перед потерпевшей стороной, согласно вердикту суда;

– иностранные граждане или лица без гражданства всеми известными и доступными им методами и средствами избегают того, чтобы исполнить те обязательства, которые для них установил суд. Ограничение в этом случае действует до того момента, когда стороны достигнут соглашения либо будут исполнены обязательства;

– адвентальные лица не выполнили свои обязательства по уплате налогов, предусмотренные законодательством России. Ограничение продлится до выполнения этих обязательств;

– иностранные граждане или лица, вовсе не имеющие никакого гражданства, привлечены к административной ответственности в рамках действующего на территории России административного законодательства. Ограничение останется актуальным, пока фигурант не понесет наказание, предусмотренное российским законодательством, или пока не будет освобожден от наказания – тоже в соответствии с нормами действующего российского законодательства.

Таким образом, видится уместным заявить в финале нашего исследования о некоем дуализме правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства. С одной стороны, перед законами, действующими на территории Российской Федерации, равны все, и граждане РФ, и те, кто представляет иное государство, и те, кто в гражданском отношении оказался сам по себе. С другой стороны, имеет место быть иммунитет, в корне меняющий правовой статус его обладателя. Кроме того, не стоит забывать о специализированных нормативных правовых актах, которые более конкретно, чем Конституция РФ и УК РФ подходят к регламентации особенностей правового статуса обозначенных лиц. Любопытный факт, который, надеемся, будет осмыслен в ряде последующих исследований.

В настоящее время тема, касающаяся различных миграционных процессов, особенно актуальна для научных обсуждений в нашем государстве. В тесной взаимосвязи с ней находится и правовое положение иностранных граждан и лиц, вовсе не имеющих гражданства. Исследователи и практики, понимая, что их общие недоработки могут негативно сказаться на жизни государства, общества и отдельно взятой личности, должны принять на себя обязательства по совместной разработке актуальных правовых концепций и законодательных рекомендаций [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В., Ларионов И.А. Актуальные проблемы расследования организации незаконной миграции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1(35).
2. Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1(17).
3. Конституция Российской Федерации. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Фойгель Е.И. Основные принципы криминалистического изучения этнических характеристик личности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.
5. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021.
6. Кулешов Р.В., Фойгель Е.И. Противодействие преступности, связанной с организацией незаконной миграции в период осуществления специальной военной операции: организационно-правовые и криминалистические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V., Larionov I.A. Actual problems of investigating the organization of illegal migration // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(35).
2. Vardanyan A.V. The development of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminalistics // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1(17).
3. The Constitution of the Russian Federation. Access from the legal system «ConsultantPlus».
4. Foigel E.I. Basic principles of criminalistic study of ethnic characteristics of a person // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 1.
5. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021.
6. Kuleshov R.V., Fogel E.I. Countering crime related to the organization of illegal migration during the implementation of a special military operation: organizational, legal and criminalistic aspects // All-Russian Journal of Criminology. 2023. № 1. Vol. 17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулешова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник 3-го отдела научно-исследовательского центра №. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuleshova Anna Vladimirovna, PhD in Law, Senior researcher of the 3-rd Department of the Research Center № 4, FSGI «Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia». 25, Povarskaya St., building 1, Moscow 121069 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 153–157.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 153–157.

Научная статья

УДК 004.6

**АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РАЗРЕЗЕ
ПОЛУЧЕНИЯ ДАННЫХ О РАЗЫСКИВАЕМЫХ ЛИЦАХ**

Лемайкина Светлана Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

slemaikina2@mvd.ru

Введение: социальные сети в настоящее время стали неотъемлемой частью общества, начиная от бытовой деятельности до крупного производственного назначения. Их повсеместное использование не только способствует упрощению и ускорению тех процессов, в которых они применяются, но и открывает новые возможности как для преступника, так и для расследования преступлений.

Материалы и методы: в статье представлен анализ популярных социальных сетей мирового масштаба, а также социальных медиа, распространенных в России. Рассмотрены риски использования социальных сетей, способность использования их преступниками.

Из множества дискуссий о проблемах, тенденциях исследований и направлениях, связанных с рассматриваемой темой, отобраны те, ссылки на которые наиболее часто встречаются в различных источниках. На последующих этапах исследования анализировались способы обнаружения информации в социальных сетях в разрезе получения данных правоохранными органами о разыскиваемых лицах.

Далее анализировались распространенные проблемы, с которыми приходится сталкиваться при расследовании преступлений в социальных сетях. Исследованы направления в преодолении этих проблем.

Результаты исследования: проведен анализ способов использования социальных сетей в качестве инструмента для получения данных с целью установления обстоятельств преступного деяния, поиска разыскиваемых лиц, а также свидетелей и очевидцев. Сделан вывод о том, что социальные сети продолжают развиваться и при этом они открывают не только новые возможности, но и то, что их использование для раскрытия информации, связанной с преступностью в России, чревато различными проблемами и рисками.

Отмечены рекомендации, которые заключаются в решении проблем, связанные с использованием социальных сетей в раскрытии преступлений.

Выводы и заключения: проведенный анализ раскрыл особенность социальных сетей как источника значимой информации в расследовании преступлений. Установил фактор, что при соблюдении прав на конфиденциальность, обеспечения целостности данных и укрепления доверия к обществу, правоохранные органы могут эффективно использовать социальные сети в процессе расследования преступлений.

Ключевые слова: социальные сети, мессенджер, цифровой мир, социальная инженерия, финансовые преступления, киберпреступность, OSINT.

Для цитирования: Лемайкина С. В. Анализ социальных сетей в разрезе получения данных о разыскиваемых лицах / С. В. Лемайкина // Юрист-Правоведъ : науч.-теоритич. информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 153–157.

Original paper

**ANALYZING SOCIAL NETWORKS IN TERMS
OF OBTAINING DATA ON WANTED PERSONS**

Lemaykina Svetlana Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: social media have now become an integral part of society, ranging from domestic activities to large-scale industrial applications. Their ubiquitous use not only contributes to simplification and acceleration of those processes in which they are applied, but also opens up new opportunities for both the criminal and the investigation of crimes.

Materials and methods: the article analyzes popular social networks on a global scale, as well as social media widespread in Russia. The risks of using social networks and the ability of criminals to use them are considered.

From a variety of discussions about problems, research trends and directions related to the topic under consideration, the references to which are most often found in various sources were selected. The next stages of the research analyzed the ways in which social media information is discovered in terms of how law enforcement agencies obtain data on wanted persons.

Next, the common problems encountered in the investigation of crimes in social networks were analyzed. The directions in overcoming these problems were analyzed.

Results of the study: the ways of using social networks as a tool for obtaining data to establish the circumstances of a criminal act, search for wanted persons, as well as witnesses and eyewitnesses were analyzed. It is concluded that social networks continue to develop and at the same time they open not only new opportunities, but also that their use to disclose information related to crime in Russia is fraught with various problems and risks.

Recommendations that consist in solving problems related to the use of social networks in crime detection are noted.

Findings and conclusions: The conducted analysis revealed the peculiarity of social networks as a source of significant information in the investigation of crimes. It has established the factor that law enforcement agencies can effectively use social networks in the process of crime investigation if confidentiality rights are respected, data integrity is ensured and trust in society is strengthened.

Keywords: social networks, messenger, digital world, social engineering, financial crimes, cybercrime, OSINT.

For citation: Lemaikina S.V. Analyzing social networks in terms of obtaining data on wanted persons / S.V. Lemaikina // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024 № 2(109). – Pp. 153–157.

Использование социальных сетей продолжает расти во всем мире, ежедневно в социальных сетях находятся миллиарды пользователей. С непрерывным совершенствованием Интернета быстро появились онлайн-социальные сети, такие как ВКонтакте, Одноклассники, Tenchat, Яндекс.Дзен, RuTube, ЯРUS, Yappu, Живой журнал, Мир тесен, Мой мир, а также WeChat, Facebook и Twitter, которые существенно изменили способ общения людей, расширили круг общения и абстрагировали ситуацию людей от оценки социальных сообществ и интеллектуального анализа.

Facebook, Twitter, Instagram запрещены в России, но, несмотря на то, что VPN и прокси-серверы позволяют вновь получить к ним доступ, пользователи из России в большинстве случаев предпочли мигрировать в отечественные социальные сети. Использование социальных сетей варьируется в зависимости от возрастных групп, уровней доходов, образования и географических мест. Младшая возрастная категория, как правило, доминирует в таких платформах, как Tiktok и Snapchat, в то время как более возрастная категория распространена в Facebook. Тем не менее, эти тенденции могут развиваться с течением времени, когда появляются новые платформы, а предпочтения пользователей сдвигаются. Культурные факторы, государственные правила и языковые предпочтения влияют на модели использования социальных сетей по всему миру. В различных странах пользователи могут отдавать предпочтение конкретным платформам. Например, платформы, такие как WeChat, доминируют в Китае, ВКонтакте популярен в России. В некоторых странах есть свои собственные платформы, которые удовлетворяют конкретные культурные или лингвистические потребности. Тенденции использования социальных сетей постоянно развиваются, это обусловлено технологическими достижениями, изменениями в поведении пользователей и появляющимися платформами. Так, на аудиторию социальных сетей оказывает рост короткого видеоконтента (например, Tiktok); рост маркетинга, растущая важность приложений для обмена сообщениями (например, WhatsApp и WeChat).

Популярные социальные сети в России, т. е. сети, которые имеют наибольшую популярность среди граждан России, но не все они являются российскими. По состоянию на начало 2024 г. самые используемые социальные медиа в России:

«Телеграм» – является с одной стороны мессенджером, а с другой – социальной сетью. Объединение двух функций обусловило его сокрушительный рост не только в России, но и по всему миру;

«ВКонтакте» – сеть, которую часто называют «русским Facebook». Она предлагает аналогичные функции Facebook, включая профили, группы, страницы и обмен сообщениями;

«Ютуб» – американская сеть, которая находится в России несмотря на санкции из-за своих технологий. На смену этой сети активно развиваются VK видео и Rutube;

«Дзен» – социальная сеть блогеров, одновременно с этим эта социальная сеть работает как новостной агрегатор. Рост популярности платформы связан с персонализацией контента;

«Тик Ток» – социальная сеть, где можно публиковать короткие видео, в настоящее время работает с ограничениями;

«Одноклассники» – является еще одной важной платформой, особенно популярной среди старшей возрастной категории [1].

Из всех социальных сетей России особое внимание привлекает социальная сеть «ВКонтакте» – российская крупнейшая платформа, имеющая миллионы активных пользователей. В этой сети пользователи организуют общение в чатах, занимаются различными видами деятельности, такими как: фотография, видео и музыка, просматривают новости, публикации друзей. Платформа служит инструментом для бизнеса.

Одновременно платформа соцмедиа «ВКонтакте» используется политическими партиями, активистами и гражданами для организации протестов, разделения политических мнений и мобилизации сторонников.

Посещаемость социальных сетей в России может меняться в зависимости от регионов. Согласно исследованиям системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ, количество активных городских пользователей имеют более высокие показатели посещения. Низкие уровни проникновения и использования социальных сетей имеют сельские районы и удаленные регионы [2].

С каждым годом количество пользователей социальных медиа, а также их активность растут, а внутренние возможности различных платформ подстраиваются под потребности бизнеса [3].

Платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники» предлагают бесплатный доступ к различным товарам и услугами, что делает их доступными для широкого круга пользователей независимо от уровней дохода. Тем не менее, пользователи могут столкнуться с рекламой и дополнительными услугами. Сервис платформы «ВКонтакте» объединил службы передачи музыки и видео, чем повысил свою популярность среди пользователей, заинтересованных в мультимедийном контенте.

Социальные сети оказывают глубокое влияние на общество, на модели общения, поведение потребителей, политику и культурные нормы. Однако вместе с благами они несут и немалые риски. Способность компьютерных данных к свободному копированию приводит к невероятной скорости и масштабам перемещения информации в киберпространстве, благодаря чему, использование социальных сетей становится опаснее использования «традиционных» методов совершения преступлений. В социальных сетях активно преступники используют все возможности цифрового мира, позволяющих скрывать следы преступления.

Преступники, используя достижения в области человеческого поведения и психологии, манипулируют пользователями, заставляя их разглашать личную информацию при переходе на нужные преступникам ссылки.

Одна из главных опасностей социальных сетей – это утечка личной информации. Необходимо отметить тот факт, что в социальных сетях пользователи формируют личную информацию – дата рождения, номер телефона, место работы, что позволяет преступникам получать психологическую характеристику личности, а также все социально-значимые данные. Такая информация может непреднамеренно предоставить преступникам возможности для совершения обмана под прикрытием личности пользователя, навредить бизнесу и личным отношениям [4].

Развитие социальных сетей способствовало возможностям экстремистской деятельности по осуществлению пропаганды ксенофобских идей, вербовки и осуществления координации действий. Идеи ненависти наиболее часто находят свое воплощение не в форме митинга или демонстрации, не в форме листовок или прокатов, а в форме различного рода цифрового контента. Платформы, такие как Facebook, Twitter и Telegram, используются преступными и экстремистскими группами для распространения их идеологий и набора сторонников.

Через вступление в определенные группы в социальных сетях пользователи получают выход на черный рынок продажи незаконных товаров и услуг. При этом преступники используют зашифрованные приложения для обмена сообщениями или скрытые форумы в социальных сетях для торговли наркотиками, оружием, поддельными товарами, украденными данными и другими незаконными товарами [5].

В последнее время социальные сети стали местом, где рекламируют сексуальные услуги. Педофилы используют платформы социальных сетей для выявления несовершеннолетних

жертв, вхождение к ним в доверие, а после обмена незаконными контентом, переходят к шантажу и угрозам.

Преступники применяют тактику социальной инженерии, чтобы обмануть жертв в совершение финансовых сделок или обмена банковской информацией. В социальных сетях имеют место различные финансовые преступления, включая инвестиционные мошенничества, схемы финансовых пирамид, отмывание денег и мошенничество с криптовалютой.

Обращение к социальным сетям преступности требует усилия со стороны правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью, киберзапугиванием, онлайн-экстремизмом и другими формами цифровых преступлений. Социальные сети могут потенциально использоваться и в качестве инструмента для получения данных с целью поиска преступников и установления обстоятельств преступного деяния, поиска возможных свидетелей и очевидцев. Вот несколько способов использования социальных сетей для этой цели.

Разведка с открытым исходным кодом (OSINT – разведка по открытым источникам). Поиск информации осуществляется посредством использования информационно-поисковых систем. OSINT включают в себя мониторинг профилей пользователей, деятельность и связи в социальных сетях, местонахождение и т. д. Общедоступных инструментов сотни, здесь используются даже поисковые системы Яндекс, Google, используя запросы со специальными операторами. Коммерческого характера инструментов – десятки, продвинутых, с использованием элементов искусственного интеллекта – единицы.

Специализированные сервисы и программное обеспечение, реализуемые в OSINT:

- Emailsherlock – автоматический поиск по email-адресу. Найдёт, к каким сайтам привязан адрес почты. Единственный недостаток это небольшая неточность;

- WhatsMyName – поиск по email часто не даёт нужного результата, тогда сервис поиска никнейма (часть до @) на сайтах, в соцсетях, на форумах и сайтах знакомств, хорошее подспорье. Поисковой информации становится значительно больше;

- Email2phonenumber – собирает данные со страниц восстановления аккаунта во множестве сервисов и находит номер телефона, что позволяет привязать его к email;

- Shodan – поисковик по устройствам, подключенным к сети: интернет вещей, камеры, веб-приложения и т. д.;

- Maltego – программное обеспечение для визуализации данных, собранных при помощи OSINT;

- Foca – программа для извлечения и анализа метаданных с веб-страницы или документа [6].

Анализ информации с помощью инструментов OSINT, содержащейся в социальных сетях, открывает большие возможности правоохранительным органам в целях раскрытия преступления.

Помимо анализа информации в социальных сетях, размещение правоохранительными органами памяток, фотографий или описания подозреваемых и призывание граждан сообщать о подозрительных фактах, в том числе и о разыскиваемых преступниках, на платформах социальных сетей, способствует получению значимой информации в раскрытии преступлений.

Создание поддельных аккаунтов, которые могут использоваться сотрудниками правоохранительных органов для проведения скрытого мониторинга и внедрения в виртуальную среду, дающих возможность выходить на прямой контакт с пользователями закрытых сообществ.

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день социальные сети стали неотъемлемой частью общества, начиная от бытовой деятельности до систем военного, жизнеобеспечивающего или крупного производственного назначения. Их повсеместное использование не только способствует упрощению и ускорению тех процессов, в которых они применяются, но и открывает новые возможности как для преступника, так и для расследования преступлений, но их использование для раскрытия информации, связанной с преступностью в России, чревато различными проблемами и рисками.

Информация, собранная из социальных сетей, должна быть проверена на точность и подлинность. Например, проверять профиль человека, изучив его записи на странице, фотографии и посты, найти фото на предмет – реальная фотография человека или это модель из фотобанка.

Социальные сети часто содержат конфиденциальную информацию, такую как личность жертв или подробности о текущих расследованиях. Защита информации в социальных сетях требует активных действий, таких как ограниченный доступ и безопасные каналы связи, может помочь предотвратить несанкционированное раскрытие и защитить конфиденциальность людей. Правоохранительные органы должны минимизировать проблемы, возникающие при использовании социальных сетей в целях расследования, взаимодействуя с обществом посредством обеспечения безопасности, с одной стороны, и защитой частной жизни и конфиденциальности с другой. Это станет решением этической проблемы при раскрытии преступлений.

Полицейские могут столкнуться с угрозами или преследованиями в Интернете при проведении расследований в социальных сетях. Внедрение мер кибербезопасности, таких как безопасная аутентификация, шифрование данных и программное обеспечение для обнаружения угроз, может помочь защитить сотрудников.

Предоставление комплексных возможностей обучения и развития навыков для должностных лиц по использованию социальных сетей для следственных целей имеет важное значение. Программы обучения должны охватывать юридические и этические соображения, технические навыки для анализа и проверки данных, а также передовые практики для взаимодействия с обществом в Интернете.

Решая эти проблемы посредством комплексной политики, процедур, обучения, правоохранительные органы могут эффективно использовать социальные сети в целях расследования при соблюдении прав на конфиденциальность, обеспечивая целостность данных и укрепляя доверие к обществу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соцсети России 2024. Социальные сети РФ. URL: <https://vc.ru/social/973910-socseti-rossii-2024-socialnye-seti-rf-top-10> (дата обращения: 08.04.2024).
2. Статистика социальных медиа. URL: <https://brandanalytics.ru/> (дата обращения: 08.04.2024).
3. Табашникова К.С., Яговцева А.А. Социальные сети как инструмент продвижения бизнеса на территории Российской Федерации в реалиях 2023 года. URL: <https://moluch.ru/archive/451/99462/> (дата обращения: 30.05.2024). // Молодой ученый. 2023. № 4 (451). URL: <https://moluch.ru/archive/451/99462/> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Данные о поведении человека в интернете. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/glossarij/chto-takoe-cifrovoj-sled/> (дата обращения: 08.04.2024).
5. Социальные сети – новое эльдорадо для торговцев контрабандой. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/socialnye-seti-novoe-eldorado-dlya-torgovcev-kontrabandoy> (дата обращения: 08.04.2024).
6. OSINT – курс домашней разведки для чайников. URL: <https://dzen.ru/a/YmwRuZjxJT9UdUxx> (дата обращения: 08.04.2024).

REFERENCES

1. Social Networks of Russia 2024. Social networks of the Russian Federation. URL: <https://vc.ru/social/973910-socseti-rossii-2024-socialnye-seti-rf-top-10> (date of access: 08.04.2024).
2. Social Media Statistics. URL: <https://brandanalytics.ru/> (date of access: 08.04.2024).
3. Tabashnikova K.S., Yagovtseva A.A. Young scientist. 2023. № 4 (451). URL: <https://moluch.ru/archive/451/99462/> (date of access: 01.04.2024).
4. Data on human behavior on the Internet. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/glossarij/chto-takoe-cifrovoj-sled/> (date of access: 08.04.2024).
5. Social Networks a New Eldorado for Smuggling Traffickers. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/socialnye-seti-novoe-eldorado-dlya-torgovcev-kontrabandoy>. (date of access: 08.04.2024).
6. OSINT – home intelligence course for dummies. URL: <https://dzen.ru/a/YmwRuZjxJT9UdUxx> (date of access: 08.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лемайкина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lemaikina Svetlana Vladimirovna, senior lecturer at the Department of Information Support for Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 158–163.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 158–163.

Научная статья

УДК 343.13

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Мовсисян Анна Галиевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
anet2107@yandex.ru

Миронова Анна Валентиновна

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Московская область, Российская Федерация
mir.av@mail.ru

Введение: необходимость соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе требует особого внимания и индивидуального подхода при каждом случае применения в отношении участника уголовного судопроизводства запрещающих норм.

Материалы и методы: совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод; общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы: сравнительно-правовой, технико-юридический.

Результаты исследования: проведен анализ проблем, связанных с появлением в сфере российского права категории положений «запрет определенных действий» с целью совершенствования уголовного процесса.

Выводы и заключения: автором в результате проведенного исследования на основе изучения научных трудов сформулирован вывод о том, что судебная практика выявляет проблемы, связанные с избранием меры пресечения в виде запрета определенных действий, однако, в целом, стоит рассматривать данное введение как позитивное преобразование, способствующее гуманизации уголовного процесса.

Ключевые слова: мера пресечения, уголовный процесс, суд, общество, ограничение, подозреваемый, обвиняемый.

Для цитирования: Мовсисян А. Г., Миронова А. В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения / А. Г. Мовсисян, А. В. Миронова // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 158–163.

Original paper

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES

Movsisyan Anna Galieva

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Mironova Anna Valentinovna

Moscow regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow region, Russian Federation

Introduction: the need to respect human and civil rights and freedoms in criminal proceedings requires special attention and an individual approach in each case of application of prohibitive norms to a participant in criminal proceedings.

Materials and methods: a set of methods of scientific cognition, among which the dialectical method occupies a leading place; general scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and concretization) and private scientific methods: comparative law, technical law.

Results of the study: the analysis of the problems associated with the emergence in the field of Russian law of the category of provisions «prohibition of certain actions» in order to improve the criminal process.

Findings and conclusions: the author, as a result of the conducted research, based on the study of scientific works, formulated the conclusion that judicial practice reveals problems associated with the election of a preventive measure in the form of a ban on certain actions, however, in general, it is worth considering this introduction as a positive transformation that contributes to the humanization of the criminal process.

Keywords: preventive measure, criminal procedure, court, society, restriction, suspect, accused.

For citation: Movsisyan A. G., Mironova A. V. Prohibition of certain actions in the system of preventive measures / A. G. Movsisyan, A. V. Mironova // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 158–163.

Совершенствование правовой базы контроля над подозреваемыми и обвиняемыми, применение к ним мер пресечения, запрещающих отдельные деяния, имеет большое значение для достижения целей и задач уголовного судопроизводства. Этому также посвящены основные положения «Концепции развития пенитенциарной системы до 2030 года», одной из задач которой является изменение правовых положений в сфере реализации превентивных и исполнения уголовных наказаний с учетом международных договоров Российской Федерации и признанных норм международного права.

В настоящее время на учете в соответствии с нормами о запрете определенных действий находится чуть более 5 000 подозреваемых и обвиняемых. Около 500 человек нарушили порядок и условия возложенной меры уголовного характера, т. е. условия применения мер пресечения.

Однако эта статистика не показывает, что подозреваемые или обвиняемые нарушают условия меры пресечения только в исключительных случаях, напротив, они выявляют латентный характер подозреваемых или обвиняемых и неспособность сотрудников контрольных органов контролировать отдельные из этих мер.

Предложенные в этом пункте меры пресечения, а также домашний арест могут быть применены к правонарушителям только по решению судебной системы. Если проанализировать запрет тех или иных действий и сравнить их с домашним арестом, то контроль за исполнением и реализацией, как и домашний арест, возложен на Федеральную службу исполнения наказаний и ее территориальные подразделения.

Внимательно изучив нормы, изложенные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, станет ясно, что здесь приведен подробный перечень запретов и ограничений, распространяющихся на подозреваемых или обвиняемых граждан. Но стоит помнить, что существуют и другие виды ограничений, которые система правосудия может использовать для принятия соответствующих решений.

Что касается списка этих запретов, то стоит обратить внимание на:

- невозможность покинуть место жительства в течение определенного срока, определяемого органами судебной системы;
- запрещен доступ к отдельно перечисленным общественным местам, а также доступ к отдельно перечисленным объектам или людям. Кроме того, суды могут запретить подозреваемым участвовать в определенных видах деятельности;
- суд может ограничить связь подозреваемого или обвиняемого с отдельными категориями граждан;
- ограничения на телефонную и почтовую связь;
- суд может принять решение о запрете использования функций интернет-системы на определенный срок;
- запретить подозреваемым пользоваться личным транспортом.

Однако эти запреты в основном распространяются на нарушителей правил дорожного движения и лиц, обвиняемых в совершении преступных действий при управлении транспортным средством. Например, из-за ошибок в использовании системы электронного мониторинга подконтрольных лиц не удалось точно определить, находился ли подозреваемый к определенным объектам ближе заданного расстояния. В уголовно-правовой деятельности практически невозможно доказать факт общения подозреваемого с определенными людьми. Что касается отправки и получения почтовых отправлений, то указанный здесь запрет может быть реализован путем выдачи кому-либо (например, жене) доверенности, а также путем отправки этих отправлений другим лицам. Практически невозможно помешать подозреваемому (обвиняемому) написать письмо лично.

Очевидно, что с учетом действующего запрета на получение информации от сетевых операторов зачастую невозможно установить обязанность подозреваемого не пользоваться средствами связи и использовать информационные и телекоммуникационные сети Интернет. Обычно весь контроль сводится к тому, что уголовно-исполнительная инспекция отправляет

запрос оператору сотовой связи, но из-за требований законодательства не может получить данные по этому запросу.

Наконец, если в качестве места расположения выбрана квартира обвиняемого (подозреваемого), контроль за исполнением меры пресечения затруднен, поскольку лицо, избранное для применения этой меры, может воспрепятствовать установлению ситуации, которая должна быть доказана.

Присутствующие в этом помещении родственники и друзья могут помочь подозреваемому (обвиняемому) скрыть и уничтожить следы преступления, а также передать определенную информацию другим заинтересованным лицам.

Поэтому, принимая во внимание правовые положения УПК РФ и межведомственные нормативные акты, а также проблемы, существующие в современной правоприменительной практике, следует сказать, что правовая основа нуждается в совершенствовании, а именно – контроль над подозреваемыми и обвиняемыми, которым решили запретить определенные действия.

Так, в случае изъятия водительского удостоверения в связи с нарушением правил дорожного движения или предъявлением обвинения по статье Уголовного кодекса Российской Федерации за нарушение правил эксплуатации транспортного средства, водительское удостоверение должно сохраняться в уголовном деле до исполнения установленного срока.

Пожалуй, самой серьезной трудностью является ограничение, согласно которому подозреваемые и обвиняемые не могут пользоваться личным транспортом в течение одного года. Сложность в том, что подобные ограничительные меры не могут быть учтены при вынесении окончательного приговора по преступлению. Таким образом, на практике наказания, налагаемые на отдельных правонарушителей, значительно выше предусмотренных ч. 1 ст. 264 Уголовного кодекса РФ. Очевидно, что система правосудия опирается на существующие правовые нормы, налагая такие ограничения на подозреваемых. В то же время некоторые эксперты и ученые считают, что такое решение не совсем правильно для правонарушителей. Их позиция заключается в том, что если эти меры применимы на практике, они также должны быть подробно отражены в соответствующей нормативной базе.

Следует также помнить, что предложенные в настоящем пункте ограничительные меры могут применяться совместно с другими мерами с учетом предусмотренных оснований и обстоятельств. Других ограничений такого типа нет. Это показывает, что его практическое применение возможно во всех ситуациях. При условии, однако, что такое решение не противоречит напрямую другим нормам, установленным Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Кроме того, рекомендуем обратить внимание на то, что в законодательной базе подробно прописан порядок применения данных мер пресечения к подсудимым или подозреваемым. Законодательная база, в частности, предусматривает, что должны быть указаны не только основания, по которым определенные действия в отношении правонарушителя могут быть запрещены, но и условия, при которых они могут быть запрещены. Например, если речь идет о домашнем аресте, необходимо указать срок ограничения. Если управление личным транспортным средством запрещено, необходимо также подробно указать срок действия ограничения.

Если суд примет решение о том, что обозначенный гражданин не имеет права посещать определенные категории мест в течение определенного периода времени, здесь потребуется подробное объяснение. В частности, помимо названия и адреса заведения необходимо указать город, в котором это заведение находится. В таких запретах запрещено использование общих выражений, абстрактных утверждений и т. п.

Кроме того, рекомендуем более детально пересмотреть ч. 8 ст. 105.1 УК, в которой указано, что меры, запрещающие оказание неотложной медицинской помощи, не могут быть применены категориями граждан, в отношении которых были совершены запрещенные действия. Несмотря на все существующие запреты, граждане по-прежнему имеют право на взаимодействие с правоохранительными органами, в том числе по вопросам уголовных производств, преступлений или нарушений.

Продолжительность такой изоляции подбирается индивидуально, но желательно, чтобы она не превышала одного – трех лет. Отметим, что, в отличие от запрета на вождение личного автомобиля, социальная изоляция может быть включена в срок, определяемый судом. С юридической точки зрения, если обвиняемый находится на карантине в течение 2 недель или 14 дней, в общей сложности будет рассчитано 7 дней наказания, а затем определено судом. И это тоже можно назвать определенным преимуществом.

В случае применения ограничительных мер в отношении подозреваемого, обвиняемого, подлежащего медицинскому освидетельствованию, это лицо не имеет права покидать медицинское учреждение, в котором оно находится на лечении.

Учитывая, что данные ограничительные меры закреплены в одном пункте Уголовного кодекса РФ, закономерным является вопрос, может ли на практике применяться ряд ограничений, предусмотренных законодательной базой.

Подробно изучив научную точку зрения упомянутой выше статьи, следует отметить, что не все запреты, а отдельные виды запретов могут быть применены к конкретным подозреваемым. Однако в исключительных случаях одновременно может быть введено несколько запретов, они не должны быть взаимоисключающими. В то же время стоит отметить, что новизна таких мер, как запрет определенных видов действий, не препятствует инновациям, которые продолжают появляться в научных трудах ученых. Например, сейчас есть несколько инициатив, предлагающих существенно расширить перечень ограничений, уже содержащихся в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В частности, это должно включать меры по ограничению потребления алкогольных напитков и запрещенных наркотиков, а также использования компьютеров, особенно для игр или отдыха. Авторы подобных инициатив опасаются, что эти искушения могут послужить отправной точкой для совершения новых преступлений.

То же самое касается и ограничений для правонарушителей, связанных с необходимостью явиться в следственные органы или дать показания в суде. В этих условиях отказ подозреваемого выполнить данные обязательства предполагает, что к подозреваемому могут быть применены более ограничительные меры.

Если лицо, подвергнутое принуждению, не будет следовать указанным инструкциям, это вызовет определенные трудности для правоохранительных органов. Особенно, когда речь идет о расследовании совершенных преступлений. В результате подозреваемым могут грозить более серьезные последствия. Поскольку ч. 13 ст. 105.1 УПК РФ гласит, что подозреваемые обязаны явиться в суд для дачи показаний в кратчайшие сроки, несоблюдение этого стандарта может повлечь за собой принятие к ним более строгих правовых мер.

Также существует мнение, что для обеспечения соблюдения предлагаемых норм необходимо ввести в правоохранительные органы, помимо технических средств контроля, дополнительные силы и средства. Однако в сочетании с национальной политикой, направленной на оптимизацию деятельности полиции и санкций, реализовать данную рекомендацию в настоящее время нереально, поскольку в таком случае необходимо увеличить численность правоохранительных органов.

Выявленные проблемы могут быть решены путем расширения официальных полномочий правоохранительных органов. Сегодня эта мера представляет собой уникальную альтернативу наблюдению за поведением подозреваемых.

В России приходится рассчитывать на техническую поддержку других стран, например, в США инструменты распознавания голоса используются уже давно. В результате на мобильный телефон подозреваемого отправляется сообщение, на которое подозреваемый вынужден ответить. После ответа программа проверяет голос человека и сравнивает его с ранее записанными образцами.

Часть 6 ст. 105.1 УПК РФ подробно определяет общее количество ограничений, налагаемых на правонарушителей, которые должны систематически пересматриваться и дополняться. Итак, мы говорим об употреблении алкоголя, употреблении запрещенных наркотиков, и это также относится к использованию компьютеров. Упомянутые выше ограничительные меры позволят более тщательно отслеживать поведение правонарушителей.

В ч. 13 той же статьи стоит отметить новацию или дополнение, требующее явки правонарушителя в орган дознания или суд в установленный срок. В случае невыполнения этого требования к подозреваемому или обвиняемому должны быть применены более жесткие меры.

Ожидается, что внедрение этих нововведений в соответствующую нормативную базу будет сопровождаться эволюцией вопросов, связанных с использованием технологических средств для наблюдения за подозреваемыми. Без систематического преодоления этих препятствий приведенные выше спецификации носят декларативный характер и не имеют практического значения.

Необходимо отметить, что часть запретов, налагаемых на подозреваемого, обвиняемого новой мерой пресечения, аналогична ряду запретов, налагаемых мерой пресечения в виде домашнего ареста. Это касается запрета общения с определенными лицами, отправления и получения почтово-телеграфных отправлений, использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Подозреваемый, обвиняемый, находящийся под домашним арестом, лишается возможности заниматься или осуществлять коммерческую деятельность, за исключением случая назначения агента для представления коммерческих

интересов обвиняемого или подозреваемого. Новые меры предосторожности сохраняют возможность вести бизнес.

Весьма существенным препятствием на пути широкого применения мер запрета на передвижение в качестве альтернативы домашнему аресту является невозможность контролировать выполнение условий запрета и раздробленность власти между теми, кто должен ее осуществлять. Например, реализацию запретов на движение автотранспортных средств трудно контролировать, и законодатели, к сожалению, не смогли отрегулировать этот аспект. Представляется логичным предположить, что ответственность за контроль за соблюдением положений этих запретов должна быть возложена на административные органы, осуществляющие контрольные функции во взаимодействии с органами, ответственными за обеспечение безопасности дорожного движения [1, с. 166]. При этом выдача такого запрета обычно сопровождается подробным описанием условий применения данной меры пресечения (адрес пребывания, срок, место и территория, к которым относится запрет), однако введение этих условий не затрагивает исполнение запрета и качество. Даже если указаны данные на регистрационном знаке транспортного средства, запрещенное лицо все равно может пользоваться другими транспортными средствами, выезжать на улицу в ночное время и т. п.

Еще один проблемный вопрос, который следует учитывать, это правило, запрещающее общение с определенными людьми. Контроль за соблюдением условий запрета представляется крайне сложной задачей, поскольку никакие меры, кроме круглосуточного мониторинга, не могут гарантировать его выполнение. В принципе, соблюдение буквы закона возможно только в том случае, если запрещено покидать место жительства. Однако все эти запреты можно сравнить с другой мерой пресечения: домашним арестом. В связи с этим возникает вопрос, имеет ли смысл вводить категорию «отсутствие общения с определенными людьми».

Однако надо признать, что зарубежный опыт показывает, что запрет на контакты с конкретными кругами является эффективной мерой, но исключать ее из норм кодекса пока рано. Возможно, в будущем практику обеспечения соблюдения таких запретов можно будет улучшить с помощью визуальных и интеллектуальных инструментов, распознающих лица и отдельных людей. Растущая популярность передовых технологий интеллектуального видеонаблюдения может стать эффективным подспорьем в повышении качества контроля отдельных запретов.

Большинство людей использует Интернет для удовлетворения своих основных потребностей, и поэтому запрет подозреваемым или обвиняемым пользоваться глобальной сетью является неконституционным. Одним из способов разрешения этого противоречия является дополнение правовых норм некоторыми исключениями или гипотезами.

Говоря об исключениях или разрешениях, связанных с регулированием прав доступа к сети, необходимо сказать, что разумным решением выхода из этой ситуации является запрет только тех форм виртуальной деятельности, которые могут привести к последствиям.

Возможно, постановления суда о запрете использования Интернета должны включать конкретный список действий, которые ответчику запрещено совершать. Сложность ситуации в том, что, несмотря на ограниченный доступ, объекты запрета могут воспользоваться им для продолжения преступной деятельности в «цифровой» среде. Количество преступлений в виртуальных пространствах ежегодно увеличивается на 50–60 %. В указанных выше обстоятельствах, т. е. когда лицо, на которое наложен запрет, имеет склонность к осуществлению подобной противоправной деятельности, правоохранительные органы могут и должны ограничивать физическую свободу и «цифровую» свободу обвиняемого или подозреваемого.

Таким образом, логично предположить, что с точки зрения юридической конструкции, запрет определенных действий представляется как положительная тенденция в реформировании института мер пресечения, его уникальность заключается в возможности применения к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, а также по преступлениям любой степени тяжести.

Стоит отметить, что правовое регулирование «запрета определенных действий», а также практика применения соответствующих уголовно-процессуальных норм сопряжены с проблемами, требующими серьезного научного исследования и осмысления. По нашему мнению, достижение планируемых результатов приведет к качественному росту уровня соблюдения прав и свобод лиц, подвергаемых уголовному преследованию, обеспечению публичных интересов и интересов потерпевшего от преступного деяния.

Масштаб проблем, связанных с появлением в сфере российского права категории положений «запрет определенных действий», не ограничивается вышеизложенным. Исследователи

поднимают множество других вопросов и примеров применения изученных мер пресечения, интересных с юридической, теоретической и практической точки зрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андроник Н.А. Теоретические и практические аспекты применения меры пресечения в виде домашнего ареста: учебное пособие. Екатеринбург, 2017.
2. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 2.
3. Дикарев И.С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. 2020. № 8.
4. Закарян С.А. Проблемы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Российский судья. 2022. № 4.
5. Мещерякова О.О., Тахаутдинова А.Р., Мычак Т.В. К вопросу о системе мер пресечения в российском уголовном процессе. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 1.
6. Новикова Е.А., Черкасова Е.А., Лакеева Е.В. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Социально-политические науки. 2018. № 3.
7. Чернова С.С. Применение мер пресечения на стадии предварительного расследования: учебно-практическое пособие. Тюмень, 2014.

REFERENCES

1. Andronik N.A. Theoretical and practical aspects of the application of preventive measure in the form of house arrest: textbook. Ekaterinburg, 2017.
2. Voronov D.A. Prohibition of certain actions within the framework of bail, house arrest and new preventive measure // Russian Judge. 2016. № 2.
3. Dikarev I.S. Prohibition of certain actions in the system of measures of procedural coercion // Legality. 2020. № 8.
4. Zakaryan S.A. Problems of application of preventive measures in the form of prohibition of certain actions // Russian judge. 2022. № 4.
5. Meshcheryakova O.O., Takhautdinova A.R., Mychak T.V. To the question of the system of preventive measures in the Russian criminal process. Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2022. № 1.
6. Novikova E.A., Cherkasova E.A., Lakeeva E.V. Prohibition of certain actions as a preventive measure in criminal proceedings // Socio-political sciences. 2018. № 3.
7. Chernova S.S. Application of preventive measures at the stage of preliminary investigation: a practical manual. Tyumen, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мовсисян Анна Галиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Миронова Анна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса. Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 143100, Российская Федерация, Московская область, Рузский городской округ, п. Старотеряево.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Movsisyan Anna Galievna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Mironova Anna Valentinovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure. Moscow Regional Branch of the V.Y. Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Staroteryaev settlement, Ruza city district, Moscow region 143100 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 164–171.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 164–171.

Научная статья

УДК 343.985

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПНОЙ ИНСЦЕНИРОВКЕ КАК АКТУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Небрatenko Геннадий Геннадиевич

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация

gennady@nebratenko.ru

Трубкина Ольга Викторовна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

1234q@mail.ru

Введение: в представленной статье исследуются современные понятие, виды, содержание и сущность криминальной инсценировки как наиболее сложной формы противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Материалы и методы: исследование основано на использовании теоретических методов: анализ, синтез, абстрагирование, аналогия; эмпирических – наблюдение, сравнение, обобщение научных методов при изучении научной литературы, официальных статистических данных, материалов уголовных дел, приговоров.

Результаты исследования: криминальные инсценировки при подготовке, совершении и сокрытии преступлений на сегодняшний день осуществляются как в упрощенном виде, так и с большим размахом: в различных направлениях, в виде многократных операций, образующих криминально-тактические комплексы, направленные на сознание как сотрудников правоохранительных органов и различных учреждений, так и иных лиц, активно осуществляются часто группой лиц, а их содержание и сущность определяются личностными характеристиками преступников.

Выводы и заключения: эффективность нейтрализации противодействия раскрытию и расследованию преступлений, осуществляемому в виде инсценировки, предопределяется ее своевременным выявлением, тактически и методически адекватным ситуации криминалистическим подходом, определяемым спецификой механизма деяния и характеристикой его субъекта.

Ключевые слова: противодействие расследованию, инсценировка, способы, формы, подготовка, сокрытие преступления, группа лиц, раскрытие и расследование преступлений.

Для цитирования: Небрatenko Г. Г., Трубкина О.В. К вопросу о преступной инсценировке как актуальной форме противодействия раскрытию и расследованию преступлений / Г. Г. Небрatenko, О. В. Трубкина // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109).– С. 164–171.

Original paper

ON THE ISSUE OF CRIMINAL STAGING AS A RELEVANT FORM OF COUNTERACTION DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Nebratenko Gennadiy Gennadievich

Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Trubkina Olga Viktorovna

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the article examines the modern concept, content and essence of criminal staging as the most complex form of counteraction to the disclosure and investigation of crimes.

Materials and methods: the research is based on the use of theoretical: analysis, synthesis, abstraction, analogy; and empirical: observation, comparison, generalization of scientific methods in the study of scientific literature, official statistical data, materials of the practice of law enforcement agencies, criminal cases, sentences.

Results of the study: criminal staging in the preparation, commission and concealment of crimes today is carried out both in a simplified form and on a large scale: in various directions, in the form of multiple operations that form criminal-tactical complexes, aimed at the consciousness of law enforcement officers and various institutions, as well as other persons, are actively carried out, often by a group of people; and their content and essence are determined by the personal characteristics of the criminals. The effectiveness of neutralizing the obstruction of the disclosure and investigation of crimes, carried out in the form of staging, is predetermined by its timely detection, tactically and methodologically adequate to the situation criminalistic approach, determined by the specifics of the mechanism of the act and the characteristics of its subject.

Findings and conclusions: the conducted study predetermines the need to develop adequate to the content and properties of the subjects of staging means of eliminating such obstruction to the investigation.

Keywords: obstruction of investigation, staging, methods, forms, preparation, concealment of a crime, group of persons, disclosure and investigation of crimes.

For citation: Nebratenko G. G., Trubkina O. V. On the issue of criminal staging as a relevant form of counteraction disclosure and investigation of crimes / G. G. Nebratenko, O. V. Trubkina // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 164–171.

Противодействие государства незаконной деятельности лиц, совершающих преступные деяния, что вполне объяснимо и закономерно, рождает встречное противодействие, формы которого, по сути, приспосабливаясь к характеру деятельности правоохранительной, успешно реализуясь, зачастую препятствуют установлению истины и наказанию виновных.

Сегодня происходит качественный рост преступности и, как верно указывает А.В. Варданын, «появление новых механизмов дистанционной преступной деятельности генерирует возникновение как новых способов преступлений, так и приемов и способов противодействия, которые существовали не одно тысячелетие» [1, с. 8]. Сегодня технотронная преступность представляет одну из системных угроз национальной безопасности страны [2, с. 45]. В связи с этим мы согласны с Н.А. Вакуленко и А.С. Ткачевой, которые считают, что, «чем прочнее Интернет входит в жизнь социума, тем больше рождается дестабилизирующего контента» [3, с. 105].

Безусловно, действия заинтересованных лиц, направленные на воспрепятствование установлению истины, сопровождают раскрытие практически каждого преступления, и в условиях современного состояния преступности в стране противодействие осуществляется во всех его формах различной степени сложности, изощренности и криминального профессионализма от упрощенных до высококвалифицированных, представляющих наибольшую общественную опасность, в частности, при совершении преступлений организованными преступными группами в условиях коррумпированности сотрудников правоохранительных органов.

Сегодня разработаны различные классификации форм противодействия раскрытию и расследованию преступлений в зависимости: 1) от субъектов его осуществления (подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, адвокат и т. д.); 2) от соответствия нормам УК РФ, УПК РФ (содержат признаки преступлений против правосудия и иных преступлений в виде попытки подкупа следователя, представление ложных доказательств и т. д., и не содержат такие признаки, противоречат принципам судопроизводства, его задачам, нормам морали и этики); 3) от степени наглядности (скрытое ложными показаниями и мнимым сотрудничеством и открытое); 4) от этапов раскрытия и расследования; 5) по объекту (сокрытие преступления в целом либо отдельных элементов механизма преступной деятельности); 6) по субъективной стороне (уклонение от уголовной ответственности, самооговор); 7) по сложности осуществления (простые и сложные) и т. д.

Более усложненными формами противодействия раскрытию и расследованию преступлений являются фальсификация материальных и идеальных следов в виде как ложных показаний, например, подделка документов, изменения и перемещения объектов.

Наиболее изощренной, типично заранее запланированной, технически подготовленной и сложно диагностируемой формой противодействия раскрытию и расследованию преступлений является инсценировка, когда преступник создает видимость совершения иного действия при иных целях, мотивах и возможно виновных лицах, фальсифицируя объекты и обстоятельства, которые на его взгляд отражают инсценируемое событие.

Как верно указывает И.С. Приходько, действия по криминальной инсценировке направлены на «создание ложной субъектной, предметной, пространственной, временной, информационной, следовой обстановки» [4, с. 218]. То есть, для ее выявления и установления действительно произошедшего события и лиц, совершивших преступление, от следователя требуются опыт раскрытия и преодоления подобных приемов противодействия [5, с. 55], от него требуется не только умение концентрировать внимание, но и распределять его, уметь увидеть главное и отделить его от второстепенного [6, с. 200]. Сложность противодействия преступников раскрытию и расследованию преступлений предопределяет сложность его выявления правоохранителями. Например, преступниками широко используются психологические приемы воздействия, соответственно формы противодействия основываются на знаниях психологии человека и возникает необходимость владения субъектом расследования специальными знаниями как в области общей психологии, так и «социальной инженерии» [7, с. 138].

Инсценируя событие, виновный, в некоторых случаях с помощью соучастников, посредством наглядной демонстрации фальсифицированной им следовой картины и психологического воздействия «навязывает» следователю и иным лицам, воспринимающим обстановку, неверное мнение о произошедшем и желаемое ему направление действий лиц, создается искусственная обстановка, зачастую предопределяющая ложный путь расследования уголовного дела и безнаказанность виновных.

Было бы неверным утверждать, что в настоящее время инсценировка осуществляется только инновационными способами, соответствующими современным высокотехнологичным и интеллектуальным преступлениям. Достаточно часто инсценировки выявляются следователем и оперативными сотрудниками без особых усилий, так как выполняются в упрощенном виде, сопровождаясь действиями, характеризующими ее субъекта как лицо, не способное, в силу различных причин, к результативной деятельности. Так, К. осуществила ложный донос о факте незаконного проникновения в ее квартиру и тайном хищении оттуда принадлежащего ей имущества на сумму 15 800 рублей. Тем самым К. желала сподвигнуть следователя на возбуждение уголовного дела в отношении неустановленного лица с целью возвращения своего имущества (кофеварка «Тефаль», стиральная машинка «Самсунг», соковыжималка «Скарлет», масляный радиатор), сданного ею лично ранее в комиссионные магазины. Инсценировав, согласно ее представлению, проникновение в квартиру виновных, К. умышленно создала беспорядок в помещении и в ходе опроса подтвердила инсценировку кражи ложными показаниями [8].

Кардинально иной, специфический образ инсценировки, существующий наравне с описанной выше, характеризует сегодня преступность так называемых «белых воротничков». Типично такие деяния совершаются группой лиц, часто организованной, механизм которых зависит от организации экономической деятельности, положения и возможностей субъекта. Такие лица социально уверены, обладают значительным авторитетом, коррумпированными связями в органах власти, обеспечивающими «прикрытие» их незаконной деятельности, благодаря чему их финансовое обогащение, часто обуславливаясь совершением серии различных видов преступлений, достаточно велико.

Такие лица в результате выполнения должностных обязанностей, либо осуществляя законный бизнес, получают прибыль, однако, бесспорно, что типично основной их доход обуславливается нарушением правил и законодательства при осуществлении инсценировки законной деятельности, которая своим содержанием направлена на введение в заблуждение значительного круга лиц. То есть, разрешенная экономическая либо служебная деятельность тесно переплетается с запрещенной в виде незаконного предпринимательства, незаконной банковской и кредитной деятельности, фальсификации различного вида документов, легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, незаконного оборота поддельных денег или ценных бумаг, алкогольной продукции, незаконного оборота наркотических средств, организации нелегальной миграции и т. д.

Бесспорно, что масштабность и латентность таких преступных действий обеспечиваются серьезностью и подготовленностью противодействия их субъектов раскрытию и расследованию преступлений, одной из форм которого выступает инсценировка, обширность и содержание которой прямым образом зависят от организованности преступной деятельности.

Так, Ш. совершил организацию незаконной миграции, организованной группой, проявляющейся в неоднократном повторении разработанной схемы преступных действий на протяжении длительного периода времени, типичностью и повторяемостью элементов инсценировки, при соучастии начальника отделения по вопросам миграции, консультанта в сфере миграционного законодательства. Осуществляя инсценировку, виновные умышленно создавали ложное представление относительно значимых для правил иммиграции обстоятельств. Так, преступниками осуществлялся поиск иностранных граждан, желающих за материальное вознаграждение оформить фиктивную регистрацию по месту жительства на территории Российской Федерации, получали от них денежные средства, которые вместе с личными документами иностранцев передавались сотрудникам отделения по вопросам миграции МВД России для осуществления последующей фиктивной регистрации. Таким образом, основным средством инсценировки выступало внесение недостоверной информации в личные документы иностранных граждан, документы миграционного учета, заведомо ложных сведений в информационную систему миграционного учета – ППО «Территория», к которой виновные имели доступ в связи с исполнением своих должностных обязанностей, посредством внесения данных о регистрации, проставлении штампов, удостоверении указанных сведений своей подписью, с целью создания видимости законности и «прозрачности» действий [9].

Две сотрудницы ГУ МВД России по Иркутской области, вступив в предварительный преступный сговор, используя свое служебное положение с корыстной целью, посредством получения серии взяток, инсценировали достаточность знания русского языка иностранцами при прохождении ими обязательного собеседования для получения гражданства РФ и, соответственно, создали видимость законности их пребывания на территории страны [10].

Криминальные инсценировки, осуществляемые субъектами «теневой экономики», могут реализовываться как одноразово, например для создания «фирм-однодневок», так и характеризоваться масштабностью и большим размахом, многократностью производства операций, образующих криминально-тактический комплекс, развертывающийся во времени и пространстве, сплошную цепь взаимосвязанных инсценировок, пронизывающих все этапы механизма преступной деятельности, обеспечивая систематическую незаконную прибыль на долгосрочной основе [11, с. 74].

Ярким примером такой инсценировки является деятельность Г., который совершал хищение денежных средств граждан путем обмана. Г. привлекал жителей г. Иркутска под видом оказания им возмездных риэлторских услуг, услуг по ремонту, строительству и продаже жилья, не имея намерений исполнять возложенные на себя обязательства. При этом Г. инсценировал выполнение услуг по договорам. Целью осуществления инсценировки Г. явилось формирование у значительного количества граждан видимости законной деятельности мнимого юридического лица посредством сознания обстановки, демонстрирующей ее осуществление, не соответствующей действительности. Желая придать мнимую законность своим преступным действиям, Г. осуществлял их от имени юридического лица, придумав ему название Общество с ограниченной ответственностью «Байкальский Центр Продаж и Строительства» («БЦПС»). Инсценировка являлась основным средством обеспечения мошеннических действий Г. и состояла в аренде офисного помещения, оборудовании его вывесками с наименованием не существующего «БЦПС», создании рекламных текстов, видеороликов, заказе и использовании при заключении фиктивных договоров печати «БЦПС» с указанием в ней ложных реквизитов, привлечении соучастников, подтверждающих его полномочия и квалификацию. Для приискания клиентов Г. размещал в средствах массовой информации и на сайте «Авито.ру» рекламные объявления об оказании услуг. ООО «Домашний Лог» с правом первой подписи в документах, расширил круг своих преступных действий для привлечения большего количества граждан, желающих получить услуги по изготовлению и поставке пиломатериала, реализовывать которые после получения их оплаты также не собирался. Действия по инсценировке законности действий Г. заключались в аренде земельного участка и приобретении деревоперерабатывающего станка (пилорамы) с установкой на его территории, а также распоряжение некоторой частью денежных средств, полученных у потерпевших, по целевому назначению для демонстрации реальности услуг [12].

Безусловно, что совершение некоторых преступных деяний, например, мошенничества в сфере страхования, невозможно без инсценировки, которая является обязательным элементом способа их совершения.

М., управляя автомобилем, допустил столкновение с ограждением после чего, понимая, что в данном случае денежная выплата не предусмотрена, решил инсценировать дорожно-транспортное происшествие с участием иного автомобиля, с владельцем которого, а также с водителем эвакуатора, вступил в преступный сговор, распределив предварительно роли. М. переместил на эвакуаторе свой поврежденный автомобиль на проезжую часть места инсценируемого ДТП. К., являвшийся соучастником М, согласно отведенной ему роли, прибыл на место запланированного ДТП. Далее М., осуществляя совместный преступный умысел, управляя технически не исправной автомашиной, не способной к самостоятельному движению, скатился с пригорка, выехал на перекресток, к которому, управляя своей автомашиной, подъехал К. В результате совместных спланированных действий и траекторий движения управляемых ими автомашин М. и К. умышленно совершили инсценировку неосторожного столкновения двух вышеуказанных транспортных средств, для убедительности М. разлил масло под принадлежащую ему автомашину [13].

Любые мошеннические действия в сфере экономики содержат элементы инсценировки, направленной на создание видимости различных ее видов. Как верно указывают Л.В. Бертовский, Н.Ю. Лебедев и Б.Р. Сембекова, исследуя инсценировку преступлений в сфере экономической деятельности, она осуществляется не только субъектами теневой экономики, но и лицами, не являющимися субъектами разрешенной экономической деятельности, создающим видимость: осуществления либо неосуществления разрешенной экономической деятельности, легальности продукта, в том числе контрафактного, транспортирования одной продукции под видом другой, легальности полученных средств, работы субъектов в официальных структурах, в которых фактически не работают и т. д. [11, с.74–75]. Например, И. совершила мошенничество в сфере кредитования, осуществив инсценировку видимости наличия у нее постоянного дохода, изготовив путем печати на персональном компьютере и принтере официальные документы, предоставляющие право получения кредита: справку по форме 2-НДФЛ и копию трудовой книжки [14].

В некоторых случаях инсценировка в виде организованного законспирированного промысла и с корыстной целью обеспечивает причинение существенного вреда как здоровью граждан страны, так и нормальному функционированию государства, в частности системе здравоохранения. Так, типичные способы изготовления фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств всегда сопровождаются изготовлением объектов, создающих видимость настоящего препарата, «имитируется высокая степень внешнего сходства поддельных лекарственных средств с подлинными аналогами, инсценировка обеспечивается приисканием и подготовкой сырья, приданием веществу, полученному из сырья, требуемой формы, поиском и подготовкой материала для оболочки и покрытием ею, дозированием и упаковкой, используемой или создаваемой сообразно виду лекарства: характерны не только большие объемы производства, но и стабильная экспансия в легальный рынок, ... преступная деятельность имитирует законную предпринимательскую» [15, с. 186].

Безусловно, инсценировка осуществляется и при совершении преступлений дистанционно. В частности, типичны мошенничества, результативность которых обеспечивается инсценировкой наличия:

- заманчивых для потерпевшего обстоятельств в виде выигрыша в лотерее, больших скидок, выплат. Например, в качестве средства инсценировки, размещая в общественном месте QR-код, перейдя по которому гражданин получит консультацию и социальную выплату, «часто «фишинг» – это массовые рассылки писем от имени известных брендов, банков, платежных систем, социальных сетей. Такие письма, как правило, содержат логотип, сообщение и прямую ссылку на сайт, внешне не отличимый от настоящего официального сайта. Фишинговый сайт оформляется в похожем дизайне и не должен вызвать подозрений у попавшего на него пользователя [7, с. 139]»;

- существующих проблем в виде уголовного преследования лица или его близких, например, получив доступ к персональным данным на портале «Госуслуги», виновным инсценируется законность получения кредита, либо видимость ошибочного перевода на счет потерпевшего денежных средств.

После начала специальной военной операции получение россиянами виз в страны Евросоюза и США осложнилось не только западными ограничениями, но и действиями мошенников, которые создают боты автоматической записи в визовые центры и предлагают купить

места. После перевода жертвой денежных средств на счет мошенника, сайты с предложением покупки виз блокируются [16, с. 177].

Инсценировка является неотъемлемым элементом механизма интернет-мошенничества на вторичном рынке автотранспорта. Так, размещая объявление о продаже автомобиля на «Авито», «Дроме», виновные под вымышленными именами инсценируют высокое качество автомобиля, представляя недостоверную информацию о его состоянии, выставляя фото иных аналогичных, находящихся в лучшем состоянии автомобилей, подменяя реальные документы, предоставляя подменный VIN-код автомобиля для размещения объявления, его проверки на предмет отсутствия ограничений для продажи. Недобросовестные продавцы используют подменный VIN-код в объявлении для того чтобы скрыть негативные последствия эксплуатации автомобиля и максимально выгодно его продать. Разница в цене может составлять 20–30 % и более [17, с. 197].

Преступления, совершаемые при непосредственном визуальном взаимодействии виновного с потерпевшим, бесспорно, более явно и значимо для процесса доказывания вины отражаются во внешней среде и памяти лиц. Кроме того, «особую значимость для решения задач расследования приобретает системный анализ всех элементов обстановки, существовавших до преступного события, в момент преступного события и после его совершения» [18, с. 167]. Инсценировки, осуществляемые дистанционно, предопределяют особую сложность их выявления как раз вследствие отсутствия возможности такого анализа.

Таким образом, современные инсценировки, которые направлены на сознание сотрудников правоохранительных органов, страховых компаний, банковских служащих, иных лиц, активно осуществляются виновными в совершении преступлений лицами, а их содержание и сущность определяются как личностными характеристиками преступников, включая их служебное положение и материальные возможности, так и техническим развитием общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2(101).
2. Евдокимов К.Н. К вопросу совершенствования специальных мер противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2(22).
3. Вакуленко Н.А., Ткачева А.С. Особенности личности несовершеннолетнего, доведенного до самоубийства в виртуальной среде / Н. А. Вакуленко, А. С. Ткачева // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 1(104).
4. Приходько И.С. К вопросу о криминалистическом определении инсценировки как способа противодействия расследованию // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4(99).
5. Грибунов О.П., Унжакова С.В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебное пособие. Иркутск, 2019.
6. Марков А.И., Николаев А.В., Казанков В.Ю. Расследование преступлений и преступная инсценировка: о некоторых особенностях // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2(89).
7. Мосин И.В. О необходимости совершенствования мер преодоления противодействия при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 3. Т. 27.
8. Приговор № 1-813/2019 от 19 декабря 2019 г. по делу № 1-813/2019 Усольский городской суд (Иркутская область).
9. Приговор № 1-49/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-49/2020 Дорогобужский районный суд (Смоленская область).
10. Экс-сотрудницу МВД осудили за организацию незаконной миграции в Иркутске. URL: <https://www.irk.kp.ru/online/news/5623887/> (дата обращения: 13.03.2024).
11. Бертовский Л.В., Лебедев Н.Ю., Сембекова Б.Р. Криминальная инсценировка как способ совершения преступлений в сфере экономической деятельности // Государственная служба и кадры. 2018. № 3.
12. Приговор № 1-359/2019 от 5 сентября 2019 г. по делу № 1-359/2019. Октябрьский районный суд г. Иркутска.

13. Приговор № 1-303/2019 1-44/2020 от 27 апреля 2020 г. по делу № 1-303/2019. Кировский районный суд г. Иркутска.
14. Приговор № 1-801/2017 от 13 сентября 2017 г. по делу № 1-801/2017. Ангарский городской суд (Иркутская область).
15. Сергеева О.В., Зиненко Ю.В., Харченко Д.А. К вопросу о типичных способах обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2. Т. 26.
16. Сычева А.В., Домовец С.С. О некоторых способах совершения дистанционных мошенничеств в современных условиях и методах их предупреждения // Юрист-Правоведь. 2023. № 2(105).
17. Чуйков Ю.А. Особенности механизма интернет-мошенничества на вторичном рынке автотранспорта // Юрист-Правоведь. 2023. № 2(105).
18. Харченко Д.А., Сергеева О.В. Обстановка как наиболее значимый элемент криминалистической характеристики насильственных преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1. Т. 21.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V. The problem of systematization of digital methods of operational-search activity, used in the fight against remote thefts, and their forensic significance. Lawyer-Jurist. 2022. № 2(101).
2. Evdokimov K.N. On the issue of improving special measures to counteract technotronic crime in the Russian Federation. Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2022. № 2 (22).
3. Vakulenko N. A., Tkacheva A. S. Features of the personality of a minor, brought to suicide in a virtual environment. Lawyer-Jurist. 2023. № 1(104).
4. Prikhodko I.S. On the question of the criminalistic definition of staging as a way to counteract the investigation. Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2021. № 4 (99).
5. Gribunov O.P., Unzhakova S.V. Counteraction to the Investigation of Crimes and Measures to Overcome It: Textbook. Irkutsk, 2019.
6. Markov A.I., Nikolaev A.V., Kazankov V.Y. Investigation of crimes and criminal staging: about some features. Lawyer-Jurist. 2019. № 2(89).
7. Mosin I.V. On the need to improve measures of overcoming counteraction in the investigation of crimes committed with the use of information and communication technologies. Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Т. 27. № 3.
8. Verdict No. 1-813/2019 of December 19, 2019 in case № 1-813/2019 Usolsky City Court (Irkutsk Region).
9. Verdict No. 1-49/2020 of 29 July 2020 in case № 1-49/2020 Dorogobuzh District Court (Smolensk Region)
10. An ex-employee of the Ministry of Internal Affairs was convicted of organizing illegal migration in Irkutsk.
11. Bertovsky L.V., Lebedev N.Yu., Sembekova B.R. Criminal Staging as a Method of Committing Crimes in the Sphere of Economic Activity. Public Service and Human Resources. 2018. № 3.
12. Verdict № 1-359/2019 of September 5, 2019 in case № 1-359/2019. Oktyabrsky District Court of Irkutsk.
13. Verdict № 1-303/2019, 1-44/2020 of April 27, 2020 in case № 1-303/2019. Kirovsky District Court of Irkutsk.
14. Verdict № 1-801/2017 of 13 September 2017 in case № 1-801/2017. Angarsk City Court (Irkutsk Region).
15. Sergeeva, O. V., Zinenko, Y. V., Kharchenko, D. A. On the question of typical methods of conversion of falsified, low-quality and unregistered medicines, medical devices and the circulation of falsified biologically active additives. Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Т. 26. № 2.
16. Sycheva A. V., Domovets S. S. On some ways of committing remote fraud in modern conditions and methods of their prevention. Lawyer-Jurist. 2023. № 2(105).

17. Chuikov Y. A. Features of the Internet fraud mechanism in the secondary market of motor transport. Lawyer-Jurist. 2023. № 2(105).

18. Kharchenko D. A., Sergeeva O. V. Situation as the most significant element of the criminalistic characteristics of violent crimes, committed by convicts in places of deprivation of freedom. Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2022. Т. 21. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Небрятенко Геннадий Геннадиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Трубкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664071, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nebratenko Gennady Gennadievich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexandra Kosmodemyansky St., Moscow 125993 Russian Federation.

Trubkina Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov St., Irkutsk 664071 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 172–178.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 172–178.

Научная статья

УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Подольный Николай Александрович

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Российская Федерация

Введение: целью расследования является установление обстоятельств совершения конкретного преступления и причастность к этому соответствующих лиц. Однако расследование только достижением этой цели не может ограничиваться, поскольку важно, чтобы не было совершено новое преступление. В связи с этим еще одной целью расследования является предупреждение новых преступлений, для чего в ходе расследования необходимо выявление соответствующих обстоятельств и выполнение комплекса по их устранению. При этом вся эта деятельность должна выполняться уже в ходе проводимого расследования. Следователь должен уделять особое внимание криминалистической профилактике преступлений.

Материалы и методы: при проведении исследования, положенного в основу представляемой статьи, на основе обобщения практики расследования преступлений применялся комплекс методов: общенаучные (диалектический, анализа и синтеза, дедукции и индукции) и специальные (криминалистического моделирования, криминалистической ситуологии, системно-деятельностный).

Результаты исследования: расследование преступлений должно включать в себя выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Это важно для того чтобы не допустить совершения новых аналогичных и иных преступлений. Следователь должен в ходе расследования решать задачи профилактики новых преступлений. Данные задачи должны решаться с помощью методов и средств расследования, в частности, посредством проведения следственных и иных процессуальных действий. Эта деятельность является содержанием криминалистической профилактики, которая способна предотвращать совершение новых преступлений.

Выводы и заключения: криминалистическая профилактика должна проводиться при расследовании каждого конкретного преступления. Значение криминалистической профилактики обуславливает необходимость включения рекомендаций по ее проведению в соответствующие криминалистические методики расследования.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика преступлений, методика расследования, следственные действия, тактические приемы, тактика расследования, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Для цитирования: Подольный Н. А. Криминалистическая профилактика преступлений / Н. А. Подольный // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 172–178.

Original paper

FORENSIC CRIME PREVENTION

Podolny Nikolay Alexandrovich

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russian Federation

Introduction: the purpose of the investigation is to establish the circumstances of the commission of a specific crime and the involvement of the relevant persons. However, the investigation cannot be limited to achieving this goal alone, since it is important that no new crime is committed. In this regard, another purpose of the investigation is to prevent new crimes, for which, during the investigation, it is necessary to identify the relevant circumstances and implement a complex to eliminate these circumstances. At the same time, all these activities should be carried out already during the ongoing investigation. The investigator should pay special attention to the criminalistic prevention of crimes.

Materials and methods: when conducting the research based on the presented article, based on the generalization of the practice of investigating crimes, a set of methods was used: general scientific (dialectical, analysis and synthesis, deduction and induction) and special (forensic modeling, forensic situationology, system-activity).

Results of the study: the investigation of crimes should include the identification of the circumstances that contributed to the commission of the crime. This is important in order to prevent the commission of new similar and other crimes. The investigator must solve the tasks of preventing new crimes during the investigation. These tasks should be solved using investigative methods and means, in particular, through investigative and other procedural actions. This activity is the content of forensic prevention, which is able to prevent the commission of new crimes.

Findings and conclusions: forensic prevention should be carried out during the investigation of each specific crime. This guarantees against the commission of new similar and other crimes. The importance of forensic prevention necessitates the inclusion of recommendations for its implementation in the appropriate forensic investigation techniques.

Keywords: criminalistic crime prevention; investigation methodology; investigative actions; tactical techniques; investigation tactics; circumstances that contributed to the commission of a crime.

For citation Podolny N. A. Forensic crime prevention / N. A. Podolny // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 172–178.

Поддержание правопорядка предполагает неотвратимость уголовной ответственности за каждое совершенное преступление. В свою очередь, уголовная ответственность может быть неотвратимой при условии эффективности проводимого расследования каждого конкретного преступления, когда результатом является доказанная виновность соответствующих лиц. В связи с этим вполне понятно значение для расследования криминалистических рекомендаций, благодаря которым устанавливаются событие совершения преступления и лица, которые к нему причастны [1]. Качество криминалистической методики расследования определяется эффективностью названных рекомендаций, их пригодностью оптимизировать расследование каждого отдельного преступления [2]. Эффективным является расследование, когда в максимально короткие сроки с минимальными затратами труда устанавливаются обстоятельства совершения конкретного преступления, когда эти обстоятельства обосновываются собранными по делу доказательствами. То есть, вполне очевидным является акцент, который делается в ходе расследования на поисковой деятельности, в ходе которой формируется система доказательств, из которой однозначно делаются выводы о том, что событие преступления имело место, и что к этому было причастно вполне конкретное лицо. Таким образом, расследование рассматривается как ретроспективная деятельность, которая обращена в прошлое и направлена на реконструкцию имевшего места события.

Однако только неотвратимостью уголовной ответственности не может быть достигнуто восстановление социальной справедливости [3], которая пострадала от совершения конкретного преступления. Социальная справедливость может быть восстановлена в полной мере лишь в том случае, если правоохранительными органами были устранены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Поддержание правопорядка – это важная задача правоохранительных органов, а потому важно не только установление обстоятельств совершения конкретного преступления, но и установление обстоятельств, которые способствовали совершению преступления. Тем самым, обеспечивается общественная безопасность, что является обязательным условием социальной справедливости, когда каждый человек осознает собственную защищенность. Поэтому расследование должно также ставить перед собой цель выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и их устранения, чтобы в последующем вновь не было совершено преступления. Поэтому в ст. 73 УПК РФ среди обстоятельств, подлежащих выявлению, названы обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Выявление данных обстоятельств, как видно из названной нормы закона, является обязанностью следователя в ходе проводимого им расследования. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство ориентирует следователя на то, чтобы он сосредотачивал свое внимание не только на уже произошедшем событии, но и обращал его на наличие обстоятельств, которые способны стать причинами и условиями совершения новых преступлений. Поэтому расследование можно оценивать качественно проведенным лишь в том случае, если в ходе него были выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, связано с прогностической деятельностью следователя, когда он на основании имеющихся у него данных стремится предвидеть возможность совершения конкретными лицами определенных действий, которые могут создавать трудности при расследовании или даже являться преступными [4]. Он должен организовывать свое познание, совершенного преступления и складывающейся ситуации так, чтобы с большой степенью вероятности можно было предвидеть соответствующее событие или действия, которые создают препятствия в познании истины либо нарушают правопорядок. На основании такого познания им должны предприниматься меры к предотвращению действий, негативно воздействующих на ход расследования, а также недопущению новых преступлений. При этом важно, чтобы прогноз, на основании которого следователь предпринимает профилактические мероприятия, был не гипотетическим, а отличался высокой степенью достоверности. Для этого следователь должен в ходе расследования ставить соответствующие задачи и решать их посредством проведения соответствующих следственных и иных процессуальных действий. Также для этого он должен устанавливать взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и получать от них необходимую для проведения криминалистической профилактики информацию.

Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, далеко не всегда требует проведения специальных действий. Как правило, это следственные действия, в ходе которых решается целый комплекс задач, в числе которых и названные. Так, при осмотре места происшествия выявляются такие обстоятельства, как место, время, способ совершения преступления. Одновременно следователь обращает внимание и на обстоятельства, которые могли способствовать совершению конкретного преступления. К примеру, при совершении хищения со склада следователь при осмотре места происшествия обращает внимание не только на время совершения преступления, места проникновения на склад, способ совершения этого преступления, но и на состояние охранной системы. То есть, в ходе проведения одного следственного действия решаются задачи установления, как обстоятельств совершения конкретного преступления, так и выявления обстоятельств, которые способствовали его совершению. Причем важным является оперативное выявление обстоятельств, способствовавших совершению конкретного преступления, поскольку это может способствовать прекращению длящейся преступной деятельности и предотвращению новых преступлений.

С помощью проводимых следственных действий следователь устанавливает обстоятельства, которые способствовали совершению преступления. Благодаря этому он имеет возможность спрогнозировать то, насколько эти обстоятельства продолжают представлять опасность, насколько вероятно то, что они вновь будут способствовать совершению аналогичного совершенному преступлению [5]. Таким образом, следователь стремится воссоздать не только картину имевшего место в прошлом преступного события, но и картину будущего – какие из установленных обстоятельств будут способны способствовать генерации нового преступления. Это является частью природы криминалистической профилактики, которая направлена на то, чтобы обеспечивать в настоящем и будущем поддержание правопорядка и общественной безопасности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство в качестве одной из форм проявления проводимой профилактики совершения преступлений предусматривает внесение представления в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Внесение данного представления, в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, предусмотрено при окончании предварительного расследования и является правом следователя, которое он использует исходя из складывающейся ситуации и особенностей расследованного им преступления [6].

Внесение названного представления – это не обязанность следователя, а его право. Реализацию данного права действующее уголовно-процессуальное законодательство связывает с установлением в ходе расследования обстоятельств, способствовавших совершению преступления. При этом данным правом наделяется не только следователь, но и дознаватель, руководитель следственного органа. Все эти лица на основе собранных доказательств имеют возможность сделать прогноз относительно возможности совершения нового аналогичного преступления. Несомненно, такие прогностические выводы имеют вероятностный характер, однако от этого их значимость не снижается, поскольку предполагают вполне определенные действия по профилактике совершения новых преступлений. Профилактическая

работа снижает риск совершения нового преступления, а потому ее проведение целесообразно даже в случаях достаточно низкой вероятности того, что при сохранении определенных условий будет совершено новое, аналогичное преступление. Причем система такой профилактики во многом зависит от особенностей того преступления, которое было совершено, а также от той ситуации, которая сложилась на момент окончания предварительного расследования [7]. В связи с этим такая профилактика всегда отличается индивидуальностью, она всегда связана с теми обстоятельствами, которые были выявлены в ходе расследования конкретного преступления. Она настолько же индивидуальна, как и расследование каждого конкретного такого преступления. Она обусловлена во многом особенностями такого расследования, поскольку проводимые следственные и иные процессуальные действия, как это было отмечено выше, могут решать не только тактические задачи познания события совершенного преступления, но и прогностические задачи по выявлению обстоятельств, действие которых в последующем может привести к совершению нового, аналогичного совершенному или даже иному преступлению.

В соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, внесение представления – это право следователя, а не его обязанность. Однако государство, общество и каждый отдельный человек заинтересованы в том, чтобы условия и причины совершения преступлений устранялись. Поэтому интерес к профилактике преступлений следует рассматривать, как публичный, который не ограничен только интересами конкретного человека, который пострадал от преступления. Государство и общество заинтересованы в том, чтобы был восстановлен и в последующем не нарушался правопорядок и общественная безопасность. Поэтому наличие публичного интереса должно обуславливать не право, а обязанность следователя вносить представления в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Тем более, это соответствовало бы логике доказывания по уголовным делам, в соответствии с которой, как это видно из ч. 2 ст. 73 УПК РФ, выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления – это обязанность субъекта доказывания. В настоящее время названная логика нарушается, поскольку не вполне понятно: зачем следователь обязан выявлять названные обстоятельства, если он может при их выявлении не предпринимать действий по их устранению? В связи с этим логичным было бы то, чтобы обязанности выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, соответствовала бы обязанность устранения этих обстоятельств, в том числе, посредством вынесения представлений в соответствующие организации или должностным лицам. Тем более, что профилактика преступлений – это обязанность соответствующих компетентных органов государства.

Криминалистическую профилактику преступлений следует относить к индивидуальной профилактике, поскольку для нее характерно то, что она представляет собой систему мер и мероприятий, которые ориентированы на вполне конкретных лиц и на вполне конкретную обстановку, в которой было совершено преступление и в которой может быть совершено новое преступление [8]. Причем для криминалистической профилактики преступлений характерна максимальная конкретизация системы действий, направленных на упреждение возможности совершения новых преступлений [9]. Криминалистическая профилактика основывается на особенностях совершения конкретного преступления и особенностях его расследования. Ее эффективность всегда зависит от того, насколько сочетаются предпринимаемые действия следователя по предотвращению совершения новых преступлений. Для нее всегда важны детали, которые индивидуализируют конкретную систему обстоятельств, способствовавших совершению новых преступлений. Знание этой системы позволяет следователю максимально определенно действовать в ходе проводимого им расследования с тем, чтобы предупредить возможность совершения новых преступлений. Так, следователь должен определять последовательность выполняемых им следственных и процессуальных действий не только исходя из задач установления картины совершенного преступления, но и исходя из задачи предупреждения совершения новых преступлений. Это должно приниматься следователем во внимание при определении им стратегии и тактики проводимого расследования. Он должен учитывать тот эффект, который соответствующие его действия способны произвести на участников уголовного процесса, а также на всю сложившуюся ситуацию.

Особенностью криминалистической профилактики является то, что она проводится только определенными в уголовно-процессуальном законе субъектами, полномочиями которых

является расследование соответствующих преступлений. Причем примечательно то, что действующее уголовно-процессуальное законодательство прямо не называет проведение профилактики в перечне полномочий следователя. Однако в ст. 38 УПК РФ перечень полномочий следователя не является закрытым [10]. Вывод об этом позволяет сделать п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в котором указано на то, что следователь может осуществлять и иные полномочия, установленные УПК РФ. К таким полномочиям относятся, как было ранее сказано, выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и на основании этого внесение в организации и должностным лицам соответствующего представления. Эти полномочия имеют значение профилактики совершения преступлений. Кроме того, следует также отметить и то, что эффект предупреждения совершения преступлений имеют все действия следователя, причем не только процессуальные. Например, оперативность установления обстоятельств совершения преступления способна внушить, как уже совершившим, так и собирающимся совершить преступление лицам, мысль о том, что нет преступления, которое не будет выявлено, раскрыто и расследовано, а потому не может быть преступления без ответственности за него. Поэтому уже само по себе успешное расследование соответствующего преступления предупреждает совершение новых, аналогичных преступлений. Само поведение следователя в ходе проводимого расследования может иметь воспитательное воздействие на участников уголовного процесса, а также на лиц, которые наблюдают за тем, как проводится соответствующее расследование.

Еще одной особенностью криминалистической профилактики является то, что в систему составляющих ее действий входят следственные и иные процессуальные действия. Это связано с тем, что каждое такое действие имеет способность воздействовать на участников уголовного процесса, а также тех лиц, которые имеют возможность наблюдать, как проводится соответствующее расследование. Хорошо известен психологический эффект от правильного выбора времени (а иногда и места) проведения соответствующего следственного действия. Он может состоять в том, чтобы убедить соответствующее лицо сотрудничать со следствием при установлении истины. Но не только в этом, он также может состоять и в том, чтобы убедить соответствующих лиц не совершать новых преступлений. Так, психологический эффект может состоять в том, что следователь проведением соответствующего следственного действия может внушить то, что от него невозможно скрыть обстоятельства совершения преступления, а потому совершение новых преступлений не имеет смысла. Также проведением соответствующего следственного действия следователь может добиться осознания определенным лицом того, что совершенные им преступные действия неприемлемы для него в силу их неприятия обществом. При этом, если следователь правильно рассчитает время проведения соответствующих следственных действий, то профилактический эффект может оказаться более значительным.

Не менее очевидным профилактическим эффектом обладают тактические приемы, которые выполняются следователем в ходе проводимого расследования. Отдельные могут быть специально ориентированы на то, чтобы предотвратить совершение новых преступлений. Так, в ходе расследования часто применяются тактические приемы, которыми следователь стремится убедить соответствующее лицо не совершать новых преступлений и отказаться, в целом, от преступной деятельности. Такие тактические приемы обычно позволяют добиваться, как целей профилактики преступлений, так и целей установления обстоятельств совершения преступления. Причиной этого является то, что уже само по себе успешное расследование имеет профилактическое значение, поскольку способно внушать виновному лицу мысль о том, что невозможно совершить преступление и не быть за это привлеченным к уголовной ответственности. Однако следует отметить и то, что представляется возможным проведение таких тактических приемов, которые были бы ориентированы исключительно на профилактику совершения новых преступлений. В ходе применения этих тактических приёмов следователь может ставить перед собой только цель профилактики совершения новых преступлений. К таким приемам следует относить приемы воспитательного воздействия. Они в отдельных случаях применяются следователями по отношению к несовершеннолетним и к лицам молодежного возраста.

Неоспоримо значение криминалистической профилактики преступлений для обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Невозможно восстановление социальной справедливости без гарантий того, что она не будет вновь нарушена, а потому криминалистическая профилактика преступлений – это одно из эффективных средств обеспечения социальной справедливости, при ее восстановлении. Тем более, что мало восстановить социальную

справедливость, важно, чтобы она поддерживалась в течение как можно более длительного срока. Поддержание социальной справедливости – это сложная комплексная деятельность, которая включает в себя действия большого числа лиц, в том числе и не связанных с проводимым расследованием. Одним из важных ее элементов является криминалистическая профилактика преступлений, которая обеспечивает восстановление и поддержание социальной справедливости методами и средствами, характерными для проводимого расследования. Социальная справедливость часто представляется, как вполне определенное, обладающее устойчивостью состояние социальной действительности, при котором человек, выполняя определенные действия, может рассчитывать на получение не только вполне определенного результата, но и соответствующей оценки содеянному и его результату со стороны общества. Криминалистическая профилактика обеспечивает эту устойчивость посредством устранения обстоятельств, которые способствуют совершению соответствующих преступлений.

Решение задач криминалистической профилактики должно являться частью проводимого расследования. Какие бы ни были объемы работы по установлению обстоятельств совершения преступления, должно обращать внимание также и на обстоятельства, которые способствовали совершению преступления. Это обеспечивает полноту и всесторонность проводимого расследования, а также способствует восстановлению в полном объеме социальной справедливости. Следователь должен предпринимать меры к устранению тех обстоятельств, которые способствовали совершению преступления и которые могут стать причиной или условием для совершения новых преступлений. В связи с этим уже на момент начала проведения расследования следователь должен быть сориентированным на то, чтобы выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и предпринимать действия по их устранению. Он должен выполнять соответствующие следственные и иные процессуальные действия. При этом необходимо обеспечивать максимально возможную эффективность этих действий. Для этого важно, чтобы действия по криминалистической профилактике были частью соответствующих криминалистических методик расследования. Важно, чтобы эти методики содержали в себе не только рекомендации по выявлению обстоятельств совершения преступления, но и рекомендации по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Значение включения в методики действий, направленных на профилактику преступлений, состоит в том, что это позволяет предупредить возможность совершения новых преступлений. Особенно это важно в связи с тем, что имеют место случаи, когда, несмотря на проводимое расследование преступления, виновные в нем лица совершают новые. Особенно часто это имеет место в случаях совершения преступления организованными группами, когда соответствующее преступное сообщество не прекращает своей преступной деятельности, продолжая поток уже запланированных преступлений. Кроме того, имеют место случаи, когда совершаются преступления, целью которых является воспрепятствование установлению истины. Обстоятельства, которые способствуют совершению этих преступлений, должны как можно быстрее выявляться, чтобы не допустить названных преступлений. По этой причине уже на начальном этапе расследования следователь должен предпринимать действия по выявлению обстоятельств, которые способствовали совершению соответствующего преступления. Важно не допустить совершения нового преступления. Рекомендации относительно установления обстоятельств, которые могут способствовать совершению новых преступлений, должны включаться в соответствующие криминалистические методики. То есть, криминалистическая профилактика должна являться элементом криминалистических методик расследования преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полстовалов О.В. Расширение прикладного направления реализации криминалистических рекомендаций // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1(59).
2. Трифилюк Ю.А. Использование тактико-криминалистических рекомендаций в расследовании и рассмотрении уголовных дел // Правовая реформа. 2023. № 4.
3. Гурьянов Ю.Н. Морально-нравственные основы социальной справедливости в системе правоотношений // Российское правосудие. 2021. № 1.
4. Черепанова Л.В. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления: понятие, содержание // Алтайский юридический вестник. 2020. № 1(29).

5. Желудков М.А. Обоснование необходимости признания обстоятельств, способствующих совершению преступления, императивным элементом предмета доказывания по уголовным делам / М.А. Желудков, Ю.С. Андрианова // Право: история и современность. 2019. № 2.
6. Мельникова О.А. Развитие научных идей о внесении следователем представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3(65).
7. Бойко Ю.Л. Особенности получения в ходе расследования информации об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, для формирования представления об их устранении // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2024. № 24.
8. Брусенцева В.А. Роль и место криминалистической профилактики в структуре криминалистической науки // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2-3.
9. Филипова Н.С. Значение криминалистической профилактики // Вестник современных исследований. 2016. № 2-1(2).
10. Жуков Д.А. И вновь о проблемных вопросах регламентации полномочий следователя // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3(17).

REFERENCES

1. Polstovalov O.V. Expansion of the applied direction of the implementation of forensic recommendations // The rule of law: theory and practice. 2020. № 1 (59).
2. Trifilyuk Yu.A. The use of tactical and forensic recommendations in the investigation and consideration of criminal cases // Legal reform. 2023. № 4.
3. Guryanov Yu.N. Moral foundations of social justice in the system of legal relations // Russian justice. 2021. № 1.
4. Cherepanova L.V. Circumstances that contributed to the commission of a crime: concept, content // Altai Legal Bulletin. 2020. № 1 (29)
5. Zheludkov M.A., Andrianova Yu.S. Substantiation of the need to recognize the circumstances contributing to the commission of a crime as an imperative element of the subject of evidence in criminal cases // Law: History and modernity. 2019. № 2.
6. Melnikova O.A. The development of scientific ideas on the introduction by the investigator of the idea of eliminating the causes and conditions that contributed to the commission of a crime (to the 100th anniversary of the birth of G.M. Minkovsky) // Legal science and law enforcement practice. 2023. № 3 (65).
7. Boyko Y.L. Features of obtaining information during the investigation about the circumstances that contributed to the commission of a crime in order to form an idea of their elimination // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2024. № 24.
8. Brusentseva V.A. The role and place of forensic prevention in the structure of forensic science // Tauride scientific observer. 2015. № 2-3.
9. Filipova N.S. The importance of forensic prevention // Bulletin of Modern Research. 2016. № 2-1 (2).
10. Zhukov D.A. And again about the problematic issues of regulating the powers of the investigator // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2018. № 3 (17).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольный Николай Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 420126, Российская Федерация, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, д.14 а.
ORCID: 0000-0002-4206-7719

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podolny Nikolay Alexandrovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). 14a, Fatykha Amirkhana St., Kazan 420126 Russian Federation.

Юрист-Правовед. 2024. № 2(109). С. 179–184.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 179–184.

Научная статья

УДК 340.12

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ ПРИ ПРИОБРЕТЕНИИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Решняк Ольга Александровна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация

pushistiklis@mail.ru

Введение: последнее десятилетие ознаменовалось развитием высоких технологий, а также различных информационно-телекоммуникационных систем, которые были созданы для упрощения всех сфер жизни человека. Но, к сожалению, мы наблюдаем, что все чаще современные технологии используются для совершения различных преступлений и сокрытия их следов. Рост преступности особенно наблюдается в сфере незаконного оборота наркотических средств и их аналогов, большую часть которых занимает бесконтактный сбыт. Сегодня различные интернет сайты предоставляют возможность приобрести множество разновидностей наркотических средств по различным ценам, но особое значение имеет оплата криптовалютой, т. к. ее информационный след практически невозможно отследить, что обеспечивает безопасность и анонимность, как для сбытчиков, так и для покупателей. В статье авторами рассматриваются проблемы следственной практики по установлению наркосбытчиков в условиях цифровизации информационного пространства, а также предпринята попытка решения данных проблем.

Материалы и методы: в статье использовались общенаучные методы познания, анализа и синтеза теоретических и практических материалов, дедукции и индукции мыслительного процесса, обобщение судебно-следственной практики, статистические данные.

Результаты исследования: проведенное исследование имеет теоретическую значимость в области совершенствования криминалистических методик расследования преступлений, связанных со сбытом наркотических средств в условиях цифровизации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования рекомендаций, предложенных автором, в работе следственных подразделений, при расследовании преступлений, в сфере незаконного сбыта наркотических средств, совершенных в условиях цифровизации.

Выводы и заключения: переход общества в цифровое пространство влечет преобразование различных форм деятельности, в том числе и преступной. Соответственно, от правоохранительных органов требуется своевременное и правильное реагирование на нарушение законодательства, с учетом вызовов современности. Преступная сфера, используя достижения технологий, предпринимает меры, направленные на избежание наказания, скрывая следы своей незаконной деятельности в цифровом пространстве. Рекомендации, изложенные в статье, позволяют эффективным образом повлиять на ситуацию в сфере выявления, расследования и борьбы с преступлениями, связанными с незаконным приобретением наркотических средств с использованием криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, электронные средства платежа, наркотические средства, онлайн-магазины, сокрытие следов преступления.

Для цитирования: Решняк О. А. Использование криптовалюты при приобретении наркотических средств: проблемы расследования и пути их решения / О. А. Решняк // Юрист-Правовед: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 179–184.

Original paper

THE USE OF CRYPTOCURRENCIES IN THE PURCHASE OF DRUGS: PROBLEMS OF INVESTIGATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Reshnyak Olga Alexandrovna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the last decade has been marked by the development of high technologies, as well as various information and telecommunication systems that were created to simplify all spheres of human life. But, unfortunately, we are seeing that more and more modern technologies are being used to commit various crimes and conceal their traces. The increase in crime is especially observed in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs and their analogues, most of which is occupied by contactless sales. Today, various Internet sites provide an opportunity to purchase many varieties of narcotic drugs at various prices, but payment with cryptocurrency is of particular importance, since its information trail is almost impossible to track, which ensures security and anonymity for both sellers and buyers. In the article, the authors consider the problems of investigative practice to identify drug dealers in the conditions of digitalization of the information space, and also attempt to solve these problems.

Materials and methods: the study used general scientific methods of cognition, analysis and synthesis of theoretical and practical materials, deduction and induction of the thought process, generalization of forensic investigative practice, statistical data.

Results of the study: the conducted research has theoretical significance in the field of improving forensic techniques for investigating crimes related to the sale of narcotic drugs in the context of digitalization. The practical significance of the study lies in the possibility of using the recommendations proposed by the author in the work of investigative units, in the investigation of crimes in the field of illegal sale of narcotic drugs committed in the context of digitalization.

Findings and conclusions: the transition of society into the digital space entails the transformation of various forms of activity, including criminal. Accordingly, law enforcement agencies are required to respond promptly and correctly to violations of the law, taking into account the challenges of our time. The criminal sphere, using the achievements of technology, takes measures aimed at avoiding punishment, hiding traces of its illegal activities in the digital space. The recommendations set out in the article will make it possible to effectively influence the situation in the field of identifying, investigating and combating crimes related to the illegal acquisition of narcotic drugs using cryptocurrency.

Keywords: cryptocurrency, electronic means of payment, narcotic drugs, online stores, concealment of traces of crime.

For citation: Reshnyak O. A. The use of cryptocurrencies in the purchase of narcotic drugs: problems of investigation and ways to solve them / O. A. Reshnyak // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and informative-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 179–184.

С развитием и всеобщим распространением сети Интернет усвершенствуются схемы и инструменты, используемые для совершения незаконного сбыта наркотических средств. Особую популярность приобретают технологии, предназначенные для удаленного обмена информацией и обеспечения анонимности. До 2014 г. наркотики чаще всего передавались «из рук в руки», но с 2014 г. появилась новая схема бесконтактного сбыта, который осуществляется путем закладок в тайниках и передачи информации об их местонахождении через средства быстрого обмена электронными сообщениями (мессенджеры, социальные сети). Оплата за приобретение наркотических средств осуществляется путем денежных переводов на анонимные электронные кошельки, затем на банковские карты, после чего обналичиваются.

Мессенджеры обеспечивают криптографическое шифрование передаваемых сообщений и позволяют зарегистрироваться без подтверждения личных данных.

Преступления, связанные с незаконным сбытом наркотических средств, осуществляются, как правило, организованными группами, участники которой находятся на значительном расстоянии друг от друга. Взаимодействие между ними происходит с использованием сети Интернет и не предполагает личные встречи. Для общения используются мобильные устройства с установленными на них приложениями для защищенных переговоров, обмена сообщениями, а также передачи конфиденциальных фотографий и видеозаписей. Эти приложения обладают таким уровнем защиты, который делает их невосприимчивыми к взлому, а также предоставляют возможность сохранять видео- и фотоматериалы в защищенных хранилищах.

Развитие современных технологий дало возможность сбытчикам наркотических средств, осуществляющих свою незаконную деятельность, использовать интернет-площадки в теневом сегменте Интернета, известного как «Darknet». На них оплата товаров и услуг производится через электронные платежные системы, такие как «Qiwi», «Яндекс Деньги» и др.

Преступники все более активно прибегают к использованию новых средств для сокрытия своей незаконной деятельности в сети Интернет, что затрудняет процесс их идентификации. Одними из таких средств являются VPN (виртуальная частная сеть), VPS (виртуальный частный сервер) и сеть TOR (The Onion Router), а также другие аналогичные технологии.

VPN позволяет изменять IP-адрес пользователя и маскировать его местоположение, что делает сложным отслеживание его активности и определение личной идентификации.

VPS предоставляют собой виртуальные серверы, которые могут использоваться для различных целей, включая сокрытие деятельности в сети.

Сеть TOR является системой прокси серверов, позволяющих установить анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания. Эта система дает возможность осуществлять передачу данных в зашифрованном виде через виртуальные туннели, что усложняет возможность отследить путь пользователя в сети.

С 2018 г. в преступной деятельности начали активно использовать цифровые активы, включая криптовалюту. Криптовалюта обеспечивает анонимность при проведении финансовых операций и позволяет осуществлять транзакции, которые сложно отследить. Для дополнительной защиты личной информации отправителей и получателей таких платежей стали применять криптовалютные «миксеры», которые смешивают данные о проведенных транзакциях в нескольких информационных блоках.

Как справедливо отмечает в своей работе Э.Л. Сидоренко, криптовалюта используется в преступной деятельности незаконного оборота наркотических средств по нескольким целевым направлениям [1]:

1. Перечисление вознаграждений «закладчикам» и другим участникам преступной деятельности.
2. Покупка новых партий наркотических средств и психотропных веществ.
3. Покрытие текущих расходов, связанных с преступной деятельностью, таких как аренда помещений для хранения наркотиков, оплата транспортных расходов, закупка упаковочного материала и других необходимых ресурсов.

Изначально криптовалюта использовалась для оптовых поставок наркотических средств, но вскоре ей нашли применение и на розничном рынке.

Для предоставления незаконных услуг в 2015 г. в сети TOR были созданы электронные торговые площадки, где осуществлялись продажи не только наркотических средств, но и размещались вакансии различных видов, от закладчиков и химиков (для изготовления наркотиков) до дизайнеров и промоутеров, которым поручено создание, реклама и распространение продукции и услуг, предлагаемых продавцами, а также широкий спектр различных услуг, включая консультационные, информационные, финансовые, кадровые, управленческие, материально-технические и рекламные. Это делает данные площадки высокофункциональными и востребованными среди не только наркопотребителей и наркосбытчиков, но и других лиц занимающихся поиском работы, информации, услуг и т. д.

Оплата наркотиков и других товаров на этих площадках осуществляется, преимущественно, с использованием цифровых криптовалют, в основном биткоинов. Каждому пользователю предоставляется индивидуальный внутренний биткоин-кошелек при регистрации, который можно пополнять для совершения покупок.

Сегодня бесконтактный сбыт наркотических средств осуществляется через:

- электронные торговые площадки (крупнейшей из которых является Gidra с 400 интернет-магазинами), находящиеся в теневом сегменте Интернета, называемом Darknet;
- интернет-мессенджеры (например, Telegram, VIPole, Jabber и другие);
- сайты магазинов, как правило, находящиеся в доменной зоне «biz».

Процесс незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ через указанные торговые площадки, совершаемый с использованием криптовалюты, осуществляется следующим образом:

1. Покупатель проходит процедуру регистрации на торговой площадке, вводя имя и пароль для доступа. Регистрация не требует предоставления личных данных, номеров телефонов или адресов электронной почты. Доступ к интернет-магазинам размещенным на площадке Gidra возможен только через программное обеспечение интернет-браузера Tor.
2. Для входа в систему необходимо ввести имя, пароль и графический код как при регистрации.
3. Далее, используя удобный интерфейс, подобный интернет-сервисам для онлайн-покупки, пользователь выбирает город, район, категорию наркотического средства и необходимое количество.
4. После оплаты криптовалютой за товар пользователю направляется индивидуальная одноразовая ссылка. Пройдя по которой, покупатель получает «геометку» тайника с приобретенным веществом, а также фотографии и описание самого тайника. В случае затруднений с

поиском тайника, покупатель может связаться с продавцом, нажав соответствующую кнопку на странице заказа.

Интернет-магазины, через которые осуществляется незаконная продажа наркотиков и психотропных веществ, разрабатывают гибкую маркетинговую политику и предоставляют постоянным клиентам существенные скидки, которые могут достигать 15–20 %, что стимулирует их активное использование.

Эти площадки обеспечивают проведение сделок между покупателем и продавцом и выступают в роли гаранта, хотя не участвуют в сделке напрямую, не имеют доступа к самому товару и не являются посредниками или контрагентами. При этом они предоставляют эффективный и удобный интерфейс для проведения сделок и разрешения споров. Торговые площадки не несут ответственность за качество товаров, т. к. они не являются продавцами и не отвечают за доставку товара после его оплаты покупателем.

Тем не менее, администрация торговых площадок оказывает содействие в разрешении спорных ситуаций, устанавливает внутренние правила для работы магазинов и осуществляет их контроль [2].

При открытии магазина продавец обязан предоставить модератору фотографии, подтверждающие наличие у него товара. Магазинам запрещается:

- раскрывать личные данные пользователей без их согласия;
- осуществлять продажу одного вещества под видом другого;
- устанавливать связи между покупателем и продавцом в обход торговой площадки;
- указывать для установления связи между покупателем и продавцом всевозможные контакты, для этого на площадке имеется встроенный мессенджер.

Сбыт наркотических средств и психотропных веществ организован в несколько этапов: на первом этапе осуществляется незаконное производство наркотических средств в крупных объемах. Вторым этапом является передача полученных больших партий наркотиков межрегиональным курьерам, которая осуществляется через тайники. Третий этап включает задачу по транспортировке наркотиков практически во все регионы России. После этого наркотики передаются региональным курьерам также через тайники. Количество наркотика, которое передается в каждый регион, определяется куратором. Региональные курьеры расфасовывают наркотик в крупные партии (по одному килограмму) и передают их крупнооптовым закладчикам, которые также расфасовывают наркотик и устанавливают розничные тайники с фасовкой (по 40–200 г.) для розничных закладчиков. Закладчики прячут наркотики в тайники, предназначенные для непосредственных потребителей [3].

При совершении преступлений строго соблюдаются меры конспирации. Для расчетов широко используются поддельные банковские карты и сим-карты, которые оформлены на вымышленных (часто несуществующих) лиц, а также цифровая валюта. Вся коммуникация осуществляется через «операторов», которые выдают четкие инструкции каждому участнику преступной группы и следят за их выполнением. В отношении рядовых участников этой группы используются как методы поощрения в виде денежных премий или продвижения по «карьерной» лестнице, так и методы наказания. Сначала наказания могут назначаться в виде штрафов, но также могут применяться физические воздействия, как к самим участникам, так и к их близким и родственникам.

В.Ф. Васюков подчеркивает, что для эффективного расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют и современных технологий, сотрудники органов предварительного следствия и дознания должны быть хорошо осведомлены о технологии деанонимизации. Это позволит им успешно проводить проверку информации о преступлениях и эффективно сопровождать уголовные дела. Биткойн по природе публичен, история его транзакций может быть легально просмотрена кем угодно. И хотя пользовательские публичные адреса в блокчейне не дают возможность идентификации конкретных лиц, стоящих за каждой операцией, но технологии анализа развиваются, и они все эффективнее позволяют связывать адреса с личностями [4].

Д.В. Пасько отмечает, что методология деанонимизации транзакций криптовалют включает в себя отслеживание всей цепочки совершения транзакций, начиная с момента совершения криминальной операции и заканчивая предполагаемым обналичиванием или обменом криптовалюты на национальные валюты (фиатные деньги)[5].

Для сбора данных о криптокошельках и отслеживания их транзакций можно использовать как штатные обозреватели блокчейна конкретной криптовалюты, (btc.com, etherscan.io, xrpcharts.ripple.com), так и универсальные обозреватели, которые позволяют проводить более

глубокие исследования и анализировать несколько видов криптовалют (blockchair.com, tokenview.com, blockchain.com, bitaps.com и live.blockcypher.com).

Однако важно отметить, что существующие обозреватели блокчейна могут иметь некоторые недостатки:

1. Отсутствие визуализации данных – большинство обозревателей предоставляют информацию в текстовом формате, что может затруднить анализ больших объемов данных.
2. Отсутствие возможности постановки на контроль – некоторые обозреватели не предоставляют функции для отслеживания активности конкретных криптокошельков, что может быть необходимо для расследования.
3. Ограниченные возможности идентификации криптокошельков – обозреватели могут ограничиваться в информации о принадлежности криптокошельков к каким-либо биржам, обменникам или другим сущностям.

Для успешного расследования преступлений, связанных с криптовалютами, может потребоваться комбинирование данных из различных источников и использование специализированных аналитических инструментов, а также сотрудничество с экспертами в области кибербезопасности и криптографии.

Для деанонимизации и идентификации владельцев криптокошельков требуются разнообразные методы и инструменты:

1. Обозреватели блокчейна (проводники, мониторинги): сервисы explorer.crystalblockchain.com, ethtective.com, oxt.me и др. могут предоставить важную информацию о транзакциях (статусе, количестве подтверждений, истории) и криптокошельках (баланс), потоки средств, связи тех или иных адресов или монет. Для получения информации достаточно в одном из указанных сервисов ввести в поисковую строку адрес криптокошелька [6].

2. Программный комплекс «Maltego»: инструмент, используемый для автоматизации процесса поиска информации размещенной в различных источниках сети интернет и анализа связей между отдельными ее блоками в целях проведения онлайн-расследований. По заданным параметрам он позволяет в сети Интернет найти любую информацию, относящуюся к теме поиска, создавать графические представления данных и выявить связи между ее элементами [7].

3. Платформа «GraphSense»: платформа предоставляет кросс-леджерный анализ блокчейна для нескольких видов криптовалют, что может быть полезно при расследовании. Она также доступна в виде открытого исходного кода. Конвейер преобразования GraphSense используется для импорта зашифрованных блоков, транзакций, тегов, адресов криптовалюты, и других данных [8].

4. Постановка криптокошельков на мониторинг: использование сервисов, таких как cryptocurrencyalerting.com и cryptotxalert.com, позволяет отслеживать активность определенных криптокошельков и получать уведомления о движении средств.

5. Поиск упоминаний в сети: для прямого соотнесения данных о принадлежности криптокошелька конкретному лицу можно использовать метод поиска упоминаний этого криптокошелька в поисковых системах и социальных сетях. Это может помочь найти связи между кошельками и личностями.

6. Сотрудничество с киберспециалистами: Сотрудничество с экспертами в области кибербезопасности и криптографии может быть весьма полезным для более сложных анализов и методов деанонимизации.

Важно отметить, что соблюдение законов и правил конфиденциальности при сборе и анализе данных о криптокошельках является обязательным. Действия правоохранительных органов должны соответствовать законодательству и требованиям приватности. Важно соблюдать баланс между борьбой с криминальной деятельностью и защитой личной информации граждан. Все действия правоохранительных органов должны проводиться в рамках законодательства, с соблюдением конституционных прав граждан.

Прозрачность и открытость в сети Интернет имеют свою ценность, но важно учитывать, что некоторые инструменты для обеспечения конфиденциальности были созданы с целью защиты личной информации и безопасности граждан. Поэтому важно сбалансировать способы борьбы с криминальной активностью и защиту прав частных лиц.

Информирование общества о возможных угрозах, связанных с незаконным использованием криптовалют, а также о средствах обеспечения безопасности и защите данных, могут способствовать более ответственному поведению граждан в цифровом пространстве.

Таким образом, успешная борьба с криминальной деятельностью, связанной с криптовалютами, требует комплексного подхода, который учитывает, как технические, так и социокультурные аспекты этой проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сидоренко Э.Л. Наркотики и криптовалюта: новые криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 2.
2. Долгиева М.М. Криптовалютная наркоторговля в России и за рубежом // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4.
3. Коренная А.А., Тыдыков Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3(3).
4. Васюков В.Ф. Расследование дел о сбыте наркотиков с использованием мессенджеров и криптовалюты // Уголовный процесс. 2019. № 9(177).
5. Пасько Д.В., Седов М.А. Использование криптовалюты в незаконном обороте наркотиков // Енисейские правовые чтения: сб. научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченный к 65-летию Юридического института Сибирского Федерального университета. Красноярск, 2020.
6. Обзорщики блокчейна: что это, обзор сайтов для мониторинга сети топовых криптовалют (Bitcoin, Ethereum, токенов ERC20, TRC20, BEP20). URL: <https://profinvestment.com/blockchain-explorer/> Сайт: Profinvestment.com (дата обращения: 10.10.2023).
7. 4 релиза Maltego. Принципы работы и возможности. URL: <https://habr.com/ru/companies/tomhunter/articles/462457/> (дата обращения: 10.10.2023).
8. Русские Блоги. Введение в GraphSense. URL: <https://russianblogs.com/article/75791042180/> (дата обращения: 10.10.2023).

REFERENCES

1. Sidorenko E. L. Drugs and cryptocurrency: new criminological trends // Drug control. 2018. № 2.
2. Dolgieva M. M. Cryptocurrency drug trafficking in Russia and abroad // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.
3. Korennaya A. A., Tydykov N. V. Cryptocurrency as an object and means of committing a crime // All - Russian Journal of Criminology. 2019. № 3(3).
4. Vasyukov, V. F. Investigation of drug sales cases using messengers and cryptocurrencies / V. F. Vasyukov // Criminal proceedings. 2019. № 9(177).
5. Pasko D.V., M. A. Sedov. The use of cryptocurrencies in drug trafficking // Yenisei Legal readings : A collection of scientific articles by students, postgraduates and young scientists dedicated to the 65th anniversary of the Siberian Federal University Law Institute. Volume Issue 4. Krasnoyarsk, 2020.
6. Blockchain observers: what is it, an overview of sites for monitoring the network of top cryptocurrencies (Bitcoin, Ethereum, ERC20, TRC20, BEP20 tokens). URL: <https://profinvestment.com/blockchain-explorer/> Website: Profinvestment.com (date of access: 10.10.2023).
7. 4 Maltego releases. Principles of operation and capabilities. URL: <https://habr.com/ru/companies/tomhunter/articles/462457/> (date of access: 10.10.2023).
8. Russian Blogs. Introduction to GraphSense. URL: <https://russianblogs.com/article/75791042180/> (date of access: 10.10.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Решняк Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики учебно-научного-комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Волгоградская академия МВД России. 400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Reshnyak Olga Alexandrovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology of the educational and Scientific complex for preliminary investigation in the internal Affairs bodies. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400089 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 185–190.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 185–190.

Научная статья

УДК 343.98

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТИ РАБОТЫ С ВЕЩЕСТВЕННЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ ЛИЦАМИ, ПРИВЛЕКАВШИМИСЯ В КАЧЕСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Севостьянова Светлана Олеговна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация

sievostianova1986@mail.ru

Введение: в статье содержатся предложения по противодействию преступлениям, совершенным лицами, привлекавшимися в качестве судебных экспертов, позволяющие осуществлять организацию ведомственного и межведомственного взаимодействия, направленного на расследование рассматриваемых преступлений.

Материалы методы: использована совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод; общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, технико-юридический).

Результаты исследования: обоснована целесообразность внедрения в практическую деятельность всех подразделений правоохранительных органов, задействованных в раскрытии и расследовании преступлений, «Программы проверки технической достоверности вещественных доказательств», предназначенной для контроля над состоянием объектов, относящихся к категории вещественных доказательств по уголовным делам.

Выводы и заключения: автором в результате проведенного исследования сформулирован вывод о том, что внедрение «Программы проверки технической достоверности вещественных доказательств» позволит выстроить эффективное ведомственное и межведомственное взаимодействие при расследовании анализируемых преступлений, а также обеспечить прозрачность обращения с криминалистически значимой информацией.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, взаимодействие, информация, вещественные доказательства, расследование преступлений.

Для цитирования: Севостьянова С. О. Обеспечение информационной прослеживаемости работы с вещественным доказательством как средство противодействия преступлениям, совершенным лицами, привлекавшимися в качестве судебных экспертов / С. О. Севостьянова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 185–190.

Original paper

ENSURING INFORMATION TRACEABILITY OF WORK WITH MATERIAL EVIDENCE AS A MEANS OF COUNTERING CRIMES COMMITTED BY PERSONS INVOLVED AS FORENSIC EXPERTS

Sevostyanova Svetlana Olegovna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article contains proposals for combating crimes committed by persons involved as forensic experts, during which the organization of departmental and interdepartmental interaction aimed at investigating the crimes in question is carried out.

Materials and methods: a set of methods of scientific knowledge was used, among which the leading place is occupied by the dialectical method; general scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and concretization) and specific scientific methods: comparative legal, technical and legal.

Results of the study: the feasibility of introducing the practical activities of all departments of law enforcement agencies involved in the detection and investigation of crimes «Program for checking the technical reliability

of material evidence», designed to control the condition of objects belonging to the category of material evidence in criminal cases, is justified.

Findings and conclusions: the author, as a result of the research, formulated the conclusion that the implementation of the “Program for checking the technical reliability of material evidence” will allow building effective departmental and interdepartmental interaction in the investigation of the crimes being analyzed, as well as ensuring transparency in the handling of forensically significant information.

Keywords: forensic activity, interaction, information, physical evidence, crime investigation

For citation: Sevostyanova S. O. Ensuring information traceability of work with material evidence as a means of countering crimes committed by persons involved as forensic experts / S. O. Sevostjanova // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and informational-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2 (109). – Pp. 185–190.

На современном этапе все чаще внимание научного сообщества обращается на необходимость первоочередного выявления и расследования должностных преступлений и установление их субъектов. Однако преступления, совершаемые в сфере деятельности лиц, привлекаемых в качестве судебных экспертов, остались вне поля зрения исследователей, как на теоретическом, так и практическом уровне. Несмотря на то, что данные преступления не входят в категорию отдельно оцениваемых противоправных действий, представление о состоянии преступности в рассматриваемой сфере, чаще всего складывается из: количества обращений граждан в правоохранительные органы; числа проверок, осуществленных службами собственной безопасности; сообщений, размещенных в средствах массовой информации.

Анализ современного уголовного законодательства, а также судебно-следственной практики позволил установить, что преступления, совершаемые лицами, привлекаемыми в качестве судебных экспертов, чаще всего квалифицируются: по ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями), ч. 5–8 ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп), ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), ст. 290 УК РФ (получение взятки), ст. 292 УК РФ (служебный подлог), ст. 293 УК РФ (халатность), ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности), ст. 307 УК РФ (заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод). Подобные преступления часто связаны с общественно опасным деянием, заключающимся в «фальсификации доказательственной информации».

В ходе проведенного исследования выявлено, что основными способами совершения преступлений являются:

1. Действия лиц, привлеченных в качестве судебных экспертов, направленные на материальную «фальсификацию доказательственной информации» в виде:

- намеренного изменения, подмены, повреждения, порчи, утраты или уничтожения объектов, предоставленных инициаторами экспертных исследований;
- создания «новых» объектов исследования;
- одновременного внесения изменений в уже существующее доказательство совместно с созданием новых.

2. Действия лица, привлеченного в качестве судебного эксперта, направленные на интеллектуальную «фальсификацию доказательственной информации», включающие:

- преднамеренное и необоснованное использование без необходимости в ходе проведения экспертизы техники, методов и методик, повреждающих объект экспертного исследования, ведущих к исключению возможности проведения повторных экспертиз;
- нарушение предписаний методик исследования (использование не апробированных, самостоятельно разработанных методик);
- использование не соответствующих экспертным задачам математических моделей и компьютерных программ (нелицензированные программы);
- применение не поверенных средств измерений;
- использование для измерений приборов, не относящихся к числу сертифицированных средств измерений;
- использование недостоверных эталонов.

Таким образом, способы совершения преступлений лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов, представляют собой действия, направленные на интеллектуальную и материальную «фальсификацию доказательственной информации», что обуславливают необходимость трансформации подходов к прослеживаемости вещественных доказательств.

С целью недопущения фальсификации объектов экспертных исследований или результатов таких исследований, с учетом имеющихся способов материальной и интеллектуальной «фальсификации доказательственной информации» предлагаем в информационную среду правоохранительных органов внедрить адаптированную «Программу проверки технической достоверности вещественных доказательств» (далее – ППТД ВД).

Использование ППТД ВД позволит осуществить сквозную прослеживаемость жизненного цикла вещественного доказательства на протяжении всего хода расследования, а также субъектов взаимодействующих с данными вещественными доказательствами [1, с. 297].

Следует отметить, что для обеспечения возможности контроля подлинности объектов, являющихся вещественными доказательствами, позволит идентифицировать объекты с использованием индивидуальных кодов.

Предлагаемая программа основана на маркировании каждого вещественного доказательства динамическим QR-кодом, который будет работать следующим образом:

1. После изъятия вещественного доказательства сотрудник (специалист-криминалист, следователь или иное уполномоченное лицо) с помощью планшета, смартфона или иного устройства осуществляет вход в интегрированную информационную инфраструктуру правоохранительных органов ППТД ВД и проходит двойную аутентификацию пользователя данной системы.

2. После положительного прохождения аутентификации осуществляется вход в систему, на экране появляется карточка изымаемого объекта, в соответствующие поля которой необходимо внести всю имеющуюся информацию о вещественном доказательстве. Вносимые данные могут быть следующего содержания:

- дата, время (устанавливается автоматически после занесения информации в карточку объекта);

- место изъятия (с геолокацией), обстоятельства произошедшего события (ст. УК РФ);

- месторасположение объекта относительно неподвижных ориентиров обстановки

- вид следственного действия (ОРМ) в ходе которого происходило изъятие;

- технические средства и методы, используемые при обнаружении и изъятии объектов (предметов);

- количество (объем), признаки (форма, цвет, размер) в том числе отличительные и свойства изымаемого объекта;

- способ изъятия (например, с предметом-носителем, с частью предмета, путем изготовления слепка и т. д.);

- ФИО сотрудника производившего изъятие и упаковку;

- фото- или видеоизображение первоначального вида объекта и т. д.

3. Сформировав карточку с достоверной информацией о вещественном доказательстве, система осуществляет ее шифрование в бинарную комбинацию (0 и 1) и в режиме реального времени генерирует QR-код, а в центральной части вставляется аббревиатура ведомства, сотрудниками которого производилось изъятие (МВД, СК, ФСБ и т.д.), после чего карточка отправляется в базу данных.

4. Сгенерированный QR-код распечатывается на самоклеящихся стикерах из бумаги (термоэтикетка) при помощи термотрансферного принтера, поскольку печать, выполненная на данном устройстве, более устойчива к климатическим и механическим воздействиям. Данные стикеры приклеиваются к упакованным вещественным доказательствам.

5. После проведения маркировки к материалам уголовного дела приобщается список QR-кодов всех вещественных доказательств с занесенной о них информацией. Такая информация будет храниться в компактном виде неограниченное количество времени, а также в динамическом режиме дополняться (с одновременной фиксацией сведений о пользователе, вносящем дополнения) в процессе осуществления следственных и процессуальных действий каждым из участников взаимодействия.

6. В случае необходимости проведения экспертного исследования, следователь у которого находится в производстве уголовное дело, выносит соответствующее постановление. Далее посредством цифрового устройства с камерой или 2D-сканера штрих кодов производит сканирование QR-кода на упаковке вещественного доказательства, в результате чего происходит распознавание и извлечение зашифрованной в нем информации. В ходе интерпретации

закодированных данных совершается переход в ППТД ВД, где следователь проходит аутентификацию и появляется карточка с данными о вещественном доказательстве. Добавляемая субъектом расследования информация в карточку может быть следующая:

- название органа, назначившего исследование, данные инициатора (должность, звание, ФИО);
- ФИО конкретного эксперта или наименование СЭУ (СЭО), в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
- вид назначаемой экспертизы;
- какая экспертиза в зависимости от качества и последовательности (первичная, дополнительная, повторная);
- по количеству экспертов (единоличная, комплексная, комиссионная)
- вопросы, поставленные перед экспертом;
- информация об образцах, предоставляемых совместно с вещественным доказательством (вносится при необходимости).

По окончании заполнения отмеченных данных нажимается кнопка «сохранить», после чего автоматически генерируется время и дата, а внесенная информация сохраняется и отправляется вновь в общую базу вещественных доказательств.

7. После регистрации материалов, поступивших на исследование, сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, которому было поручено производство экспертизы, осуществляет вход в ППТД ВД, как описано в п. 6 и сверяет данные, содержащиеся в карточке с данными указанными в постановлении и вещественными доказательствами, содержащимися в упаковке. При выявлении несоответствий данный факт фиксируется, и об этом докладывается руководителю.

8. После проведения экспертного исследования вещественные доказательства упаковываются в исходную упаковку либо новую, но с сохранением ранее сгенерированного QR-кода. Затем вновь осуществляется вход в ППТД ВД и вносит следующие данные:

- дата, время (начато, приостановлено, возобновлено, окончено), номер экспертного исследования, кем проведено исследование (должность, звание при наличии, ФИО);
- с применением, каких методов проводилось исследование (не разрушаемые, разрушаемые). При проведении разрушающих методов фиксируется вид объекта исследования после их применения, загружается фото- или видеоизображение;
- какое количество (объем) вещества был израсходован в ходе проведенного исследования;
- применяемые методики в ходе экспертного исследования;
- краткие выводы по результатам исследования;
- отметки о проверке объекта по информационным учетам и результат проверки;
- данные о постановке вещественного доказательства на учет (номер, дата, вид учета) и т. д.

9. После возвращения вещественных доказательств инициатору исследования следователь вновь осуществляет сверку и затем вносит информацию о принятом решении по уголовному делу (например, данные судебного решения) и о дальнейшей судьбе вещественного доказательства, которая может быть следующего содержания:

- при отправке в комнату хранения вещественных доказательств (дата, время, место в ячейке);
- при уничтожении (время, дата, место, способ уничтожения с приложением фото- или видеоизображения);
- при возвращении (время, дата, данные кому возвращено).

Таким образом, вся информация о вещественном доказательстве от момента изъятия и до принятия конкретного решения по делу будет содержаться в единой базе ППТД ВД, при этом не будет подвергаться изменениям, а лишь дополняться в результате проведения необходимых следственных или процессуальных действий. Отмеченный подход позволит проследить весь жизненный цикл вещественного доказательства, убедиться в его технической достоверности, тем самым защитив от фальсификации, а также станет одним из средств противодействия преступлениям, совершаемым лицами, привлекавшимися в качестве судебных экспертов.

Отметим, что внедрение предлагаемой автоматизированной системы ППТД ВД должно соответствовать принципам достоверности, разграниченного доступа и актуальности [2, с. 135].

Принцип достоверности достигается путем введения следователем в систему информации о вещественном доказательстве соответствующей действительности.

Далее в целях обеспечения информационной безопасности и реализации принципа разграниченного доступа субъекты взаимодействия после прохождения авторизации в системе надеются соответствующими полномочиями, которые возможно представить в следующем виде:

- пользователь (имеет возможность только просматривать криминалистически значимую информацию об объекте);

- сотрудник (имеет полномочия вносить первоначальную и дополнительную информацию об объекте, получаемую в результате следственных действий (ОРМ), проведенных экспертных исследований). Если лицо, которому необходимо внести дополнительную информацию, не относится к сотрудникам правоохранительных органов, то вход в ППТД ВД каждый раз совершается через одноразовый логин и пароль (генерируются в онлайн режиме), который предоставляет следователь;

- руководитель (руководитель следственного органа, осуществляющего контроль за ходом расследования, местом нахождения вещественных доказательств);

- следователь (субъект расследования, в производстве которого находится уголовное дело).

Принцип актуальности информации обеспечивается следователем, который на протяжении всего расследования вносит дополнения о движении (месте нахождения) и состоянии вещественного доказательства.

Таким образом, соблюдение всех отмеченных принципов формирования и ведения ППТД ВД с предварительной маркировкой вещественного доказательства QR-кодом будет способствовать организации единого информационного массива, позволяющего идентифицировать вещественные доказательства.

Кроме того внедрение предлагаемой нами ППТД ВД позволит:

- обеспечить получение достоверной информации о вещественных доказательствах, изъятых в дежурные сутки в ЭКЦ региона, а также всем субъектам, уполномоченным на раскрытие и расследование совершенного преступления;

- обеспечить техническую достоверность объектов и защитить их от материальной и интеллектуальной фальсификации;

- проследить маршрут движения вещественных доказательств на всех этапах расследования преступлений. Принцип системы прослеживаемости будет выглядеть следующим образом: изъятие вещественных доказательств; присвоение QR-кода учет событий с конкретной датой и временем (дополнительный осмотр, назначение экспертиз и т. д.) конечная информация;

- выстроить межведомственную систему, функционально обеспечивающую устойчивое взаимодействие между следователями и лицами, привлекаемыми для технико-криминалистического и судебно-экспертного сопровождения расследования, и иными субъектами;

- создать инструмент учета и контроля за вещественными доказательствами;

- повысить имидж правоохранительных органов.

Таким образом, в связи с внедрением высоких технологий в правоохранительную деятельность, появляется необходимость в изменении подходов к организации ведомственного и межведомственного взаимодействия в ходе расследования преступлений, совершенных лицами, привлекаемыми в качестве судебных экспертов, а также иных противоправных действий путем объединения имеющихся ведомственных информационно-аналитических систем, а также интегрирования ППТД ВД.

Применение ППТД ВД с генерацией QR-кода и последующей маркировкой вещественных доказательств позволит проводить идентификацию объектов, защитить их от материальной и интеллектуальной «фальсификации доказательственной информации» являясь средством противодействия совершению преступлений лицами, привлекавшимися в качестве судебных экспертов, а также позволит выстроить эффективное ведомственное и межведомственное взаимодействие при расследовании данных противоправных действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большаков А.П., Пупцева А.В. Виды информационного обеспечения, используемого в розыске лиц (подозреваемых, обвиняемых), скрывшихся от органов предварительного следствия и суда // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. научных статей международной научно-практической конференции. Волгоград, 2013.

2. Дронова О.Б. Современные возможности повышения эффективности противодействия обороту фальсифицированной потребительской продукции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30).
3. Российские и международные криминалистические учеты: учебное пособие / под ред. Н.А. Корниенко. М., 2017.
4. Авдашкевич Л.А. Совершенствование информационного обеспечения оперативных подразделений уголовного розыска // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 3.
5. Плотников П.П. Автоматизированные информационные системы МВД РФ // Автоматизированные системы специального назначения. Воронеж, 2015.
6. Попов С.В. Управление экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел России на основе развития современных информационно-коммуникационных технологий // Молодой ученый. 2019. № 25(263).
7. Свистильников А.Б., Кулешов В.И. Некоторые вопросы информационного обеспечения оперативных подразделений уголовного розыска // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2010. № 2.
8. Христенко А.А. Теоретико-правовой аспект информационной безопасности оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7(98).

REFERENCES

1. Bolshakov A.P., Puptseva A.V. Types of information support used in the search for persons (suspects, accused) who have fled from the preliminary investigation authorities and the court // In the collection: Current problems of preliminary investigation Collection of scientific articles of the international scientific and practical conferences. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013.
2. Dronova O.B. Modern possibilities for increasing the effectiveness of countering the circulation of counterfeit consumer products // Legal science and law enforcement practice. 2014. № 4 (30).
3. Russian and international forensic accounting: textbook / ed. N. A. Kornienko. Moscow, 2017.
4. Avdashkevich L.A. Improving information support for operational criminal investigation units // Education. The science. Scientific personnel. 2014. № 3.
5. Plotnikov P.P. Automated information systems of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Automated systems for special purposes. Voronezh, 2015.
6. Popov S. V. Management of expert and forensic units of the internal affairs bodies of Russia based on the development of modern information and communication technologies // Young scientist. 2019. № 25 (263)
7. Svistilnikov A. B., Kuleshov V. I. Some issues of information support for operational criminal investigation units // Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2.
8. Khristenko A.A. Theoretical and legal aspect of information security of operational investigative activities of criminal investigation units // Eurasian Legal Journal. 2016. № 7(98).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Севостьянова Светлана Олеговна, старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-судебной деятельности. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sevostyanova Svetlana Olegovna, senior lecturer at the Department of Document Research for the Educational and Scientific Complex of Expert and Judicial Activities. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 191–195.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 191–195.

Научная статья

УДК 343.213.3

ТЕОРИЯ АГЕНТСТВА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Сотов Александр Игоревич

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

sotoff@mail.ru

Введение: вопросы противодействия коррупции как формы дисфункции организации при выполнении возложенных на нее задач остаются крайне актуальными для всех стран. Поэтому со стороны как отечественных, так и зарубежных ученых предпринимались попытки теоретического осмысления данной проблемы. Одной из таких попыток является осмысление коррупционного поведения с точки зрения теории агентства, которая выделяет саму организацию, непосредственного исполнителя ее функций и потребителя данных функций. Причина коррупции усматривается в кардинальном расхождении целей всех этих субъектов. В связи с тем, что принципы функционирования наших организаций в настоящее время примерно соответствуют зарубежным, иностранный опыт может представлять определенный интерес.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, которые ориентированы на выявление и разрешение проблем, связанных противодействием коррупционному поведению сотрудников организации при их взаимодействии с потребителями.

В статье применены методы: описательный, анализ и синтез, систематизация, классификация и др., были изучены материалы научных исследований, отраженные в монографиях, научных статьях и др.

Результаты исследования: позволили автору описать суть теории агентства и ее значение применительно к коррупционному поведению, а также методы подавления такому поведению.

Выводы и заключения: выявлены причины, которые, с точки зрения теории агентства, снижают эффективность контроля как способа противодействия коррупции. Кроме того, подчеркнуты коррупционные возможности лиц, обладающих не распорядительными, а информационными функциями.

Ключевые слова: теория агентства, коррупция, должностные преступления, должностное лицо, заказчик, принципал.

Для цитирования: Сотов А. И. Теория агентства и ее применение в сфере противодействия коррупции / А. И. Сотов // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109).– С. 191–195.

Original paper

AGENCY THEORY AND ITS APPLICATION IN THE FIELD OF ANTI- CORRUPTION

Sotov Alexander Igorevich

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federaation

Introduction: combating corruption as a form of organizational dysfunction during performance of its tasks remain extremely actual for all countries. Therefore, attempts have been made by both Russian and foreign scientists to theoretically recognize this problem. One of such attempts is to understand corrupt behavior from the point of view of the agency theory, which distinguishes the organization itself, the direct executor of its functions and the consumer of these functions. The reason for corruption could be found in the cardinal divergence of the goals of all these subjects. Due to the current principle similarity of functioning for all organizations through over the world, foreign experience may be of some interest.

Materials and methods: determined by the range of scientific tasks to be solved, which are focused on identifying and solving problems related to suppressing corruption behavior of the employees in the process of co-operating with customers.

The article uses the following methods: descriptive, analysis and synthesis, systematization, classification, etc., the materials of scientific research reflected in monographs, scientific articles, etc.

Results of the study: allowed the author to describe the essence of the agency theory and its significance with regards to corrupt behavior, as well as methods of suppressing such behavior.

Findings and conclusions: the reasons revealed that, from the point of view of the agency's theory, reduce the effectiveness of control as a method of countering corruption. In addition, the corruption capabilities are emphasized for persons with information functions rather than with administrative functions.

Keywords: agency theory, corruption, malfeasance, official, customer, principal.

For citation: Sotov A. I. Agency theory and its application in the field of anti-corruption / A. I. Sotov // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 191–195.

Противодействие коррупции по-прежнему остается одной из основных задач, которая стоит перед мировым сообществом. Несмотря на все политические турбулентности, существует понимание, что складывающийся на протяжении последних полутора десятилетий бюрократический государственный аппарат никуда не денется, и в обозримом будущем полностью заменить его компьютерными средствами не получится. Да и не в государственном аппарате только дело, поскольку коррупционные явления, как уже всем очевидно, превосходно существуют и в полностью коммерческих организациях.

Поэтому исследования, посвященные сути коррупции, уяснению ее генезиса и, соответственно, выработке мер борьбы с нею, продолжают вестись во всех странах. Решающего прорыва, который бы означал быстрое и полное искоренение различных служебных злоупотреблений, так найдено и не было, хотя научный поиск зачастую приводил к появлению весьма любопытных результатов.

Среди них можно отметить теорию агентства (agency theory). Данная теория призвана описывать корпоративное управление внутри любого коллегиального образования, будь то коммерческая организация или иной орган, призванный решать некую социальную задачу. В основе теории лежит модель взаимоотношений трех субъектов – принципала (principal), т. е. коллективного субъекта, играющего ту или иную социальную роль и устанавливающего определенные правила ее отправления (например, государственную организацию), агента (agent), непосредственно исполняющего функцию принципала (то есть, конкретного служащего), и потребителя (customer), для обработки запросов которого и существует принципал. При этом их интересы могут иметь различную направленность.

Авторами теории считаются американские экономисты Майкл Дженсен и Уильям Меклинг, которые в 1976 г. написали статью «Теория фирмы: управленческое поведение, агентские издержки и структура собственности» (Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure by Michael C. Jensen and William H. Meckling, Journal of Financial Economics (JFE), Vol. 3, № 4, 1976).

Представляется, что наличие противоречащих друг другу интересов всех участников корпоративного процесса является достаточно ценным наблюдением, которое, что особенно важно, становится питательной средой для коррупционных проявлений. Этим проявлениям и противодействию им с точки зрения теории агентства посвящена работа профессора Чикагского университета Кейниса Прендергаста «Расследование коррупции» ("Investigating corruption" by Canice Prendergast, The World Bank Development Research Group, December 2000). Выводы, к которым пришел ученый, достаточно любопытны и, как минимум, заслуживают того, чтобы с ними ознакомились. Особенностью этого исследования является развитый вычислительный аппарат, и по количеству формул эта монография напоминает скорее исследование по высшей математике. Впрочем, дело не в формулах, поскольку они играют скорее вспомогательную роль, и на смысл работы не особенно влияют.

Основная идея противодействия коррупции достаточно проста – надо проводить расследования, и по их итогам виновных необходимо привлекать к ответственности, а тех, кто честно исполняет свои обязанности – поощрять. То есть основа противодействия – контроль. Кажется бы, чем плотнее контроль, тем меньше коррупция, тем эффективнее работает организация.

Но все просто только на первый взгляд. Стандартная модель регулирования деятельности служащего заключается в том, что его благополучие и вознаграждение определяется тем, какие показатели удалось ему достигнуть. Кажется бы, все просто, но проблема заключается в том, как эти показатели сформулировать. Например, рассуждает автор, как быть с чиновником, ответственным за выдачу разрешений для компаний, работать в той или иной отрасли? Устанавливать ли его вознаграждение в зависимости от количества таких выданных допусков? Коррупционная составляющая такого решения очевидна, но, если считать показателем хорошей работы малое количество выданных разрешений, ситуация будет не легче [1, с. 1].

С точки зрения теории агентства решение может быть одно – единственным критерием для поощрения сотрудника является точное выполнение им должностных инструкций.

Однако надо отдавать себе отчет, что инструкция существует не в идеальном мире, а должна применяться в реальности, которая вносит свои суровые поправки. Например, принципам стремиться обеспечить какую-либо социально значимую функцию, и чтобы это было выполнено наилучшим образом. Но потребитель (в данном случае это может быть, например, участник торгов) преследует, прежде всего, свои собственные интересы. И тут возникает важнейший момент, который в теории агентства достаточно хорошо проработан, а в отечественной науке не имеет достаточного признания – агент выполняет не только распорядительную, но также и экспертную функцию. Его задача – не столько решение вопросов, сколько предоставление принципалу необходимой информации, чтобы он мог решить ее сам. Поэтому потребитель может попытаться подкупить агента, чтобы тот предоставил принципалу искаженную информацию, которая может быть выгодна потребителю. И устранить эту проблему трудно даже с помощью самой проработанной инструкции.

Возможность такого сговора должна быть для принципала источником постоянного беспокойства [1, с. 7]. Имманентная сущность противоречия с точки зрения теории агентства неплохо объясняется тем, что потребитель и агент могут преследовать, прежде всего, свои частные выгоды, а принципал призван обеспечивать социальные задачи [1, с. 9]. Там, где эти две цели расходятся, возникает наиболее опасная ситуация. В идеале принципал должен стремиться к такому положению, чтобы поле для усмотрения агента было минимальным, но это невозможно. Ведь если бы это было так, то отпала бы сама необходимость в фигуре агента.

Поэтому контролировать все равно надо, только не полученные результаты, а саму деятельность агента. Но любой контроль требует определенных ресурсов, и, как правило, в полной мере контрольные механизмы (включая проведение расследования) задействуются в тех случаях, когда у принципала есть наиболее веские основания предполагать нарушение. Легко понять, что чем выше «плотность» контроля и чем серьезнее взыскание, тем меньше у агента возникает желание «словчить». Но автор призывает не забывать, что основная цель контроля – устранять дефекты в работе агента, а не просто следить за деятельностью чиновников. Ведь обжалование судебных актов, отмечает Прендергаст, нужно для того чтобы восстанавливать справедливость, а не контролировать поступки судей [1, с. 3].

Для принципала, по его мнению, существуют два пути – во-первых, проводить исследование принимаемых агентом решений и вознаграждать его по результатам проверки; во-вторых – всецело полагаться на данные, предоставляемые агентом, но только в том случае, когда его решение направлено против интересов потребителя [1, с. 10]. В отношении второго метода дается ссылка на выкладки Тирола (Tirole). Например, на конкурс заявляются две компании, одна из которых предлагает свою продукцию по цене 1 \$, а вторая – по цене 2 \$. Должностное лицо, на которое возложена обязанность выбрать победителя, понимает истинную цену контракта, и поле для коррупции, по мнению ученого, возникает в случае, когда обоснованной объявляется цена 2 \$, в то время как таковой является стоимость в 1 \$. Но если вознаграждение должностного лица зависит от отрицательных для потребителя решений, то он скорее будет заинтересован ходатайствовать в пользу 1 \$. Впрочем, как оговаривается автор, такой подход может быть эффективным только в том случае, если выплаченная должностному лицу премия будет как минимум сопоставима по масштабам с предлагаемой должностному лицу взяткой. И такой подход, по его же наблюдениям, далеко не пользуется популярностью.

Итак, исследование деятельности, т. е. проверка, является необходимым. Но тут Прендергаст пришел к выводу, что контроль может снижать эффективность деятельности, для чего существуют три причины:

I. Поскольку служащие осознают, что многие расследования начинаются с жалоб сторонних клиентов, они из всех сил стараются идти им навстречу (make clients happy).

Основным инструментом контроля остается расследование, в ходе которого принципал проверяет поступки агента. По мнению автора, оно по своей сути является контрактом, по результатам которого агент получает взыскание, если он принял решение, отличающегося от того, которое по результатам расследования признано оптимальным [1, с. 11].

Такое расследование может проводиться по инициативе принципала. Но такая ситуация не характерна, да и эффективность самоконтроля автором оценивается низко, особенно в отношении правительственных организаций [1, с. 12]. Главным поводом для задействования контрольных механизмов являются жалобы потребителей, неудовлетворенных результатом решения, которое принято в отношении них. Именно жалобы являются признаком, отличающим обычный случай от того, по которому надо предпринимать меры по вмешательству. Причем

потребитель рассчитывает, что по каждому его сигналу будет проведена соответствующая проверка, хотя фактически вероятность проверки зависит от того, насколько высоко принципал будет оценивать вероятность ошибки со стороны агента. Проблема заключается в том, что далеко не всегда жалоба позволяет понять, имело ли место злонамеренное нарушение правил несения службы, или просто ошибка, хотя, конечно, сам факт их подачи снижает риск коррупции. Получается, что даже добросовестное, некоррупционное поведение не позволяет чиновнику спать спокойно. Для агента в рассматриваемой ситуации существуют три риска:

- риск обжалования его действий;
- риск проведения проверки по жалобе;
- риск признания действий необоснованными по результатам проверки [1, с. 17].

Страх перед проверкой по результатам жалоб подталкивает служащего к тому, чтобы удовлетворить пожелания потребителя любой ценой, даже если для этого придется пойти на нарушение правил. Агент прекрасно понимает, что его деятельность будет проверяться, если на него поступит жалоба, и с его стороны логично предпринять все усилия, чтобы этой жалобы не было. Лучший способ достигнуть такого результата – лишить потребителя повода жаловаться.

Фактически, это приводит к тем же результатам, что и коррупционное поведение. Причем потребитель может даже не предлагать взятку.

II. Понимая механизм работы своей организации, служащие могут намеренно пойти по пути максимально скрупулезного соблюдения всех правил, но так, чтобы их действия как можно больше соответствовали точке зрения их руководителя.

Следующим важным фактором является различный уровень специальной квалификации у агента и принципала. Служащие, постоянно погруженные в решение профессиональных вопросов, вероятнее всего обладают более существенными познаниями в той или иной области, чем те, кто призван их контролировать. Отсюда следует довольно неожиданный вывод – даже если служащие понимают, какое решение будет более эффективным с технической точки зрения, они будут отдавать предпочтение не ему, а тому, которое будет более доступно для непрофессионального понимания контролера. Например, при проведении конкурсной закупки ключевым показателем ставится низкая цена, а не характеристики предмета закупки. Профессионалы понимают, что для решения поставленных задач более важны физические качества, но боятся, что если их решение будет обжаловано, и начнутся проверочные действия, то им будет достаточно сложно убедить непрофессионалов в рациональности принятого решения. Поэтому им представляется не то что более правильным, а более «спокойным», заранее выбрать тот путь, который позволит дать ответы, которые легче «дойдут» до проверяющих [1, с. 4]. По мнению автора, это выглядит так. Агент понимает, что его действия могут быть проверены, и результаты проверки зависят от того, какая информация поступит к принципалу. Поэтому у него есть два варианта – либо поступить так, как это представляется ему оптимальным с точки зрения достижения поставленных задач, либо так, как это будет правильнее выглядеть с точки зрения информации, поступившей принципалу [1, с. 22]. Вообще же, полагает Прендергаст, проблема не столько в том, чтобы агент предоставил достоверные сведения, сколько в том, чтобы заставить его выискивать нужные сведения (т. е., те, которые приведут к действительно эффективному решению). Автор приходит к парадоксальному заключению – можно допустить коррупционное поведение агента, если он при этом собирает нужную для дела информацию [1, с. 23]. Ибо честный, но плохо информированный сотрудник, пусть он и всегда говорит правду, менее эффективен, чем его хоть и коррумпированный, но более осведомленный коллега. В итоге заказчик получает то, что он хочет, необходимость жаловаться у него отпадает, но, по крайней мере, у всех имеется корректная картина мира [1, с. 24]. Впрочем, оговаривается автор, это работает только в тех случаях, когда социальные цели совпадают с частными.

III. Иногда взятки коррупционеру даются для того, чтобы он не обратил внимания на то или иное нарушение, образно говоря, «смотрел в другую сторону» (look the other way), и этот вид коррупционного деяния особенно характерен для случаев, когда выявление нарушения может повлиять на показатели работы служащего.

Третья причина снижения эффективности агента также лежит в области его информационной функции, т. е. в информировании вышестоящих инстанций о том, что казус имел место. И в этой ситуации коррупционное поведение будет заключаться не в том, чтобы служащий что-то сделал, а именно в том, чтобы он ничего не делал – просто промолчал. Хуже всего, когда неприятные сведения поступают к агенту уже после того, как положительное для потребителя решение было принято, и их сообщение принципалу должно, по идее, повлечь его отмену. Вот тут и возникает для агента соблазн «посмотреть в другую сторону».

Можно попробовать стимулировать служащего, установив для него вознаграждение в зависимости от количества выявленных случаев, рассуждает Прендергаст, но это приведет к тому, что эти случаи начнут придумываться на ровном месте [1, с. 26]. Ключ лежит в наличии у служащего возможности принимать решение об информировании по своему усмотрению. Это создает коррупционный риск, поскольку агент может попытаться «монетизировать» свои полномочия, однако если возможность усмотрения убрать, то количество сигналов о происшествиях может оказаться таким, что система будет просто перегружена всякой мелочью, и не сможет среагировать должным образом на действительно серьезный случай.

В этой ситуации, рассуждает Прендергаст, у принципала есть два варианта действий – либо молчаливо признавать за агентом возможность отвернуться в нужный момент, либо требовать от него сообщать обо всем, смирившись с возможным ростом расходов на контроль и организационными сложностями.

Вывод выглядит неожиданно – необходимо интуитивным образом нащупать баланс между этими двумя крайностями [1, с. 28]. Если вопросы, которыми занимается агент, имеют большое социальное значение, то мелочей тут нет, и надо, чтобы он докладывал о каждом тревожном сигнале. Если же на агента возложена какая-то «мелочь», то лучше дать ему возможность немного «коррумпироваться», чем перегружать систему проверочными процедурами из-за каждой копейки.

Какова же основная цель работы? Автор декларирует ее несколько неожиданно – он хотел показать, что проблема коррупции несколько более сложна, чем представляется, и ее не так просто решить с помощью методов «кнута и пряника» [1, с. 29].

Безусловно, рассмотренная работа носит весьма отвлеченный, теоретический характер, что, в конечном счете, и обусловило вывод, который, с практической точки зрения, можно было бы назвать беспомощным. Тем не менее, нельзя не усмотреть и позитивных моментов, которые заключаются в следующем:

- коррупционное деяние с высокой степенью вероятности может произойти там, где задачи организации и интересы обратившегося к ней лица будут расходиться;
- коррупция может проявляться не только в распорядительных или административных, но и в информационных функциях;
- источником информации, на основании которой может быть сделан вывод о наличии противоправного деяния со стороны служащего, может являться контрольная среда, однако при расследовании необходимо понимать, на что она направлена – на оценку показателей работы или на соответствие поведения инструктивным указаниями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Investigating corruption» by Canice Prendergast, The World Bank Development Research Group, December 2000.
2. «A Behavioral Theory of the Firm» by Richard M. Cyert and James G. March, Wiley-Blackwell, 1963.
3. «Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure» by Michael C. Jensen and William H. Meckling, Journal of Financial Economics (JFE), Vol. 3. № 4. 1976.

REFERENCES

1. «Investigating corruption» by Canice Prendergast, The World Bank Development Research Group, December 2000.
2. «A Behavioral Theory of the Firm» by Richard M. Cyert and James G. March, Wiley-Blackwell, 1963.
3. «Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure» by Michael C. Jensen and William H. Meckling, Journal of Financial Economics (JFE), Vol. 3. № 4. 1976.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сотов Александр Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики юридического факультета. Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sotov Alexander Igorevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law. Moscow State University named after M.V. Lomonosova. 1, Leninskie Gory, Moscow 119991 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 196–201.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 196–201.

Научная статья

УДК 343.985.7

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА БЕЗ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТАКТА С ЖЕРТВОЙ И МЕРАХ ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Сычева Анна Викторовна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация

anna002@yandex.ru

Введение: в методике расследования мошенничества значение имеют сведения о способе совершения преступления, содержащиеся в криминалистической характеристике преступлений. В статье рассмотрены некоторые способы совершения мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой. При исследовании способов совершения данных преступлений автором приведены примеры из судебно-следственной практики.

Материалы и методы: основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы, описания, наблюдения, обобщения, сравнения и анализа. Эмпирическую базу исследования составили данные судебно-следственной практики расследования мошенничеств без визуального контакта с жертвой.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило выявить корреляционные связи между способом совершения преступления и иными криминалистически значимыми сведениями о мошенничестве, что, безусловно, может оказать помощь следователю в выборе средств и методов расследования, выдвижении следственных версий, установлении личности преступника и его розыска.

Выводы и заключения: автором рассмотрены такие современные способы совершения мошенничества, как оплата товаров или услуг по подложному QR-коду, создание вирусных шаблонов бухгалтерских документов, использование преступниками SIM-банков; применение генеративных языковых моделей (ChatGPT), подделка видеоизображения (deepfake) и голоса. Проведенный анализ судебно-следственной практики может оказать помощь субъекту расследования в выдвижении следственных версий, определении направления расследования в целях полного, объективного, всестороннего расследования мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой.

Ключевые слова: мошенничество, утечка данных, мессенджеры, SIM-банки, искусственный интеллект, дипфейк.

Для цитирования: Сычева А. В. О некоторых способах совершения мошенничества без визуального контакта с жертвой и мерах его предупреждения / А. В. Сычева // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 196–201.

Original paper

ABOUT SOME WAYS OF COMMITTING FRAUD WITHOUT VISUAL CONTACT WITH THE VICTIM AND MEASURES TO PREVENT IT

Sycheva Anna Viktorovna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in the methodology of fraud investigation, information about the method of committing a crime contained in the criminalistic characteristics of crimes is important. The article discusses some ways of committing fraud without visual contact between the perpetrator and the victim. When researching the methods of committing these crimes, the author provides examples from judicial and investigative practice.

Materials and methods: the basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, departmental normative legal acts. The methodological basis of the research was the

general dialectical method of scientific cognition, as well as cognitive methods, descriptions, observations, generalizations, comparisons and analysis. The empirical base of the study was made up of data from the forensic investigative practice of fraud investigation without visual contact with the victim.

Results of the study: the conducted research revealed correlations between the method of committing a crime and other criminally significant information about fraud, which, of course, can help the investigator in choosing means and methods of investigation, putting forward investigative versions, establishing the identity of the criminal and his search.

Findings and conclusions: the author considers such modern ways of committing fraud as paying for goods or services using a fake QR code; creating viral templates of accounting documents; using SIM banks by criminals; using generative language models (ChatGPT), faking video images (deepfake) and voices. The analysis of forensic investigative practice can help the subject of the investigation in putting forward investigative versions, determining the direction of the investigation in order to fully, objectively, comprehensively investigate fraud without visual contact between the perpetrator and the victim. Keywords: fraud, data leakage, messengers, SIM banks, artificial intelligence, deepfake.

Keywords: fraud, data leakage, instant messengers, SIM banks, artificial intelligence, deepfake.

For citation: Sycheva A.V. About some ways of committing fraud without visual contact with the victim and measures to prevent it / A.V. Sycheva // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 196–201.

В настоящее время мессенджеры используются как для личного, так и для делового общения, т. к. они многофункциональны и совмещают в себе возможность обмена текстовыми, голосовыми, видеосообщениями, быстрым обменом файлами. Мошенники, обладая богатой фантазией, постоянно придумывают все новые, изощренные способы обмана граждан и модернизируют уже имеющиеся. Еще недавно преступники осуществляли массовые фейковые¹ звонки от имени представителей ведомств и служб, после этого – посредством мессенджеров от имени действующих руководителей, коллег с просьбой срочного перевода денег на какие-либо нужды, а в последнее время появились новые способы обмана.

В 2023 г. Минцифры заблокировало 575,6 тыс. телефонных номеров мошенников. Однако, несмотря на все указанные меры, число похищенных у граждан России денег в 2023 г. выросло на 11,5 % и составило 15,8 млрд рублей (в 2022 г. – 14,2 млрд), сообщил замдиректора департамента информационной политики Банка России Андрей Выборнов [2].

Рассмотрим некоторые способы совершения мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой.

1. Мошенники успешно пользуются современными технологиями и применяют их в целях незаконного обогащения. Так, они уже хорошо освоили такие новые инструменты, как генеративные языковые модели (ChatGPT), подделка видеоизображения (deepfake) и голоса.

В начале 2024 г. мошенники стали звонить гражданам и направлять сообщения в мессенджере Телеграмм, представляясь бывшими руководителями.

Как пояснил консультант информационной безопасности АКТИВ.CONSULTING Никита Козин: «Вероятно, в данном случае мошенники рассчитывают на то, что бывший руководитель в случае звонка-проверки с меньшей вероятностью возьмет трубку. Ведь ему звонит уже бывший, а не сегодняшний подчиненный»².

При этом для завоевания доверия потенциальной жертвы мошенники используют определенные жизненные ситуации, связанные:

а) с утечками данных в организации: следственной практике известны ситуации, когда мошенники под видом бывшего коллеги или генерального директора сообщают жертве о произошедшей утечке информации в их организации и начавшемся расследовании компетентными органами, которые обязательно свяжутся с жертвой. При этом преступник указывает жертве на необходимость оказания содействия в расследовании, разумеется, не разглашая при этом «тайну следствия», чтобы виновное лицо не смогло избежать ответственности;

¹ Фейк (англ. fake – подделка) – что-либо ложное, недостоверное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное, реальное, достоверное с целью ввести в заблуждение. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Фейк_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фейк_(значения)) (дата обращения: 04.03.2024).

² Я – ваш бывший. Раскрыта новая схема обмана россиян. URL: <https://finance.mail.ru/2024-02-15/ya-vash-byvshiy-raskryta-novaya-shema-obmana-rossiyan-59809785/> (дата обращения: 16.02.2024).

б) с уголовными делами: мошенник под видом бывшего руководителя просит оказать сильную помощь органам предварительного расследования. При этом преступник указывает жертве на необходимость соблюдения «тайны следствия» или угрожает неблагоприятными последствиями для жертвы, т. к. сообщает, будто у мошенника на руках имеются документы за подписью жертвы, согласно которым в действиях последней имеются признаки состава преступления и возможно возбуждение уголовного дела в отношении потенциальной жертвы мошенничества;

в) с проверкой организации надзорными органами, во время которой проверяющим требуются некие конфиденциальные сведения, которые мошенники под видом бывших коллег просят вспомнить и подсказать жертву.

В целях предупреждения совершения таких мошенничеств граждане должны иметь возможность идентифицировать мошенников. Любого человека должно насторожить, если собеседник побуждает к каким-то нетипичным действиям. Например, преступник просит срочно что-либо выполнить, ссылаясь на какие-либо важные неотложные обстоятельства (расследование, проверка, форс-мажор). В любом случае потенциальной жертве необходимо использовать критическое мышление и оценивать правдоподобность происходящего. Необходимо задавать уточняющие, детализирующие, наводящие вопросы, которые содержат сведения, известные только жертве и ее «бывшему руководителю» или «коллеге». Целесообразно зайти на сайт ведомства или организации, от имени которой потенциальную жертву побуждают к каким-либо действиям, проверить актуальность информации о должностных лицах, официальных мероприятиях, проводимых проверках и т. д.

Учитывая современные возможности сети Интернет, потенциальная жертва может проверить реальность контакта собеседника. В первую очередь, конечно, должно насторожить отсутствие такого номера в телефонной книге потенциальной жертвы. Кроме этого, если в информации о пользователе мессенджера присутствует номер телефона, можно проверить его в поисковых системах. Существует множество сайтов, на которых люди, уже столкнувшиеся с мошенниками, публикуют информацию о них.

Жертва также может попросить перенести общение на альтернативный способ, например, предложить мошеннику изложить требуемые им действия в электронном письме и обратить внимание на почтовый домен, с которого поступит письмо. С высокой долей вероятности официальные ведомства не станут вести с потенциальной жертвой переписку с бесплатных почтовых доменов.

Как правило, мошенники в ходе разговора с потенциальной жертвой в целях завоевания доверия к себе показывают знания реальных личных данных жертвы. В современном мире получить их не представляет особой сложности, т. к. при регистрации на сайтах, при оформлении доставки продуктов, еды из ресторанов мы зачастую щедро делимся с неизвестными лицами своими персональными данными (состояние баланса счета, данные о заказе еды из ресторана, ФИО ребенка, т. к. в день его рождения при заказе еды с доставкой сделали хорошую скидку, адрес места жительства, ФИО родственников и знакомых и др.).

Зачастую мошенники получают личные данные потенциальных жертв из следующих источников:

- из утечек персональных данных, которые потенциальные жертвы самостоятельно оставляют в различных организациях;

- из утечек корпоративных данных организации, в которой работают потенциальные жертвы;

- из профилей в социальных сетях, которые потенциальные жертвы самостоятельно заполняют и ведут. Фото, видеоматериалы, размещенные в социальных сетях, зачастую могут способствовать совершению имущественных преступлений в отношении автора интернет-блога, владельца страницы. Из размещенной там информации мошенники без труда могут выяснить полные анкетные данные потенциальной жертвы, наличие семьи, детей, место жительства, место работы, социальный статус, увлечения. Кроме этого, зачастую в социальных сетях люди размещают информацию о том, где они планируют провести отпуск, когда собираются туда отправиться, с кем, сколько это стоит, в каких магазинах покупают одежду, чем интересуются и т. д. То есть, активные пользователи социальных сетей самостоятельно оказывают помощь мошенникам в поиске информации о себе для того, чтобы упростить преступнику задачу обмануть жертву, завоевать ее доверие, расположить к себе.

2. Вирусные шаблоны бухгалтерских документов. Данный способ совершения мошенничества предполагает создание в сети Интернет сайтов, визуально схожих с официальными государственными или справочно-правовыми сайтами и размещение в них шаблонов документов, доступных для скачивания. В данных файлах содержится вирус, который запускает программу удаленного доступа к компьютеру пользователя этого сайта. С помощью указанной программы с целью незаконного получения денежных средств, мошенники изменяют банковские реквизиты в платежных документах, предназначенных для поставщиков и партнеров, или блокируют доступ к устройству и предлагают вернуть его за определенную плату. Такой способ совершения мошенничества рассчитан на секретарей, сотрудников бухгалтерии и иных специалистов, сфера деятельности которых связана с документооборотом.

3. Преступники под видом специалистов телекоммуникационных сетей стараются получить доступ к аккаунту потенциальной жертвы на портале «Госуслуг». Мошенники звонят жертве и сообщают, что срок действующего договора оказания услуг мобильной связи подходит к концу и его необходимо продлить, иначе номер передадут другому абоненту. При этом преступник говорит жертве, что ходить никуда не нужно, все манипуляции по продлению срока договора можно произвести в режиме телефонной связи. Жертве нужно всего лишь продиктовать код из СМС-сообщения. Далее ей необходимо перейти по ссылке, где необходимо ввести еще один код. Таким образом, потенциальная жертва не продлевает договор об оказании услуг мобильной связи (который вообще-то является бессрочным), а предоставляет мошенникам данные для входа в личный кабинет на портале «Госуслуги» и всю информацию о себе, которая хранится на указанном ресурсе.

4. Существует и другая цель, которую преследуют мошенники, представляясь оператором связи. Жертве также поступает звонок с предложением смены тарифного плана, подключением каких-либо дополнительных опций, замены sim-карты. Чтобы реализовать любое из указанных действий, абоненту необходимо продиктовать код из СМС-сообщения, который должен поступить на его номер телефона. С помощью этого кода мошенник получает доступ к личному кабинету пользователя на официальном сайте оператора. А уже там он настраивает переадресацию сообщений и звонков с номера жертвы на свой номер телефона. Такие действия необходимы преступникам для того, чтобы в дальнейшем подтверждать различные операции: вывод средств с банковских карт абонента, оформление на него кредита.

5. Оплата товаров или услуг по подложному (фейковому) QR-коду. Сегодня для получения каких-либо услуг или оплаты товаров достаточно навести камеру смартфона на QR-код. Например, данным кодом можно воспользоваться, чтобы взять в аренду электросамокат или портативное зарядное устройство для гаджета. Зачастую вместо прогулки на самокате и заряженного аккумулятора телефона можно потерять имеющиеся на карте денежные средства. Такой QR-код ведет не на официальный сайт сервиса, а на фишинговый (поддельный) ресурс, посредством которого мошенники похищают денежные средства и данные банковской карты.

Так, в г. Москве мошенники распространили поддельные уведомления под видом Федеральной налоговой службы. Потерпевший В. пояснил, что «это было обычное почтовое уведомление, которое я получил в свой почтовый ящик». Визуально бланк имеет все необходимые реквизиты реального бланка налоговой службы. Но сумма, указанная в налоговом уведомлении, значительно превышала ту сумму, которую он оплачивал каждый год. С учетом того, что он не следит за изменениями налогового законодательства, он перешел по указанному коду и перевел свои деньги преступникам [1].

В целях предотвращения совершения мошенничества указанным способом необходимо осуществлять оплату услуг только через официальное приложение сервиса, а не посредством камеры гаджета.

6. SIM-банки (или SIM-боксы) – это устройства, позволяющие одновременно использовать множество SIM-карт для осуществления телефонных звонков, отправки СМС-сообщений и использования мобильного Интернета. Это оборудование может автоматически переключаться между SIM-картами в целях минимизации стоимости звонков или обхода тарифных ограничений операторов. Как пояснил эксперт сервиса аналитики и оценки цифровых угроз группы компаний Softline Максим Грязев, мошенники используют SIM-боксы для маскировки своей деятельности под обычные мобильные звонки, что затрудняет отслеживание и блокировку их нелегальных операций. С их помощью преступники могут совершать звонки с изменением номера звонящего, что позволяет им представляться сотрудниками банков, государственных служб или другими организациями для обмана потенциальных жертв.

Источников SIM-карт для такого рода преступной деятельности достаточно много. Это и черный вторичный рынок, где продаются номера телефонов бывшего употребления, и сотрудники салонов связи, оформляющие карты на несуществующие паспортные данные, и корпоративные карты.

Как пояснил основатель сервиса разведки утечек данных и мониторинга даркнета³ DLBI Ашот Оганесян, «в последнее время появились даже «франшизы» SIM-боксов, где предлагается купить оборудование и SIM-карты самостоятельно, а затем зарабатывать на трафике. О том, что такая работа незаконна и опасна, конечно, умалчивается» [1].

В целом использование SIM-боксов и SIM-карт законно, т. к. они создавались для проведения операций call-центров, которые стремятся минимизировать затраты на телефонную связь. Поэтому проблема заключается не в самом оборудовании, а в целях его использования.

С начала 2023 г. сотрудниками полиции было изъято оборудование, позволявшее мошенникам совершать 20 млн звонков в сутки. Это 400 SIM-банков и несколько десятков тысяч серых SIM-карт, с помощью которых преступники осуществляли телефонные звонки своим жертвам с неизвестных номеров [2].

7. Мошенники в целях незаконного получения выгоды зачастую используют базы персональных данных, которые по той или иной причине попадают в сеть Интернет.

По данным Роскомнадзора, с начала 2024 г. в России зафиксировано уже 19 крупных утечек информации, в сеть Интернет попало около 510 млн записей о гражданах.

Так, на жителя Екатеринбурга С. мошенники оформили одновременно 17 займов по всей территории России. Преступники планировали оформить до 40 займов, но остальные заявки на кредиты не были одобрены. О том, что он стал обладателем множества кредитов он узнал из поступивших СМС-сообщений на мобильный телефон. Впоследствии часть кредитных договоров удалось аннулировать, но С. получил уже испорченную кредитную историю [3].

Еще более интересный случай. На жительницу Башкортостана В. мошенники незаконно зарегистрировали более 80 сайтов, посредством которых осуществлялась продажа алкоголя. За это Федеральная служба по контролю за алкогольными и табачными изделиями наложила на В. десятки штрафов [4].

В целях исключения утечек информации в сеть Интернет в Правительство РФ поступил и получил поддержку законопроект, который не позволяет владельцам сайтов отказывать в доступе к информации при нежелании гражданина предоставлять свои персональные данные. Данный документ готовится к внесению в Госдуму в ближайшее время [3].

В целях борьбы с мошенничеством, Федеральная антимонопольная служба и операторы связи в 2021 г. подписали меморандум по противодействию голосовым вызовам абонентов, совершенных с нарушением требований законодательства [5]. Антиспам-сервисы созданы для защиты абонентов от телефонного мошенничества. Программа выявляет спам-номера на основе анализа big data⁴ и машинного обучения, опираясь на такие характеристики, как продолжительность вызова, наличие постоянных обзвонков, соотношение исходящих и входящих вызовов.

В конце 2022 г. была создана единая платформа верификации телефонных вызовов «Антифрод» (ее модераторы – операторы связи и Роскомнадзор), которая в декабре 2023 г. смогла пресечь более 120 млн звонков телефонных мошенников [6].

Рассмотренные способы совершения мошенничества без визуального контакта мошенника с жертвой могут помочь следователю в организации расследования преступления, выдвижении следственных версий, установлении личности преступника в целях установления всех обстоятельств совершенного преступления.

³ Даркнет – скрытая сеть, соединения которой устанавливаются только между доверенными пирами, иногда именуемыми как «друзья». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Даркнет>. Даркнет отличается от других распределенных одноранговых сетей, т. к. обмен файлами происходит анонимно (поскольку IP-адреса недоступны публично), и, следовательно, пользователи могут общаться без особых опасений и государственного вмешательства (дата обращения: 12.03.2024).

⁴ Big Data (в переводе с английского – «большие данные») – это термин, который используется для описания колоссальных объемов данных, которые невозможно эффективно обработать с использованием традиционных методов. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/11/27/chto-takoe-big-data/> (дата обращения: 12.03.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мошенничество с QR-кодами: москвичу пришла поддельная платежка из налоговой. URL: <https://mir24.tv/articles/16383160/moshennichestvo-s-qk-kodami-moskvichu-prishla-poddel'naya-platezhka-iz-nalogovoi> (дата обращения: 01.03.2024).
2. Персонально сданные: у мошенников «изъяли» 20 млн звонков в сутки. Как злоумышленники используют легальные технологии для хищения миллиардов рублей. URL: <https://iz.ru/1657946/elena-balaian-natalia-ilina/personalno-sdannye-u-moshennikov-iziali-20-mln-zvonkov-v-sutki> (дата обращения: 04.03.2024).
3. В Думу внесут законопроект о запрете избыточной обработки персональных данных. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19982257> (дата обращения: 12.03.2024).
4. Мошенники ежедневно лишают денег жителей Башкортостана. URL: <https://02.mvd.pf/news/item/47983278/> (дата обращения: 12.03.2024).
5. ФАС России и операторы связи подписали меморандум по противодействию спам-звонкам. URL: <https://fas.gov.ru/news/31319> (дата обращения: 04.03.2024).
6. Решняк О.А., Ковалев С.А. Расследование хищений чужого имущества, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебное пособие. Волгоград, 2021.

REFERENCES

1. Fraud with QR codes: a Muscovite received a fake payment from the tax service. URL: <https://mir24.tv/articles/16383160/moshennichestvo-s-qk-kodami-moskvichu-prishla-poddel'naya-platezhka-iz-nalogovoi> (date of access: 01.03.2024).
2. Personally submitted: 20 million calls per day were «withdrawn» from scammers. How attackers use legal technologies to steal billions of rubles. URL: <https://iz.ru/1657946/elena-balaian-natalia-ilina/personalno-sdannye-u-moshennikov-iziali-20-mln-zvonkov-v-sutki> (date of access: 04.03.2024).
3. A bill on the prohibition of excessive processing of personal data will be submitted to the Duma. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19982257> (date of access: 12.03.2024).
4. Scammers deprive residents of Bashkortostan of money every day. URL: <https://02.mvd.pf/news/item/47983278/> (date of access: 12.03.2024).
5. The FAS of Russia and telecom operators signed a memorandum on countering spam calls. URL: <https://fas.gov.ru/news/31319> (date of access: 04.03.2024).
6. Reshnyak O.A. Investigation of theft of other people's property committed using information and telecommunication technologies: textbook / O.A. Reshnyak, S.A. Kovalev. Volgograd: VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сычева Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики учебно-научного-комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Волгоградская академия МВД России. 400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.
ORCID: 0000-0003-2438-4486

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sycheva Anna Viktorovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminology of the educational and scientific complex for preliminary investigation in the internal affairs bodies, Candidate of Legal Sciences. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400089 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 202–207.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 202–207.

Научная статья

УДК 343.98

О ВОПРОСЕ СООТНОШЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ПСИХОТРАВМИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ

Точилкина Анастасия Андреевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

nastena.tochilkina@mail.ru

Введение: в статье подлежат исследованию вопросы соотношения криминалистической характеристики и предмета доказывания при построении частной криминалистической методики, а именно – при расследовании насильственных преступлений против личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций. Автором отмечается, что данные понятия не тождественны друг другу, и при организации раскрытия и расследования конкретных видов преступлений каждому должно быть уделено отдельное внимание. Криминалистическая характеристика хоть и включает в себя сведения об уголовно-правовой характеристике, несмотря на это, все же, не представляет исчерпывающего ответа об обстоятельствах совершения преступного деяния, тем самым побуждая криминалистов при разработке частной криминалистической методики расследования преступлений указывать отдельно предмет доказывания.

Материалы и методы: в ходе исследования применялся комплекс общепризнанных методов научного познания, среди которых системно-структурный, конкретно-социологический, формально-логический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический методы.

Результаты исследования: автором обозначены в тактико-криминалистическом отношении обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании насильственных преступлений против личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций, учитываются конкретные факторы преступных деяний, обусловленные поведенческими и характерологическими особенностями личности жертвы и преступника. При этом указывается на отсутствие закономерной связи между элементами предмета доказывания и криминалистической характеристики. Автор согласен с мнением ряда ученых-криминалистов в части рассмотрения криминалистической характеристики в качестве самостоятельной категории, являющейся основой для установления юридических фактов, входящих в предмет доказывания.

Выводы и заключения: проанализировав и обобщив мнения ученых-криминалистов в части соотношения предмета доказывания и криминалистической характеристики, автор приходит к выводу, что в рамках раскрытия и расследования насильственных преступлений против личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций, определение предмета доказывания напрямую зависит от установления содержания элементов криминалистической характеристики, особенно с учетом исследования поведенческих и характерологических особенностей личности как жертвы преступления, так и виновного лица.

Ключевые слова: методика расследования, предмет доказывания, криминалистическая характеристика, насильственные преступления, психотравмирующая ситуация, преступления против жизни и здоровья, обстоятельства, подлежащие установлению.

Для цитирования: Точилкина А. А. О вопросе соотношения предмета доказывания и криминалистической характеристики при расследовании насильственных преступлений против личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций / А. А. Точилкина // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 202–207.

Original paper

ON THE ISSUE OF THE RELATIONSHIP OF THE SUBJECT OF EVIDENCE AND FORENSICAL CHARACTERISTICS IN THE INVESTIGATION OF VIOLENT CRIMES AGAINST PERSONS, COMMITTED UNDER THE INFLUENCE OF PSYCHOTRAUMATIC SITUATIONS**Tochilkina Anastasia Andreevna**

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the relationship between forensic characteristics and the subject of proof when constructing a private forensic methodology, namely in the investigation of violent crimes against a person committed under the influence of traumatic situations. The author notes that these concepts are not identical to each other, and when organizing the detection and investigation of specific types of crimes, each should be given special attention. Although the forensic characterization includes information about the criminal legal characteristics, despite this, it still does not provide an exhaustive answer about the circumstances of the commission of a criminal act. Thereby encouraging criminologists, when developing a private forensic methodology for investigating crimes, to indicate separately the subject of proof.

Materials and methods: during the study, a complex of generally accepted methods of scientific knowledge was used, including systemic-structural, concrete sociological, formal-logical, inductive and deductive, analytical and synthetic methods.

Results of the study: the author identifies, in a tactical and forensic sense, the circumstances to be established during the investigation of violent crimes against a person committed under the influence of traumatic situations; specific factors of criminal acts are taken into account, determined by the behavioral and characterological characteristics of the personality of the victim and the criminal. At the same time, it is pointed out that there is no natural connection between the elements of the subject of proof and the forensic characteristics. The author agrees with the opinion of a number of forensic scientists regarding the consideration of forensic characteristics as an independent category, which is the basis for establishing legal facts included in the subject of proof.

Findings and conclusions: having analyzed and summarized the opinions of criminologists regarding the relationship between the subject of proof and forensic characteristics, the author comes to the conclusion that in the framework of the disclosure and investigation of violent crimes against a person committed under the influence of psychologically traumatic situations, the determination of the subject of proof directly depends on establishing the content of the elements forensic characteristics, especially taking into account the study of behavioral and characterological characteristics of the personality of both the victim of a crime and the perpetrator.

Keywords: investigation methodology, subject of proof, forensic characteristics, violent crimes, psychotraumatic situation, crimes against life and health, circumstances to be established.

For citation: Tochilkina A. A. On the issue of the relationship of the subject of evidence and forensic characteristics in the investigation of violent crimes against persons, committed under the influence of psychotraumatic situations / A. A. Tochilkina // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 202–207.

Насильственные преступления, совершенные под воздействием психотравмирующих ситуаций, обладают определенной спецификой в тактико-организационном аспекте, а именно, требуют установления факта «психотравмы» в качестве основной характеристики поведенческих особенностей личности. Ранее упоминалось, что к указанной категории преступлений относятся: «преступления, предусмотренные ст.ст. 106, 107, 108, 113, 114 УК РФ (т. е. деяния, содержащие прямое или опосредованное указание на неблагоприятный для субъекта, неприемлемый, неправомерный либо аморальный характер действий пострадавшего); преступления против жизни и здоровья личности, совершенные под воздействием психотравмирующей ситуации, установленной посредством производства экспертного исследования» [1, с. 167].

Сотрудникам правоохранительных органов для оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений необходимо установить все обстоятельства по уголовному делу. Отечественное право закрепляет нормы, подробно указывающие на обстоятельства, подлежащие установлению в рамках уголовного дела, именуя указанное – предмет доказывания (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ)).

Содержание данной статьи определяет исчерпывающий список обстоятельств, толкование некоторых из них имеет прямую отсылку и к положениям уголовного закона (обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния).

Однако следует отметить, что при разработке (в криминалистическом отношении) методики расследования насильственных преступлений против личности, отдельные элементы предмета доказывания не находят практического подтверждения. На данном этапе представляется значимым установить элементы криминалистической характеристики преступлений как совокупность наиболее общих обстоятельств, содержащих существенные признаки преступного деяния.

Определение криминалистической характеристики, а именно указание на содержание ее структурных элементов, и сегодня вызывает дискуссию. Криминалистами представлена некая «модель» системы криминалистической характеристики, которая в силу современных правовых реалий, научно-технического прогресса, постоянно дополняется и видоизменяется. Возникновение новых способов совершения преступления неизменно влечет за собой установление новых направлений в структуре криминалистической характеристики.

Так, профессор Р.С. Белкин вовсе указывал на то, что «криминалистическая характеристика изжила себя, превратилась в иллюзию, криминалистический фантом» [2, с. 233], объясняя это тем, что последняя включает в себя сведения об уголовно-правовой характеристике, несмотря на это, все же, не представляет исчерпывающего ответа об обстоятельствах совершения преступного деяния. Тем самым побуждая криминалистов при разработке частной криминалистической методики расследования преступлений указывать отдельно предмет доказывания. Соотношение криминалистической характеристики и предмета доказывания является ключевым аспектом при построении частной методики расследования преступлений.

В рамках организации процесса расследования насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций, в теоретическом аспекте непосредственно можно наблюдать некую взаимосвязь криминалистической характеристики и предмета доказывания, – «предмет доказывания является «ядром» криминалистической характеристики» [3, с. 57]. Не стоит забыть и о том, что элементы криминалистической характеристики устанавливаются процессуальными средствами при расследовании преступлений. Однако, анализируя следственную практику расследования указанного рода преступлений, невозможно установить знак равенства между двумя рассматриваемыми понятиями.

На основе вышеуказанного особое внимание предлагается обратить именно на различия вышеупомянутых понятий на примере раскрытия содержания отдельных элементов предмета доказывания преступлений против жизни и здоровья, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций. Несмотря на общую цель, – эффективное раскрытие и расследование преступлений, а также учитывая, что некоторые элементы предмета доказывания входят в структуру криминалистической характеристики, наблюдаются следующие различия:

1. Значение понятий «криминалистическая характеристика» и «предмет доказывания». Так, в качестве структурного элемента предмета доказывания выступают обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, которые, как и в рамках процессуального законодательства и науки криминалистики отражают такие характеристики личности, как социальный статус, возрастные особенности, индивидуальные физические, психологические особенности и прочее. Однако, по мнению А.А. Хмырова «предмет доказывания определяет конечную цель, а криминалистическая характеристика помогает найти пути и способы ее достижения» [4, с. 62]. Иными словами, данное обстоятельство может быть определено в тактико-криминалистическом отношении посредством установления корреляционных связей всех структурных элементов криминалистической характеристики (способа совершения преступления, мотива, продиктованным поведенческими и характерологическими особенностями личностями и т. д.), и только потом, проанализировав все имеющиеся сведения в совокупности, представляется возможным четко сформулировать указанный элемент предмета доказывания. Становится очевидным, что в предмете доказывания отсутствуют закономерные связи между элементами, что является важным при определении содержания криминалистической характеристики.

2. Криминалистическая характеристика не имеет уголовно-правового значения, она служит основанием для установления наличия/отсутствия юридических фактов, которые составляют

предмет доказывания. На примере следующего обстоятельства, подлежащего установлению, обстоятельства, исключаяющие преступность и наказуемость деяния, отчетливо прослеживается обозначенная позиция. К указанным обстоятельствам законодатель относит необходимую оборону. В рамках исследования сказанное прослеживается в составе такого вида преступления, как убийство, причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, мер, необходимых для задержания (ст. ст. 108, 114 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)). Для того чтобы данное обстоятельство явилось юридически значимым, используемым уже для принятия процессуальных решений в рамках уголовного дела, представляется необходимым с позиции науки криминалистики установить «мотивирующие основания», отвечающие за последовательность действий лица, приведших к превышению вышеобозначенных мер. Именно оценка преступного события с криминалистической точки зрения на этапе доследственной проверки позволяет выявить основные показатели для дальнейшего уточнения предмета доказывания.

3. Установить превышение пределов необходимой обороны мер, необходимых для задержания лица, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций, представляется возможным в ходе исследования характерологических и эмоционально-волевых аспектов поведения субъекта преступления. Оценивая поведение виновного лица, необходимо выявить доминирующие побуждения. Так, основываясь на указанном примере преступного посягательства, значение имеет исследование поведения жертвы/пострадавшего, которое выступило неким триггером для субъекта преступления. Действия виновного в данном случае характеризуются в невозможности объективно оценивать действия в отношении себя самого (наличие психических отклонений; внезапность происходящего, либо предшествование психотравмирующей ситуации, в том числе и длительного характера и пр.), а в случае объективной оценки происходящего, – отсутствием альтернативной линии поведения (соразмерная «ответная реакция»).

4. Очевидно, что подробное исследование в криминалистическом отношении поведения жертвы и виновного лица, осуществляемое еще до возбуждения уголовного дела, является подпорой для принятия всех последующих процессуальных действий, которые допустимы при четком указании элементов предмета доказывания.

5. Отличительной чертой предмета доказывания и криминалистической характеристики выступает также указание на определение структурных элементов указанных понятий.

Нормы уголовно-процессуального права содержат типовую модель предмета доказывания (ст. 73 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации – событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; характер и размер вреда, причиненного преступлением и т. д.). Кроме того уголовно-процессуальное законодательство предусматривает как общий, так и специализированный предмет доказывания. Говоря иначе, структура предмета доказывания по уголовным делам, в том числе по различным категориям, строго определена в законе.

Структура криминалистической характеристики, напротив, может изменяться в зависимости от вида преступного деяния. Указывая на относимость криминалистической характеристики к конкретному уголовному делу, представляется необходимым совершенствование деятельности, направленной на установление закономерных связей элементов этой характеристики. В связи с этим, учитывая рассматриваемую категорию насильственных преступлений, необходимо отметить такие особенности построения криминалистической характеристики, как наличие психотравмирующей ситуации. Слагаемые психотравмирующей ситуации (применительно к данной категории преступлений) целесообразно дифференцировать на внутренние (субъективные) и внешние (объективные) факторы (компоненты).

Внешние факторы представляют собой деятельность со стороны потерпевшего либо иного лица, находящегося в прямой связи с действиями (бездействиями) виновного, в виде неправомерных, аморальных либо по иным причинам неблагоприятных действий, влияющих на обстановку совершения преступного деяния.

Субъективные факторы связаны с психоэмоциональными особенностями субъекта преступления (наличие у лица стрессовых расстройств как тяжелых (деструктивных) состояний, влияющим на объективную оценку характера действий со стороны потерпевшего).

На основании вышесказанного представляется возможным раскрыть предмет доказывания посредством исследования структурных элементов криминалистической характеристики по исследуемым видам преступлений (с учетом предварительной оценки психоэмоциональных особенностей личности потерпевшего и подозреваемого, а также условий психотравмирующей ситуации), обозначив наиболее значимые обстоятельства, необходимые для достижения целей уголовного судопроизводства:

- обстоятельства, характеризующие личность типичного субъекта преступления (социально-демографические и индивидуально-психологические свойства личности), в том числе, профилирование преступника – анализ типичных черт характера и поведения может помочь в составлении профиля преступника и его идентификации;

- мотивация преступного поведения: анализ мотивации позволяет понять, что послужило причиной совершения преступления;

- обстоятельства, характеризующие особенности личности потерпевшего (социально-демографические, индивидуально-психологические, поведенческие особенности, оказавшие эффект триггера по отношению к противоправным действиям субъекта преступления);

- обстановка совершения преступления: выяснение места, времени и окружения, в котором было совершено преступление;

- обстоятельства, способствующие совершению преступления;

- способ совершения преступления включает в себя анализ используемого оружия, методов насилия и применяемых силовых приемов;

- обстоятельства, свидетельствующие о причастности/непричастности субъекта преступления к совершению преступления под воздействием условий «психотравмы», включая изучение травм, полученных жертвой (медицинские доказательства (документация), свидетельские показания от очевидцев или жертв преступлений, фотографии и видеозаписи с места происшествия, генетические следы, переписка, записи телефонных разговоров или другие электронные доказательства, экспертные заключения специалистов, таких как судебные медики или психологи и пр.).

Таким образом, криминалистическая характеристика определяет особенности и признаки предмета доказывания, которые могут быть использованы в ходе уголовного судопроизводства.

Прослеживается значимость криминалистической характеристики в процессе построения частной методики расследования, в нашем случае, расследования насильственных преступлений против личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций, которую подлежит рассматривать отдельно от предмета доказывания. По мнению Н.П. Яблокова «криминалистическая характеристика зависит в определенной степени от социальных, национальных, экономических, временных факторов, а также от конкретных обстоятельств расследуемого преступного деяния» [5, с.12].

В рамках исследования указанной проблематики, соглашаясь с мнениями ученых-криминалистов (Н.П. Яблокова, И.А. Возгрина, А.А. Хмырова, и др.), а именно в части отсутствия закономерных связей между понятиями «криминалистическая характеристика» и «предмет доказывания», приходим к выводу, что данные понятия не являются взаимозаменяемыми, тождественными. Структура криминалистической характеристики преступлений содержит элементы, которые позволяют установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. При этом криминалистическая характеристика применима только в рамках науки криминалистики, а предмет доказывания является процессуальным институтом. Криминалистическая характеристика – это общее описание объекта или явления, которое может быть использовано как доказательство в уголовном процессе. Предмет доказывания – это конкретный факт или обстоятельство, которое нужно доказать в рамках уголовного дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Точилкина А.А. Психотравмирующая ситуация как критерий дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья личности // *Философия права*. 2022. № 4(103).

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.

3. Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Социалистическая законность. 1987. № 9.
4. Хмыров А.А. Криминалистическая характеристика преступлений и пути доказывания по уголовному делу // Правоведение. 1978. Вып. 3.
5. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 2.
6. Алгазин И.И. Об эффективности криминалистической характеристики преступлений отдельных видов и групп // Вестник Омской юридической академии. Том 15. 2018. № 4.
7. Ишигеев В.С., Исакова Е.А. Криминалистическая характеристика преступления и соотношение ее с «предметом доказывания» на примере преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 3(21).

REFERENCES

1. Tochilkina A.A. Psychotraumatic situation as a criterion for differentiating criminal liability for crimes against the life and health of the individual // Philosophy of Law. 2022. № 4 (103).
2. Belkin R.S. Forensics: problems of today. Topical issues of Russian criminology. Moscow, 2001.
3. Belkin R., Bykhovsky I., Dulov A. A fashionable hobby or a new word in science (Once again about the forensic characteristics of crimes) // Socialist legality. 1987. № 9.
4. Khmyrov A.A. Forensic characteristics of crimes and ways of proof in a criminal case // Jurisprudence. 1978. Vol. 3.
5. Yablokov N.P. Forensic characteristics of crimes as an integral part of the general forensic theory // Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Right. 2000. № 2.
6. Algazin I.I. On the effectiveness of forensic characteristics of crimes of individual types and groups // Bulletin of the Omsk Legal Academy. Vol. 15. 2018. № 4.
7. Ishigeev V.S., Isakova E.A. Forensic characteristics of a crime and its relationship with the «subject of proof» using the example of crimes related to the intentional infliction of grievous bodily harm // Verb of justice. 2019. № 3(21).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Точилкина Анастасия Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tochilkina Anastasia Andreevna, PhD in Law, senior lecturer of the department of criminalistics and operational investigative activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 209–213.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 208–213.

Научная статья

УДК 343.14

ПОЛУЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ КАК УСЛОВИЕ ЕГО ДОПУСТИМОСТИ

Черников Сергей Владимирович

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Российская Федерация
Chernikoff85@yandex.ru

Введение: признание доказательства допустимым позволяет использовать его в уголовном судопроизводстве, что, в свою очередь, обеспечивает принятие законных и обоснованных решений, правомерное проведение процессуальных действий, защиту прав и свобод участников, выполнение сформулированных задач. Достижение доказательственного качества сведений, учет всех возможных источников получения информации, понимание и признание нормативных предписаний сопутствующих уголовному процессу сфер деятельности, является предметом обсуждения ученых, целью поиска соответствующих гарантий.

Материалы и методы: в статье обобщены воззрения процессуалистов, положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также иных актов в части осмысления и регулирования такого условия допустимости доказательства как его получение в соответствии с законом. Используются методы анализа, сравнения, индукции.

Результаты исследования: согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации доказательство считается допустимым, когда оно добыто при соблюдении названного источника. Однако сведения, как возможные доказательства, подлежащие употреблению в уголовном процессе, имеются и в других областях деятельности, которые регулируются иными документами. Тогда наблюдается пробел процедуры признания допустимыми (или недопустимыми) доказательствами, информации, объектов, приобретаемых при соблюдении (или нарушении) правил адресных правовых актов, что ограничивает ресурсы достижения назначения уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения: в рамках уголовно-процессуального производства как сферы использования результатов иных зон работы, целесообразно обеспечить понимание и применение правил их получения с точки зрения соблюдения соответствующих регуляторов. Решение задачи видится в признании допустимыми доказательствами сведений, полученных согласно иным законам и актам, регулирующим такие процессы, при их последующей оценке и проверке уголовно-процессуальными средствами.

Ключевые слова: получение сведений, законы, подзаконные акты, собирание доказательства, допустимость.

Для цитирования: Черников С. В. Получение доказательства в соответствии с законом как условие его допустимости / С. В. Черников // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 208–213.

Original paper

OBTAINING EVIDENCE IN ACCORDANCE WITH THE LAW AS A CONDITION OF ITS ADMISSIBILITY

Chernikov Sergey Vladimirovich

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol,
Russian Federation

Introduction: recognition of evidence as admissible allows its use in criminal proceedings, which, in turn, ensures the adoption of legal and informed decisions, the lawful conduct of procedural actions, the protection of the rights and freedoms of participants, and the fulfillment of formulated tasks. Achieving evidentiary quality of information, taking into account all possible sources of obtaining information, understanding and recognizing the regulatory requirements of areas of activity accompanying the criminal process are the subject of discussion among scientists, the purpose of searching for appropriate guarantees.

Materials and methods: the article summarizes the views of proceduralists, the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as other acts in terms of understanding and regulating such a condition for the admissibility of evidence as its receipt in accordance with the law. Methods of analysis, comparison, and induction were used.

Results of the study: according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, evidence is considered admissible when it is obtained in compliance with the named source. However, information as possible evidence to be used in criminal proceedings is also available in other areas of activity that are regulated by other documents. Then there is a gap in the procedure for recognizing as admissible (or inadmissible) evidence, information, objects acquired in compliance with (or violation of) the rules of targeted legal acts, which limits the resources for achieving the purpose of criminal proceedings.

Findings and conclusions: within the framework of criminal proceedings as a sphere of using the results of other areas of work, it is advisable to ensure the understanding and application of the rules for obtaining them from the point of view of compliance with the relevant regulators. The solution to the problem is seen in the recognition as admissible evidence of information obtained in accordance with other laws and acts regulating such processes, with their subsequent assessment and verification by criminal procedural means.

Keywords: obtaining information, laws, regulations, collecting evidence, admissibility.

For citation: Chernikov S. V. Obtaining evidence in accordance with the law as a condition for its admissibility / S. V. Chernikov / Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2(109). – Pp. 208–213.

Допустимость доказательства – это одно из необходимых условий использования сведений в уголовном процессе. При этом роль доказательств весьма значима, поскольку они употребляются как факторы решения текущих и перспективных задач деятельности, достижения назначения уголовного судопроизводства. Тогда важно сохранить информацию, объекты, которые могут занять «статус» доказательств и принять участие в обеспечении законности, обоснованности, мотивированности и справедливости работы и результата. Особенно учитывая, что в ч. 1 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержатся запреты употребления в производстве недопустимых доказательств. Они не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения, использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренного ст. 73 настоящего Кодекса. Кроме того, значимые категории, как «недопустимое доказательство» и «допустимое доказательство», не введены в основные понятия, перечисленные в ст. 5 УПК РФ. Отсутствуют в законе определения и, соответственно, вытекающие из них признаки, что не способствует пониманию рассматриваемого фактора. И в иных нормах уголовно-процессуального источника термин «допустимое доказательство» не находит развития. Законодатель делает акцент на недопустимых доказательствах. На наш взгляд, целесообразнее вести речь о нормативном закреплении термина «допустимое доказательство», содержание которого позволит осознать его свойства. Каждое доказательство надлежит оценить с точки зрения его допустимости, а не недопустимости. Допустимое доказательство подлежит употреблению, а недопустимое доказательство – это возможный итог осуществляемой деятельности, который нужно рассматривать скорее как исключительное явление уголовного процесса.

На этом фоне объектом исследования выбран такой критерий признания доказательства допустимым как получение его согласно закону. Обзор источников, содержащих соответствующие предписания, позволяет обратить внимание на неоднозначность нормативных и теоретических позиций в этом вопросе.

Прежде всего, обратимся к отдельным нормам уголовно-процессуального источника, напомним их содержание и подвергнем анализу.

При нарушении норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства, доказательства, полученные таким путем, признаются недопустимыми (ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Недопустимыми доказательствами являются доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). В случаях, перечисленных в ч. 2 ст. 75 настоящего Кодекса суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым (ч. 2 ст. 88 УПК РФ).

Указанная информация допускает формулирование следующих итогов: нормативно закреплено такое условие допустимости доказательства как его получение согласно УПК РФ, отступление от названного фактора влечет законные негативные последствия, доказательство

является недопустимым при нарушении норм УПК РФ, требований УПК РФ, выявлении конкретных ситуаций, перечисленных в УПК РФ. Более подробно об этом мы уже писали, рассуждая о соотношении слов «норма», «требования», «случаи», их роли при принятии решения о непригодности сведений, аргументируя свою точку зрения [1, с. 219–222], поэтому здесь ограничимся приведенными выводами.

Уместно обратить внимание, что установление недопустимости или допустимости доказательства является составной частью второго этапа процесса доказывания (ст. 87 УПК РФ) и итогом третьего этапа – оценки, содержание которого определено в ст. 88 УПК РФ. Именно здесь надлежащий субъект анализирует процедуру получения сведений, сравнивает ее соответствие закону и делает вывод. Собираение же доказательств – это первый этап такой деятельности, осуществляемый посредством следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в кодексе (ст. 86 УПК РФ). Тогда речь идет о соблюдении норм, требований проведения именно этих мероприятий. Такая информация во взаимосвязи с ранее изложенными предписаниями закона позволяет выделить два аспекта: при регулировании однородных отношений законодатель употребляет два глагола – это «получение» и «собираение» доказательств, при получении сведений необходимо соблюдать именно и только Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, что разрешает признать доказательства допустимыми.

Приведем суть используемых слов с точки зрения русского языка. Собрать – это сосредоточить где-нибудь, добывая, приготовить, создать. Получить означает взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое, добыть [2, с. 604, 452].

Опираясь на такую сущность и применительно к уголовно-процессуальному доказыванию, полагаем возможным уточнение. Так, сведения, как содержание доказательств, получаются, и при этом должны быть исполнены требования всех актов, содержащих такие правила. Тогда получение сведений, как будущих доказательств, представляет собой процесс проведения уполномоченным лицом, органом действий при соблюдении требований соответствующих документов. Затем таким результатам придается «статус» доказательств в рамках их проверки и оценки согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Тогда собирание доказательств – это процесс придания полученным сведениям «статуса» доказательств путем их оценки и проверки согласно требованиям УПК РФ. Такая цепочка рассуждений и вывод не противоречат иным положениям уголовно-процессуального закона.

Вместе с тем при анализе Уголовно-процессуального кодекса РФ уместно вспомнить запрет использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, изложенный в ст. 89. Основанием его применения является факт их несоответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам указанным источником. Полагаем, здесь приведен приоритет уголовно-процессуальных процедур оценки и проверки сведений после их получения, но перед признанием доказательствами.

Обратимся к определению Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 3252-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Османова Хафиза Ахмед оглы на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»». В документе отмечено, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований указанного акта, могут занять такой «статус». Для этого необходимо закрепить их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Во-первых, мы наблюдаем осторожную и правильную, по сути, формулировку, содержащую упоминание результатов деятельности, а не доказательств. Во-вторых, результаты трансформируются в доказательства при использовании уголовно-процессуальных средств. В-третьих, имеется особая процедура получения сведений как прогнозируемых доказательств, предусмотренная в специализированных источниках, которые надлежит исполнять.

В частности, есть отдельные регуляторы оперативно-розыскных отношений, в том числе, правил проведения соответствующих действий и получения результатов, занимающие уровень закона и подзаконного акта. Это: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Инструкция, содержащая порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Важно осознать юридическое значение Инструкции. М.С.Белоковильский, используя тезисы

Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2004 г., отмечает, что ее требования подлежат обязательному соблюдению [3, с. 81, 82].

Кроме того, содержание статьи 90 УПК РФ также позволяет размышлять о возможности употребления в уголовном процессе итогов применения иных отраслевых законодательств – гражданского, арбитражного, административного. В частности, речь идет об обстоятельствах, установленных вступившим в законную силу приговором, либо иным вступившим в законную силу решением суда, которые признаются без дополнительной проверки. Тогда подразумевается, что этот этап доказывания не осуществляется в рамках конкретного уголовно-процессуального производства и соответствующие положения УПК РФ не употребляются.

Уделяется внимание доказательствам на высоком уровне, а именно в Основном законе государства. В частности, согласно ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не используются доказательства, полученные с нарушением федерального закона. Тогда допустимость доказательств подразумевает соответствие не только УПК РФ, но и иным федеральным законам России. Попутно отметим, что запрет касается правосудия, которое является одной из функций уголовного судопроизводства, ограниченной по отношению к нему по времени, субъекту осуществления, видам решений и иным значимым параметрам. Однако в рамках всего уголовного процесса недопустимо употребление таких сведений.

Согласно Конституции РФ, можно говорить о расширении круга законов, но сохранении их видовой принадлежности к федеральной группе. Такие акты в разной степени используются для получения сведений, которые в дальнейшем могут стать доказательствами. Например, речь идет о регуляторах налоговой и таможенной сферах, здравоохранении, строительстве и т. д. Тогда соблюдение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не является единственным условием допустимости доказательства, поскольку субъекты названных и иных областей при получении сведений, прежде всего, руководствуются адресными документами.

Среди законов, так или иначе имеющих отношение к процессу доказывания и употреблению его результатов в уголовном судопроизводстве, можно отнести достаточно большой блок актов. Назовем, например, Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В ч. 3 ст. 6 изложены права адвоката, позволяющие ему создавать «будущие доказательства». Это: собирать сведения, запрашивать справки, характеристики и иные документы; опрашивать лиц; собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и т. д. Обратим внимание, что в данном тезисе заложен расширительный подход, поскольку речь идет о законодательстве в целом, а не только о процессуальном источнике. Такая формулировка подтверждает необходимость соблюдения всех нормативных предписаний при получении сведений. Тем не менее, результаты проводимых действий должны найти отражение в уголовном производстве, но соответствующие процедуры не всегда заложены в уголовно-процессуальном источнике. Например, особую дискуссию вызывает вполне востребованное действие адвоката – это опрос. На этом фоне, Федеральной палатой адвокатов РФ были разработаны рекомендации по оформлению результата этого мероприятия. В частности, предписано обеспечить соответствие акта требованиям к протоколу допроса свидетеля, которые изложены в статьях 189–191 УПК РФ [4, с. 50–52]. Однако предлагаемые предложения адресованы адвокатам и не имеют общего нормативного значения.

Отдельные уточнения и разъяснения рассматриваемого условия допустимости доказательства мы находим в основных источниках (учебниках) теоретических знаний будущих правоприменителей. Однако их можно считать общепризнанными, правильными, но не обязательными для них.

Назовем несколько представлений и выделим из них значимую информацию для рассматриваемой тематики.

При соблюдении требований процессуального закона о порядке и источниках получения информации доказательства можно назвать допустимыми [5]. Допустимость гарантируется исполнением правил о правомочных субъектах получения доказательства и пределах их полномочий, порядке получения, требованиях, предъявляемых к каждому из источников доказательств, об оформлении в соответствующих процессуальных документах [6, с. 144]. Она является качеством доказательства и правовым требованием, предъявляемым к его форме – источнику формирования фактических данных. Доказательство допустимо и значит пригодно при соблюдении ряда факторов. Это: установление существенных для дела обстоятельств, соответствие требованиям закона источников, соблюдение порядка обнаружения, закрепления и

исследования [7, с. 118].

Приведенные, а также иные изученные положения позволяют выделить общую установку о том, что доказательство должно соответствовать закону, процессуальному закону, совокупности требований в части субъекта, порядка, источника доказательств, оформления.

Ученые вводят в сферу своих рассуждений рассматриваемое условие допустимости доказательств. Так, М.С. Белоковыльский пишет, что в УПК РФ (ч. 3 ст. 7, ч. 1, п. 3 ч. 2 ст. 75, ч. 3 ст. 88) наблюдается ограничение круга актов, нарушение требований которых при получении доказательств влечет за собой их недопустимость. Сложившийся подход позволил некоторым процессуалистам полагать, что нарушение норм иных федеральных законов при получении доказательств не приводит к их недопустимости. Понятие «федерального закона» подразумевает и иные источники права [3, с. 81]. А. М. Лютынский формулирует определение недопустимых доказательств и предлагает включить его в текст ч. 1 ст. 75 УПК РФ. Автор полагает, что таковыми можно признать те сведения, которые получены с нарушениями требований уголовно-процессуального закона и других федеральных законов, ущемляющими права и процессуальные гарантии участников [8, с. 229]. А. В. Победкин, П. О. Панфилов отмечают, что для применения положений УПК, касающихся изъятия и приобщения предметов, документов, электронных носителей информации к материалам проверки сообщения о преступлении имеют значение и подзаконные правовые акты [9, с. 124].

Таким образом, наблюдается расширение системы источников, которым должны соответствовать полученные сведения, собранные доказательства, и включение в нее федеральных законов, иных законов, подзаконных актов.

Итак, содержание различных носителей правил получения, собирания доказательств и мнений процессуалистов позволяет увеличить круг актов, нарушение которых влечет недопустимость доказательства, и включить в систему источников соответствующей деятельности законы и иные нормативные правовые акты. В уголовно-процессуальном производстве используются многие и разные носители нормативных предписаний. Применительно к теме настоящего исследования, доказательство является допустимым для употребления в уголовном процессе, если оно получено с соблюдением нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие процедуры. В частности, речь идет о Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, иных федеральных законах, законах, других актах. Предлагаемый подход позволит сохранить все потенциальные сферы получения сведений, значимых для уголовного процесса, признать все возможные источники регулирования таких видов деятельности, и, таким образом, обеспечить полноту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черников С.В. Допустимость доказательства // Проблемы экономики, организации, государственного управления и права: сб. научных статей международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2023.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988.
3. Белоковыльский М.С. К вопросу о понятии допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 3.
4. Рагулин А.В. Регламентация прав адвоката-защитника на опрос лиц с их согласия и представление предметов и документов // Евразийская адвокатура. 2013. № 1(2).
5. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995.
6. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2023.
7. Уголовный процесс: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И.И. Сыдорука. А.В. Ендольцевой. М., 2011.
8. Лютынский А.М. О процедуре признания доказательства недопустимым в российском уголовном судопроизводстве // Modern Research of Social Problems. 2015. № 7(51).
9. Победкин А.В., Панфилов П.О. Уголовно-процессуальная форма судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. М., 2024.

REFERENCES

1. Chernikov S.V. Admissibility of evidence // Problems of economics, organization, public administration and law: collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference. Stavropol, 2023.

2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. N.Yu. Shvedova. Moscow, 1988.
3. Belokovylsky M.S. On the issue of the concept of admissibility of evidence in Russian criminal proceedings // Problems of economics and legal practice. 2008. № 3.
4. Ragulin A.V. Regulation of the rights of a defense lawyer to interview persons with their consent and present objects and documents // Eurasian Advocacy. 2013. № 1(2).
5. Kipnis N.M. Admissibility of evidence in criminal proceedings. Moscow, 1995.
6. Criminal procedure: textbook for bachelors / resp. ed. L.A. Voskobitova. Moscow, 2023.
7. Criminal procedure: a textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence» / ed. I.I. Sydoruk. A.V. Endoltseva. Moscow, 2011.
8. Lyutynsky A.M. On the procedure for declaring evidence inadmissible in Russian criminal proceedings // Modern Research of Social Problems. 2015. № 7(51).
9. Pobedkin A.V., Panfilov P.O. Criminal procedural form of legal proceedings in cases of crimes in the field of economic and entrepreneurial activity. Moscow, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черников Сергей Владимирович, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernikov Sergey Vladimirovich, lecturer of the department of criminal procedure and criminology. Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakova Avenue, Stavropol 355035 Russian Federation.

Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 214–220.

Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109). Pp. 214–220.

Научная статья

УДК 343.13

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТАТЬЯМИ 207¹–207³ УК РФ

Ушаков Андрей Юрьевич

Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Нижний Новгород,
Российская Федерация

ushakov.ay@skspba.ru

Шараева Яна Анатольевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону,

Российская Федерация

yana-sharaeva@mail.ru

Запивалов Дмитрий Александрович

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Российская Федерация

D_zapivalov@mail.ru

Ведение: в статье раскрывается сущность и содержание одного из базовых обстоятельств, подлежащих доказыванию, событию преступления, предусмотренного статьями 207¹–207³ УК РФ. Указано, что реальность сегодняшнего дня такова, что информация выступает средством посягательства на самые различные общественные отношения и ценности. Реакция законодателя на подобного рода угрозы позволила ввести в уголовный закон «инновационные» нормы (статьи 207¹–207³ УК РФ), предусматривающие ответственность за распространение заведомо ложной информации.

Материалы и методы: в процессе исследования авторами использованы общенаучные и частнонаучные методы получения новых знаний: исторический, сравнительно-правовой, системный, социологический, статистический.

Результаты исследования: учитывая, что практика имеет полярные подходы в понимании концептуальных аспектов уголовно-правового и процессуального толка по этим нормам, авторами предложено детализировать самое ключевое обстоятельство, подлежащее доказыванию (событие преступления), подкрепляя все изложенное небольшими примерами, апробированными и устоявшимися в действительности.

Выводы и заключения: изложенные материалы могут быть использованы как руководство к действию при установлении события преступления, предусмотренного статьями 207¹–207³ УК РФ в рамках их расследования.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, событие преступления, предмет доказывания, общественно опасные последствия.

Для цитирования: Ушаков А. Ю., Шараева Я. А., Запивалов Д. А. Об отдельных обстоятельствах, подлежащих доказыванию по преступлениям, предусмотренным статьями 207¹ – 207³ УК РФ / А. Ю. Ушаков, Я. А. Шараева, Д. А. Запивалов // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109). – С. 214–220.

Original paper

ON CERTAIN CIRCUMSTANCES SUBJECT TO PROOF FOR CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 207¹–207³ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ushakov Andrey Yurievich

Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Nizhny Novgorod,
Russian Federation

Sharaeva Yana Anatolevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Zapivalov Dmitry Alexandrovich

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russian Federation

Introduction: The article reveals the essence and content of one of the basic circumstances subject to proof – the event of a crime provided for in Articles 207¹–207³ of the Criminal Code of the Russian Federation. It is indicated that the reality of today is such that information acts as a means of encroaching on a wide variety of social relations and values. The legislator's reaction to threats of this kind made it possible to introduce «innovative» norms into the criminal law (Articles 207¹–207³ of the Criminal Code of the Russian Federation), providing for liability for the dissemination of knowingly false information.

Materials and methods: in the process of research, the authors used general scientific and private scientific methods of obtaining new knowledge: historical, comparative legal, systemic, sociological, statistical.

Results of the study: considering that practice has polar approaches in understanding the conceptual aspects of criminal law and procedural sense according to these norms, the authors proposed to detail the most key circumstance to be proven (the event of a crime), supporting everything stated with small examples, tested and established in reality.

Findings and conclusions: the presented materials can be used as a guide to action in establishing the event of a crime under Articles 207¹–207³ of the Criminal Code of the Russian Federation as part of their investigation.

Key words: knowingly false information, crime event, subject of proof, socially dangerous consequences.

For citation: Ushakov A. Yu., Sharaeva Ya. A., Zapivalov D. A. On certain circumstances subject to proof for crimes provided for in Articles 207¹–207³ of the Criminal Code of the Russian Federation / A. Yu. Ushakov, Ya. A. Sharaeva, D. A. Zapivalov // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2 (109). – Pp. 214–220.

Предмет доказывания в различной юридической литературе можно понимать в различных значениях. В настоящем исследовании мы будем рассматривать предмет доказывания как нормативную модель, закрепленную в уголовно-процессуальном законе, а также как совокупность обстоятельств, подлежащих установлению при совершении конкретного преступления [1, с. 81–82].

В своем общем виде предмет доказывания должен представлять собой широкий спектр изучения особенностей отдельных видов преступлений, что, безусловно, определит обстоятельства совершенного преступления в рамках познавательной деятельности обеспечения правильного применения уголовно-процессуального законодательства.

Расследование уголовного дела по преступлениям, предусмотренным статьями 207¹–207³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), можно считать полным и объективным, если установлены и исследованы все обстоятельства, подлежащие доказыванию и имеющие значение для уголовного дела. Отдельные из приведенных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) положений не вызывают сложностей в их установлении и последующем восприятии, отдельные требуют к себе внимания и доставляют сложности у правоприменителя в их установлении.

Реальность сегодняшнего дня такова, что информация выступает средством посягательства на самые различные общественные отношения и ценности: интересы человека и гражданина, общества и государства, т. е. всей системы отечественного уголовного закона. Законодатель адекватно реагируя на представленные угрозы, ввел в уголовный кодекс РФ статьи 207¹–207³ УК РФ, которые предусматривают ответственность за публичное распространение ложной информации.

Сталкиваясь с расследованием преступлений, предусмотренных статьями 207¹–207³ УК РФ, практика имеет полярные подходы в понимании концептуальных аспектов уголовно-правового и процессуального толка, что приводит в своем общем виде к нарушению принципа справедливости уголовной ответственности, заставляя обращать на себя внимание и требовать выработки единого подхода к урегулированию этих вопросов.

В данной работе основное внимание уделено только одному из базовых обстоятельств, подлежащих доказыванию, – событию преступления. Его отсутствие является обстоятельством, исключающим производство по делу. Кроме того, как показывает судебная практика, сложности в установлении этого обстоятельства приводят к формированию полярных подходов к толкованию положений, определенных ст. 207¹–207³ УК РФ.

Первой составляющей события преступления является время его совершения.

В контексте рассматриваемых видов преступлений, время совершения преступления играет ключевую роль, т. к. его установление позволяет выяснить обстоятельства преступления и проверить алиби обвиняемого. В некоторых случаях время имеет значимое влияние на квалификацию преступления, т. к. определяет применимость акта амнистии или сроков давности уголовного преследования.

Установление точного времени совершения преступления зависит от конкретной ситуации. В некоторых случаях момент общественно опасного противоправного деяния возможно установить с точностью до минуты, в других – можно установить только дату, месяц либо период познаваемого события. Например, при наличии данных об IP-адресе устройства, с которого произведен вброс в сеть заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, время совершения общественно опасного противоправного деяния возможно установить с точностью до минуты, а при публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации путем расклеивания или адресного разбрасывания листовок, брошюр, иных информационных или наглядных материалов, совершаемых лицами в течение длительного времени, достаточным будет установить дату, месяц, либо период познаваемого события (например, в период с 24.02.2022 по 30.09.2023 либо в период с февраля 2022 по сентябрь 2023 гг., когда более точные даты установить невозможно).

Учитывая положение о том, что преступления, предусмотренные ст. 207¹ и ч. 1 и 2 ст. 207³ УК РФ являются формальными, временем их совершения будет именно момент размещения указанной информации в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в социальных сетях, мессенджерах, видеохостингах и т. д. Когда речь идет о неоднократном публичном распространении такой информации, и к ней получают доступ пользователи мессенджеров, социальных сетей, видеохостингов, временем совершения таких преступлений будет являться период.

В рамках продолжаемого преступления, тождественные факты о публичном распространении ложной информации должны быть указаны в хронологической последовательности.

Например, 1 марта 2022 г., 9 марта 2022 г., 6 апреля 2022 г., более точное время следствием не установлено. А., используя неустановленное техническое средство с возможностью выхода в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, руководствуясь мотивами политической ненависти к действующим государственным органам и реализуемой ими внешней и внутренней политики, находясь по месту своего жительства по адресу [...], разместил публично в свободном доступе в социальной сети «ВКонтакте» на своей странице под никнеймом «А...» по адресу: <https://vk.com/id...> три публикации с текстом: «На Украине российские «войнотворцы» продолжают убивать мирных жителей...» [2].

Важно отметить, что преступления, предусмотренные ст. 207² и ч. 3 ст. 207³ УК РФ, сформулированы законодателем как материальные составы, поэтому их можно отнести к длящимся деликтам, начинающимся с момента публичного распространения заведомо ложной информации и заканчивающимися наступлением общественно опасных последствий [3, с. 20–23].

Второй составляющей события преступления является место его совершения.

Для установления места преступления по статьям 207¹–207³ УК РФ необходимо учитывать способ публичного распространения ложной информации, представленной под видом достоверных сообщений.

Если способом распространения ложной информации является расклеивание или адресное разбрасывание листовок, брошюр, плакатов, иных информационных или наглядных материалов, то местом совершения преступления будет являться конкретное предприятие, организация, учреждение, здание, помещение, многоквартирный дом, имеющие почтовый адрес, который необходимо отразить в постановлении при предъявлении лицу обвинения, а также в обвинительном заключении.

В том случае, когда публичное распространение происходит в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет со стационарного устройства, ноутбука, мобильного телефона, местом совершения преступления может оказаться интернет-кафе, коворкинг, место жительства, работы или учебы лица.

Например, Б., 03.04.2022 в 22:21, находясь по адресу: г. Санкт-Петербург, пр. Московский, д. 86, кв. 49, используя свой ноутбук «ASUS K95V» (ACVC K95B) с функцией доступа в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет через локальную сеть провайдера НП «Северо-Западная Сеть», предоставляющего данную услугу Б. с точкой доступа, расположенной по месту его постоянного проживания по вышеуказанному адресу [...] [4].

Если способом распространения ложной информации является мобильное устройство, местом совершения преступления может быть любое место, где у лица имелась возможность свободного выхода в Интернет. В таких случаях судебно-следственная практика идет по пути констатации того факта, что место совершения преступления не установлено, либо ограничивается указанием на конкретный населенный пункт.

Примеры:

а) Б., находясь в период с 05.03.2022 по 09.03.2022 в неустановленном месте вне пределов Российской Федерации ...;

б) Б. находясь в период времени с 23.02.2022 по 30.03.2022 на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в том числе находясь не позднее 20 часов 04 минут 30.03.2022 у дома 9 корпус 1 по ул. Софьи Ковалевской г. Санкт-Петербурга, ...[5].

Важно помнить, что применительно к указанным преступлениям с материальной конструкцией, место совершения преступления – это сложная категория, которая может состоять из нескольких компонентов, включающих в себя как место совершения деяния, а также и место наступления его вредных последствий.

Третий элемент события преступления – способ его совершения, который во многом определен объектом посягательства [6, с. 33].

Для преступлений, предусмотренных статьями 207¹ УК РФ, в качестве предмета определена информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (в примечании к этой статье сформулировано определение данной информации). Для статьи 207² УК РФ предметом выступает заведомо ложная общественно значимая информация.

О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Единообразие судебно-следственной практики применения статьи 207¹ УК РФ обеспечено в результате разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, отраженных в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2022 г. Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, распространение коронавируса отнесено к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, в целях применения статьи 207¹ УК РФ. Имеющаяся на сегодня судебно-следственная практика свидетельствует о том, что возбуждение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ имело место только по фактам распространения заведомо ложной информации в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Способ совершения преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ представляет собой умышленное распространение заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан либо иной заведомо ложной общественно значимой информации. При этом действия лица должны иметь публичный характер, а такое распространение должно представлять реальную общественную опасность, т. е. направлено на провокацию паники среди населения и нарушение общественного порядка.

Распространение заведомо ложной информации применительно к статьям 207¹ и 207² УК РФ признается публичным, если она адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражается в любой доступной для них форме (устной, письменной, с использованием технических средств, в том числе через мессенджеры, социальные сети, видеохостинги). Информация может передаваться вербальным путем, т. е. посредством выступления на собраниях, в трудовых коллективах, в образовательных и религиозных организациях, иных общественных объединениях; путем распространения листовок, брошюр, демонстрации или вывешивания плакатов и т. п. Однако, как показывает судебно-следственная практика, основным способом передачи «фейковой» информации является ее распространение в информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть Интернет.

Способ совершения преступлений, предусмотренных статьями 207¹ и 207² УК РФ, является тождественным, основное отличие заключается в наступлении общественно-опасных последствий и в предмете преступления, т. е. понятие «общественно значимая информация» является более широким по сравнению с информацией об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Изучение следственно-судебной практики показало, что основным способом совершения преступления, предусмотренного статьей 207³ УК РФ по распространению заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими

формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные силы Российской Федерации, являются умышленные действия лица посредством использования технических средств, обеспечивающих доступ к ресурсам информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которые заключаются в размещении вышеуказанной информации в свободном доступе (либо для своих подписчиков) по определенному электронному адресу в социальных сетях, мессенджерах, видеохостингах и т. д.

При других обстоятельствах, публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации происходит путем расклеивания или адресного разбрасывания листовок, брошюр, иных информационных или наглядных материалов. Хотелось бы отметить, что подобный способ совершения преступления является редко употребляемым, поэтому примеры из практики носят единичный характер.

Такой важный критерий как заведомая ложность информации обуславливается в судебной-следственной практике следующими обстоятельствами:

1. Лицо, распространяющее ложную информацию об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, является публичным, медийным, в связи с чем его деятельность или высказывания вызывают повышенный интерес неопределенного круга лиц, а высказываемые им личные утверждения принимаются неосведомленными гражданами как достоверные.

2. Лицо распространяет заведомо ложную информацию об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и эта информация не соответствует опубликованным Министерством обороны Российской Федерации официальным опровержениям по конкретным фактам выполнения задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, т. е. заведомо знает о том, что распространяемая им информация не соответствует действительности.

Доказываются эти обстоятельства путем приобщения к материалам уголовного дела официальных ответов на запросы следственных органов из Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, а также в ходе осмотра предметов (документов), когда следователем осматривается официальный интернет-сайт Министерства обороны Российской Федерации, о чем составляется протокол. Видеозаписи официальных брифингов и информационных сообщений Министерства обороны Российской Федерации загружаются и записываются на оптический диск, а затем приобщаются в качестве вещественных доказательств по уголовному делу.

3. Лицо распространяет заведомо ложную информацию об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации после опубликования Министерством обороны Российской Федерации официального опровержения по конкретным фактам выполнения задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации. В отдельных следственных управлениях принимаются решения о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в тех случаях, когда вброс информации в сеть произведен лицом до выхода ее официального опровержения Министерством обороны Российской Федерации. Таким образом, ложность напрямую связывается с моментом официального опровержения Министерством обороны Российской Федерации. Например, когда лицо разместило ссылки на видео контент о событиях на Украине в апреле 2022 г., стороной защиты была занята позиция об отсутствии у обвиняемого умысла на публичное распространение под видом достоверных сведений заведомо ложных данных о Вооруженных Силах Российской Федерации, поскольку они были размещены до выхода официального опровержения Министерства обороны Российской Федерации.

Важно помнить, что по диспозиции статей 207¹–207³ УК РФ являются бланкетными, в связи с чем, для определения способа совершения преступления в рамках данных норм потребуется еще обращение к соответствующим федеральным законам и принятым на их основе нормативным правовым актам.

К иным обстоятельствам, учитываемым при оценке события преступления в рамках исследуемых уголовно правовых норм, также следует относить обстановку их совершения.

Обстановка совершения преступления имеет существенное значение для правильного применения уголовного закона. Сущность и его правовое значение в уголовном и уголовно-процессуальном законе не раскрывается.

По мнению Н.П. Яблокова при исследовании обстановки совершения преступления необходимо учитывать множественность факторов, таких как социальная сфера, экономические условия, психологические особенности личности и др. Все эти условия взаимосвязаны и влияют на формирование криминального поведения [7, с. 38–39].

Обстановка совершения преступления является важным аспектом в уголовном процессе, поскольку позволяет выявить причины и обстоятельства совершенного деяния, а также способствует более эффективной превентивной деятельности и принятию мер по реабилитации преступника. Таким образом, анализ обстановки совершения преступления является неотъемлемой частью работы правоохранительных органов и судебной системы при рассмотрении уголовных дел.

К.А. Яблонский и А.Д. Ченчиковский считают, что обстановка совершения преступления включает в себя различные факторы, такие как социально-экономическое положение преступника, его психологическое состояние, влияние окружающей среды и другие обстоятельства, которые могут оказывать негативное влияние на поведение преступника [8, с. 232].

Таким образом, понимание обстановки совершения преступления помогает суду объективно оценивать действия преступника и принять справедливое решение по назначению наказания.

Применительно к рассматриваемым нами составам преступлений, предусмотренных статьями 207¹ – 207² УК РФ, актуальными, на наш взгляд, будут выступать такие факторы, как совершение преступления в период введения уполномоченными государственными органами ограничительных мероприятий, вызванных распространением коронавирусной инфекции, проведения прививочной кампании.

Применительно к составу преступления, предусмотренного статьей 207³ УК РФ, заведомо ложная информация, распространяющаяся в период проведения частичной мобилизации, может быть направлена на ее срыв или дестабилизацию. В связи с этим к обстановке совершения данного преступления, помимо проведения частичной мобилизации, возможно отнести такие события, как проведение призывной кампании, а также проведение с 24.02.2022 на территории ДНР, ЛНР и Украины специальной военной операции с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации в целях противодействия систематическим актам вооруженной агрессии со стороны Украины в отношении Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, направленным против мирного населения и объектов гражданской инфраструктуры, а также защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Изложенные выше позиции позволяют сделать следующие выводы:

- расследование преступлений, предусмотренных статьями 207¹–207³ УК РФ, обусловлено реакцией государства на постоянно возрастающий перечень угроз национальной безопасности. Уголовная репрессия становится неотъемлемым механизмом в борьбе с преступлениями в сфере информационной безопасности и этот процесс все больше набирает силу, о чем свидетельствует непрекращающийся поток законодательных инициатив в уголовно-правовой сфере;

- при существующих в настоящее время вызовах и угрозах национальной безопасности государства органы Следственного комитета Российской Федерации все чаще сталкиваются с расследованием преступлений, предусмотренных статьями 207¹– 207³ УК РФ;

- событие преступления является не просто одним из базовых обстоятельств подлежащих доказыванию, но и ключевым, поскольку его отсутствие исключает дальнейшее производство по уголовному делу.

- устранение сложностей в установлении этого обстоятельства приведет к формированию единого подхода в понимании концептуальных аспектов в толковании положений, определенных статьями 207¹–207³ УК РФ, чему должны способствовать приведенные в настоящей статье положения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории правового регулирования. М., 2014.
2. Материалы уголовного дела, возбужденного 28.02.2022 следственным отделом по г. Мытищи Главного следственного управления СК России по Московской области по признакам преступления, предусмотренного пунктом «д» части 2 статьи 207³ УК РФ // материал опубликован не был.
3. Ильяшенко Е.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия // Российский следователь. 2023. № 5.
4. Материалы уголовного дела, возбужденного 27.06.2022 следственным отделом по Московскому району Главного следственного управления СК России по г. Санкт-Петербургу по

признакам преступления, предусмотренного пунктом «д» части 2 статьи 207³ УК РФ // материал опубликован не был.

5. Материалы уголовного дела, возбужденного 15.09.2022 следственным отделом по Калининскому району Главного следственного управления СК России по г. Санкт-Петербургу по признакам преступления, предусмотренного пунктом «д» части 2 статьи 207³ УК РФ // материал опубликован не был.

6. Бессонов А.А. К вопросу о некоторых способах совершения компьютерных преступлений // Юрическое образование и наука. 2022. № 8.

7. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений: сборник научных трудов. М., 1984.

8. Яблонский К.А., Ченчиковский А.Д. Понятие обстановки совершения преступления // Закон и право. 2022. № 4.

REFERENCES

1. Shafer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of the theory of legal regulation: Monograph. Moscow, 2014.

2. Materials of the criminal case initiated on 28.02.2022 by the investigative department for the city of Mytishchi of the Main Investigative Department of the IC of Russia in the Moscow region on the grounds of a crime provided for in paragraph «d» of part 2 of Article 207³ The Criminal Code of the Russian Federation // the material was not published.

3. Ilyashenko E.A. Criminal liability for the public dissemination of deliberately false socially significant information, which entailed grave consequences // A Russian investigator. 2023. № 5.

4. Materials of the criminal case initiated on 27.06.2022 by the investigative department for the Moskovsky district of the Main Investigative Department of the IC of Russia for St. Petersburg on the grounds of a crime under paragraph «d» of part 2 of Article 207³ of the Criminal Code of the Russian Federation // the material was not published.

5. Materials of the criminal case initiated on 09/15/2022 by the investigative department for the Kalinsky district of the Main Investigative Department of the IC of Russia in St. Petersburg on the grounds of a crime under paragraph «d» of part 2 of Article 207³ of the Criminal Code of the Russian Federation // the material was not published.

6. Bessonov A.A. On the question of some ways of committing computer crimes // Legal education and science. 2022. № 8.

7. Yablokov N.P. Criminalistic characteristics of crimes: collection of scientific papers. Moscow, 1984.

8. Yablonsky K.A., Chenchikovskiy A.D. The concept of the crime scene // Law and law. 2022. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушаков Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса. Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 603104, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Краснозвездная, 5.

Шараева Яна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Запывалов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики. Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний. 614012, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Карпинского, 125.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ushakov Andrey Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure. Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee. 5, Krasnozvezdnaya St., Nizhny Novgorod 603104 Russian Federation.

Sharaeva Yana Anatolievna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Zapivalov Dmitry Alexandrovich, PhD in Law, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 125, Karpinsky St., Perm 614012 Russian Federation.